ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 2

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 2

Москва
Издательство МАИ
2003

ББК 13.5.1
О 080

О 080 **От солдата до генерала: Воспоминания о войне.** Том 2. —М.: Изд-во МАИ, 2003. — 424 с.: ил.
ISBN 5-7035-1369-3

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2003 году в рамках целевой программы Академии исторических наук.

В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 650 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню: 50 — ветеранам — авторам статей, 50 — их помощникам-студентам, 50 — преподавателям. По 4 экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России (по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации). Кроме этого, предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек президентов стран и зарубежных университетов.

Все тома размещаются на Web-странице Академии исторических наук, доступной пользователям бесплатно по сети Интернет по адресу **www.kontragent.ru/~ain** в любой точке земного шара (в том числе в любой школе, университете, войсковой части) для копирования.

Спонсор издания тома:
Гнездилов Владимир Алексеевич, генеральный директор конструкторского бюро «Мир», заслуженный конструктор Российской Федерации (www.pax.ru)

Мемуары

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 2

ИБ № 508

Подписано в печать 18.12.2003 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,64. Тираж 750 экз. Зак. 2637/1700. С.126.

Издательство МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993
Типография Издательства МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993

ISBN 5-7035-1369-3

© Академия исторических наук, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 6
Предисловие ко 2-му тому 10
1 **Антонов Александр Ильич**
Обходить высоту пришлось по косогору 21
2 **Антонов Николай Григорьевич**
Переправа, переправа! Берег левый, берег правый... 35
3 **Баранов Алексей Александрович**
Ожидая команды «стоять» и выстрела 40
4 **Бондарь Александр Васильевич**
На Бородинском поле и под Бородино 43
5 **Буткевич Владимир Иванович**
Наша батарея заняла круговую оборону 47
6 **Васильева Вера Ильинична**
Мои годы Великой Отечественной войны 51
7 **Виноградов Владимир Павлович**
Радист-разведчик «осназа» 57
8 **Ганин Сергей Васильевич**
Вечная память погибшим воинам 75
9 **Гехт Виктор Германович**
Спасли солдаты мальчишку 84
10 **Гребнев Анатолий Михайлович**
Поровну делили снаряды и бензин 93
11 **Гужва Николай Авраамович**
Ржев: «Вызываю огонь на себя!» 98
12 **Елизаров Виктор Прохорович**
Фронтовые будни 102
13 **Жидков Елисей Григорьевич**
Меня выбросило из самолета метров на тридцать 114
14 **Замыслов Юрий Михайлович**
Оружием была радиостанция, телеграфный ключ, микрофон ... 125
15 **Ильин Илларион Михайлович**
Мы люди огневых времен 132
16 **Картозия Карл Иорданович**
Нужно перевезти понтоны к реке 139
17 **Климов Виктор Григорьевич**
О себе и о боевых товарищах 143
18 **Ковалев Алексей Афанасьевич**
Немцы нас называли «головорезами Рыбалко» 146
19 **Ковальский Антон Владимирович**
Власовцы перебили раненых 150

20 **Козлов Михаил Александрович**
Бомба попала в блиндаж и не взорвалась ... 157
21 **Кореневкин Виктор Георгиевич**
Стволы орудий раскалялись докрасна ... 174
22 **Кынчиков Виктор Васильевич**
Мой первый бой ... 178
23 **Лащин Юрий Михайлович**
Ночью впереди танка с карманным фонариком ... 182
24 **Лебедев Борис Васильевич**
Почти нереальная затея ... 187
25 **Медведев Яков Иванович**
Нескончаемым потоком шли нам навстречу ... 191
26 **Николаев Андрей Владимирович**
Еще вчера мы были школьниками ... 198
27 **Овчинников Евгений Тихонович**
Я сделал три шага вперед ... 236
28 **Политкин Виктор Николаевич**
Координатная война ... 241
29 **Поляков Александр Арсеньевич**
На острие танкового клина ... 245
30 **Постнова Инна Дмитриевна**
И она умерла у нас на руках ... 253
31 **Прилепский Владимир Алексеевич**
Спасибо тебе, солдатская смекалка! ... 260
32 **Реформатский Игорь Александрович**
Верные присяге ... 273
33 **Рязанов Александр Николаевич**
Единоборство с «королевскими тиграми» ... 279
34 **Семенов Виталий Петрович**
Фронтовые будни гвардии сержанта ... 286
35 **Семенов Иван Иванович**
Я вызвал артиллерийский огонь на себя ... 291
36 **Старостин Василий Тимофеевич**
На его стенах мы делали записи ... 295
37 **Степанов Анатолий Павлович**
Бои велись и днем и ночью ... 302
38 **Ступецкий Николай Трофимович**
В едином настрое и порыве ... 309
39 **Сухарев Александр Дмитриевич**
Маевец-доброволец горных войск и авиации ... 314
40 **Сярдина Зоя Сергеевна**
Нарушала режим тем, что помогала раненым ... 322
41 **Титов Сергей Федорович**
Связь с батареей была восстановлена ... 325

42 **Урчук Марк Авессаломович**
Награда меня и спасла ... 332
43 **Фернас Генрих Карлович**
И тогда мы поняли, что попали на фронт ... 337
44 **Филимонов Сергей Георгиевич**
Первый день войны ... 344
45 **Фокин Виктор Никитович**
Они подумали, что их окружил большой отряд ... 349
46 **Чулков Александр Зиновьевич**
Я прочитал бойцам «Письмо к матери» ... 359
47 **Шабанов Виктор Григорьевич**
Повезло тебе, сержант! ... 402
48 **Шапиро Иосиф Львович**
Из гетто — добровольцем на фронт ... 405
49 **Якушев Анатолий Григорьевич**
Сын полка ... 411
50 **Янова Владлена Ивановна**
Военная юность моя ... 417

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над Рейхстагом, освободил Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать — урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа — это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленый маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие.

Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя — без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они — носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них — ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

В преддверии 60-летия Великой Победы еще более ощутимым стал недостаток в солдатских мемуарах. Стала явной и насущной потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколе-

ния высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны продолжена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны — от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций каждый том предполагается издавать минимум в 650 экземпляров, первые 100 из которых передаются ветеранам и студентам, а остальные 550 экземпляров направляются в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003 году факультетами и кафедрами военного обучения еще восьми российских высших учебных заведений — Московского авиационно-технологического университета, Московского государственного горного университета, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного строительного университета, Московского государственного технического университета им. Косыгина, Московского государственного университета природоустройства, Московского инженерно-физического института, Московского энергетического института. В результате этой работы подготовлены материалы воспоминаний еще для пяти томов.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института начата работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов превзошла все ожидания, и это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» — «Никто не забыт, ничто не забыто». Накопленный в МАИ опыт может стать методической основой для использования кафедрами истории других университетов России.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие ко 2-му тому

Среди героев Второй мировой войны есть несколько человек, которые занимают особое место в ее истории. Один из них — Алексей Маресьев. К сожалению, его уже нет с нами.

Алексей Мересьев! Наверное, не было такого человека в Советском Союзе, который не знал бы этого имени литературного героя «Повести о настоящем человеке», написанной Борисом Полевым. Более восьмидесяти раз она издавалась на русском языке, сорок девять — на языках народов СССР, тридцать девять — за его рубежом. Миллионы людей посмотрели одноименный фильм, где Алексея Мересьева играет замечательный артист Павел Кадочников.

Реальный герой войны Маресьев всю жизнь прожил в тени литературного героя повести — Мересьева. Их фамилии различаются только одной буквой. История жизни реального национального героя страны до сих пор мало кому известна. О ней опубликовано очень немного — в 1996 году Камышинский государственный историко-краеведческий музей на основе фондов печатных и фотодокументов подготовил скромный сборник «Наш Маресьев» о жизни и деятельности А. П. Маресьева (составитель В.С. Шантарин) и издал в количестве 1000 экземпляров.

В этой книге имеются некоторые статьи, которые могли бы быть включены в настоящее издание. Однако жанр издания предусматривает публикацию воспоминаний ветеранов по их поручению. В этой связи короткие очерки, написанные самим А.П. Маресьевым и напечатанные в упомянутом сборнике историко-краеведческого музея, считаем возможным и нужным опубликовать еще раз в рамках предисловия ко 2-му тому настоящего издания. Этим будет восполнен пробел, допущенный в историографии национального героя — Героя Советского Союза А.П. Маресьева.

Эпическая «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого была уже потом, а до нее был наградной лист, который приводим ниже вместе с личными воспоминаниями Алексея Петровича Маресьева.

Дементьев Василий Дмитриевич,
Председатель Мемуарного совета Московского отделения Академии исторических наук

Наградной лист

1. Фамилия, имя, отчество: Маресьев Алексей Петрович.
2. Воинское звание: гвардии старший лейтенант.
3. Должность: заместитель командира, он же штурман эскадрильи 63-го гвардейского истребительного авиационного полка 3-й ГИАД.
4. Год рождения — 1916.
5. Национальность — русский.
6. Партийность — член ВКП (б) с 1942 года.
7. Участие в Гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда):

в Отечественной войне с 7.08.41 г. по 10.10.41 г., с 24.03.42 г. по 4.04.42 г. и с 16.07.43 г.

8. Имеются ли ранения и контузии в Отечественной войне. Инвалид Отечественной войны — ампутированы обе ноги.
9. С какого времени в Красной Армии — с 1937 года.
10. Каким РВК призван.
11. Чем раньше награжден (за какие отличия) — за образцовое выполнение задания командования на фронтах Отечественной войны награжден орденом «Красное Знамя».
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи: Челябинская область, Верхний Уфалей, Сухомятская ул., дом 39.
13. Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. На фронтах Отечественной войны находился с августа месяца 1941 г. За это время произвел 77 боевых вылетов и лично в воздушных боях уничтожил 6 самолетов противника. Будучи на Северо-Западном фронте, был сбит —18 дней находился в лесу без пищи и общения с людьми, отморозил обе ноги, которые были ампутированы. Беспредельно преданный партии Ленина—Сталина и своей Социалистической Родине, не имея обеих ног, он не покидает летной работы, а всеми силами и средствами добивается допущения к ней. Получив разрешение, он осваивает скоростной истребитель ЛА-5, на котором с успехом сейчас бьет немецко-фашистских захватчиков в воздухе. За время пребывания на Орловском направлении Брянского фронта произвел 7 боевых вылетов и лично сбил 3 фашистских самолета, проявив при этом летное мастерство, мужество, героизм и отвагу.

20.07.43 года во время воздушного боя с превосходящими силами противника спас жизнь двух летчиков, в числе которых командир со-

седнего истребительного авиационного полка. В этом неравном бою им было уничтожено 2 немецких истребителя. Факт сбития трех самолетов противника подтверждается экипажами самолетов, наблюдавших падение последних, и частями наземных войск 63-й армии.

Истинно русский патриот, не жалея жизни и крови, сражается он против немецко-фашистских захватчиков, и, несмотря на серьезные физические недостатки, добивается в воздушных боях больших успехов. Занимая должность зам. командира эскадрилий, он имеет богатый опыт — учит своих летчиков мастерству воздушного боя рассказом, а в непосредственном воздушном бою — личным примером-показом. Среди личного состава пользуется исключительно большим авторитетом.

За 20 штурмовок и лично сбитых 3 самолета противника был награжден орденом Красного Знамени.

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, за проявление исключительного патриотизма, за 6 лично сбитых самолетов противника и 20 эффективных штурмовок войск и техники противника достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

Иванов

командир 63-го гв. АП, подполковник

МАРЕСЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ

О моей матери

Городок, в котором я родился, — Камышин — был маленький, тихий и зеленый. Главным его украшением и главной радостью камышинских мальчишек была Волга. На Волге можно было пробыть с раннего утра и до позднего вечера и не соскучиться. Деревообделочный завод, на котором работала моя мать, стоял на берегу. Жили мы на самом заводе, в маленькой комнате при конторе. Выйдешь на крыльцо, перебежишь через большой заводской двор, перейдешь через дорогу, спустишься под горку — и Волга. Отца своего я не помню. Я был совсем маленьким, когда он умер. Мать осталась одна с тремя детьми. Когда я думаю сейчас, кому обязан я теми качествами, которые помогли мне в разных трудных жизненных обстоятельствах, я вспоминаю о своей матери. Напрасно считают некоторые, что смелость можно проявить только на войне. В самой простой жизни может быть иной раз больше мужества и стойкости, чем в какой-нибудь военной биографии. Когда я вспоминаю сейчас маму, какой она была в дни моего детства, я никогда не вижу ее подавленной, унылой, я не помню, чтобы она плакала, жаловалась. А ведь как трудно ей приходилось! Это я как следует понял только много лет спустя.

Я не помню ее сидящей без дела. Всегда она была чем-нибудь занята. Она работала уборщицей в конторе завода. Каждый день ей надо было истопить семь печей, наколоть, натаскать для них дров, убрать шестнадцать комнат. Мать любила чистоту, в комнатах все должно было блестеть, и она целыми днями мыла, чистила, скребла. На заводе ее очень уважали, и в каждый праздник обязательно выносили благодарности. Домашних дел у нее тоже было много. Проснешься иной раз ночью — шьет или штопает. Спросишь: «Мама, ты что не спишь?» А она отвечает: «А я уже выспалась». Маме пришлось учиться. Покуда я был маленьким первоклассником, она проверяла мои тетрадки и помогала решать задачки. А потом ей уже было трудно разбираться в моих уроках, и она только спрашивала: «Ну, как уроки, Алеша, приготовил?» И хотя я знал, что она не сумеет меня проверить, я никогда не мог сказать ей неправду.

Я подрастал, у меня появлялись новые интересы, мир становился для меня шире, богаче, разнообразней. Мне уже мало было бегать на берег Волги, валяться на горячем песке, плескаться в воде и удить

рыбешку. Я стал пионером. Мне поручали разные общественные дела: я ходил в окрестные села, организовывал ячейки ОСОАВИАХИМа, рассказывал, что такое МОПР, раздавал книжки. Мама всегда была в курсе моих дел. Она никогда не ложилась до моего прихода, а если меня долго не было, выходила на берег и сидела там, в темноте, дожидалась меня. Мне было лет 14, когда меня назначили пионервожатым отряда «Деревообделочник». Тогда отряды были не в школах, а при заводах: дети рабочих одного завода объединялись в отряд. Мама знала все, что делается в моем отряде, и иной раз давала мне советы. О каком-нибудь упрямом пареньке, с которым мне никак не удавалось сладить, мама говорила: «Ты, верно, берешь слишком круто, а люди ведь разные на свете живут: иному нужна таска, а иному ласка. Попробуй-ка поласковей с ним...» И всегда оказывалось, что она права. Собирался наш отряд где придется, своей комнаты не было, и, когда клуб был занят, а в завком не пускали, я выстраивал своих товарищей на улице. Осенью бывало холодно, ветер с Волги дует, дождик моросит. Ребята стоят синие от холода, но домой не просятся — дисциплина. Однажды меня вызвал председатель завкома и говорит: «Хватит вам, Алексей, под дождиком мокнуть. Завком дает вам комнату». Мы обрадовались, всем отрядом пришли благодарить его. И только потом я узнал, кого по-настоящему следовало благодарить: это мама пошла в завком и сказала, что пионерам обязательно надо дать комнату.

Всегда понимала меня моя мама. Только один раз в жизни разошлись мы с ней. Она никак не соглашалась с тем, чтобы я стал летчиком. Она боялась за меня. Но я не мог отказаться от своей мечты. Я стал летать. Говорят, большие мужество и стойкость нужны летчику, который один в небе сражается с врагом. Но я думаю: не меньшее мужество нужно матери летчика, которая ничем не может помочь своему сыну, а может только смотреть в небо и ждать.

Немного о себе

Сейчас, вспоминая свою жизнь, я вовсе не хочу пожелать кому-то, чтобы она сложилась так же трудно. Я рано остался без отца, он умер, когда мне едва исполнилось три года. Все заботы о моем воспитании легли на плечи матери, Екатерины Никитичны. Мое детство было, как и у многих ребят того времени: был октябренком, пионером, пионервожатым. В четырнадцать лет вступил в комсомол. Потом окончил школу фабрично-заводского ученичества и стал работать

токарем на заводе в своем родном городе Камышине Сталинградской области.

В 1934 году по призыву ЦК ВЛКСМ вместе с сотнями других юношей и девушек поехал на строительство Комсомольска-на-Амуре. Думали мы тогда, строители этого, ставшего теперь уже всем известным, города, что мы совершаем героический поступок? Конечно, нет. Мы знали, что надо работать, и работали. Мы знали, что на месте дремучей тайги должен быть построен город, и мы его строили. Мы знали, что в этой борьбе с природой и трудностями нельзя давать ни себе, ни товарищу ни малейшей поблажки, и мы были требовательны к себе и к другим. И это было настоящее мужество тысяч и тысяч юношей и девушек, комсомольцев. Это сделало строительство Комсомольска-на-Амуре славной страницей в истории Ленинского комсомола.

Желание стать летчиком зародилось у меня давно, еще в детские годы, когда я впервые увидел в небе самолет. Нравился мне и парашютный спорт. Вечером после работы я ходил на занятия в аэроклуб. В 1937 году меня призвали в армию. Вначале я служил на Сахалине, в селе Кировское, в авиапогранотряде, а потом был направлен в Батайское авиационное училище имени А. Серова. Это училище я закончил незадолго до войны, получив звание младшего лейтенанта.

Вскоре началась война. В августе 1941 года меня направили на Юго-Западный фронт, а затем я был переброшен на Северо-Западный фронт. В одном из воздушных боев в районе так называемого «Демьяновского котла», что в Новгородской области, мой самолет был подбит. Выход был один: совершить вынужденную посадку. Это произошло 4 апреля 1942 года.

Восемнадцать суток раненый, голодный добирался до своих. Первыми обнаружили меня, еле живого, мальчишки из деревни Плав-Кисловского сельсовета Валдайского района. Одним из них был Сережа Малин, другим — Саша Вихров. Отец Саши отвез меня на подводе в свой дом.

Больше недели жители деревни ухаживали за мной. Нужна была медицинская помощь, но в селе не было врача. Наконец, в первых числах мая вблизи деревни приземлился самолет, пилотируемый А.Н. Дехтяренко, и я был отправлен в Москву, в госпиталь. Там мне ампутировали нижнюю треть обеих ног.

Конечно же, я тяжело переживал такое несчастье, но меня не покидала мысль снова вернуться в истребительную авиацию и бить фашистов. Еще в госпитале я начал тренироваться, готовясь к тому,

чтобы летать с протезами. Эту тренировку я продолжал и в санатории, куда меня отправили после госпиталя в сентябре 1942 года. Тренировка увенчалась успехом: в начале 1943 года я прошел медкомиссию и был направлен в авиационную часть. Когда я добился права снова подняться в небо, чтобы бить врага, разве я думал, что это назовут героизмом? Я хотел летать, воевать, во мне была злость, я хотел снова встать в строй, я нужен был на войне. И поэтому я остался жить и летать.

В феврале 1943 года я совершил свой первый после ранения пробный вылет, а в июне был на передовой, на Орловско-Курской дуге. В воздушных боях тогда мне удалось сбить еще три фашистских самолета. А в августе 1943 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество присвоить А.П. Маресьеву звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и Золотой Звезды Героя».

Конечно же, это для меня была огромная радость и гордость, что, несмотря на тяжелое ранение и его последствия, я остался в строю и мог вести бой с врагом и что Родина отметила меня. В Военно-Воздушных Силах я прослужил в общей сложности 12 лет. За время войны совершил 86 боевых вылетов, сбил 11 самолетов врага: четыре до ранения и семь — после ранения.

Я часто вспоминаю своих фронтовых друзей: Григория Инякина, Виктора Шикина, Анатолия Кожевникова, Александра Числова, Ивана Березуцкого, Сергея Петрова, Бориса Еремина. Это были люди огромного мужества, воли, настоящие бойцы.

Окончилась Великая Отечественная война. Я стал работать начальником авиационной подготовки, а затем, сменив штурвал самолета на учебник, окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС (вступил я в ряды КПСС еще во время войны, в 1942-м), аспирантуру при Академии общественных наук, защитил диссертацию, стал кандидатом исторических наук.

В 1949 году я поехал на Первый Всемирный конгресс сторонников мира, который проходил в Париже. Затем был в составе советской делегации на Втором конгрессе в Варшаве, на Всемирном конгрессе за всеобщее и полное разоружение и мир, состоявшемся в Москве. Когда в 1956 году был создан Советский комитет ветеранов войны, меня избрали ответственным секретарем комитета. Сейчас я — первый заместитель председателя комитета.

О друге

Расскажу я вам об одном очень интересном, беззаветно храбром человеке. Он мой и ваш земляк. С первого часа, с первой минуты войны он вступил в бой с захватчиками, сделал сотни боевых вылетов, сбил двадцать один вражеский самолет. И до конца войны ни разу в воздухе не был даже ранен. Счастливый? Этот человек — летчик Александр Михайлович Числов — великолепно владел искусством вождения истребителей, обладал огромной волей.

Помню, я пришел из госпиталя в полк, в эскадрилью, которой Александр командовал. Это было на Орловско-Курской дуге. Я рвался в бой. Но... Мне казалось, что летчикам будет трудно решиться идти со мной, безногим, в смертельные воздушные схватки. Но я ошибался. Комэск Александр Числов одним из первых пошел со мной в паре. Мы с ним вдвоем врезались в большую группу фашистских «Мессершмитов», приняв их издали за «Юнкерсы». Это был бой! Карусель, в которую втянулось около трехсот самолетов с обеих сторон. Не один гитлеровский ас нашел себе могилу на Курской земле. И пожалуй, в этом бою я научился у Александра, как надо драться. Список сбитых им вражеских самолетов в этот день пополнился. И я понял, что не ошибся, вернувшись в авиацию. На земле Александр сказал мне:

— С тобой в паре не пропадешь.

Однажды Числов повел шестерку, в которую входил и я, на прикрытие наших войск. Земля сообщила: идет большая группа «Юнкерсов-87». Мы сбили шесть из них. Остальные, беспорядочно сбросив бомбы, ушли. Вторая группа! Числов собрал шестерку, и снова в атаку. Еще четыре «Юнкерса» врезались в землю, из них три — от руки Числова. Остальные — назад, говорят, врассыпную.

Вдруг мы потеряли связь с командиром. И его машины не видно. Один из «Фокке-вульфов», прикрывавший своих бомбардировщиков сверху, повис над Числовым, повредил его рацию. Числов вступил с ним в единоборство и в азарте боя ушел далеко от группы. Фашист видел, конечно, что перед ним большой воздушный мастер, и решил сбить его, запросив помощи. Но пока еще шесть вражеских машин успели прийти, Числов сбил нахала в бреющем полете. И не успел набрать высоту. Шесть истребителей над самой землей взяли нашего командира в клещи.

Долго длился этот бой. Числов один на высоте 25–50 метров, а сверху, слева и справа — гитлеровцы. Но летчик хладнокровно отбивался, маневрировал, резкими бросками выходя из-под огня «Фокке-

вульфов». Победил советский ас. Ловким, кажется, уму непостижимым разворотом на 180 градусов он вырвался из клещей... Сажал машину на полевой аэродром уже с заглохшим мотором.

Таких боев у него были сотни: на Курской дуге, над Белоруссией, Прибалтикой, Берлином. Два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Александра Невского, Отечественной войны, наконец Золотая Звезда Героя Советского Союза украшают грудь моего друга — храбрейшего человека-воина. Не скрою: горжусь тем, что это высокое звание нам с Александром присвоено одним Указом.

Впрочем, рассказывая о комэске, а потом замкомполка Александре Числове, я не могу не сказать о его летчиках. Был у нас замечательный пилот, старший лейтенант Павел Гражданинов. Всего 25 вылетов совершил, а сбил 13 вражеских самолетов. Как-то в бою гитлеровцы откололи машину Давыдова. Шесть против одного. На помощь бросился Павел — сбил три машины. Две — Давыдов. Не дал Гражданинов уйти и последнему. Догнал и сбил.

1965 г.

В преодолении трудностей куется характер

Когда меня спрашивают, что бы я хотел посоветовать тем, кто только начинает свой самостоятельный путь, кто выбирает свое место в жизни, мне трудно ответить на этот вопрос. Готовых рецептов на этот счет у меня нет. У каждого своя жизнь, и каждый строит её сам. Я не могу, например, сказать: делай так, а не по-другому, послушай моего совета, и у тебя все будет прекрасно. Это был бы неискренний, несерьезный разговор, в котором не было бы толку. Однако если бы спросили именно меня: каким я хотел бы видеть современного молодого человека нашего общества, вступающего в жизнь, то я бы ответил: прежде всего трудолюбивым. Не в том, быть может, несколько упрощенном смысле этого слова, что вот, мол, трудись не покладая рук, приноси пользу людям — и тогда будешь хорошим. Вовсе нет. Попробуем серьезно разобраться в этом глубоком и ёмком понятии. Быть трудолюбивым — это означает готовить себя к большим делам и даже к подвигу. Это, прежде всего, не робеть перед трудностями, уметь преодолевать их, не сгибаться под их тяжестью. Именно в этом может заключаться подвиг. В войну — это схватка с врагом, в мирное время — это построение новой интересной жизни. Подвиг, героизм начинаются с малого — с преодоления себя, преодоления тех трудностей, которые стоят перед тобой в данную минуту. К примеру, хочет парень стать летчиком, а медкомиссию не прошел. Сразу сник, захныкал... Моральная травма, согласен. Но если он человек с головой, сильный, трезво оценивающий события, то поймет: это вовсе не трагедия, не конец мечтам, желаниям, стремлениям. Сколько ведь прекрасных земных профессий! Надо только суметь открыть их для себя, хорошенько разобравшись в сложившейся ситуации. Это умение выстоять в трудную минуту появится лишь тогда, когда человек еще в детстве старался преодолевать трудности, лень, нежелание трудиться, старался делать то, что надо, а не то, что хочется. Когда-то на уроке в школе сумел сказать самому себе, учителю, что не понял объяснения. Пусть это было стыдно, смешно, пусть его посчитали глупым, но он нашел в себе силы признаться в этом, преодолел себя. Но если разобрался в том, что не понял, добился своего, это уже останется на всю жизнь. Не спасовал перед этой, пусть не такой уж важной, но в ту минуту серьезной трудностью, а мог бы махнуть на все это рукой: мол, не понял и не понял, а в другой раз пойму, то есть сделать себе поблажку, пожалеть себя.

Так воспитывался характер, зерно закладывается с самого детства родителями. Но характер может воспитать и сам человек: сильным, крепким, волевым, стойким или — слабым, нерешительным, безвольным. Поэтому и говорят: «Этот человек с характером! Как скажет, так и будет!» А почему? Я уверен — с детства его так воспитали родители, школа, хорошие наставники, и сам он себя тоже воспитывал.

Или, скажем, комсорг дал комсомольцу задание — интересное, боевое, но трудное. А ему неохота его выполнять — лень, некогда, есть другие дела... Опять дал себе поблажку, опять отгородил себя от «ненужных» трудностей, не проявил характер. И постепенно привыкает жить за счет других, за счет общества, облегчать свою жизнь. Но это очень опасная позиция. Потом человек неминуемо поймет, что обманывает в конце концов себя, становится слабым человеком, не способным на какие-то большие дела.

Или так. Дал мастер по цеху задание. Парень посмотрел, прикинул: чертежи трудные, надо разбираться — и не стал этим заниматься. Решил делать что полегче. Так, незаметно, он останавливается на полдороге, и на высокие стремления, на осуществление своих мечтаний уже не хватает ни сил, ни воли, ни характера.

Все это — к слову о трудолюбии. Именно оно воспитывает сильного человека и помогает в будущем преодолеть любые трудности.

Быть может, это помогло и мне, когда я, раненый, полз по снегу восемнадцать суток, добираясь до своих. Я уверен, что именно сильный характер позволил Зое Космодемьянской совершить свой бессмертный подвиг, помогал бить врага Ивану Кожедубу и многим другим нашим героям.

Но думал ли кто-нибудь из нас, что мы совершаем подвиг, героический поступок? Конечно нет. Мы знали, что надо воевать, и воевали; знали, что надо победить, и победили. Героями никогда не становятся вдруг, и не рождаются люди героями. К подвигу они готовятся всю жизнь и, совершая его, вовсе не думают: вот, мол, какие мы молодцы, какие мы особенные! Стать такими научили и заставили их жизнь, обстоятельства, в которых они оказались. Настоящее мужество, героизм не могут быть самоцелью. Они — отражение внутренней позиции человека, его взглядов, убеждений, характера

Я глубоко убежден, что мальчишка, заставивший себя вставать в определенное время, регулярно делать физзарядку и обтираться холодной водой, что парень или девушка, сумевшие, поборов усталость, сесть после рабочего дня за учебник, воспитывают в себе качества героя. Именно в преодолении трудностей, больших и маленьких, рождается мужество, куётся характер.

Почти каждый день в нашей стране рождается герой. Вот какая у нас необыкновенная жизнь, какие необыкновенные люди! А если задуматься, откуда у нас такой массовый героизм? Ответ на этот вопрос надо искать в необыкновенной биографии нашей Родины, ее героической истории, в биографиях советских людей.

В повседневной работе, в упорстве, в борьбе за достижение поставленной цели, в отвоеванных у пустыни гектарах земли, в отстроенном в лесной глухомани городе, в первых домах будущего поселка, в каждой большой и малой победе человека над природой, над собой, над своими дурными привычками, над всем тем, что мешает нам лучше, богаче и красивее жить, рождаются качества, без которых не может быть героизма.

Антонов Александр Ильич

ОБХОДИТЬ ВЫСОТУ ПРИШЛОСЬ ПО КОСОГОРУ

Я, участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке, председатель Совета ветеранов армейских частей 3-й гвардейской танковой армии, хочу рассказать о некоторых событиях из моей фронтовой жизни.

Родился я 10 декабря 1919 года в селе Новоандреевка Донецкой области на Украине, а с 1945 года живу в Москве.

В школе я учился легко, десятилетку окончил с отличием и без вступительных экзаменов, в 1937 году, был принят в Харьковский инженерно-строительный институт.

22 июня 1941 года, будучи уже дипломником этого института, я, после прослушивания выступления В.М.Молотова о вероломном нападении на Советский Союз немецко-фашистских захватчиков, сразу же решил идти защищать Родину.

По моей настойчивой просьбе меня призвали в ряды Красной Армии и направили в Харьковское танковое училище. По окончании ускоренного курса обучения, летом 1942 года, мне присвоили воинское звание — лейтенант и назначили командиром танкового взвода. Я принял танки Т-34 с экипажами и был направлен на Западный фронт в 179-ю отдельную танковую бригаду 3-й танковой армии.

Я участвовал в боях на Западном, Воронежском, Степном и 1-м Украинском фронтах. С июня 1943 года — в должности командира танковой роты.

За время боев я уничтожил 6 танков противника (в том числе один «тигр»), 6 орудий, несколько минометных и пулеметных точек врага, более 300 вражеских солдат.

Имею три ранения.

Награжден:

- орденом Отечественной войны I степени (№57007), вручен заместителем председателя КГБ СССР;
- орденом Отечественной войны 2 степени (№24119), вручен полковником Тутушкиным Виктором Ивановичем;
- орденом Красной Звезды (№162800), вручен полковником Рудкиным Филиппом Никитовичем;
- орденом Красной Звезды(№2553023), вручен полковником Тутушкиным Виктором Ивановичем;
- медалью «За боевые заслуги» (без номера), вручена полковником Рудкиным Филиппом Никитовичем;

и еще 24 медалями.

Я был участником парада Победы 24 июня 1945 года — Парада Победителей и Юбилейного Парада Победы 9 мая 1995 года в ознаменование 50-летия Победы в Великой Отечественной войне.

В 1948 году окончил Военную академию бронетанковых войск, затем служил в аппарате Министерства обороны, в структуре ЦК КПСС, органах Госбезопасности СССР. Уволился в запас в 1962 году.

А теперь к делам фронтовым.

Итак, в августе 1942 года я в составе танковой роты прибыл в 179-ю отдельную танковую бригаду 3-й танковой армии на Западный фронт.

В третьей декаде августа 1942 года началась Козельская операция по разгрому прорвавшегося противника в районе междуречья Жиздры, Вытебеть, Рессеты. Наша бригада находилась в резерве командующего армией.

Бой начался. Наши войска пошли в наступление, но противник оказал жестокое сопротивление и стремился овладеть на левом фланге деревней Госькова. Наша 179-я отдельная танковая бригада была выведена из резерва и контратаковала противника в районе этой деревни. Бой был ожесточенный, это был наш первый бой, наше боевое крещение. Мы подвергались массированным ударам немецкой авиации, наши танки подрывались на минных полях, заседали на заболоченных участках местности, но контратака нашей бригады остановила немцев на левом фланге. Бригада прочно удерживала деревню Госькова и по приказу командарма перешла к обороне, наступление

немецких войск было остановлено. В этом бою мой танк Т-34 получил 16 вмятин от немецких снарядов на броне, но остался в строю. Я убедился в надежной прочности наших танков.

В декабре 1942 г. январе 1943 г. наша бригада в составе 3-й танковой армии эшелонами была переправлена на Воронежский фронт. Выгрузившись на станции Калач, бригада совершила более чем 180-километровый марш и сосредоточилась в районе села Новомарковка, западнее Кантемировки.

Войска фронта имели задачу разгромить противника в районах Острогожска и Россоши. Наша бригада должна была овладеть опорным пунктом противника в населенном пункте совхоза «Крутенький» и рядом расположенных хуторах.

Наступление началось утром 14 января 1943 года. В шлемофонах прозвучала команда комбрига Рудкина: «За Родину! За Сталина! Вперед!» Мы двинулись вперед, сокрушать врага.

Перед нами было село с обычными сельскими хатами, большинство из которых крыто соломой или камышом. В перископ я увидел, что из чердака одного дома был открыт огонь из пулемета по нашей пехоте. Я навел пушку на этот дом, чтобы ударить по чердаку фугасным снарядом. Но сразу же промелькнула мысль — если я разрушу этот дом, то где же его хозяева будут жить, ведь сейчас зима, да и когда они смогут построить новый дом. В общем, мне стало жалко разрушать дом. Но пулемет все строчил по нашей наступающей пехоте, заставляя ее залегать и прекращать наступление. Тогда, отбросив сомнения, я выстрелил из пушки по крыше дома, увидел мощный взрыв снаряда, крыша загорелась, и пулемет умолк. Селом бригада овладела почти с ходу, без особого боя. Главная полоса их обороны проходила в 5-6 километрах за этим селом, в населенных пунктах совхоза «Крутенький». Боем в селе немцы хотели только разведать наши силы.

Наступление наших войск продолжалось. Наша рота наступала непосредственно на территорию совхоза, в котором были противотанковые орудия, минометные и пулеметные огневые точки, а у пехоты — бутылки с зажигательной смесью. Нам был придан десант по 5-6 автоматчиков на каждый танк, которые должны при подходе к совхозу спрыгнуть с танков и вступить в рукопашный бой с противником.

Противник оказал ожесточенное сопротивление, в упор бил по нашим танкам из орудий, забрасывал бутылками с зажигательной смесью, а по нашим бойцам немцы строчили из пулеметов и автоматов. Мы несли большие потери. В моем взводе из трех танков один был подбит, а другой сгорел, из восьми членов экипажей трое были

убиты, а двое сгорели в танках. В моем танке был выбит один опорный каток, но танк был полностью боеспособен.

В этом бою я своим танком раздавил два немецких орудия и несколько минометных и пулеметных точек противника. Через три часа боя совхоз нами был взят. Пришлось по несколько раз возвращаться и хорошенько «проутюжить» оборону немцев.

После боя в пункте сосредоточения, когда я открыл люк башни танка, ко мне бросился автоматчик из моего десанта с криком «спасите», а на броне танка лежали убитые и обгоревшие тела всех остальных автоматчиков. Это был их первый бой, они испугались и не спрыгнули с танка при подходе к совхозу. Запах свежей крови и подгоревшего мяса погибших ребят долго преследовал меня.

По приказу командира бригады мы стали преследовать убегавших немецких солдат и с ходу из пушек уничтожали их автомашины, а пехоту расстреливали из пулеметов и давили гусеницами танка.

К вечеру мы ворвались в село, расположенное в 20 километрах западнее совхоза, и вышли к центру села, разделенного на две части нешироко, скованной льдом рекой. Противник успел организовать за рекой оборону. В это село вошли только три наших танка: мой, командира другого взвода и командира бригады. Комбриг, показывая на реку, сказал, что там, за рекой, немцы, сколько их, мы не знаем, а отсюда делайте вывод, как провести ночь.

Ночь мы провели в танках при 20-градусном морозе, а рано утром услышали приближающийся топот — это подходила наша кавалерийская часть. Кавалеристы по-братски угостили нас по 150 граммов водки и накормили вкуснейшей лапшой с мясом. На рассвете конница стремительной атакой выбила противника из села.

Командир бригады объявил, что я и другой командир взвода награждаемся орденами Красной Звезды, а остальные члены наших экипажей — медалями «За отвагу».

Вскоре подошла ремонтная летучка, отремонтировали наши танки, прибыло пополнение личным составом и техникой. От бригады ремонтников я узнал, что в штабе бригады посчитали меня с экипажем погибшими в этом бою, но «похоронку» высылать было некуда, ибо моя родина — Украина — еще находилась во временной оккупации.

После пополнения бригада продолжала преследование противника на всем своем боевом пути с ожесточенными боями.

В бою за освобождение Варваровки, в хуторе Бубликов Салакеевского района Белгородской области, мой танк получил пробоину кормовой части и дальше двигаться не мог.

Я остался в хуторе со своим неподвижным танком, экипажем и десантом: 4 автоматчика. На ночь я выставил у танка часовых, но спали мы в избе не раздеваясь.

Ночью местные жители сообщили мне о движении большого числа вражеских войск в направлении нашего хутора.

С рассветом в избу вбежал взволнованный часовой:

— Товарищ лейтенант! Идут!

— Кто идет? — спрашиваю.

— Немцы идут на хутор, их очень много, — говорит часовой.

Я вышел из избы и глазам не поверил — на хутор двигалась лавина войск противника. Мы приготовились к бою. Близко подпускать нельзя — сомнут. Я открываю огонь из пушки примерно на полтора километра, бью по скоплениям пехоты и по миномету на санях. Миномет был разбит с первого выстрела, а после каждого разрыва снаряда на поле боя остаются десятки трупов и раненных солдат врага. По мере подхода противника мы открыли огонь из всех видов оружия — пулеметов и автоматов, а я продолжал вести огонь из пушки. К нам присоединились хуторяне с кое-каким оружием.

Противник залег, мы прекратили огонь. Затишье. Затем снова наступление немцев, снова наш огонь, снова противник залег, но уже ближе. И снова затишье. Бой продолжался в течение двух дней с небольшими перерывами в полтора-два часа. К исходу второго дня немцы заняли почти весь наш хутор, за исключением четырех-пяти домов с каждой стороны танка. Жители хутора побросали свои дома и сгрудились в этих избах. Боеприпасов оставалось мало, весь экипаж перешел в танк, а танк был подготовлен к взрыву, чтобы в случае безвыходного положения не попасть в плен к врагу. По ночам местные жители делали налеты на дома, где находились немцы, забрасывали их гранатами и расстреливали.

Наступила вторая боевая ночь. При лунном освещении мы заметили скапливание вражеских солдат во впереди стоящем сарае для последнего их броска на танк. Я ударил из пушки по этому сараю последними фугасными снарядами. Послышались вопли, стоны, крики. Уцелевшие фашисты бросились к танку, мы стали «поливать» их пулеметным и автоматным огнем, завязалась рукопашная схватка. Я услышал крик моего радиста-пулеметчика: «Товарищ лейтенант! Спасите!» и увидел, как рослый фашист схватил его вместе с пулеметом и, оторвав от земли, старался вырвать из его рук пулемет. Я выскочил из танка и несколькими выстрелами из пистолета сразил фашиста.

Группировка немцев была разгромлена. Видя безвыходность своего положения, уцелевшие, но деморализованные немцы стали бросать оружие и сдаваться. В течение ночи нам сдались примерно 500 немецких солдат. Они уже не могли находиться на 20-градусном морозе.

Утром третьего дня подошли наши основные силы. Мы пополнились боеприпасами, похоронили около школы с воинскими почестями погибших хуторян, эвакуировали раненых, передали пленных немецких солдат для их этапирования.

Подошла наша ремонтная летучка, отремонтировали мой танк. Два старика на санях свозили трупы немцев в овраг и громко мне «пожаловались»: «Вот это ты, сынок, дал нам много работы. Вот уже целый день возим немецкие трупы и еще неделю возить будем».

Тепло попрощавшись с хуторянами, мы двинулись на запад продолжать освобождение нашей Родины.

Острогожско-Россошанская операция успешно завершилась, впереди бои в Харьковской операции «Звезда», которая началась 1 февраля 1943 года. Наши войска, прорвав оборону немцев на реке Оскол, в упорных боях продвигались вперед. В этих боях в ряде случаев наши войска перемешивались с войсками противника, поэтому, чтобы не нанести урон нашим бойцам, мы время от времени открывали люк башни танка, чтобы сориентироваться в обстановке. И вот, когда я открыл люк и высунул голову из башни, по мне ударила автоматная очередь. К счастью, в голову не попало, а мелкие осколки пуль и краски, отлетевшие от люка, выбили мне зубы справа и разбили верхнюю губу. Я выплюнул выбитые зубы, немедленно закрыл люк и, уже сориентировавшись в обстановке, продолжал бить врага.

Наша бригада к исходу 15 февраля ворвалась в Харьков в районе Харьковского тракторного завода. Передовым подразделением, вышедшим в район ХТЗ, был мой танковый взвод. Я выскочил из танка и на бетонной ограде завода куском кирпича написал: «Танкист Антонов». Затем, преследуя противника, продолжал движение вперед и в составе бригады вышел на западную окраину Харькова — Холодную Гору — туда, где начиналась моя военная и боевая служба.

Освободив Харьков, наши войска продвинулись на юго-запад. Наша бригада заняла оборону в селе Тарановка, в 40 километрах южнее Харькова, 1 марта 1943 года.

В самом начале оборонительных боев в Тарановке в моем взводе остался только один танк Т-34, который оборонял командный пункт бригады. При яростном обстреле из орудий и он был подожжен, но экипажу удалось выбраться из горящего танка.

Я был переведен в штаб бригады в качестве офицера связи и под сильной бомбежкой пробирался к своим разрозненным частям с приказами командира бригады держаться и ни шагу назад. При этом я и члены моего экипажа, как и экипажи других танков, принимали активное участие в оборонительных боях и боевых порядках наших войск в качестве разовых бойцов пехоты. Воины бригады сражались храбро.

Член Военного Совета 3-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Тельников Семен Иванович в своей книге «Маршал Рыбалко» написал: «Шесть суток бригада Рудкина, совместно с частями 25-й гвардейской стрелковой дивизии, удерживала Тарановку, по несколько раз в день переходя в контратаки, уничтожая танки и пехоту противника, подводящего сюда все новые и новые силы. Лишь после приказа командующего армией войска были отведены на новую позицию...»

За умелое руководство боем и проявленный личный героизм командир 179-й отдельной танковой бригады полковник Рудкин Ф.Н. удостоен звания Героя Советского Союза, и ему было присвоено воинское звание генерал-майор танковых войск. Многие офицеры и солдаты были награждены орденами и медалями. Я был награжден вторым орденом Красной Звезды.

Гитлеровцы рвались к Харькову, но, встретив упорное сопротивление наших войск, решили обойти город и захватить его с востока. Развернулись ожесточенные бои южнее поселка Шевченки, где наша бригада с утра 9 марта заняла оборону. Во время этих боев я находился возле командира бригады Рудкина и передавал его приказания подразделениям по рации, а чаще — пробираясь через боевые порядки ползком или короткими перебежками. Но враг наседал.

К полудню 13 марта 1943 года в районе Харьковского тракторного завода наша 179-я отдельная танковая бригада была окружена. Учитывая тяжелую обстановку, командарм дал приказ на выход из окружения на восточный берег реки Северский Донец это в 50 километрах восточное Харькова.

Мне было приказано вывести из окружения две автомашины «Студебеккер», но на эти две машины отпустили лишь 20 литров бензина. Я взял вторую машину на прицеп и, хорошо зная Харьков, по глухим улицам вывел машины из города и остановился в 200 метрах не доезжая совхоза имени Фрунзе — это в километре за восточной окраиной Харькова. В этих машинах находились два танковых экипажа, т.е. восемь человек.

Я со своим механиком-водителем пошел на разведку в совхоз. Там было несколько домов барачного типа в два ряда, а между ними сто-

яли автомашины. На крыше одного из бараков горел красный фонарь, следовательно, в бараках кто-то есть. Мы осторожно подошли к баракам и увидели, что в них спят немецкие солдаты, но при зажженных керосиновых лампах.

Никакой охраны нигде не обнаружили, немцы были, видимо, уверены, что бригада находится в плотном окружении и к совхозу прорваться не сможет. Мы решили осмотреть немецкие машины и обнаружили на них металлические бочки с бензином и моторным маслом. Риск был, безусловно, большой, мы понимали, что, если нас обнаружат, мы погибнем. Механик-водитель стоял у двери барака с автоматом наготове, а я, после осмотра бочек, открыл на машине задний борт, и потом вместе с ним мы подкатили две бочки с бензином и одну с моторным маслом к этому борту и возвратились к своим машинам.

На одной машине мы, 7 человек, на малых оборотах подъехали к немецкой машине и открыли задний борт своей машины. Пять бойцов с автоматами и гранатами я расставил к дверям бараков в готовности отразить возможный выход немцев оттуда. Мы с механиком-водителем перекатили подготовленные бочки на нашу машину и так же тихо, на малых оборотах, отъехали. Затем полностью заправили наши обе машины и уже на большой скорости уехали по Салтовскому шоссе. Таким образом, наш риск, я бы сказал почти безнадежный, полностью оправдался.

К утру мы прибыли в назначенное село. Как стало известно позже, в бараках в совхозе находилось примерно до 500 немецких солдат, которые замыкали кольцо окружения нашей бригады.

Примерно через два часа после нашего отъезда к совхозу подошли главные силы нашей бригады, но подойти скрыто такому соединению было невозможно. Завязался ожесточенный бой с немцами, который переходил в рукопашную. В течение трех часов длился этот смертельный бой, но бригада прорвалась из окружения и, к утру 17 марта 1943 года, вышла на восточный берег реки Северский Донец. В этот же день я присоединился к бригаде.

Бригада перешла к обороне и заняла участок в районе Нового Бурлука, доукомплектовывалась и занималась оперативной и боевой подготовкой.

Я был назначен командиром танковой роты.

Итак, я командир 1-й танковой роты 390-го танкового батальона 179-й отдельной танковой бригады 3-й танковой армии, лейтенант. Хочу пояснить, почему я все еще оставался в прежнем воинском звании.

Накануне назначения на должность командира роты я был заместителем командира роты, куда был назначен с должности командира танкового взвода. И вот на меня и двух других командиров взводов было дано представление на присвоение очередного воинского звания — старший лейтенант. В это время должность заместителя командира роты упраздняют. Представление на меня возвращено без последствий, а тем командирам взводов очередное звание было присвоено. Таким образом, в моем подчинении как командира роты, имеющего звание лейтенант, оказались командиры взводов в звании старший лейтенант. Очередное звание мне было присвоено только в августе 1943 года.

Находясь в обороне, бригада подвергалась массированным бомбежкам немецких пикирующих бомбардировщиков. Они, один за другим, заходили вдоль линии обороны и сбрасывали бомбы на наши танки. Но танки находились в капонирах, и никакого вреда все эти бомбежки нам не наносили. Личный состав экипажей танков находился в отрытых недалеко от танков щелях и тоже потерь не имел. Я со своим экипажем при бомбежках всегда находился в танке с открытым люком и наблюдал за полетом сбрасываемых бомб. На бомбы, которые, по моим наблюдениям, должны не долететь до танка или перелететь его, я не реагировал, но если траектория полета бомбы, по моему визуальному наблюдению, закончится вблизи танка, т.е. взрыв произойдет недалеко от танка, я закрывал люк и ждал взрыва. После взрыва бомбы, когда по броне танка простучат осколки бомбы и груды земли, я открывал люк и осматривал воронку от взрыва. Иногда такие воронки были в 10-15 метрах от танка, но прямых попаданий бомб в танк в нашей бригаде не было. Бомбежку мы переносили спокойно, без паники, хладнокровно и расчетливо.

В августе 1943 года наша бригада из 3-й танковой армии была передана в состав 57-й армии Степного фронта. К этому времени командиром нашей бригады был назначен полковник Тутушкин Виктор Иванович, а ставший уже генерал-майором Рудкин Филипп Никитович назначен с повышением командиром 7-й гвардейского танкового корпуса.

Командиром 390-й танкового батальона был капитан Ткаченко.

Степным фронтом командовал уже известный тогда генерал-полковник Конев Иван Степанович. С ним мне приходилось встречаться дважды. Первый раз, когда он объезжал полосу нашей обороны в районе Нового Бурлука, а второй раз при наступлении бригады на его наблюдательном пункте под Харьковом.

В августе 1943 года снова начались бои за освобождение Харькова, они являлись составной частью Курской битвы.

В ожесточенных боях бригада прошла несколько южнее Харькова: Чугуев, Введенка, Боровое, Константовка, Борки, Мерефа.

В бою за освобождение Чугуева атака бригады была остановлена сильным артиллерийским огнем, особенно ощутимые потери нам наносил немецкий танк «тигр», который, маневрируя за домами, каждым выстрелом выводил наш танк из строя. Я выследил «тигра», тщательно определил расстояние до него, упреждение на скорость его движения и, как только он показался из-за дома, выстрелил в него бронебойным снарядом. Вражеский танк загорелся и остановился. Командир бригады немедленно скомандовал всем: «Вперед», а мне добавил, что я награждаюсь орденом Отечественной войны.

Бригада подошла к аэродрому и снова остановилась из-за сильного артиллерийского огня. Тогда комбриг приказал мне взять еще один танк и на большой скорости промчаться по аэродрому, в направлении к противнику, чтобы вызвать огонь на себя и таким образом выявить его огневые точки. Я стал на открытую крышку люка механика-водителя, обнял руками пушку танка и на предельной скорости пересекал лётное поле аэродрома. Немцы открыли ураганный огонь по моему танку, но они не успевали переносить огонь, и их снаряды рвались позади танка. Я внимательно следил и засекал артиллерийские позиции противника и по рации передавал командиру бригады. Мой танк благополучно пересек аэродром и с ходу вошел в лесополосу, а бригада, подавив огневые точки врага, стремительной атакой овладела авиагородком. Я получил приказ присоединиться к бригаде. Второй наш танк был подбит.

Здесь произошел такой случай. Противник наносил по расположению бригады сильные бомбовые удары. Я с экипажем расположился около здания казармы на обед, а возле нас остановилась автохлеборезка. В это время из подбитого танка извлекли болванку, и замполит батальона майор Пирнат решил взвесить эту болванку на весах хлеборезки. Только он поднял её — как вдруг недалеко прогремел сильнейший взрыв авиабомбы, и Пирнат, не дотянув болванку до весов, выронил ее, сам присел и весьма громко нечленораздельно выразился.

Я рассмеялся, бросил ложку в котелок, схватился за живот и в смехе откачнулся назад, а перед моим лицом просвистел большой осколок разорвавшейся бомбы и врезался в стену здания, обдав меня кирпичными крошками. Я сгоряча схватился за этот осколок, вытащил его из стены, и мы с майором, поглядывая друг на друга, поняли, что если бы я в этом смехе не откачнулся, осколок бомбы, весом около килограмма, угодил бы мне в голову. Так майор Пирнат спас мне жизнь, сам того не ведая.

Противник яростно обстреливал нас осколочными и шрапнельными снарядами, при этом получил тяжелое ранение в живот мой замечательный механик-водитель старшина Поляков. Его эвакуировали в медсанчасть, но по пути он скончался. Очень жаль его и как человека очень хорошего, и как отличного танкиста. Вместо него ко мне прибыл новый механик-водитель сержант Хохряков, но он был совсем малоопытный и еще не бывавший в боях.

Продвигались далее. Бой за село Боровое принял затяжной характер. Я получил приказ комбрига овладеть господствующей высотой перед этим селом, которая оборонялась укрепившимся там противником. Я решил овладеть высотой не фронтальным ударом, а обойти ее справа и нанести удар с фланга и тыла. Обходить высоту пришлось по косогору. Мой механик-водитель Хохряков не смог провести танк по раскисшему глинистому грунту косогора, боясь, чтобы машина не сползла в находившееся рядом болото. Тогда я сам сел за рычаги танка и на малой скорости провел машину в обход высоты. Затем сел на свое место в башне танка, а механику-водителю приказал двигаться на большой скорости на высоту с тыла. Я открыл интенсивный огонь из пушки и пулеметов по этой высоте. Было уничтожено одно орудие, раздавлены пулеметные точки противника, и высота была взята.

Наша бригада продолжала наступление. При подходе к селу Боровое в поле, где росли подсолнухи, оказался противотанковый ров, ранее не обнаруженный нашей разведкой. Наступление 390-го танкового батальона бригады остановилось, танки отошли назад в лощину.

Командующий фронтом генерал Конев вызвал на свой наблюдательный пункт на крыше пятиэтажного дома командира батальона и меня, как командира роты, для выяснения причины прекращения атаки. По прибытии к командующему фронтом наши доклады не потребовались, ибо он уже знал о наличии противотанкового рва и приказал артиллерии и авиации разрушить ров.

Продвигаясь дальше в этих боях, я был вынужден выскочить из танка, чтобы поднять нашу пехоту в атаку. В высоких подсолнухах немецкий солдат, которого я сначала не заметил, очередью из автомата ранил меня в плечо, бок и ногу. Истекая кровью, я взобрался на танк и продолжал вести бой. Мы сделали по десять выстрелов из пушки по селу и подготовленному к отправке железнодорожному

составу и танковой атакой освободили Боровое. Я выбрался из танка, и, когда расстегнул манжеты комбинезона и стащил сапоги, хлынула накопившаяся в них кровь.

С разрешения комиссара бригады я остался на излечении в медсанчасти бригады и вскоре был избран парторгом батальона. Сейчас, с возрастом, ранение дает о себе знать. Я инвалид войны 2 группы по ранению.

На должность командира роты вместо меня был назначен лейтенант Горшков. При подготовке дальнейшего наступления я подошел к моему экипажу, теперь уже это был экипаж Горшкова, они пригласили меня позавтракать вместе. Я принял их приглашение, а Горшков завтракать отказался.

— Почему не завтракаешь? — спросил я.

— Не хочется. Вот сейчас пойдем в атаку, и я погибну, — ответил он.

В этой атаке по освобождению Константовки лейтенант Горшков вместе с экипажем погиб, подорвавшись на мине.

При совместном наступлении соединений 57-й армии и нашей 179-й отдельной танковой бригады с юго-востока и юга, а других соединений — с северо-востока и севера 23 августа 1943 года Харьков был освобожден, и теперь уже бесповоротно.

Наша бригада была выведена в резерв для пополнения и разместилась южнее Мерефы, в 20 километрах от Харькова.

Я был назначен офицером связи штаба бригады и по служебным делам часто приезжал в Харьков в штаб армии с поручениями комбрига.

В одну из таких поездок я заехал в свой инженерно-строительный институт, где увиделся с руководителем моего дипломного проекта доцентом Петлиным. Он тепло меня встретил и сказал:

— Ваш проект я сохранил. После окончания войны возвращайтесь в институт, закончите проект и станете дипломированным инженером.

— Спасибо Вам. Но война продлится ещё долго, и не известно, что и как будет дальше. Если останусь жив, обязательно возвращусь, — ответил я.

Но судьба распорядилась по-другому: я стал кадровым офицером. На этом боевые действия нашей бригады закончились. В августе 1943 г.

При встречах с молодежью в послевоенное время мне часто задавали вопросы: как нас одевали, как кормили, как нас встречало население, страшно ли на войне.

Я всегда отвечал, что нас и кормили, и одевали отлично, а вот о том, как нас встречало население, более подробно.

Население встречало нас со слезами радости на глазах. Обнимали, целовали, благодарили нас своих освободителей от немца-супостата, угощали молоком, яйцами, жареной бараниной, приглашали на постой.

При освобождении одного села на Харьковщине, несмотря на орудийный и ружейно-пулеметный огонь, нам навстречу выбежали несколько пожилых человек и указали, где находятся немецкие орудия и скопления немцев. Мы их посадили на танки, и по их наводке стремительными ударами громили врага.

Были случаи искреннего сочувствия нам, когда ночью в сильный буран и мороз мы должны были идти в бой. Так, в январе 1943 года, бригада вечером вошла в очередное, освобожденное ею село, несколько западнее Россоши. В одной из хат села разместились комбриг Рудкин, несколько штабных офицеров и я, как старший головной походной заставы. Хозяин поставил на стол жареную баранину и хлеб. Мы начали закусывать, и вдруг в хату вошел генерал Рыбалко с двумя офицерами. Комбриг доложил ему о состоянии бригады и добавил, что ждём подвоза горючего и боеприпасов.

Рыбалко выслушал и сказал:

— Пейте, но ума не пропивайте. Давай карту, — обратился он к комбригу. — К 6.00 освободить село Ольховатку и доложить.

Немедля генерал Рыбалко уехал. Мы в 12 часов ночи начали свое наступление, предстояло пройти с боями, по этой жуткой непогоде, 30 километров.

Находившаяся в доме молодая учительница сказала:

— Как же вы в такую сумасшедшую погоду — буран, мороз, да еще ночью, будете вести бой. Вы такие молоденькие, а переносите такие лишения. От души желаю вам успехов и остаться живыми. — При этом она обняла меня и поцеловала.

— Мы должны выполнить приказ командующего армией, бить врага — был мой ответ ей.

— Благодарю Вас за добрые пожелания, — я обнял ее и тоже поцеловал.

К 4 часам утра, в полной темноте, при снежном буране, мы ворвались в Ольховатку и освободили ее. Немцы все спали и не могли ожидать нашего удара в такую непогоду. Многих немцев мы истребили, а многие сдались в плен.

В следующем населенном пункте по просьбе хозяина дома, в котором мы остановились, мой экипаж восстановил разрушенный при артиллерийском обстреле сарай для скота, за что хозяин был бесконечно благодарен. Примеров хорошего отношения к нам населения множество.

Много пройдено дорог фронтовых, но для меня харьковская дорога оказалась самой значительной: с нее я начал свой боевой путь дважды уходил из Харькова, дважды принимал участие в освобождении Харькова и на этой харьковской дороге закончил свой боевой путь танкиста.

Харьковчане свято чтут память о воинах 179-й бригады. В центре села Тарановка сооружен памятник воинам 179-й отдельной танковой бригады и 78-го гвардейского стрелкового полка. На надгробной плите памятника высечены фамилии офицеров, погибших в боях в Тарановке, в том числе фамилия начальника штаба нашей бригады капитана Васенева Анатолия Михайловича.

Все дальше и дальше уходят в историю события Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, но с годами все отчетливее видится величие подвига, совершенного советским народом и его Вооруженными Силами в борьбе за честь, свободу и независимость нашей социалистической Родины.

Мои собственные статьи в газете «Тимирязевец»:

1) «Прорыв обороны противника» №5(29), май 1997 года;
2) «Пешим по-танковому» №5 (55), май 1999 года;
3) «На страже Родины» №2 (88), февраль-март 2002 года;
4) «Бой в окружении»;
5) «Поединок с «тигром»;
6) «Мои два победных парада».

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Климушкин Алексей Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Антонов Николай Григорьевич

ПЕРЕПРАВА, ПЕРЕПРАВА! БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ...

Я, Антонов Николай Григорьевич, русский, православный, член КПСС, родился 21 мая 1924 года в деревне Александровка (которой сейчас нет) Ефремовского района Тульской области.

В 1941 году закончил 9 классов Кусковской средней школы № 10 города Москвы. Окончание девятого класса совпало с началом Великой Отечественной войны, о которой я, как и многие граждане Советского Союза, узнал по радио 22 июня, находясь дома на Трудовой улице, дом 12 а.

Осенью 41 года я начал учиться в 10 классе, но затем поехал разузнать о судьбе брата, который жил в Тульской области, уже оккупированной немецко-фашистскими войсками. Узнав, что с братом все в порядке, вернулся в Москву, но в школе учиться не стал, а закончил 1 курс железнодорожного техникума, но и там не задержался. По совету друга пошел работать на завод, который находился в поселке Болшево Московской области.

В 1942 году я получил повестку в военкомат, где мне посоветовали подать заявление в Московское военно-инженерное училище, куда я и поступил. Начальником училища был генерал-майор Ермолаев. Я учился только на «отлично». В ходе обучения курсантам приходилось выезжать на строительство мостов и укрепсооружений. Я участвовал в сооружении двух мостов по Ярославскому шоссе.

В ноябре 1943 года курсантам двух рот, в том числе и мне, присвоили звание младший лейтенант и направили в действующую армию.

Бывшие курсанты прибыли в Киев, где меня распределили в 120 отдельный гвардейский саперный батальон 6-го гвардейского танкового корпуса, входивший в 3-ю гвардейскую танковую армию генерала Рыбалко П.С. Командиром корпуса был генерал Митрофанов.

Часть, куда меня направили, находилась в лесу под Житомиром и готовилась к наступлению. Меня назначили командиром третьего взвода третьей роты. Во взводе служили в основном пожилые люди, годившиеся мне в отцы. Взвод занимался сооружением блиндажей, землянок, дорог, мостов.

Зимой был получен приказ построить в лесу блиндажи для командования. Дело было сделано на славу, и блиндаж, построенный третьим взводом, выбрал генерал Митрофанов. Бойцы ликовали. С тех пор сооружать блиндажи для генерала поручали только моему взводу. Зимой 1944 года корпус с боями подошел к Виннице. Однажды ночью меня вызвал командир роты и дал приказание посадить взвод в машину ЗИС-5 и выехать ближе к линии фронта, чтобы соорудить для командования наблюдательный пункт и блиндаж, соединенные траншеей. Вдруг командир роты решил ехать вместе со взводом. Приехав на место, командир роты взял 25 человек под свое командование (они строили блиндаж и наблюдательный пункт), а я и еще 10 бойцов отправились в лес пилить деревья. До леса было далеко, а машину загнали в овраг и замаскировали, поэтому я побежал к пехоте и выпросил три повозки, на которых потом и вывозили стволы деревьев. Под минометным огнем бойцы всю ночь рубили лес. Под утро со своим помощником я стал осматривать построенный блиндаж и обнаружил, что отсутствовала «одежда крутости» блиндажа (бревна, ставившиеся вдоль стен между грунтом и собственно помещением блиндажа, предотвращавшие засыпание при падении снаряда вблизи землянки). Я удивился и побежал к командиру роты. Комроты сказал, что ничего не случится — земля твердая как камень. «Напрасно», — подумал я, забрал бойцов и поехал в часть. Там все заснули, как убитые. Но вскоре меня разбудили и приказали немедленно явиться к командиру батальона. Заспанный, весь в соломе, я стал докладывать полковнику о прибытии. Полковник меня прервал, начал кричать: «Сейчас застрелю» и размахивал пистолетом. Я не понимал, в чем дело. Оказалось, что утром в блиндаже завалило землей генерала, которого еле откопали. Я объяснил, что мои бойцы только заготавливали лес, а строил блиндаж командир роты. Но меня все же отчислили из третьей роты, хотя за меня заступался капитан Николай Степанов, и направили в 22-ю мотострелковую бригаду в инженерно-минную роту того же 6-го гвардейского танкового корпуса. Туда же вскоре отправили и капитана.

Это был поворотный момент в моей судьбе, ведь именно в составе этой роты я дошел до Берлина и получил звание Героя Советского Союза. Должность же моя на новом месте осталась та же (командир взвода). Но разница была в том, что теперь мои бойцы находились на передовой. Рота сопровождала танки: при наступлении разминировали минные поля, при отступлении — минировали. При наступлении взвод придавался разведке.

В конце лета 1944-го бригада переправилась через Вислу и вверх по течению дошла до города Пацанув. Рядом был огромный железнодорожный мост, который держали немцы. Командование решило захватить его и взорвать. Мне выделили три повозки с минами и приказали выдвигаться к первому батальону, который штурмовал мост. Но только бойцы моего взвода подошли к передовой, как атака захлебнулась. Дали приказ отступать. Потом снова атака опять неудача. Все лошади в мыле, бойцов не хватало — наши несли большие потери. Как, впрочем, и немцы. Решено было бросить на штурм остатки бригады, но мост так и не взяли. В бригаде осталось меньше четверти бойцов, а мой взвод теперь состоял из четырех человек. Бригаду, которую заменила 5-я армия, отправили на пополнение. Впереди было несколько дней отдыха.

Шли месяцы, далеко на востоке осталась граница Советского Союза. Взвод в составе бригады через всю Европу дошел до города Цоссен, где раньше была ставка Гитлера. Все мосты были взорваны неприятелем, и рота за короткий промежуток времени под непрекращающимся огнем противника наладила переправу, через которую прошли все танки корпуса. Город был взят.

23 апреля 1945 года. Берлин. На пути бригады канал Тельтов, ширина которого была около 50 метров. И как всегда — ни одного моста. С другого берега немцы вели шквальный огонь. Был дан приказ — наладить понтонную переправу. Привезли три складные деревянные лодки без весел, в каждую из которых помещалось 10-12 человек. Взяли лопаты вместо весел, нашли длинную веревку, закрепили ее конец на противоположном берегу канала, и паром для переправы был готов. Утром 24 апреля началась тридцатиминутная

артиллерийская подготовка. После этого лодки с бойцами бригады отправились на другой берег. По моему приказу каждый сапер имел при себе заранее приготовленные деревянные колышки, которыми закрывал пробоины от пуль. Благодаря этому к концу переправы все лодки были целы, и бойцы взвода доставили на другой берег весь третий батальон — около двухсот человек. Я во время этой операции потерял многих своих бойцов. Сам же за всю войну не получил ни одного ранения, лишь два раза был контужен.

За эту операцию я и еще один боец взвода были представлены к званию Герой Советского Союза.

На следующий день мои саперы с приданными им огнеметчиками участвовали в штурме Берлина.

2 мая немцы вывесили белые флаги. Это была победа. Ее я встретил в составе 22-й мотострелковой бригады инженерно-минной роты 6-го гвардейского танкового корпуса в должности командира взвода в воинском звании младший лейтенант под командованием командира роты лейтенанта Юрия Зеркина. Звание лейтенанта я получил только после войны незадолго до увольнения в запас — некогда было бороться за звания, нужно было бороться с немцами.

Корпус перебазировался в Австрию, а демобилизовался я только в 1953 году в Москве. Началась мирная жизнь. Я закончил техникум, работал на заводе «Фрезер», затем на заводе № 3 Минмонтажспецстроя сначала мастером, потом инженером-технологом. На пенсию вышел в 1984 году.

Золотую звезду Героя Советского Союза и Орден Ленина я получил осенью 1945 года в Австрии, в Корнейбурге под Веной. Вручал мне награды Маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко.

Орден Красной Звезды я получил за участие в боях на Одере в городе Опельн. Награда была вручена командиром бригады гвардии полковником Богдановым Х.С. зимой 1944-1945 гг.

Орденом Отечественной войны I степени я был награжден за боевые успехи в районе Львова летом 1944 года.

Имею медаль «За освобождение Праги».

Награжден медалью «За взятие Берлина».

В годы войны у меня погибли три дяди по линии матери.

Мой боевой путь можно представить так. Город Киев (ноябрь 1943). Город Житомир (ноябрь 1943). Город Белотин (декабрь 1943). Город Казатин (зима 1944). Город Проскуров (зима 1944). Город Винница (зима 1944). Город Тернополь (зима 1944). Город Перемышль (весна 1944). Город Львов (лето 1944). Сандомирский плацдарм, река Висла (лето 1944). Город Краков (осень 1944). Город Ченстохова (декабрь 1944). Город Опельн, река Одер (зима 1945). Город Герлиц (весна 1945). Город Лаубань (весна 1945). Город Цоссен (24 апреля 1945 года). Город Берлин (апрель-май 1945).

Публикации обо мне:

- Парад Парадов. Книга-альбом. — М.: Региональная культурно-просветительская общественная организация «Атлантида, XXI век». Статья «Спасибо, саперы!», стр.286.
- Солдаты XX века. Многотомное издание. Выпуск 1, стр.139. — М.: 2000.
- Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь, том 1. — М., Военное издательство, 1987.
- Герои огненных лет. Очерки о москвичах — Героях Советского Союза, книга 4. - М.: Московский рабочий, 1980, стр.544, статья «Пахарь войны».

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Стёпин Сергей Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Баранов Алексей Александрович

ОЖИДАЯ КОМАНДЫ «СТОЯТЬ» И ВЫСТРЕЛА

Родился 1 июня 1922 г. в деревне Пехра-Яковлевская Балашихинского района Московской обл. Русский. Бывший член КПСС. Православный.

До войны окончил белоусовскую школу в Балашихе. Учился в аэроклубе, где получил первоначальную военную подготовку. С 1939 по 1941г. работал на литейно-механическом заводе, потом научным сотрудником в Центральном научном исследовательском институте противопожарной обороны.

О начале войны я узнал 23 июня, в Москве, когда приехал заказывать себе костюм. На следующий день поехал в военкомат и был зачислен добровольцем на фронт. 5 июля 1941г. прибыл в пункт формирования соединения в Кучино. Начал службу в Балашихинском батальоне, который входил в состав второй дивизии Народного ополчения Сталинского района города Москвы. Свою службу начинал в качестве командира пулеметного взвода под начальством командира пулеметной роты лейтенанта Шпака.

Мой боевой путь: Резервный фронт на Днепре (июль — сентябрь 1941г.); Западный фронт, район Карманово (северо-восток Смоленской области), Гжатск (6 марта 1943г.), Вязьма (12 марта 1943г.), Ельня Смоленской обл., Пустошкино Псковской обл.(2 марта 1944г.), Вильнюс. В сентябре 1944г. направлен в тыл для прохождения службы.

1 октября 1941г. под Вязьмой был ранен и пленен. 11 ноября 1941г. бежал из плена. Нас тогда пригнали из лагеря на железнодорожный вокзал. Эшелона не было. Я пошел по путям, с тревогой ожидая команды «стоять» и выстрела. Но на меня никто не обратил внимания. Я дошел до темного оврага и повстречался с местным жителем. Узнав что, я бежал из плена, он привел к себе домой, накормил и переодел. Утром я добрался до деревни Половики, где «слег», заболел тифом. Пробыл в деревне до 2 января 1942г., подлечили меня местные жители. 2 января пошел на восток, 31 января 1942г. вышел к линии фронта, в расположение 344-й дивизии Калининского фронта.

12 марта 1943г. участвовал в освобождении Вязьмы от немецко-фашистских захватчиков. Я командовал передовым отрядом 250-го мотострелкового полка 3-й гвардейской дивизии. Город был разрушен. На станции Вязьма-Новоторжская захватили три эшелона с артиллерийскими орудиями.

5 августа 1943г. я был награжден орденом Красной Звезды (№ 618546) за освобождение села Боровое 26 июля 1943г. западнее Болохово Орловской области. В этот день особенно тяжелый бой был в районе Борового. С подразделением автоматчиков мы овладели вражеской противотанковой батареей, тем самым спасли наши Т-34 от вражеского огня. Затем я поднял мотострелковую роту и повел на захват населенного пункта Боровое. Немцы не выдержали натиска, понесли большие потери, и мы овладели этим селом..

Памятен бой по овладению деревни Решетниково (Пустошкинский район Псковской области). Службу я проходил в составе 119-й гвардейской дивизии. Справа от нас расположился лыжный батальон. Именно на лыжников немцы обратили особое внимание. А в это время наш первый батальон, в котором я был начальником штаба, овладел деревней Решетниково и вышел на железную дорогу Новосокольники-Рига.

11 апреля 1944г. награжден орденом Отечественной Войны I степени (№ 58593) за освобождение деревни Решетниково и захват железной дороги в начале марта 1944г.

Награжден в 1985г. орденом Отечественной Войны I степени (№ 1564248), а 29 августа 1986г. — орденом Знак Почета.

Под Вязьмой 1 октября 1941г. был ранен в руку и ногу.

2 сентября 1942г. получил ранение разрывной пулей в плечо, пробыл в госпитале до конца января 1943г.

26 июля 1943г. получил тяжелое ранение осколком снаряда в голову, лечился в госпитале в Иваново-Вознесенске. После реабили-

тации причислен к 2-му Прибалтийскому фронту 119-й гвардейской дивизии Третьей ударной армии.

2 марта 1944г. на подступах к Пустошкино (Псковская область) был тяжело ранен в живот. В то время занимал должность начальника штаба стрелкового батальона. Лечение проходило в госпитале в Рицтово. После лечения был направлен на 3-й Белорусский Фронт.

Публикации, в которых есть информация обо мне:

— «От Москвы до Берлина» (статья генерала Вашкевича);

две книги генерала Шафаренко: «На разных фронтах» и «Мы все были солдатами»;

— «Командарм Лукин» (Воениздат);

«Книга памяти Пустошкинского района Псковской области».

Ноябрь 2002г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Швецов Дмитрий Валерьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Бондарь Александр Васильевич

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ И ПОД БОРОДИНО

Я родился 14 июня 1922 г. в Винницкой области, это правобережная Украина, в г. Бар. Украинец, православный. Долгое время был, конечно, в партии и вышел с развалом Советского Союза.

До войны окончил 10 классов в 1940 г. в г. Бар и в том же 40-м году поступил в Ульяновское танковое училище, поступил туда потому, что был подготовлен к служению Родине, — в то время патриотическое воспитание молодежи было на очень высоком уровне.

Совершенно очевидно было, что предстоит схлестнуться с фашистской Германией. У меня дядя был военный и сказал: «Саша, после десятилетки не иди в институт, а поступай в училище. Те, кто пойдут в институт, не успеют его закончить, война на носу. Так лучше иди в училище, чтобы себя с большей пользой проявить в войне. Ты закончишь училище и будешь командиром».

Война застала меня в Ульяновском танковом училище, мы были в летних лагерях. Начальник училища Кашуба, Герой Советского Союза, вернулся с Финской войны без ноги, ходил с палочкой. Он встал на трибуну и сказал:

«Сынки, мои! Началась война, большая, жестокая и надолго. И не старайтесь убеждать меня, чтобы я сразу направлял вас на фронт, все успеем повоевать, все.» Кстати, он привез с собой в училище семь Героев Советского Союза, которые воевали с ним в Финляндии. Мы на них смотрели как на богов.

В конце сентября 1941 г. я получил звание лейтенанта. Это был последний выпуск в полном звании лейтенанта, потом училище стало выпускать младших лейтенантов, после шестимесячной подготовки.

К счастью, я попал под Москву (в г. Владимир) на формирование 20-й танковой бригады. Бригада формировалась с 1-го по 9 октября 1941 года, когда шли ожесточенные бои под Москвой. Я уже 20 лет полковник и, конечно, много повидал в жизни, но одно из более сильных впечатлений для меня — это то, как было все идеально организовано с точки зрения управления. Подумайте только: бригада, в которой 65 танков, в которой 1400 человек, была сформирована за одну неделю, в то время как сейчас на расформирование танкового полка или мотострелкового требуется год.

Так, за одну неделю была сформирована танковая бригада, приехал командующий бронетанковыми войсками генерал-полковник Федоренко и вручил знамя. Мы погрузились на платформы, прибыли в Москву. Я получил танк «КВ» — танки ждали нас здесь, под Москвой, собранные со всяких ремонтных мастерских, взятых с фронта. Получив танк «КВ», я был бесконечно рад, я очень боялся попасть на английские танки «Матильда» и «Валентайн». Эти машины хороши для отдыха, все внутри отделано кожей, мягко, удобно, но не для российских полей, лесов и болот и, тем более, не для глубокого российского снега. Гусеница у них узенькая, пушчонка 27 мм. А мой тяжелый танк «КВ» ни один немецкий танк не пробивал. Его пушка 76 мм пробивала все немецкие танки.

И 10-го числа мы очутились на Бородинском поле. На удивление, к этому времени московское направление было открыто для немцев. Потому что немцы окружили в районе Вязьмы четыре наши армии, которые должны были оборонять Москву, и направление Вязьма — Гжатск Можайск было совершенно свободное. Хваленая немецкая разведка этого не обнаружила, и немцы по своему плану обходили Москву с севера через Калинин Ногинск и с юга через Тулу тоже на Ногинск. Это громадные клещи, и если бы они знали, что здесь было свободно, если бы сумели перегруппироваться, через 5 дней вступили бы на окраину Москвы. Но этого не случилось, к счастью.

Наша бригада оседлала Минское шоссе, мы расчистили кусты в полосе наблюдения, промерили расстояния до ориентиров, еще и еще раз проверили и подготовили оружие для ведения огня.

12 октября немцы овладели Уваровкой и Большой Ельней, а в ночь на тринадцатое их колонна бронетранспортеров с пехотой прорвалась по Минскому шоссе на участок нашей бригады. Поскольку мой «КВ» находился в двухстах метрах от шоссе, я сразу поразил первые две машины, которые запылали яркими факелами. Это был мой первый бой, боевое крещение

Я воевал недолго, потому что после Бородино летом, в августе 1942-го, участвовал в Ржевской операции Западного фронта — с целью взять Ржев. Командовал Западным фронтом Г.К. Жуков, и наступление было очень тяжелым. В этих боях мы несли очень большие потери, но это была наша первая попытка летнего наступления.

Мы не имели опыта бить немцев летом, и в этих боевых действиях, конечно, Красная Армия получила большой опыт, тяжелый, но большой. Наступление было организовано не для того, чтобы нанести поражение противнику на Западном фронте, а чтобы заставить немцев держать свои войска здесь, на Московском направлении, и не дать им возможности перебрасывать силы под Сталинград, потому что в августе шли тяжелые бои под Сталинградом, немцам уже не хватало живой силы и техники, и они стали снимать с Западного фронта, чтобы облегчить свое положение.

Здесь, под Ржевом, я был ранен 8-го августа 1942 г.

На фронте я был награжден 2-мя орденами Красной Звезды, за сражения на Бородинском поле и под Бородино.

После войны награжден еще 2-мя орденами Красной Звезды. В мирное время я командовал танковым полком в Заполярье, был начальником штаба Тасынской танковой дивизии, прославленной под Сталинградом. Награжден также медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны I степени, орденом «За заслуги перед Отечеством» и медалью президента Сирии за обучение в Дамаске сирийских офицеров.

После ранения под Ржевом я пролежал девять месяцев в госпиталях, ранение было тяжелым, но, возможно, благодаря этому я и уцелел, так как в это время произошли Сталинградская и Курская битвы. Громадное количество танков мы потеряли там с экипажами, и когда я начинаю сейчас сверстников пересчитывать — они погибли либо под Сталинградом, либо под Курском. Потому что после Сталинграда и Курска мы фашистов уже давили, они несли громадные потери, а мы уже количеством и мастерством немцев превосходили. А вот на Курской дуге и под Сталинградом мы несли тяжелейшие потери, и Бог, вероятно, послал мне эту судьбу я пробыл 9 месяцев в госпиталях , а после этого на Урале, в городе Верний Уфалей до

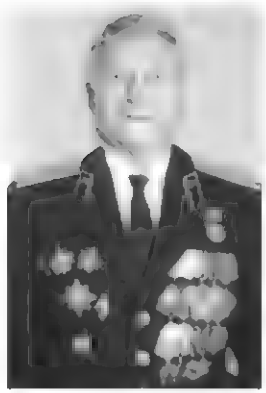
конца войны готовил механиков-водителей для фронта. Был командиром взвода учебной роты и каждые 6 месяцев посылал на фронт 100 человек механиков-водителей.

Отец, инвалид Первой мировой войны, трудился на шахтах под Тулой, я был на фронте, а мать с двумя детьми оставалась на Украине, там и погибла. У меня сейчас есть родственники: два брата, сестра. Самый младший брат родился, когда война началась, матери он не знает. Сейчас он председатель коллегии областного суда Псковской области. Мы им очень гордимся, он самый младший, а больше всех нас достиг.

Для прессы иногда пишу в газеты статьи к праздникам. Написал свои воспоминания о пройденном жизненном пути, но их не собираюсь публиковать. Это для родственников, для семьи.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лабустко Сергей Юрьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института



Буткевич Владимир Иванович

НАША БАТАРЕЯ ЗАНЯЛА КРУГОВУЮ ОБОРОНУ

Родился в 1924 году в городе Орле в семье рабочего. Русский, член КПСС. Гвардии полковник в отставке, бывший командир огневого взвода 4-й батареи артиллерийского дивизиона 35-й гвардейской механизированной бригады 6-го гвардейского механизированного корпуса.

После окончания артиллерийской специальной школы № 16 в 1943 году был направлен в Харьковское артиллерийское училище, которое было эвакуировано в город Фергана Узбекской ССР. По окончании учёбы в звании лейтенанта летом 1944 года был направлен на 1-й Украинский фронт, в 49-ю механизированного бригаду 6-го гвардейского механизированного корпуса на должность командира огневого взвода 4-й батареи артдивизиона.

А уже 6 августа стал днём моего боевого крещения. В этот день завязался бой западнее Добрамиля. Мы достигли деревни Тырова в 15 км северо-восточнее города Санок. 7 августа поступила новая задача – выйти за реку Сан в районе города Заршин и перекрыть путь к отходу противнику.

Выполняя задачу, наша бригада с 17-й мехбригадой 6-го корпуса 8 августа овладели Заршином. 9-го августа заняли местечко Оржава. Бои в предгорьях Карпат в балках и оврагах носили ожесточённый характер.

Для захвата моста через реку Сан командованием бригады был сформирован передовой отряд в составе танковой роты, автоматчиков, снайперов и нашей арт. батареи. План действий сводился к тому, чтобы в сложившейся обстановке, когда противник, не имея сплошного фронта, отходил от главной магистрали на Самбор, не ввязываться в затяжные бои с его отрядами прикрытия. Задача стояла – как можно быстрее достичь реки, захватить мост и удержать плацдарм до подхода главных сил бригады.

Двигаясь ночью по просёлочным дорогам и лесным просекам, отряд прошел около 26 км и с рассветом оказался в глубоком тылу противника, далеко оторвавшись от основных подразделений бригады. Осмотревшись и сориентировавшась на местности, заместитель командира 49-й механизированной бригады приказал командиру батареи перенести орудия к танкам, боеприпасы закрепить на лафете, личный состав посадить с автоматчиками на броню танка. Всё это мы сделали довольно быстро и не зря.

По команде четыре танка на предельной скорости выскочили на мост, перешли по нему реку и оказались на противоположном берегу. Немецкие охранники моста выскочили из укрытия только тогда, когда мы уже были на их берегу. В короткой перестрелке немецкие автоматчики были уничтожены, а некоторые скрылись в лесу. Появление нашего подразделения для противника было настолько неожиданным, что они не смогли оказать сопротивления. Как только мы развернулись в боевой порядок «линия» и пошли вперёд, сзади раздался сильный взрыв, и мост через реку рухнул в воду.

Мы оказались отрезанными, но продолжали отбивать натиск противника. Наша батарея заняла круговую оборону. В течение суток отразили несколько атак противника, часто меняли позиции, экономили боеприпасы. Но немцы бросали новые силы, стремясь вытеснить нас с плацдарма, мы несли потери. В моём взводе погибли 3 человека: наводчик ефрейтор Новиков А.Н., заряжающий Халиков Усман и подносчик снарядов Пихайло Михей. Тяжело нам было, когда немцы направили против нас самоходные орудия. Командир орудия ст. сержант Станкевич подбил одну самоходку, уничтожил два бронетранспортёра. Немцы понесли большие потери в живой силе.

Ночью к реке подошли главные силы с переправочными средствами.

Находясь на маленьком плацдарме, наш передовой отряд смог уничтожить до батальона пехоты, подбил и сжег 11 танков и самоходок, несколько десятков автомобилей. На следующее утро на плацдарм вышли главные силы бригады.

За эту операцию я был награжден орденом Красной Звезды.

Нам была поставлена новая задача: оказать помощь частям, удерживавшим Сандомирский плацдарм, и двигаться в направлении города Красно. Но обстановка изменилась: командующий 4 ТА генерал Д.Д. Лелюшенко приказал нашей бригаде переправиться за реку Висла на Сандомирский плацдарм, и в этой обстановке мы вступили в ожесточенные, кровопролитные сражения. Наша батарея получила задачу развернуться и прикрывать 2-й мотострелковый батальон майора Чуяха Е.А. Немцы направили против нас механизированные части. В первой схватке мы потеряли одно орудие, в нашей батарее погиб командир батареи ст. лейтенант Боровиков М.С.

Мне пришлось маневрировать между орудиями. В очень тяжелом положении оказался и командир орудия сержант Грузиненко А.Л.

Немцы почувствовали, что орудие молчит, стали применять перебежки автоматчиков, которых подбрасывали бронетранспортёрами. У орудия погиб наводчик Агеев С.М.. Когда я подбежал к орудию Грузиненко А.Л., он был в шоке. Я приказал ему занять место наводчика, а водителю тягача Воронович В.В. приказал подносить боеприпасы. Сам принял решение отражать атаки немцев.

Принятыми мерами мы стали наносить удары шрапнелью по цепям автоматчиков, это очень подействовало. Противник стал рассеиваться, много немцев уже лежало на земле, но им на помощь вышел танк, он вспыхнул факелом. Затем мы перенесли огонь на скопившиеся бронетранспортёры. Результаты были положительные. Только к вечеру противник был разгромлен, потери его были значительные.

Противник после неудачных попыток сбросить наши части с Сандомирского плацдарма был вынужден перейти к обороне. В это время 49-я механизированная бригада доукомплектовывалась личным составом, материальной частью, занималась боевой подготовкой. 12 января 1945 года началось новое наступление с Сандомирского плацдарма. Наша бригада входила в прорыв, артдивизион непосредственно продвигался в боевых порядках бригады.

К исходу дня бригада вышла к реке Ниде, форсировала её и вошла в город Скшельчицей. Произошел встречный бой. Артдивизион был развернут и прямой наводкой вел ожесточенный бой за каждый рубеж.

Наша батарея подбила 2 танка. Здесь отличились командир орудия Грузиненко А.Л. и Станкевич И.И., я их представил к награде.

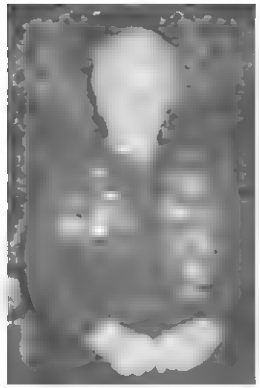
За участие в форсировании реки Одер, в окружении Берлина командир орудия моего взвода сержант Грузиненко А.Л. Указом Президиума Верховного совета СССР от 27 июня 1945 г. был награжден орденом Славы третьей степени.

В дальнейшем мы вышли на реку Эльбу. Затем овладели городом Бранденбург, а закончили бой освобождением Праги. Я был всегда со своим взводом, в боевом строю гвардейцев, за что награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени. Был назначен командиром взвода Управления артдивизиона.

После окончания ВОВ был назначен командиром батареи 220-го пушечного артполка. В 1955 году поступил в высший военно-педагогический институт им. М.И. Калинина в г. Ленинграде. В 1957 г. был переведён в Военно-политическую академию им. Ленина, которую закончил в 1960 г., и был направлен на Байконур заместителем командира по политчасти инженерно-испытательного ракетного полка. С 1972 г. - зам. начальника политического отдела Центрального управления Генерального штаба ВС. За показатели в работе был награжден тремя орденами. В 1981 г. в звании полковника был уволен из кадровой армии в запас.

Февраль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Степанян Карэн Тигранович,*** студент 2-го курса профессионального училища № 5



Васильева Вера Ильинична

МОИ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Я, Васильева Вера Ильинична (девичья фамилия Свиридонова), родилась 27 декабря 1923 года в селе Осмонь Дмитровского района Курской области. По национальности русская. Была атеисткой и комсомолкой. До войны окончила телеграфную школу. В десятом и одиннадцатом классах я уже училась на Центральном телеграфе. После окончания школы меня взяли работать на Центральный телеграф. Я была военнообязанной, т. к. все связисты были военнообязанными. По специальности я была бодисткой — это специалисты связи, работающие на аппаратах Бодо. Когда началась война, стали обстреливать центр Москвы, в том числе и рядом с Центральным телеграфом упала бомба. Нас (90 комсомольцев) с Центрального телеграфа взяли на военный объект связи рядом с метро Белорусская. Там находилась аппаратная. Я работала в первом отделе. Затем в 1942 году меня перевели в запасной батальон связи в Сокольники. Там началась военная подготовка. Мы ходили на стрельбище в парк, и нас учили стрелять из винтовки, автомата. Ночевали в школе, на втором этаже, где специально для этого были поставлены двухэтажные нары. На первом этаже школы был штаб, который занимался распределением специалистов в разные полки, в зависимости от потребностей полков. В этой школе проходили и остальные занятия по военной подготовке.

Формировалась 3-я гвардейская танковая армия под Тулой. К нам приехал командир полка. В этот полк были нужны две бодистки. Мою подругу Нину Конькову и меня забрали в марте 1943 года в 3-ю гвардейскую танковую армию.

На машине нас доставили под Тулу. Это было в марте 1943 года. Разместили нас в землянках, оставшихся после немцев, близ деревни Кобылинка, где находился штаб армии. И сразу повели проверять мои знания. В помещении, куда меня привели, уже была установлена связь и поставлены аппараты Бодо. На аппарате надо работать двумя руками, а я уже могла вести передачу одной рукой. Все проверяющие были в восторге от увиденного и в то же время удивлены. Потом повели на стрельбище проверять, как я стреляю из винтовки. На «отлично» нужно было выбить 30 очков. Я попала два раза в десятку и один раз в девятку, выбив, таким образом, 29 очков.

Начинала я боевые действия рядовым в составе 138-го отдельного Львовско-Берлинского ордена Красной Звезды полка связи. Конечно, вначале он назывался просто 138-й отдельный полк связи. По мере продвижения наших войск и освобождения городов он стал называться сначала просто Львовским, а потом Львовско-Берлинским, и уже в дальнейшем – ордена Красной Звезды.

Самая страшная битва была на Курской дуге. Наши войска пошли в наступление. Самолеты мессершмитты гонялись буквально за каждой нашей машиной и танком. Наши войска были окружены врагом с трех сторон: спереди, справа и слева. А была уже весна, деревья позеленели. И мы старались прикрыть машины их ветвями, чтобы как-нибудь замаскировать. Во время налетов все старались куда-нибудь спрятаться, и некоторые наши люди прятались под трупами немцев. Мы не пили и не ели. И питались только тем, что кинет нам в окоп каким-то образом проползший к нам солдат. Бросали обычно немного хлеба. Мы занимали окопы, оставшиеся от немцев. Они были вырыты зигзагом, для того чтобы взрывная волна после попадания бомбы не прошла так далеко, как, если бы был выкопан прямой окоп.

Передвигались буквально по метрам. Садились в машину, погрузив все оборудование, проезжали немного, выгружались и устанавливали связь. А кабельно-шестовая рота проводила кабель для наших аппаратов для установки связи. Занималась я передачей разведывательных донесений, оперативных сводок непосредственно в штаб Украинского фронта.

Убитых клали прямо на землю. В дальнейшем их перекладывали на гужевые повозки вместе с ранеными. Дорог как таковых тогда не

было. Помню такой случай. Когда мы сели в машину, моя подруга – Катя Новикова положила голову мне на плечо. Я и говорю ей: «Кать, я ведь тоже двое суток не спала. Не время сейчас спать». А вокруг шум от разрывающихся снарядов, выстрелов, и ничего не было слышно. Оказалось, что она, когда садилась, сняла автомат с предохранителя, и он ей выстрелил в подбородок. К счастью она выжила, хотя и потеряла очень много крови.

Убитых немцев было очень много, и наших тоже. Уже поставили палатки люди из разведывательного отдела и занимались своими делами. И вот я смотрю на одну из палаток, а в нее попадает осколок от бомбы. Палатку эту снесло, и машинистке, которая находилась внутри в это время, оторвало обе ноги.

Дальше было форсирование Днепра. Сентябрь 1943 года. Там тоже происходили бои. Переправа осуществлялась на понтонах. У связистов было обычно два положения. Одна часть продвигалась вперед, устанавливала связь. Тем временем со своего положения позади первой – снималась вторая часть и продвигалась к первой. С форсированием Днепра продвижение войск дальше затормозилось. И я две недели находилась на левом берегу Днепра, жила в избушке одна, передавала шифровки, оперативные сводки и сведения разведывательного отдела. Связь поддерживала постоянно. Войска понемногу переправлялись на другой берег. Какую-то часть переправят на понтонах, а некоторые танки переползали в тех местах, где мелко. И вот мы снимаем аппаратуру, закрываем связь, грузим аппаратуру в машину и стоим, ждем очереди на понтон. Весь Днепр был закрыт дымом от дымовых шашек. А над головами пролетали реактивные снаряды, выпущенные с «катюш», создавая тем самым стену огня, чтобы наши войска удачно переправились. Они били по тому берегу, где дислоцировался враг. Река в месте переправы была заполнена лошадьми, машинами, людьми. Подошла наша очередь, и мы переплыли. Был уже ноябрь месяц.

После переправы мы проехали еще сколько-то и оказались в Киеве. Это было в шесть часов утра шестого ноября. Нас разместили в кирпичном здании на Крещатике. Аппаратуру мы не разворачивали, так как разместились там временно.

В семи километрах западнее Киева располагался районный центр Святошино. Там мы и остановились. У меня раздуло щеку – болели зубы. Всех позвали на построение. Я пошла к командиру полка и объяснила ему всю ситуацию про флюс. Спрашиваю у него, вставать

ли мне в строй. Он ответил, чтобы я все равно вставала. Там, под Киевом, я получила свою первую медаль «За боевые заслуги».

Мы прошли всю Украину. В Одессе нашему полку присвоили звание «Львовский».

Помню такой случай, произошедший в Винницкой области, Погребищинском районе. Ночью мы передвигались частями. Как всегда, на крытой машине. Ночью нельзя было включать фары, чтобы передвижение не заметил противник и не начал обстрел. Переправлялись мы через маленькую речку, через которую был мост без перил. Из машины высадились два человека, чтобы осветить путь. Еще вышел третий, который показывал дорогу шоферу. И когда машина доехала до середины моста, ее левая сторона немного перевесила, и машина упала в реку. В машине находилась наша аппаратура связи. Пять человек погибло. Я бы тоже погибла, если сидела бы на левой стороне машины. Но я сидела на правой стороне – меня вытащили.

С первого попавшегося погибшего человека сняли валенки и дали мне. Я их надела, так как мои были насквозь мокрые. И мы пошли искать свой полк.

Мы пошли и вдалеке увидели маленький огонек. Дошли до него – там оказался скотный двор. Там нам объяснили, как дойти до штаба. По дороге мы нашли свой полк, нам дали сухую одежду. Штаб находился впереди, и нам пришлось идти до него, так как мы были во втором положении закрепления связи.

Затем вошли в Польшу. Прошли всю Польшу. Города в большинстве своем были разрушены почти до основания.

После взятия Берлина мы как-то расслабились. Помню, меня катали на броневике. Мы пересаживались с машины на машину – все время передвигались. Расписалась на Рейхстаге.

После взятия Берлина война еще не закончилась. Еще оставались разрозненные небольшие группировки врага в Чехословакии и Австрии. В том числе была еще оккупирована Прага. Освобождали Прагу шестой и седьмой корпуса.

И вот, через какое-то время, колонна танков и машин медленно-медленно двинулась через Судетские горы в Чехословакию, на Прагу. Но о победе еще не объявляли. Мы прошли еще сколько-то. И вдруг с задних рядов колонны, которые были близко к Берлину, пошла весть о том, что объявили победу. И конечно, все машины остановились. Все, обрадовались, соскочили, кто с танков, кто с машин, стали обнимать друг друга. Некоторые начали стрелять из оружия в воздух.

Некоторые целовали землю от радости. А многие даже плакали от счастья.

Затем по Судетским горам мы спустились в Чехословакию. И как же нам радовались в Праге! Нас встречали как героев. Все машины были облеплены жителями. Сказать, что они нам были очень рады – значит ничего не сказать. Некоторые даже залезали на машины и просили что-нибудь подарить на память. В Праге мы пробыли несколько дней. Аппаратуру не развертывали, связи у нас не было.

После Чехословакии мы проходили через Венгрию. И только там мы почувствовали себя спокойно, расслабились и ощутили, что война закончилась.

Потом оказались в Австрии. Там меня хотели оставить на год или на два работать, но я отказалась. Сказала, что меня ждет мама.

После Праги, Венгрии и Австрии 29 сентября 1945 года я демобилизовалась. Закончила я войну в звании старшего сержанта. Была командиром отделения связи, работающего на аппаратах бодо. Служила я под начальством капитана Грашина. Домой возвращалась на поезде в грузовых вагонах. Колея у европейской железной дороги уже, чем у российской. Нас перегрузили в вагоны советских железных дорог, и мы поехали дальше.

Я принимала участие в освобождении городов: Киев (ноябрь 1943 года), Фастов (ноябрь 1943), Васильков (ноябрь 1943 года), Житомир (январь 1944 года), Староконстантинов (март 1944 года), Проскуров (март 1944 года), Тернополь (апрель 1944 года), Перемышль (июль 1944 года), Львов (июль 1944 года), Мелец (август 1944 года), Сандомир (август 1944 года), Енджеюв (январь 1945 года), Радомско (январь 1945 года), Ченстохова (январь 1945 года), Пиотркув (январь 1945 года), Велюнь январь1945 года), Оппельн (январь 1945 года), Глейвиц (январь 1945года), Рыбник (январь 1945 года), Берлин (апрель 1945 года), Дрезден (май 1945 года), Прага (май 1945 года).

Форсировала реки: Днепр (август сентябрь 1943 года), Тетерев (декабрь 1943 года), Сан (июль 1944 года), Висла (июль – август 1944 года), Нида (январь 1945 года), Пилица (январь 1945 года), Одер (январь 1945 года), Нейсе (апрель 1945 года), Шпрее (апрель 1945 года), Нотте-канал (апрель 1945 года), Тельтов-канал (апрель 1945 года).

Первую свою медаль «За боевые заслуги» я получила после форсирования Днепра и освобождения Киева. Во время войны я получила две медали «За боевые заслуги» и «За отвагу». А после войны медали «За освобождение Украины», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина».

Когда я приехала в Москву, я знала только одну однополчанку. После фронта все мои друзья по полку разъехались кто куда и не оставили своих адресов. Затем я проявила инициативу по поиску своих однополчан и по цепочке нашла 80 ветеранов своего полка.

После войны я устроилась работать на п-я 2414г. Потом меня взяли на работу в институт геодезии и картографии.

Родственники у меня на войне не погибли. Три брата получили ранения. Гриша остался без ноги. Самый младший, Михаил, 1926 года рождения, был ефрейтором. А Егор был ранен в руку.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мазур Павел Павлович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Виноградов Владимир Павлович

РАДИСТ-РАЗВЕДЧИК «ОСНАЗА»

Я родился в городе Москве 26 ноября 1925года. Национальность русский. Вероисповедание — православный. До войны окончил 8 классов школы

О начале войны узнал 22 июня. Хорошо помню выступление тов. Сталина 3 июля 1941года. Рядом со мной стояли мать и отчим, мы слушали выступление по уличному громкоговорителю. «Таня, я пойду на войну!» — сказал отчим, обращаясь к матери.

Отчим был директором Союзнефтъэкспорта Наркомата Внешней Торговли. Он имел бронь. На иждивении, кроме меня, находились еще три ребенка: семилетняя дочка и два сына, старшему было 4 года, а младшему 1 год.

Во время войны я работал. Сначала на заводе имени тов. Сталина (1942год), а потом помощником киномеханика в Наркомате Внешней Торговли. Для меня было очень трудно находиться в тылу, я хотел на фронт. Пошел в военкомат. «Сколько тебе лет? — спросили меня там. — Через месяц будет семнадцать! — ответил я. — Вот через месяц мы пришлем тебе повестку, а пока потерпи». Меня не обманули, повестка пришла вовремя.

Попал я в 25-й радиоразведывательный полк «особого назначения» главного разведывательного управления НКО СССР, который базировался в городе Горький в районе Сормово. В разведшколе курс

обучения составлял 6 месяцев. Учился с отличием, очень уж хотелось на фронт.

В школе существовал такой порядок: для тех, кто учился на отлично, курс обучения составлял 5 месяцев. 23 июня 1943 года прибыл на фронт, в 313-й отдельный радиодивизион «особого назначения», который в то время находился на Воронежском фронте. Позднее фронт был переименован в Первый Украинский фронт, командующим фронтом был генерал Ватутин.

Начальником разведки штаба Воронежского фронта был генерал-майор Виноградов. Отлично помню, как ребята все время спрашивали меня: «А кем тебе приходится товарищ генерал-майор? Ты его родственник, да?» Я же все время отшучивался и говорил: «Это военная тайна!» На самом деле мы были просто однофамильцами. Воинское звание у меня тогда было рядовой радист-разведчик.

11 января 1944 года я был отправлен в маневренную группу при 3-й гвардейской танковой армии. Маневренная группа постоянно контактировала с 39-м танковым разведывательным батальоном.

Я освобождал Украину и Польшу. Мой боевой путь проходил через города: Харьков, Богодухов, Лебедин, Киев, Бердичев, Проскуров, Винница, Львов, через Сандомирский плацдарм.

19 сентября 1944 года был тяжело ранен в районе города Кросно. Я был тогда в маневренной группе от 313-го дивизиона при разведке 18-й армии, имел воинское звание ефрейтор. Командир — капитан Гнутиков. Дальше пошли госпиталя, в городах: Жешув(1944год), Львов (сентябрь 1944года), Баку (октябрь-ноябрь 1944года).

Демобилизовался из госпиталя в городе Баку по причине тяжелого ранения (начало декабря 1944 года) в воинском звании младший сержант.

«БЫЛ»

Ранним утром 22 июня 1943 года мы, двадцать три выпускника школы «особого назначения», после ночевки в Старом Осколе пошли на запад, к Курской дуге. В район между Прохоровкой и Бобрышевым, где располагался штаб Воронежского фронта. Шли весь жаркий день, и только ночью нас встретила машина дивизиона. На хуторе Зеленом, куда нас привезли, мы вспомнили, что начался третий год войны.

Представьте такую фантастическую картину: два гигантских бульдозера с надписями «Сделано в Германии» и «Сделано в СССР» с

обеих сторон огромного пространства — выступа с центром в Курске — подгребли друг к другу, словно горы земли, целые армии, корпуса, дивизии, бригады, полки и батальоны...

Конечно, я, рядовой разведчик 313-го отдельного радиодивизиона «особого назначения» майора Костина, тогда не мог знать расстановку сил. Вместе с такими же молодыми, от семнадцати до восемнадцати лет, бойцами, ведомыми капитаном Сметанниковым, шагал по пыльной дороге к фронту. Мы были не дюжим пополнением к великому противостоянию, а всего лишь горсткой песчинок. Но самое малое число указывало на большую надобность в нас, а ровный шаг, скоро перешедший в дробный топот, однако, упорный — вперед и вперед, придавал нам юную самоуверенность: придем, и все будет в порядке. Зря, что ли, нас учили и муштровали не пару-тройку недель, а пять месяцев?!

Позади остались веселая дорога в плацкартном вагоне поезда Горький — Москва и грустная дневка в Москве, на Павелецком вокзале. К некоторым москвичам приехали матери, а я своей так и не дозвонился. Бабушка с братьями и сестрой жили в Пензенской области, в эвакуации, а когда маме сказали на работе, что звонил сын проездом на фронт, она успела захватить лишь огни последнего вагона поезда на Елец. Капитан утешил: плохие проводы — хорошая встреча. В общем-то, Сметанников мог устроить нам и ночёвку в Москве; у нас были в запасе сутки, но побоялся. Чего? Ребята были проверенные, надежные и рвались на фронт.

Переход от Курского вокзала на Павелецкий остался в памяти словно в тумане, каким-то нереальным, полубредовым. Мы шли по проезжей части Садового кольца, вдоль левого тротуара. А по нему — прохожие. Москвичи привыкли к проходившим по городу воинским командам, и на их лицах не отражалось даже любопытства. Сочувствие нам не только не требовалось, мы его просто отвергали — еще чего! Шли по родному городу, но он нас не обнимал, не притягивал до боли и радости: казалось, видели сон, не более того. В Ельце предстояла пересадка, и вот там короткой ночью с 20 на 21 июня нас «окрестили» жестокой бомбежкой.

Немецкие самолеты бросали бомбы на вокзал, но все мы думали, что они летят точно в каждого из нас. Выглядывая из щелей, вырытых на привокзальной площади, мы видели, как разрывало на оранжево-красные куски паровоз, а он продолжал кричать, вплетая ужас и боль в истошные вопли его собратьев на ближних путях. Желто-красными шарами взрывались черные цистерны; пронизанные пламенем

вагоны товарняка походили на большие китайские фонарики. Эту гирлянду разрывали сцепщики. Их черные фигурки мелькали, сбивая с себя огонь, и смотреть на них было страшно и стыдно. От бессилия — стыдно. Потом этих сцепщиков напомнили горевшие танкисты.

В теплушках из Ельца мы прибыли в Старый Оскол и расположились на окраине города, опять на виду вокзала, в кустах, у какой-то речонки. Щели не вырыли, да и лопат не было. Густые кусты казались надежной маскировкой. Голубевшей ночью немцы и здесь отметили одовщину своего нападения — сбросили на город с десяток бомб и, вырвавшись из просверков зенитных разрывов, убрались. Москвичу налеты вражеской авиации были не в новинку, но все почувствовали близкое дыхание войны.

В поход вышли еще по холодку, после заправки сухомяткой, смоченной станционным кипятком. Сначала шли бодро сонной окраиной мимо щербатых, давно не беленных домишек, переживших кошмар оккупации. Дорога пылила. Вскоре стали ощущать ее тягостную бесконечность. Слева, в густо-зеленых манящих берегах, текла неширокая река, темная, видимо, от глубины: все бы сорвать с себя и нырнуть до полного блаженства! И здесь Сметанников побоялся. Справа поблескивали ослепительно-белые срезы меловых холмов. Вспомнились почему-то школьные мелки у черной доски и «классики» на тротуарах, по которым прыгали на одной ножке девчонки. Однако солнце разгоралось, по вискам из-под пилоток потек пот. Черные погоны недолго защищали плечи от лямок мешков; хорошо, что шли без оружия, противогазов, лопаток, но шинельная скатка, жаркая и неотвязная, будто прилипчивая деваха, не размыкала объятий. «Только не пить!» — внушали себе и сплевывали густую слюну. Плевки в пыли под ногами чернели, и хотелось видеть их первыми каплями дождя. Но в выгоревшей синеве — ни облачка, ни крестика самолета...

В семнадцать лет живут не воспоминаниями, а настоящим, верой в завтра и неверием в собственную смерть. Пройдут годы, когда станешь сопоставлять тот изнурительный день с первым днем войны... В то черное для страны воскресенье пятнадцатилетний подросток видел, как посередине Тверской шли войска к Белорусскому вокзалу. Они шли молча. Только шорох подошв и звяк подковок. Глубокие каски почти скрывали лица. Серые горбы скаток, темно-рыжие винтовки, зеленые противогазы, сизые штыки. Разрядил колонну строй в синих милицейских гимнастерках, в тех же касках, с такими же винтовками. По Садовому кольцу, со стороны Курского вокзала, заворачивая вслед пехоте, двигалась конная артиллерия. Мы любили смотреть парады,

когда войска подтягивались к Красной площади. Но в тот день — то же безмолвие, лишь громкое цоканье копыт. Военные лошадки приветливо кивали головами стоявшим обочь москвичам и роняли с закусанных мундштуков желтоватую пену. Для них, терпеливых, хуже нет, как ступать по асфальту.

День в день, но с разрывом в два года, на белгородско — курской земле мы пристроились к бесконечной колонне войны. До 19 сентября 1944 года я не выходил из неё, пока не был тяжело ранен у городка Кросно, что у подножья Карпат между Польшей и Чехословакией. Медсанбат, госпитали, санпоезд, снова госпитали и поезд на Москву. Господь знает, кому, когда и что отмерить... Стыдно жаловаться: много боевых товарищей полегло на войне, а я вот отметил 57-ю годовщину Великой Победы. Смотрел парад с трибуны на Красной площади. За тех, кому не довелось отмотать этот путь обратно. Как же не благодарить Спасителя — за жизнь, за все радости и страдания? За память, которую мы обязаны передавать от сердца к сердцу. И это не дает нам права сойти с бесконечной дороги борьбы за Отечество...

Утром 23 июня 1943 года, после удивительно обильного завтрака, не сравнимого с тем, что давали в полку, старшина вручил нам винтовки образца 1891 года и патроны. Я спросил:

— А нельзя автомат?

—У англичан на ваших местах сидят офицеры. — Заметив наше сомнение, старшина добавил: У немцев — это абвер. Поняли? — Звучало. Я кивнул головой. — Поэтому и винтовки вряд ли вам пригодятся. Твое оружие вот, — старшина указал мне на радиоприемник «Северок», маленький, но мощный. — А на крайний случай повесь на ремень вот эту штучку. — И сам пристегнул к моему правому боку известную «лимонку», или «Ф-1», и протянул взрыватель. — Держи всегда при себе, — он говорил мне, но обращался ко всему пополнению. — Вставишь плотней, дернешь за колечко, и — не быть тебе в плену никогда. — Старшина осклабился, показав ряд зубов из белого металла, целую обойму. — Мы же — осназ! Нам в плен никак нельзя. Понял?

Все стало предельно, беспощадно ясно.

Ещё нам выдавали на сутки восемьсот граммов черного хлеба, настоящего ржаного, без примесей, такого сейчас не поешь. Это — летом, а зимой — кило двести. Да двойные пайки сахара и масла, а некурящим — шоколад. Не говорю о трехразовом горячем питании. Ну, и каждый Божий день — по сто «наркомовских» граммов водки.

Значит, мы были нужны. И не стригли нас под нулевку. А ППШ я раздобыл и гордился им, пристрелянным еще в Сталинграде. И продолжаю хранить в своём «архиве» справку с его номером — 8806.

Мы засекали радистов противника и передавали их волны на пеленгаторы, таким образом определяя дислокацию и передвижение штабов полков, дивизий и корпусов. Дивизионные и полковые разведчики брали «языков», уточняя наши данные. Наполовину «смертники», они волокли «фрицев», оберегая пуще собственной жизни, чтобы не ползти по-новой. Нам вроде бы повезло со службой.

За три дня до немецкого наступления мой наставник, старшина Билля-Бийма, туговатый на ухо от вечных шумов в наушниках, но с острым слухом на морзянку, уловил открытый текст. Он дал мне знак, чтобы я дублировал его. Радиограмму записали. Но немец отбил коллеге: «рпт аль», что означало: «повтори все сначала». Подвела немецкая аккуратность или худший класс работы? Нам оставалось лишь проверить записи и исправить ошибки. Текст вызвал радостный переполох у нашего начальства. Оказалось, что на передовую прибыла свежая дивизия, указывалось и расположение ее полков. С текстом помчались в штаб фронта, копию отстучали в Москву. Старшине вручили орден Красной Звезды, хотя подавали на орден Ленина. Дублеру светила как минимум медаль — но объявили благодарность. Зато перевели на самостоятельный поиск нешифрованных передач. Немцы частенько грешили, когда поджимали обстоятельства.

4 июля ко второй половине дня противник произвел разведку боем, был отбит и отступил. На рассвете 5-го получил известный упреждающий жуковский удар из всех артиллерийских стволов. Удар страшный, ошеломивший немцев, внесших сутолоку и досаду, сорвавший парадно-победное настроение. Но, стряхнув землю с осколками, они опомнились, настроились и пошли.

Фашисты словно взбесились. Голоса и морзянка в треске помех проскакивали в рев, грохот и звоны обороны, прорываемой танками и мотопехотой. Противник устремился в сторону Обояни и Прохоровки; значит, на нас и на Корочу. Ринулись «тигры», «пантеры» и «фердинанды» 2-го танкового корпуса СС, 48-й и 3-й танковых дивизий вместе с 51-м пехотным корпусом и частями корпуса «Раус».

Бронированная лава сминала «сорокапятки», с отчаянным самозабвением бившие по танкам с открытых позиций. Так издавна лупили по врагу все русские бомбардиры. Но танки шли, давили гнезда с противотанковыми ружьями, окопы с оглохшими стрелками. Танки горели и чадили, танкистов расстреливали уцелевшие красноармейцы,

но следом другие танки с белыми, словно обрубленными, крестами — от дьявола — устремлялись вперед. «Форвертс! Лос! Лос!» Русская пехота, не сумев подорвать или поджечь бутылкой с горючей смесью, пропускала машины над собой, а потом отсекала немецкую пехоту. Но за встреченной цепью бежала другая, поливая все живое огнем из автоматов, за ней еще и еще — накатами. Нашим оставалось лишь героически умирать. В том аду никто не «пропадал без вести». В том аду никого не брали в плен.

«Мертвая голова», «Великая Германия», «Райх», другие дивизии СС и армейские прорвались к Прохоровке. Все дни и ночи шли обоюдно изнурительные, кровопролитнейшие бои. Офицеры и красноармейцы проявляли чудеса стойкости и героизма. Нельзя было отказать в мужестве и упорстве офицерам и солдатам вермахта. Всех опалял один огонь, накрывала одна гарь, душил общий чад.

Помню, как на нас выскочил мотоциклист, абсолютно черный, в комбинезоне, на котором не различались никакие знаки. Его чуть было не расстреляли в упор, приняв за солдата из «Мертвой головы». Сверкая белками, как негр перед зажженным крестом, он так выматерился, что мы и документов не потребовали. Под комбинезоном были погоны майора и пакет с донесением. Убыл от нас «черный» майор после короткого, но хорошего угощения. Водка, конечно, не перебила опьянения боем.

Генерал Ватутин ввел в поддержку изнемогавшим, редевшим частям два танковых корпуса, 2-й и 5-й. Опасный кризис наступил 11 июля. Тогда со Степного фронта по приказу маршала Жукова в сражение были брошены 5-я гвардейская общевойсковая армия генерала А. Жадова и 5-я гвардейская танковая генерала П. Ротмистрова. 12 июля завязалась величайшая в истории войн танковая битва.

В жутком реве, который, казалось, объединил под взмахами одного дирижера два какофонических оркестра, гигантская завеса пыли и гари забрала весь горизонт и уходила ввысь, замазывая весь голубой простор неба. Солнечный диск катался в страшном затмении, то появляясь, то исчезая. В эту черную дневную мглу тройка за тройкой уходили и тонули, полностью скрываясь, пронзительно воющие «илы». Тройка за тройкой, словно спущенные с цепи и верные хозяину свирепые псы, они бросались в клубы огня и дыма, где необъяснимым чутьем находили цели, обрушивали на них бомбы и били из пушек. И сами падали и пропадали в кровавом крошеве из металла, земли и людских тел. И в каждом из них не умирал, а уходил в вечную память не просто герой. Будто пробивались к новым подвигам за Отечество

Николай Гастелло и Александр Матросов, воины-иноки Ослябя и Пересвет... Все, все, все, кого мы знаем и чтим на Руси Великой.

Но когда опаленные птицы каким-то чудом вырывались из пекла, то неслись они над нами обратно в свои гнезда не за тем, чтобы спастись, а за глотком кислорода и новым убойным запасом. Никакой приказ не смог бы их остановить.

Они были вне приказов, законов и самосохранения. Может, вся их предыдущая жизнь, вся ее цена была заключена в те прекрасные мгновения.

А оттуда, с выси небесной, прорывая и чернь, и грохот беспрерывной канонады из тысяч пушечных жерл, воистину из длани Спасителя, распростертой над русскими воинами, шла благословенная уверенность в нашей священной Правоте и непобедимости. И передавалась каждому — от командующих фронтами и армиями до рядовых бойцов. И умиравшие за Родину получали незримое причастие. А те, кто продолжал биться с ненавистным врагом, перенимал их героизм. Это и стало тем главным, что принесло нам победу. А поле у малоизвестной станции Прохоровка стало таким же легендарным, как Куликово, как поле Бородинское.

Мне же, тогда рядовому солдату, остается только добавить слово, которое чеканилось на старых воинских медалях: « БЫЛ»

Фронт не обманул, откровенно говоря, вольной жизнью и едой. На Курской дуге, куда нас привели от Старого Оскола под самое ее начало, выдали паек: 800 граммов хлеба на день (это — летний, а зимой полагалось 1200), ежедневно по куску масла, грудке сахара, некурящим — шоколадные конфеты. Принялись жевать, опять команда: «К старшине, с кружками!»

«Компот? Молоко? Может, рыбий жир! Еще чего — не детский сад!» Старшина разливал водку. В самом деле. Почти все — несовершеннолетние, кто-то успел попробовать спиртное, но не привык, не нынешнее молодое поколение, сосущее чуть ли не с пеленок. Удивлялись.

— Вы теперь разведчики. А разведке положен «наркомовский паек» — 100 грамм. В бою, в тылу — все едино. Поощрение, но и — доверие: по два-три дня не собирать, чтобы напиться. Не брать пример со «старичков», не напиваться. Иначе — лишу! Пейте при мне, чтобы я видел, кто как умеет. Кто не хочет — ради Бога! Верни обратно, не пропадет, — старшина оскалил зубы из белого металла, словно обоймы с патронами.

Невероятным показался и обед. Повар возвышался над полевой кухней на колесах, словно великан из мультфильма. Здоровенный,

круглоголовый, щеки налитые, блестят румянцем, в глазах доброта пополам с лукавинкой. Раскрутив черпак на длинной ручке, стал заливать наши круглые зеленые котелки. Доверху. И не лилось, а что-то шмякалось в них, потом убедились, что пшенный суп с тушенкой, картошкой, местной зеленью, с огородов хутора Зеленый, а мы, зеленые, радовались вкуснотище. «Кому добавки?» Брали, но и пожалели потом, когда навалили каждому каши, пахучей, масляной. После такой жратвы — на боковую бы. К рациям шли вперевалочку. Ловить чужую морзянку, пеленговать их рации, а значит, штабы полков, дивизий, корпусов, которые немцы выдвинули к дуге перед нашим Воронежским фронтом.

— Товарищ майор, младший сержант Гусак явился согласно предписания, — вырос перед командиром нашего дивизиона Котовым чернявый, худющий, словно жердь, повар генеральской кухни штаба фронта. Майору Котову захотелось самому принять «отличившегося» Гусака, подивиться на изгнанного из высших сфер и определить его дальнейшую службу.

Дивизион не нуждался в еще одном поваре. До майора дошло, что «генеральского» следует направить ближе к передовой. Причем таково повеление самого интенданта фронта. «Замена штрафной роты», как пояснил его адъютант, совпала с желанием провинившегося. Кто-то из разведотдела все же рассказал по секрету о страшном проступке Гусака, и майор Котов, вдоволь посмеявшись, определил повара в нашу мангруппу. Маневренную разведгруппу при 3-й ГТА (гвардейской танковой армии) генерала Рыбалко. Случилось это почти сразу после освобождения Киева. Пошел даже слушок, что Гусака, киевлянина, бывшего шефа одного из ресторанов, освободили или захватили вместе с наиболее ценными трофеями. Впрочем, слушок скоро истаял: Гусак воевал с первых дней войны. Но то, что этот «трофей» оказался действительно весьма ценным, осталось.

В рассказах, повестях, даже романах о войне тема пищи упоминается как-то вскользь. «У тебя есть что-нибудь пожевать?»... «Разделили последний сухарь пополам»... «Наскоро поел и побежал»... «И тут раздалось: «Становись! Выступаем!» И приготовленный завтрак пришлось вывалить из котла». И так далее и тому подобная чушь.

Накормить солдата было первой заботой командования. Голодный боец злой первые минуты. Потом он начинает вянуть, морщиться, сникать, как под солнцем неполитый цветок, или замерзать при небольшом холоде. Ты можешь обложить его боеприпасами, а он ска-

жет про себя: «Лучше бы ты мне харчишек подвез». А накорми — сам лишний патрон раздобудет. Сытую жизнь защищать.

На войне любовь, дружба, жизнь и смерть приобрели поистине шекспировское звучание, но реальность держалась на густом пшенном супе, крутой каше, табачной закрутке и неразбавленной хлебной.

Ни Гусак, ни тем более мы не знали, с какой моралью вписывался в систему генерал-интендант. Он не был боевым генералом, его лампасы и вся остальная опушка — малинового цвета, в отличие от красной, голубой, зеленой и других цветов войск. Но на нем лежала огромная ответственность за снабжение всего фронта, всех частей, их боеспособность. И эта важность насыщала его самомнение, как солдата Богом данный приварок к основной пайке. Он был демократичен и обедал не один, а в кругу других, тоже генералов, но как бы являл себя кормильцем, ответственным за меню и качество подаваемых блюд на красивых тарелках. И повар, в данном случае младший сержант Гусак, был его приобретением и частью гордости. Кто-то из столовавшихся рассказал о ресторане, где кухарил до войны этот повар, о замечательной еде в нем, хотя самого Гусака, конечно, там не видел, не подзывал, чтобы поблагодарить устно, а не в книге жалоб и предложений. Они только удивлялись, отчего повар при генералах такой несолидный, тощий, будто не в коня корм.

Да, Гусак меньше всего походил на ресторанного бога. Смуглое, словно от печной копоти, лицо в оспинах. Раздень мужика, и примешь за срезанный снарядом телеграфный столб, обугленный и истыканный автоматными очередями. Только зубы сверкали, большей частью золотые. И опять не в его пользу. «Золотые от недовложений», смекали из тех, кто сам нечист на руку и всех марает подозрением.

Никому не приходило в голову, что и полнота одних поваров и худоба других отклонение от нормы. Бесконечные пробы горячего и холодного, соленого и кислого, горького и сладкого. И болезни — от зубов, гортани, всего пищевого тракта до печени, почек, всяких желез и пузырей. И кровеносных сосудов, и отложение солей... При вечной духоте, чаде, жаре на сквозняках.

Но всегда, когда вы сталкивались с Гусаком, на вас смотрели ясные, вишневые глаза в самом деле красивого молодого мужчины, веселого и приветливого. И уж коли до конца о его облике, то на всем пути нашей мангруппы оставались после общения с младшим сержантом сильно погрустневшие и часто заплаканные жинки. Видно, в сырокопченом теле Гусака таилась и сила, и утешительная душа. Не за банки же с американской колбасой...

Еще до Киева Гусак стал нервничать. Для нас столица Украины большущий город, стратегический центр для командования, символ победы для политиков. Для него же просто — родной. С улочками, переулками, Крещатиком, его рестораном. С надеждой, что не весь же разрушен. Освободит, застанет, встретят. Освободил, но никого не застал, не встретили. Вошли мы ночью. Ни командиры, ни мины не пускали разбрестись, искать. Какие еще розыски! Черные глазницы окон, красные языки пожаров, ни единой души на виду, ветер и ранняя морозистая стужа. От всего. Неба, Днепра, принявшего тысячи утопленников, тысячи тонн рваного металла, рвущие дно снаряды, последние крики гибнущих людей. От смертельно-бледных, в копоти, зданий, искореженного асфальта, затертого бесчисленным множеством прошедших по нему подошв. Наступавших, отступавших, уводимых на казни.

Пройти, проехать, мимо дома!

Генерал-интендант выпил чарку, хрустнул огурчиком, аккуратно, от себя, интеллигентно повел ложку в тарелке, цепляя капустку и долечки бурячка, картошечку и кусочки сальца, всю суспензию из двенадцати специй малороссийского борща, огненно-оранжевого. Втянул без всхлипа и закусил румяной пампушкой в запахе чеснока. Хорошо! Промолчал. Но соседи нахваливали, и он принимал, кивал и работал ложкой. Потик выступил на выпуклом, умном лбу. Промокнул чистым платочком, принял вторую чарку. Вместе со всеми. Елось и пилось. И когда ложка уткнулась в большой, но почему-то тонковатый кусок мяса, будто вместо отварного положили в тарелку ромштекс без мучной оболочки или шницель, отложил ложку в сторону и взялся за нож с вилкой. И резал, резал и не мог разрезать. Не поддавался ломоть мяса.

Генерал-интендант покосился на соседей. Те свободно резали, кидали в рот, жевали, глотали. Что такое? Хотел уже с досады крикнуть повара, но с большим усилием проткнул и проворчал: «Прямо подошва!» А поднял над тарелкой — и впрямь оказалась подошва. От солдатского кирзового сапога. Да не со склада, новенькая, запасная, а уже потертая на правой стороне, с дырочками от гвоздиков, ношеная. Солдат, носивший сапоги с этой проклятой подошвой, успел прошагать не одну сотню километров по дорогам войны.

Соседи замерли и засмеялись. Генерал-интендант побагровел. Не терявший самоуважения, он даже мельком подумал, не куснуть ли ее ради маскировки, да и бросить, но — заметили. А тут еще другой генерал, авиации, наискосок от него сидевший, подковырнул:

— Ваше превосходительство, — и осклабился, — да вы изволите подошвы есть?

Генерал-интендант грохнул пудовым кулаком по столу, не выпуская в левой руке вилку с «мясом», и рявкнул:

— Позвать подлеца!

«Подлец», не предупрежденный холуем-подавальщиком, ворвался в столовую с недоуменно-вопросительным выражением на лице, но понимая, что произошло нечто страшное именно по его вине, разогнулся из вопросительного знака в восклицательный и отчеканил:

— Товарищ генерал, младший Гусак по вашему приказанию прибыл!

Доклад «младшего Гусака» покрыл громовой хохот.

— «Прибыл!» Долго же ты прибывал, мерзавец! Как прибыл, так и убудешь! — и генерал швырнул в него тарелкой с недохлебанным борщом и куском резинового «мяса» на вилке. — Под арест! В трибунал прибудешь! — бросил салфетку и вышел вон первым. Ошеломленный и обескураженный повар, ничего не понимая, поднял «мясо» на вилке, пожал плечами, ставшими у́же, сорок четвертого размера, оглядел туманно молчавших больших фронтовых начальников и исчез. Холуй убирал осколки.

Разъяснилось в тот же день, но не при всех, а на ушко: розыгрыш со стороны тоже многозвездного. Одна из обычных хохм этой культурной среды. Обиженный подостыл малость, отправку «младшего Гусака» в трибунал отменил, переведя обиду, уже тайную, на хохмача. Может, потом в каких-нибудь кабинетах она и отозвалась, отыгралась на обидчике, но это — тайна. Однако Гусак категорически отказался вернуться к кормежке генералов. Требовал отправить на передовую, кормить простую братву. Ему пригрозили штрафротой за саботаж. Гусак согласился. На него махнули рукой — в ущерб высоким едокам, нам на радость.

Колечко

Под Тернополем, где наша армия добивала наглухо окруженных немцев, в большинстве штрафников, которым Гитлер обещал прорыв эсэсовских частей с танками, каждому по «Железному кресту» и отпуск к семье, где их зенитки, оставшись без снарядов, не мешали даже У-2 днем бросать гранаты, выбирая цели получше, штабной майор мотоциклетного полка своему ординарцу вручил медаль «За отвагу».

У разведчиков, когда наступали наши, находилось время и на безделье. Поздними вечерами пускались кто куда, но не дальше села

Охрименцы, в котором стояли. Да не больно-то и побродишь в одиночку: вокруг, думали, и в самом большом и богатом селе скрывались бандеровцы. Домики, не назовешь — хаты, буквально тонули в пышной зелени, красотища! Но селяне неприветливы, хмуры. У одних мужички оказались в дивизии СС «Галиция», других приобщили к бандам бандеровцы, остальные боялись мести за общение и дружбу с советскими войсками. Чего хорошего? Нашей группе урона ни от тайных врагов, ни от сочувствующих им, правда, не было. Да и боялись: село было забито военными. Шлепнут на месте.

На пригорке, тоже окруженная зеленью, высилась униатская церковь, действовала по своему обряду. Не мешали. Мы входили с некоторой робостью, по церкви не шастали, наподобие интуристов нынешних; войдем и смотрим, слушаем пение под орган, на попа глядим, строгого, на белые стены, иконы западного письма, хоругви. Естественно, выбираем взглядом прихожаночек молоденьких. Такие намоленные, скромные, но очень смазливые мордашки, и несмотря на отчуждение, глазками на тоже юных солдатиков, расправляющих складки гимнастерки под ремнем, грудь пошире, подбородок выше, губы сжаты — ни на каком смотру так не стоят, — зырк-зырк, и ямочка на тугой щечке, цветом в персик, возникнет, и потупится гарна дивчина, Бога вспомнит.

К одной из них прибегал на сверхтайные свидания я, восемнадцатилетний ефрейтор. Одна полоска на погоне, но — золотая. И погон не черный, как положено радистам, а ярко-синий, кавалерийский. На сто граммов выменял у бойца проходившего кавотряда. Неположенный? Кто в армии служит, знает, как любят приукрашиваться любыми отличиями от остальных солдаты. И под значками — подкладка, и ушив формы, и канты особые черт знает из чего. Выпендриваются, и командиры ничего поделать не могут. Лучше бы отдельным частям особые знаки, номера, нашивки ввели, а то даже ленточки с названиями боевых кораблей поснимали. Не понимают психологию воинов. У немцев и на машинах, и на танках, на всем почти свои знаки: летящие орлы, леопарды, стрелы, луны, щиты и прочие атрибуты.

Ефрейтор, подтянутый, успевший сменить ботинки с обмотками на сапоги, тоже выменянные, чем-то пленил пятнадцатилетнюю Марику Кудрик. Не синими ли с золотом погонами?

Перекрестились взгляды в той же церкви. Марику описывать не буду, красок не хватит. В эти годы все девушки, в которых мы влюбляемся, прелестны, ибо влюбляемся в красоту. Дай Бог, чтобы она совпадала с внутренней, ибо внешняя нарисована часто у таких мегер... У Марики каждый штришок совмещался. Прямо излучала эту

самую внутреннюю красоту, доброту, мягкость, словно за головой светился нимб, вынесенный от свечей в храме. Сначала на молебне увидел пушистую, темную головку в платочке, потом плечики, на которые падали локоны, и уголок платка. Затем все остальное, когда обернулась, уколотая долгим, пронизывающим взглядом искусителя — солдата. Нет, ефрейтора в великолепных погонах. Замеченный, наконец, нахал истово перекрестился, слева направо, по-ихнему, честно сказать, слукавил. Но вышли вместе, и словечко за словечко, уже на приличном расстоянии от Божьего места, познакомились.

Ефрейтор не охмурял девушку-подростка, на три года моложе, на десять лет наивней. Радист-разведчик, познавший многое, говорю без трепа, в помыслах своих был чист. Вечерами, в садах, не заманенную, а прибегавшую от суровых домашних с испугом и желанием, хватал в охапку, как душистый, сладко пахучий букет цветов, и все лепесточки перебирал губами. И ее губы отвечали на поцелуи, долгие, как очереди из автомата, когда патронов навалом, а враг — вот он, вот, идет на тебя из темноты.

Не знаю, чем и как оправдывалась она перед матерью, но лично меня не доставал политрук Василий Карташов. Может, оттого, что сам не отлипал от черноглазой, грудастенькой переводчицы Анички?

Молодость брала свое, перебивала грубость и жестокость войны. Чтобы закончить далекую, короткую, чистую и грустную историю, скажу: перед нашим уходом из села, будто предчувствуя расставание, Марика сняла со своего пальчика серебряное колечко с ясным камушком и сумела надеть на мой мизинец.

— Помни меня, коханый, — так и сказала. Для нас, постаревших, выспренно. Для юности правильно. Помни, любонько мое.

Пишу сколько лет спустя, а те слова и сейчас щемят. Ничего, господа, ничего больше не было. Ни проникания шаловливой лапы под сшитый, простой лифчик девичий, ни в трусики на тугих резинках. Только уходила домой от меня вся переломанная. А в последний раз — тихая, словно успокоенная. В будущее свое. Будущая жинка к нареченному чоловику. К детям. Ныне уж к внукам.

— Буду ждать. Обязательно дождусь, — сказала. «Ждать!» Тогда отчего-то верилось и принималось.

Отъезд, ясное дело, навалился неожиданно, засекреченный. Предчувствие не обмануло, и прощание состоялось. Выезжали на рассвете. Она, конечно, спала. Детским сном. А через пару дней, суматошных, тревожных на новом месте, пристрелянном немецкой артиллерией, потерял я колечко Марики Кудрик.

Кайн-фашист!

В третьем по счету моем госпитале, львовском, где комплектовали раненых для эвакуации в глубокий тыл, ночью приключился пожар. От электропроводки? Угольки выскочили из кухонной печи? От незагашенной закрутки? Занялось на верхнем этаже. Пожар в госпитале страшен.

Я лежал в высокой, чистой, белой палате лицом к окну и с нарастающей тревогой глядел на отблески огня на черных окнах дома через неширокую улицу. В палате продолжала висеть гробовая тишина, однако уже никто не спал. Затаились. Будто при артналете на тебя перед атакой врага. Боясь проронить слово слабости, проявить трусость, поджечь панику. Мы привыкли к подавлению страха в себе, естественного для нормальных людей, но, наверное, смелость именно в умении скрыть его, в выдержке.

Стекла дома напротив пламенели все ярче, зловеще предупреждая брошенных на произвол стихии. За закрытой дверью слышался топот сбегавших с верхних этажей. «Спасаются, суки, а про нас забыли! Ждут, когда огонь дойдет?» С улицы завывала сирена, зазвонил колокол пожарной машины. В окнах напротив замельтешили зигзаги и полосы. Пожарные приставляли лестницы к госпиталю, лезли вверх. Но не за нами. Мимо.

И тут кто-то из раненых очень сильно застонал, с переходом на нечеловеческий вой, оглушивший палату. Я приподнялся на локтях. Это танкист в дальнем правом углу. Наглухо забинтованный белым. Жуткие вопли хлестали из прорези для рта. В притихшую от страха и ожидания спасения палату, казалось, они проникали вместе с огненными ручейками, которых мы не видели, они жгли мозги, вот-вот подтекут под двери, разольются и ...беспощадным жаром охватят.

Оборвался вой также внезапно. Может, к танкисту подступила последняя, нестерпимая, но завершающая муки боль, и он это понял и заставил себя сосредоточиться перед последним же вздохом? Обожженный с головы до ног — как еще жил? Когда его внесли к нам, все заткнулись со своими жалобами и охами, посчитав немощи и болячки за пустяки, недостойные жалости и сочувствия. Такие сравнения часто помогают и даже успокаивают. «Сравнительная терапия». Даже артиллерист с ногой в багрово-фиолетовом гипсе, пропитанном кровью и гноем, от которой несло жуткой вонью, примолк. Терпели и артиллериста. Ну куда его беднягу, засунешь, спрячешь? Под цветным «бетоном» завелись черви, и парень то смеялся от щекотки, то

зло матерился. Пока не срастется кость, гипс ломать нельзя, а черви, говорили, даже полезны: пьют гной, удаляя. Иной спрашивал: «Свое, небось, не пахнет?» И тот усмешливо отвечал: «Ага! Нипочем. Вроде духов.» «Хороши духи, мать твою!»

Танкист оборвал вопль на мгновение, но после паузы опять закричал. Не криком, а сипом, крошками звуков, словно несчастный не слова выплевывал, а поломанные, искрошенные зубы.

— Гады! В танке не сгорел — здесь сожгут!

Он, полусгоревший в своей «тридцатьчетверке», лучше всех чуял близкий огонь. Но не догорать же до конца! В белом, запеленатом, как египетская мумия, в неподвижном коконе билась жизнь и не хотела сдаваться. Жизнь — она крепкая, цепкая штука.

И тогда уж сорвалась ревом, загрохотала вся палата. Кто-то в стену между окон швырнул графин с водой, и он разорвался гранатой и подстегнул панику. Ломали костыли о спинки коек, били неубранную посуду, утки, судна, банки. И орали. Дико, истошно, безобразно.

Вбежал дежурный врач — майор, стал кричать, успокаивая и грозя, просил обождать немного. Его прогнали с матом, чем-то запустив. И тут широко распахнулось двустворчатая высокая дверь. Палатные вопли и грохот слились с лестничным шумом и гамом. И в палату вбежали...

Немцы! Да, солдаты вермахта. В кепи, мышино-зеленой форме, с тонкокрылыми орлами на правой стороне груди, державшими свастику, ефрейторскими угольниками на левом рукаве. Палата притихла,ошеломленная.

«Немцы! Во Львов прорвались немцы!»

В руках что-то черное, длинное? «Шмайссеры!»

Нет. «Фрицы» тащили обыкновенные армейские носилки.

Мы не знали, что из-за острой нехватки обслуги в львовских госпиталях использовались пленные.

Без паники, не реагируя на крики и брань, немцы деловито и аккуратно брались за концы простыней, снимали с коек русских и перекладывали на носилки. Мягким рывком поднимали и уносили одного за другим. Странное до дикости, нелепое до невозможности, противоестественное братание. Преодолевая отвращение к врагу, еще не бывшему, настоящему — ибо шла за пару сотен километров, не больше, смертельная схватка с ним. В эти огневые минуты, как бы соединенные, сплавленные с тем огнем — на земле, в воздухе, на воде, где наши товарищи дрались с их камрадами по оружию, взаимно

истребляя, а русский солдат, пускай не в строю, беспомощный, но плененный только ранением, не немцем, вынужден был обнимать его, заклятого, ненавистного. Чтобы приподняться с койки, встать на полусогнутые ноги, и, опираясь на чужое, твердое плечо, будто на собутыльника после хорошей выпивки, спасаться.

Неуверенно, брезгливо касались чужих погон, обнимали за багровые шеи, словно брата или близкого друга, иначе как встать? и они тебя бережно вели, а ты ковылял. Кто-то упирался, отталкивал спасителя в фашистской форме, бранился последними словами и в изнеможении падал навзничь. Но исполнительные немцы тыкали в нарукавные белые повязки с красным крестом, отрывали упиравшихся от коек и уводили, уносили. Еще командовали: «Рус, шнель! Бистро, бистро!» Не так ли погоняли наших в плену? Но в их голосах не прорезывалась грубость, наглость. Спасаемые продолжали огрызаться:

— Я тебе дам «шнель», фашист проклятый! Но куда там «дам» — отдавались в руки врага.

— Kein Faschist! Ich bin Sanitar! Ich erfulle den Befehl Sie zu retten. Бистро! Wir verbrennen uns! Es ist ja Brand! Wir verbrennen uns!

Я учил немецкий в школе не на пятерки, но война не задержала практику. Я понимал, что говорили между собой эти санитары.

— Никакой не фашист! Я санитар! Я выполняю приказ спасать вас. Сгорим! Пожар! Сгорим!

Танкист не видел, кто подбежал к нему, снимал, укладывал на носилки, спасал от последнего огня.

— Спасибо, братишки... спасибо, братишки... — бормотал он, а немецкая речь «братишек» казалась ему собственным бредом.

— Эй, Курт, носилок больше нету!

— Hei, Kurt, es gibt keine Tragbare mehr! — прокричал здоровенный детина, похоже, вовремя переодевшийся эсэсовец. Он обращался к верзиле под стать ему. — Trag den Kerl allein. Nihm ihn auf Arme! Er ist schwer wie eine flaumfeder. Trag ihm, Kurt, und ich nehme den anderen auf!

— Неси этого хрена один. Да возьми его на руки! В нем весу-то с перышко. Тащи его, Курт, а я — другого!

Немец рявкнул: — Держи, рус! — Протянул, словно автопогрузчик, руки-совки и пушинкой снял меня с кровати. «Перышко!» — ворчал я про себя, пока он нес меня из палаты и далее вниз по лестнице.

Здоровенный немецкий мужик — рабочий? крестьянин? — пробился. Вынес в холодный, темный, полный гомона двор госпиталя. Положил на свободные носилки рядом с другим «дорогую» ношу — рабочего? крестьянина? и без сантиментов, не обменявшись именами, понесся обратно.

Я имею 25 наград, среди которых медаль «За боевые заслуги» и орден Отечественной войны второй степени.

14 октября 1941года на фронте погиб отчим, на Боровском направлении при обороне Москвы. Он имел звание рядовой.

Я опубликовал более 500 своих произведений в различных газетах и журналах. Среди них журнал «Наш современник», номер 6 (1995 год), номер 5 (2001 год); журнал «Смена», номер 11 (2000 год) и номер 2 (2001 год).

Неопубликованных произведений у меня нет.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Пискунов Александр Валерьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Ганин Сергей Васильевич

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ПОГИБШИМ ВОИНАМ

Родился 13 сентября 1918 года в селе Кубинка Звенигородского (теперь Одинцовского) района Московской области. В семье был самым младшим ребёнком. Кроме меня, ещё были три брата и две сестры. Отец — сапожник, мать — домохозяйка. Жили все восемь человек в небольшом домике, на одном земельном участке вместе с братом отца. Поэтому в 1922 году пришлось купить хутор неподалеку от села Кубинка, в лесу.

С восьми лет учился в школе Кубинки. Каждый день приходилось ходить два километра по грунтовой дороге и в грязь, и в снег. В пятом, шестом и седьмом классах учился в Голицынской школе, так как в Кубинке семилетки ещё не было. Надо было идти до станции и еще двадцать километров ехать поездом.

С большими трудностями окончил школу и в 1934 году поступил учиться в железнодорожный техникум, где мне предоставили общежитие. Учился неплохо, приходилось много заниматься. Особое спасибо учителю черчения Дружинину, который за первый мой чертёж поставил двойку с двумя минусами, в результате чего в дальнейшем я стал лучшим учеником по черчению.

Проучился я три года. Здание, в котором мы занимались, отбирает Министерство путей сообщения, и наш техникум разгоняют по разным городам. Мой четвёртый курс перевели в город Пермь, где я

и окончил обучение в июле 1938 года. В августе этого года был принят на работу в Москве, в технический отдел завода «Памяти революции 1905 года» на должность инженера-технолога. Работал хорошо, коллектив меня уважал

Работа в Москве мне нравилась, но ежедневная езда из Кубинки изматывала. Стал просить, чтобы меня отпустили с завода, так как я нашёл себе работу на танковом полигоне в Кубинке.

Отпустили с завода с трудом, и 31 декабря 1939 года меня приняли на полигон в КБ техником-конструктором. Работа шла хорошо, в 1940 году получил благодарность и поощрение за ударный труд и активную работу по рационализации производства.

Весной 1940 года военкомат прислал повестку — прибыть с вещами для отправки на Финский фронт.

Сижу я в военкомате, в 12.00 по радио слышу: выступает товарищ Молотов и объявляет об окончании советско-финляндской войны, и меня отпустили домой.

21 июня 1941 года Германия начала войну с СССР. Немцы всё ближе подходили к Вязьме и Смоленску. Завод и цеха политона эвакуировались в город Казань, грузили эшелоны со станками и всяческим оборудованием.

Я решил в Казань не ехать, 15 октября получил расчёт и пошёл из дома пешком в Звенигород в военкомат, где меня зачислили старшим сержантом в отряд механизации Западного фронта 5-й армии.

В конце октября нас направили в Нахабино строить укрепрайон. После — под Загорск, где наш отряд механизации работал неделю, затем перебросили под Можайск в помощь нашим наступающим войскам. Моему отделению поручили разминирование дорог и прилегающей местности. Добрались до Красновидова, защищали его от немцев.

Отряд механизации вошёл в состав инженерно-саперного батальона. Мы пять дней занимались военной подготовкой и отрабатывали вопросы минирования и разминирования, так как наш 110-й батальон был инженерно-минный и входил в состав 13-й инженерно-штурмовой бригады Западного фронта.

В конце февраля нас направили на железнодорожную станцию Можайск для отправки на Северо-западный фронт, который находился в Демьянском Котле под Старой Руссой. Немцы бомбили станцию, подожгли помещение, где мы располагались. Но вот подошёл товарный поезд, и мы тронулись в путь.

На станции Тучково стояли часа три, а Кубинку проехали без остановок. Отец и сестра Мария, зная, что идут эшелоны с войсками,

вышли на платформу и увидели меня. Мы махали друг другу и не скрывали слез.

Через сутки приехали на станцию Лычково. Нашему отделению поручили охранять склад военного имущества недалеко от станции, в лесу. Через неделю склад перевезли, моё отделение двинулось пешком через болото Невий мох к своему батальону. Стоял конец февраля, лёд сверху уже оттаял, а внизу ещё оставался целым, и мы пять километров шли по воде, пять километров по грязи и ещё по воде по всей ширине болота (это около 15 километров). Длина болота достигала семи километров. Я как командир отделения шёл впереди по пояс в воде, под бомбёжкой немецкой авиации. Когда пришли в свою роту, нас сразу накормили обедом.

Обстановка на Северо-западном фронте в Демьянском Котле была очень тяжёлая. Наши войска были малочисленны, а весенняя распутица и отсутствие асфальтовых дорог ухудшали манёвренность войск, усугубляли и без того очень плохое снабжение питанием, обмундированием и вооружением. Нам приходилось строить деревянные колейные дороги.

Однажды мы работали на переднем крае, строили укрепрайон под Старой Руссой. Смелые солдаты ползком пробирались к неубранному осенью картофельному полю и под огнём противника собирали картофель. Пожилые солдаты заготавливали крахмал, делали лепёшки и жарили их в костре на лопатах. Некоторые солдаты проверяли пустые дома, чердаки, находили овчины и варили из них суп и холодец. Кормили нас очень плохо, но несмотря на это мы иногда отдавали свой хлеб голодным детям, которых не успели эвакуировать. В июне 1942 года меня назначают старшим писарем-чертёжником штаба батальона. Я стал писать донесения в штаб бригады и частенько важные секретные документы. Относил сам в штаб бригады это в восемнадцати километрах от батальона, пешком.

В июле 1942 года сидели с дежурным по батальону в землянке около деревни Свинорой. Слышим, фрицы бомбёжку начали, и одна бомба попала прямо в угол нашей землянки. Я хотел войти, но ударной волной меня отбросило, и я получил контузию — две недели отлёживался в полевом подвижном госпитале №200.

5 мая 1943 года начальство бригады вызвало с каждого батальона писарей чертёжников на работу по выполнению чертежей укрепрайонов под Старой Руссой.

Работали три дня, дело шло к концу, как вдруг забегает ко мне мой друг — писарь из 62-го батальона Саша Воинов, и говорит, что

бригада набирает кандидатов в курсанты военно-инженерного училища, расположенного в Болшево. Я сначала не хотел ехать, но он меня уговорил.

Дали нам предписания, направления, аттестаты, и мы поехали в свои батальоны. Начальник штаба был против моего отъезда, говорил, что здесь некому будет работать. Но я передал все дела писарю и решил вопрос отъезда с командиром батальона. На следующий день в пять часов утра я ушёл на дорогу в сторону города Калинина, добрался до Москвы, а оттуда до Кубинки.

Приезжаю домой, мать стоит у печки. Она так удивилась, что я приехал живой! Целый месяц от меня не было писем, думала, меня убили, как моего брата Анатолия, который в конце 1942 года погиб под Малоярославцем, оставив жену и трёх детей.

Побыл дома сутки, отец проводил меня на Минское шоссе, и с попутными машинами я добрался до Болшева.

С 15 мая 1943 года я стал курсантом 2-й роты 1-го батальона Московского инженерного училища. Начальником был генерал-майор Ермолаев. Наша рота была укомплектована личным составом, вызванным с фронтов. Учёба длилась с 15 мая 1943 года по июль 1944 года. Училище оказалось хорошим. Генерал Ермолаев был из старых офицеров, любил строевую и физическую подготовку, проводил строевые смотры на плацу всего училища. Кормили нас неплохо. Но в лагерях и на спецзадании по строительству плотины Пироговского водохранилища работать было очень тяжело, занимались разгрузкой брёвен с барж на берег, да и кормёжка была слабее, чем в училище.

Наша рота славилась боевой подготовкой, так как все курсанты были набраны с фронтов. Старшина роты Щетинин и командир роты майор Спасский были строгими командирами. 10 июля 1944 года мы окончили училище. При выдаче погон и чтении приказа главкома инженерных войск нас выстроили на плацу. Пять курсантов нашей роты окончили училище на отлично, в том числе и я. Раньше тем, кто оканчивал училище на отлично, вручали погоны лейтенантов, но этому правилу почему-то изменили и вручили нам погоны младших лейтенантов. Мы очень огорчились этой несправедливостью. Единственное исключение — предоставили окончившим училище на отлично право выбора фронта. Я выбрал 1-й Украинский фронт. После вручения погон для нас устроили в столовой выпускной вечер.

На следующий день нашей группе младших лейтенантов из пяти человек дали сопровождающего до штаба майора Петровского. Ехали на поезде через Киев до Львова. Во Львове в штабе фронта нас распределили: трёх человек направили в 3-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерал-полковника Рыбалко П. С. и двух человек в 3-ю пехотную армию.

Старшим группы 3-й танковой армии назначили меня. Из Львова мы двинулись через город Тернополь и ряд деревень в лес Пуще-Плащизна, где стояла наша армия. Нас направили в 19-ю инженерно-штурмовую бригаду, только что созданную из трёх армейских инженерных батальонов. Меня направили в самый прославленный 182-й отдельный Киево-Проскуровский Краснознаменный батальон. Орден Красного Знамени батальон получил за форсирование Днепра и взятие Киева.

Мне предоставили должность зам. начальника штаба батальона. Начальник штаба был тогда новый — капитан Грицун. Бывший начальник капитан Михайлов погиб при строительстве моста через Днепр. На Сандомирском плацдарме с начала января 1945 года наша 3-я танковая армия начала подготовку к наступлению.

12 января мы из леса Пуще-Плащизна переехали на передний край в лес Шедлув. В пять часов утра наша артиллерия начала артподготовку, и через два часа начали наступление. Мы ехали на студебекерах за передовым отрядом 1-го Украинского фронта.

13.01.45. Вошли в деревню Яковице это уже Польша.

15.01.45. Освободили село Конечно-Дольне. В этой богатой и большой деревне нас встречали очень хорошо, там мы и командование остались ночевать в одном доме с поляками.

18.01.45. Вошли в деревню Посадувка.

19.01.45. Взяли с тяжёлыми боями город Ялошин. Это был последний польский город.

22.01.45. С тяжёлыми боями взяли город Фридрихсберг — первый немецкий город.

Задачей нашего батальона было ликвидировать укрепления, построенные на границе Польши и Германии: взорвать дзоты, доты, укрепления из колючей проволоки, разминировать территорию.

В Фридрихсберге было имение крупного помещика, в скотных дворах ревели коровы без питья и дойки, население всё разбежалось, боясь мести русских. Наши солдаты начали ухаживать за скотом: поить, доить, кормить. Тут появилось у нас молоко и трофейные мясные продукты.

23.01.45. Командующий 3-й танковой армии генерал-полковник Рыбалко собрал всех руководителей и замполитов танковых и механизированных корпусов, дал анализ боевых действий войск и обязал

всех командиров оповестить солдат о том, что мы не насильники и не фашисты, что к населению надо относиться хорошо, ну и шутя добавил, что теперь нам интендантство не нужно, обойдёмся продовольственными трофеями.

25.01.45. Закончили бой за города Ильнау и Гайрихсфельден. Появились первые русские парни и девушки, угнанные фашистами в Германию. Они были очень рады освобождению. Их отправили в запряжённых пролётках к русской границе.

26.01.45. Я был направлен на разведку реки Одер с сержантом Каримулиным и солдатом Петровым. Ехали на виллисе.

27.01.45. В городе Гайрихсфельден — боевая тревога, пришлось послать отделение разведки. Дело было ночью, мы были без войск, так как командир батальона майор Пинчук уехал со 2-й ротой в 6-й танковый корпус, начальник штаба батальона капитан Грицун с 1-й ротой — в танковый корпус, зам. комбата Соболев с 3-й ротой — в 9-й механизированный корпус для помощи наступающим танковым корпусам. А на меня свалилась работа по получению информации и донесению её в штаб 19-й инженерно-штурмовой бригады, руководство взводом разведки и тыловиками.

5.02.45. Батальон занят ремонтом моста через реку Одер, постройкой НП и размещением орудий для артподготовки. Работа продолжалась и ночью при свете фар, и под бомбёжками.

8.02.45. Заняли город Поршвиц.

10.02.45. На автостраде Зеебниц при проверке маршрута наших батальонов я догнал автоколонну нашей 2-й роты. На первой автомашине ехал командир роты капитан Копейкин, а впереди колонны немцы бомбили автостраду. Я приказал остановиться, но капитан Копейкин оказался выпившим, и я с трудом заставил его остановиться. Позже водитель Михеев меня благодарил.

12.02.45 — 24.04.45. 3-я гвардейская танковая армия в составе 6-го танкового корпуса под командованием генерал-полковника Новикова, 7-го танкового корпуса под командованием генерал-полковника Якубовского, 9-го механизированного корпуса под командованием генерал-полковника Митрофанова с тяжёлыми боями овладела городами: Юнесдорф, Мюнисдорф, Тельтов, Вольденау, Гайнау.

12.03.45. Захватили город Бунцлау. В Бунцлау операция закончилась, и мы занимались минированием и охраной минных полей в 10 км южнее от Бунцлау.

17.04.45. Командир 13-й инженерно-штурмовой бригады полковник Солдатенков Г.И. приказал мне и командиру взвода разведки

двумя взводами разведать реку Шпрее под Берлином с целью её форсирования войсками.

По возвращении с задания мы попали под артобстрел. Рядом разорвался снаряд, и мне что-то ударило в затылок, пошла кровь. Командир отделения Каримулин Сатар перевязал меня, и мы благополучно вернулись в своё расположение. Ранение было касательным, и осколка не осталось. Меня две недели лечила наша медфельдшер старший лейтенант Седляр В.

25.04.45. С боями и контратаками, форсировав реку Шпрее, наши войска вошли в предместья Берлина. Мы получили задание подрывать станции метро и производить в метро разведку, чтобы противник не смог использовать его для передислокации войск.

Наш фронт овладел бы Берлином раньше, но его должен был освобождать 1-й Белорусский во главе с маршалом Жуковым, который прислал своего представителя с поручением 1-му Украинскому фронту немедленно идти на освобождение Праги.

2.05.45. 3-я танковая армия двинулась на Прагу. Меня назначили командиром группы, в которую входили взвод сапёров, взвод минёров и взвод разведки. Мою группу прикомандировали к передовому отряду. Со мной были лейтенант Поцелуев и лейтенант Акимов.

5.02.1945. С боями освободили город Ризу и Дрезден.

При продвижении к Праге был такой случай. На пути встретилась болотистая речка, и танки остановились. Примерно через час подъезжает автомобиль виллис, из него выходит командарм Рыбалко П. С. с палкой в руках. Он увидел, что танки встали, подошёл к головному танку и начал стучать палкой по броне, угрожая водителю и приказывая продолжить продвижение. Команда была выполнена, к тому же начался артобстрел наших колонн. Мы, сидя в студебекере, слышали, как по кузову бьют осколки. Но всё обошлось, на кузове остались только вмятины.

Так мы с боями шли по Чехословакии. Чехи встречали нас на дороге с флажками и фонариками, показывая нам дорогу.

В ночь на 9 мая недалеко от Праги мы с водителем прикорнули в кабине автомашины. Нас разбудила стрельба из автоматов и лёгких орудий. Я вышел из кабины и увидел, что стреляют почему-то вверх. Спрашиваю: «В чем дело?», а мне солдаты отвечают: «Конец войне, немцы капитулировали!».

В 11-00 часов 9 мая мы въехали на центральную площадь города Праги. Она вся была забита народом, люди плакали от радости, жали

нам руки, дарили цветы. Встреча была очень бурной. К концу дня нас разместили в деревне Хватерубы, под Прагой.

Но война для нас ещё не кончилась, так как с 10.05.45 по 13.05.45 нам пришлось уничтожать большую группировку немцев и власовцев, отступавших на Запад к американцам.

После этого началась мирная жизнь. Меня послали в Польшу на ремонтную базу танков.

10.07.45. Нашу армию перебросили в Австрию, в город Креме на Дунае. Там мы лакомились виноградом и покупали у фермеров виноградное вино.

15.11.45. После написания истории и боевых действий 182-го Киево-Проскуровского ордена Красного Знамени батальона меня перевели в штаб инженерных войск 3-й танковой армии на должность начальника секретной части штаба, а бывший начальник был демобилизован. Это было в городе Голлабруне, где находился штаб во главе с полковником Каменчуком.

Июль 1946 года. Наши войска переехали из Австрии в Германию, в город Лукенвальде.

15.09.46. Закончилась моя служба в 3-й танковой армии. Я был переведен в Советскую Администрацию в Германии (СВАГ) в Особое Монтажное Управление (ОМУ) по демонтажу немецких военных заводов с отправкой их в СССР. Я занимал в техническом отделе должность инженера-конструктора по проверке технической документации, изготовленной фирмами и заводами, отправляемыми в СССР.

10.10.46. Я женился на русской девушке, которая работала в военном госпитале в Лукенвальде. Мы жили в Берлине, район Панков. Дополнительно к должности инженера-конструктора мне поручили быть военным дознавателем, так что приходилось ездить почти по всей Германии, где шёл демонтаж военных заводов.

Всё было бы хорошо, но на паёк давали только жирную свинину. У моей жены было воспаление поджелудочной железы, и она лежала в госпитале. В конце концов мы решили ехать на родину, ко мне в Кубинку.

Танковый полигон вернулся из Казани, и мне предложили должность инженера-конструктора в КБ полигона. Мы с женой начали готовиться к отъезду, хотя и жаль было расставаться с хорошей жизнью в Берлине, зная, что на родине после такой разрушительной войны жить будет очень тяжело. К этому времени я имел воинское звание капитан техн. службы и работал на полигоне старшим техником-конструктором КБ полигона.

Декабрь 1950 — август 1952 занимал должность инженера-строителя квартирно-эксплуатационного отдела (КЭО). С августа 1952 по ноябрь 1958 — начальник КЭО полигона. За войну все здания износились, нового ничего не строилось, и мне пришлось организовывать работу по конструированию и кап. ремонту бараков, столовых, жилых корпусов, с переоборудованием печей с дров на уголь. Под моим руководством построено двухэтажное здание детсада, при участии солдат и жён офицеров.

Но самым ответственным было строительство водоёма для плавающих танков. При помощи инженеров КЭУ города Москвы, которые похвалили мою работу, и начальства КЭУ меня перевели в Москву на должность зам. начальника КЭО академии им. Ф. Э. Дзержинского. Этим был крайне недоволен начальник полигона генерал-лейтенант Барыков, который в это время был в отпуске. А отпустил меня его заместитель полковник Карпенко.

С 1963 по декабрь 1968 служил начальником КЭО академии Ф.Э. Дзержинского. В январе 1969 года приказом главкома ракетных войск уволен на пенсию по выслуге лет (выслуга 30 лет).

Теперь в звании полковника на пенсии. Инвалид II группы по ранению.

Награды:

- орден Отечественной войны I степени;
- орден Красной Звезды;
- 2 медали «За боевые заслуги»;
- медали: «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Моисеенко Павел Алексеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Гехт Виктор Германович

СПАСЛИ СОЛДАТЫ МАЛЬЧИШКУ

Я, воспитанник-сын полка 3-й гвардейской танковой армии первого Украинского фронта. Родился 31 октября 1931 года в городе Бучач, районном центре Тернопольской области Западной Украины. Национальность — еврей. Мать была учительница биологии и географии, отец занимался заготовкой зерна в районе. Городок был небольшой, в нём проживало 25-30 тысяч жителей, было две средних школы. Жили в основном украинцы, поляки и евреи. До сентября 1939 года, так называемого «освобождения братских народов», область входила в состав Польши. До войны окончил два класса.

Детство было счастливым, радостным и безоблачным. Жила наша семья в собственном большом доме с садом, на окраине города, через три-четыре дома начинались поля. В городке и окраинах проживало много родственников, как по материнской, так и по отцовской линиям. Это были в основном учителя, врачи и ремесленники. Было много двоюродных и троюродных братьев и сестёр. Неподалёку жили бабушка и дедушка. Родственников было всего около 50 человек. Из этой большой и дружной семьи к моменту освобождения города Красной Армией в феврале 1944 года остались в живых, вернее полуживых, всего два человека. Это я с бабушкой Розой. Многие были замучены и убиты в Бучаче и его окрестностях, а остальные вывезены и уничтожены в лагерях смерти

Мирная, спокойная жизнь кончилась 22 июня 1941 года. Наш городок был занят немцами уже 5 июля 1941 года, а освобождён Красной Армией только 24 февраля 1944 года. Это только первый раз. Второй раз был оккупирован 6 апреля 1944 года и окончательно освобождён 21 июля 1944 года.

Конечно, пришлось мне мальчишкой видеть отступление нашей армии. Солдаты и техника шли на восток днём и ночью. Всем нам - мирным гражданам — было страшно, многие плакали.

Мне кажется, что с тех пор мы, дети, становились взрослыми и больше детьми никогда не были. Детство кончилось. Наступила тьма и мрак оккупации.

Мы, дети войны, ненавидели оккупантов, но особенно их приспешников, а в наших краях их было очень и очень много. Сразу же была организована местная полиция, руки которой по локоть в крови в основном мирного гражданского населения — детей, стариков и женщин. В ближайших окрестностях города Бучача в 14 братских могилах-рвах лежит их более 12 тысяч, замученных, растерзанных, расстрелянных, а порой и заживо погребённых. Сколько за это время забрал тиф и голод неизвестно.

Никогда не забудется первый день прихода фашистов. При обстреле и взятии города был убит дядя, муж сестры моего отца — он бежал спасать семью соседей — поляков. Их дом при обстреле загорелся. В доме была жена соседа и двое детей. Дядя был убит немцами у калитки. Остались жена и двое детей без кормильца. После его похорон наша семья решила помочь им напилить и наколоть дров. Когда это было сделано, пришёл немецкий солдат (недалеко расположилась полевая кухня), с ухмылкой забрал все до единого полена, хотя ему объясняли, что здесь сироты, но это на его решение не повлияло. Это были самые-самые первые уроки, преподнесённые нам оккупантами. Почему я об этом пишу, потому что в эти первые дни мы не могли себе представить дальнейшей трагедии. Возможно, этот поступок был самый гуманным за годы, проведённые при оккупации.

Потом, уже примерно в марте-апреле 1942 года, наша семья с узелками в руках была выгнана из своего дома. Ютились в чужом доме, вернее, в пустой комнате без мебели. Вроде это была семья учителей, с которыми до войны работала мама.

В ноябре-декабре 1942 г. наша семья насильно была помещена в организованный немецкими властями в г. Бучаче концлагерь-гетто. Жили в какой-то проходной комнатушке. Помню, кругом было много худющих, полуживых, опухших, скрюченных, больных и вшивых

людей. Было много больных тифом. Еды и воды почти не было. Было очень холодно, на дворе ведь зима, и я часто болел. Мне кажется, что я всё это время был болен.

В феврале 1943 г., во время облавы, мать оказалась на улице одна. Уже темнело, её окликнул полицай, она попыталась убежать и спрятаться, но он в неё выстрелил и ранил в живот. Потом её, раненную, отволокли в тюрьму, там она и умерла с моим именем на устах, как нам потом передали те, кто был рядом в то время.

Так остались мы с отцом одни, без мамы. Когда началась война, отца в армию не взяли, он чем-то был серьёзно болен. Болезнь была вроде связана с позвоночником. Разгибался он очень плохо и порой со стоном.

Примерно в феврале-марте 1943 г. у нас в городе вместо гетто был организован концентрационный рабочий лагерь, в котором в основном были собраны ещё кое-как способные работать люди. Некоторые были с семьями. Так я с отцом в нём оказался.

Отца и других мужчин под наблюдением водили на работу по заготовке гравия в карьер у реки Стрыпа. Работали специальными молотками и кувалдами. Иногда он брал меня с собой. Я ему помогал. Работа была тяжёлая, каторжная. Были установлены непосильные нормы. Каждый работающий насыпал свою пирамиду гравия, а в конце смены приходил немец, помню с плёткой, обмерял сделанное, потом каждая пирамида метилась жидкой извёсткой, чтобы на следующий день работающие не брали оттуда гравий и не выдавали за свою работу.

Перед ликвидацией рабочего лагеря, примерно в мае-июне 1943 г., тёмной ночью небольшой группе людей, в которой и были мы с отцом, удалось бежать из этого лагеря. Колючая проволока была прорвана, и мы, где бегом, где ползком, оказались по ту сторону и растворились в темноте. Прятались в окрестностях города, в оврагах, полях, ямах, лесах. Еды и воды почти не было. Терял сознание от слабости и голода, росу слизывал с колосков и листьев. Отец ночью уходил куда-то и иногда приносил что-то поесть. Помню, однажды принёс несколько чёрных редек и варёных яиц, буханку хлеба и пару бутылок воды. Эту еду растянули на две-три недели. Осень неумолимо надвигалась, становилось уже холодно. Зерно с полей убрали, листья опали, пошли дожди со снегом. На одном из хуторов, недалеко от города, приютила нас семья пожилых крестьян, фамилия хозяина, помню, была Заривный. Там же на хуторе находилась моя родная бабушка Роза и тётя Маля с дочкой лет трех-четырех. В сарае над

коровой был сделан двойной потолок, там и лежали на соломе. Только так зимой, в холод, можно было выжить. Спасая нас, семья Заривных постоянно подвергалась смертельной опасности.

Немцы отступали, и уже далеко-далеко на востоке слышалась канонада. В роковой день 18 февраля 1944 г., когда уже смеркалось, на хуторе все как-то расслабились, вроде ничто не предвещало беды, и тут нагрянули немцы или полицаи из карательной команды. Отец с тётей Малей и её дочкой были в сарае внизу, мы с бабушкой были в хате. Послышался какой-то шум, и мы с бабушкой быстро из сеней поднялись по лестнице на чердак, подняли лестницу и спрятались в соломе. Хозяев в хате не было. Отец с тётей Малей и её дочкой на руках побежали с хутора, их убили, когда они бежали, метрах в 50-150 от хутора, в поле. Мы с бабушкой на чердаке слышали их предсмертные крики, стоны и выстрелы. Хозяев не тронули, так как на хуторе никого не нашли, а карателям не было видно, с какого хутора бежали люди. На чердак, где мы с бабушкой прятались, никто не поднялся, наверно, решили, что никого нет, да и лестницы не было под рукой. Никто из семьи прятавших нас хозяев не указал, что мы на чердаке.

Возможно, папа с тётей осознанно, ценой своей жизни спасали нас, уводя от хутора карателей. Похоронили, закопали их там же в поле, ночью.

Так случайно, благодаря нашим спасителям — семье Заривных мы с бабушкой остались живы. Со своими спасителями я больше не увиделся. После войны, в 1950 году на сбережения от стипендии ездил в Бучач в надежде найти кого-нибудь из близких и встретиться с ними, но о них никто ничего не знал. На хуторе Заривных рос бурьян. Хаты и прочего не было. От работающих рядом трактористов узнал, что хутор сгорел, а они уехали в Польшу. Адрес их никто не знал.

Уже 24 февраля 1944 года город Бучач и его окрестности были освобождены Красной Армией. Одну неделю не удалось им дожить до освобождения. Через некоторое время город был оккупирован вновь. Почти все оставшиеся в живых после оккупации и концлагеря ушли с отступающими войсками на восток. Все пришли сначала в город Чертков, а потом в город Скалат. Шли два-три дня. Пришли чуть живые. Были очень слабые, ноги у бабушки очень опухли. В городе Скалат, чтобы выжить, мне пришлось просить подаяния. Поддерживали красноармейцы, и офицеры не скупились. Я был очень худой, слабый, голодный, полураздетый, вшивый. Из жалости, что

сирота, был подобран и оставлен в фронтовом полевом госпитале легкораненых (ГЛР) №3424 3-й гвардейской танковой армии первого Украинского фронта. Госпиталь входил в состав действующей армии. Так я стал воспитанником-сыном полка. Все мои голодные и полураздетые бучацкие друзья мне завидовали. Через некоторое время я уехал с госпиталем, а если быть честным, убежал от бабушки за двигающимся на запад фронтом. Бабушка осталась в городе Скалат. Так оборвалась связь с единственно близким человеком, с кем мы пережили трагедию уничтожения нашей большой семьи. Мы с ней так больше и не увиделись. Но у нас — детей той военной поры — была такая жгучая ненависть к оккупантам, что очень хотелось быть чем-то полезным фронту, и это вынуждало нас порой совершать такие трагические поступки.

В госпитале медсёстры быстро перешили под меня гимнастёрку и солдатские брюки, где-то нашлись небольшие ботинки, разрезали пополам одну солдатскую обмотку и портянку, нашли ремень, и так я из вшивого, чуть живого оборванца превратился в фронтового воспитанника-сына полка. По указанию начальника госпиталя майора Павла Иосифовича Румана, были определены мне обязанности связного и посыльного. Я постоянно находился рядом с дежурным по госпиталю и выполнял его поручения, также помогал санитаркам и медсёстрам ухаживать за ранеными. Любая пара рук, даже детских, была там, в это время, очень нужна. Особенно во время очередных наступлений. Но особую часть раненых составляли обгоревшие танкисты, у которых лица и кисти рук были обожжены в загоревшихся подбитых танках, в которых они находили во время боя. Наступления кончались, а у медиков начинался настоящий бой за спасение жизней воинов. Приходилось и мне дежурить около них, помогать им, ведь они были совсем беспомощными. Поить и кормить их из ложечки, помогать с туалетом и многими-многими другими делами. А сколько было перекатано километров стираных бинтов, которых не хватало. Их стирали, а потом использовали вновь. Много-много раз приходилось вызывать дежурных врачей к раненым и больным, теряющим сознание и умирающим.

Танковая армия по характеру боевых действий очень мобильна и, соответственно, за ней тут же следовал госпиталь. Обеспечивая танковую армию, он должен быть необычайно подвижен. Наш полевой госпиталь легкораненых именно и был таковым. Следуя, можно сказать, по пятам 3-й гвардейской танковой армии, он входил в её состав во время боевых действий. Он должен был быстро, с ходу развоpачиваться. Располагался он в палатках, землянках, бывших конюшнях, школах и не очень разрушенных зданиях. Подвергался бомбёжкам и обстрелам. Медперсонал работал сутками, но иногда все-таки и отдыхал. Была даже своя художественная самодеятельность, выступали перед ранеными. Я тоже участвовал.

Подчинялся я старшине третьего отделения Петренко, жаль, не помню его имени и отчества. Шефствовал надо мной лейтенант Лимарь Павел Лаврентьевич, инструктор по лечебной физкультуре. Он был очень чуткий и сильный человек, ещё довоенный мастер спорта по метанию молота. С ним я поддерживал связь до самой его смерти. Жизнь так распорядилась, что он после войны проживал в Москве, а я оказался в детском доме в Подмосковье.

При одной нашей встрече, уже много-много лет после фронта, он мне объяснил, что моё постоянное нахождение в госпитале и круглосуточное общение с ранеными поддерживало их и морально, и психологически, помогало выздоравливать. Раненые, разлученные войной с семьями и родными, порой о судьбе их ничего не знали, и моё присутствие и внимание к ним немного сглаживало их волнения и тревоги.

За время моей службы в госпитале 3-я гвардейская танковая армия участвовала в тяжёлых боях за освобождение г. Тернополя и Тернопольской области, госпиталь тогда дислоцировался в г. Скалат Тернопольской области. Далее была Львовско-Сандомирская операция. Госпиталь был дислоцирован в это время в селе Курники Иванчанские, Сборовского района Тернопольской области. А потом, в августе, передислоцирован в г. Ярослав в Польше. В этой операции было так много раненых, что пришлось в Иванчанах ставить много дополнительных палаток. Оперировали раненых круглосуточно. Весь персонал работал сутками, пока всех не разместили. Даже прибыло несколько солдат и офицеров, которые были ранены повторно и меня уже знали. Встретился с ними как со старыми друзьями.

Уже сейчас, будучи пенсионером, изучив дела нашего госпиталя №3424 в центральном архиве МО, могу привести некоторые цифры, касающиеся времени моего пребывания в нём. Хочется, чтобы читатель представил себе масштабы работы госпиталя по лечению и возвращению в строй бойцов и командиров в условиях действующей 3-й гвардейской танковой армии.

В этой большой, кровавой и неимоверно тяжёлой войне, которую пришлось пережить нашему многочисленному народу, есть и крупица моего участия.

Дислокация ГЛР - 3424	Период	Количество человек, находившихся на излечении	Количество выписавшихся после излечения	Поступило на лечение
Украина. г. Скалат, Тернопольской обл.	апрель-июнь 1944г.	668	641	428
Украина, село Курники Иванчанские Сборовского района, Тернопольской обл.	июль 1944г.	931	482	1199 (Львовско-Сандомирская операция)
Польша г. Ярослав	август 1944г.	868	696	818

Совсем недавно Совет ветеранов 3-й гвардейской танковой армии вручил мне украинскую медаль «Защитник отчизны» уд. Серия МН №178454. Указ Президента Украины от14 октября 1999г.

Так как я был почти неграмотным, не учился с 1941 по 1943 годы и по возрасту должен был учиться в пятом классе, командование решило, что пора отправить меня на учёбу в тыл, в Суворовское училище. Вызвал начальник госпиталя и в приказной форме заявил: «Помог ты нам хорошо, окреп, управимся без тебя, пора учиться, а то останешься неграмотным, мы теперь за тебя в ответе.» Было это в августе 1944г.

В госпитале с лёгким ранением лечился молодой лейтенант Зацепин Михаил, он чем-то здорово отличился и был награждён орденом Кутузова и приказом командования армии был поощрён отпуском на родину после выздоровления. Сам он был родом из Ставропольского края. Вот ему и поручили определить меня в Суворовское училище. В Ставрополе оно уже функционировало.

В справке, выданной мне в госпитале, было написано (по памяти, справка у меня не сохранилась), что я воспитанник военно-полевого госпиталя легкораненых (ГЛР) №3424 3-й гвардейской танковой армии, 1-го Украинского фронта, сирота, 10 лет, направляюсь в тыл, в Суворовское училище. Выдали мне продуктовый аттестат, запасное

бельё и даже какие-то деньги. Помню, первый раз в жизни расписался в ведомости. Отправляющие меня в тыл умудрённые опытом люди, сказали мне несколько раз, чтобы я запомнил: «Тебе 10 лет, выглядишь не старше, ты почти неграмотный, и надо учиться. Никаких документов, когда тебя подобрал госпиталь, с тобой не было. Это твой шанс получить образование». Так с августа 1944г. моим годом рождения был 1934 г., стал я на три года моложе.

С фронта в Ставропольский край, уже из Польши, мы с Михаилом добирались несколько дней где на открытых ж/д платформах, где на крышах вагонов. Как-то раз даже на паровозе. Пробыли в его семье в колхозе несколько дней. Очень запомнилось угощение мёдом. Макали хлеб и ели. Это было невероятно вкусно. Даже сейчас чувствую этот вкус во рту. На обратном пути заехали в Ставропольское Суворовское училище. Учиться не взяли, возможно, виной была моя неграмотность, а может, что-то другое.

И опять попутные товарняки до Харькова. В Харьковское Суворовское тоже не взяли, но порекомендовали ехать в Курское училище. Время поджимало, у Михаила заканчивался отпуск, и я принял самостоятельное решение: я еду в Курск, а он возвращается на фронт. У меня продуктовый аттестат на моё имя — хлеб и продукты буду получать, как командированный солдат. Договорились, что, если ничего не получится, вернусь на фронт. В Курске осечка — тоже не взяли. Посоветовали ехать в Тульское училище. Решение принял на ходу: на вокзал, и в Тулу. В Туле тоже не взяли, под каким-то предлогом, и посоветовали ехать уже в Москву, в Управление Суворовскими училищами. Опять дорога, и вот Москва, Курский вокзал. Было уже начало сентября. Похолодало. В Москве ничего не добился. Решил зайти к Фролову Андрею Трофимовичу, пожилому майору, с которым познакомился в Туле на вокзале и который, расспросив меня, дал свой московский адрес, сказав: «Будет тяжело — зайди». Жил он в доме старых большевиков в переулке Стопани, недалеко от Чистых прудов. Зашёл к нему за советом. Он посоветовал пойти в приёмную Президиума Верховного Совета, может быть, помогут. Там предложили только детский дом. Отказался, решил пойти на фронт, пошёл прощаться с Андреем Трофимовичем и его женой Ларисой Васильевной Ружейниковой, добрейшими людьми. Они ненавязчиво убедили, что пора начинать учиться, да и сам чувствовал, что читаю почти по слогам. Пошёл «сдаваться» в приёмную Президиума Верховного Совета. Дали направление в Даниловский детский приёмник-распределитель. Так начался новый этап в моей жизни — детдомовский.

Из приёмника-распределителя 25 сентября 1944г. отвезли меня в подмосковный Рахмановский детский дом, расположенный в деревне Ивакино Химкинского района Московской области. Так как по документам мне было только 10 лет, определили меня в третий класс. Очень хотелось учиться, да и понимал уже, что моя дальнейшая судьба будет зависеть от учёбы. Детский дом был с сельхозуклоном. Было своё подсобное хозяйство, на котором мы работали от посадки до уборки и в то же время учились в школе. Детдом стал хорошей школой трудового воспитания.

В 1949г. окончил семь классов с отличием и был переведён в Кунцевский детский дом г. Кунцево, Московской области.

В 1953г. окончил Кунцевский радиомеханический техникум.

В 1965г. окончил вечерний факультет МВТУ им. Н. Э. Баумана.

Работал до пенсии на крупном оборонном предприятии. Женат, сын, внучка — студентка третьего курса университета. Сам инвалид второй группы, пенсионер.

В заключение хочу сказать, что на моём пути, пути моего военного детства, встречалось больше хороших людей, чем плохих, а также, что на войне детей не бывает. Те, кто прошёл через неё, расстаются с детством и больше в него не возвращаются.

Моё детство и детство моих сверстников закончилось 22 июня 1941 года.

Сейчас моё воинское звание капитан.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Амелькин Андрей Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Гребнев Анатолий Михайлович

ПОРОВНУ ДЕЛИЛИ СНАРЯДЫ И БЕНЗИН

Я родился 24 июня 1924 года в деревне Чернышово Михневского района Московской области. По национальности — русский. Православный. Долгое время был, конечно, в партии и вышел из нее с развалом Советского Союза...

В 1939 году окончил школу, в 1940 году — ПТУ. О начале войны узнал в первый же день — 22 июня 1941 года, находясь в Саратове. Вместе с товарищами сразу же пошли в военкомат, но так как никому из нас 18 лет не было, воевать нас не взяли. Год работал слесарем-сантехником в Саратове.

В армию был призван в 1942 году и из Саратова был отправлен в Дзержинск. Там в течение семи месяцев обучался на механика-водителя в составе 34-го учебного танкового полка. В марте 1942 года меня направили в 19-ю гвардейскую танковую бригаду 3-го гвардейского танкового корпуса в звании младшего сержанта. Оттуда нас отправили на фронт, но прежде чем принять участие в боевых действиях, неделю мы жили на эшелоне. Затем мы прибыли под Ахтырку, выгрузились с поезда и на танках отправились к месту сражения. По дороге в моем танке случилась небольшая поломка, но ее удалось быстро ликвидировать, и вскоре я догнал своих.

Наш взвод, состоящий из трех танков, отправили узнать расположение немецких орудий. Мы попали под обстрел, и в мой танк попал

вражеский снаряд. Повредило башню, двигатель, танк залило маслом и водой. Тяжело ранило командира взвода лейтенанта Иванова. Танк удалось отогнать в расположение наших войск. Там его зацепили тягачом и потащили в деревню Квашенки ждать полевую ремонтную бригаду. Сначала подъехал бензовоз, а затем, часа через полтора, и ремонтная бригада. Они стали снимать целые детали с танка, чтобы потом пустить их на ремонт других танков.

Рядом стояла бригада медиков и пехотная часть. Вскоре в небе появились немецкие двухмоторные «юнкерсы» и начали бомбить деревню. Люди стали разбегаться и прятаться в укрытия. Один из снарядов попал в бензовоз. Он загорелся, и от него в рядом стоящий танк отскочила горящая бочка с топливом. Затем горящий танк разнесло снарядом, и с моего танка снимать было уже нечего. Пришлось идти в штаб и оформлять акт о потере машины. Там меня направили к лейтенанту Горелову принимать танк, так как его механик-водитель был ранен. Так прошло мое боевое крещение.

Особенно мне запомнилось, как возле деревни Михайловка мы попали в засаду. Нам было приказано отрезать и уничтожить отступающие из-под Котельвы немецкие войска. Рядом с вышеупомянутой деревней находилось кукурузное поле, которое преграждало нам путь. Опасаясь засады, мы обстреляли поле осколочными снарядами. Но тут вдруг сначала справа, а потом и слева загорелись наши танки. Из кукурузы прямо на меня выехал тяжелый немецкий танк Т-4. Мой командир стал вынимать из ствола осколочный снаряд, но гильза и пороховой заряд вынулись, а сам снаряд застрял в стволе. Стрелять мы не могли, и нам пришлось ускоренно отступать. Во время отступления мы подобрали младшего лейтенанта Костандова, командира из сгоревшего танка.

Война продолжалась, и в августе 1943 года я получил легкое ранение руки. Мы стояли под Котельвой и попали под обстрел снайпера. Он угодил в перископ, и когда я стал его менять, пуля попала мне в руку. В санвзводе меня перевязали и оставили на неделю.

Затем я продолжил службу на самоходке. В начале 1944 года наши три самоходные установки СУ-76 добавили в эшелон, идущий на фронт. Три механика-водителя: я, Катков и Потапов распрощались с 19-й гвардейской танковой бригадой 3-го гвардейского танкового Котельнического корпуса и оказались в составе 3-й гвардейской танковой армии, которая в то время находилась на Правобережной Украине, в резерве 1-го Украинского фронта. Пока нас оформляли в состав армии, мы стояли в обороне где-то под Винницей, глубоко

закопав в мерзлую землю САУ. Было очень тяжело, мы еще не были поставлены на довольствие, и приходилось пигаться чем бог пошлет.

4 марта после артиллерийской подготовки мы перешли в наступление. Преодолев водную преграду, поддерживая пехоту, мы преследовали отступающего противника по бездорожью, по размокшей земле, громя его везде, где только он пытался закрепиться. Освободив несколько крупных населённых пунктов, наш 702-й самоходно-артиллерийский полк вышел в район Староконстантинова. С ходу район взять было нельзя, так как был конец дня, были израсходованы почти все снаряды и горючее. Полк занял оборону в деревне Каменка, в 1,5 — 2 км от Староконстантинова.

В течение ночи мы выбирали надежные позиции, приводили в порядок свои самоходки и поровну делили снаряды и бензин, оставшийся на это время. Враг за эту ночь выгрузил в Староконстантинове два эшелона с техникой и пехотой и утром без артиллерийской подготовки перешел в наступление. Наша самоходка подбила один танк, после этого у нас в расчете был убит командир орудия сержант Неклюдов из-за того, что за ночь в деревню Каменка проникли несколько немецких снайперов, а боевое отделение на СУ-76 сверху покрыто только брезентом. Сразу после этого в борт самоходки угодил вражеский снаряд. Извлекли тело убитого наводчика, и остальные члены экипажа покинули небоеспособную машину. Примерно в то же время была подбита самоходка механика-водителя Каткова, а сам он погиб.

После переформировки и получения новой техники нас перебросили на Львовско-Перемышленское и Сандомирское направления. Очень запомнился проход по Колтовскому коридору и взятие станции Куткорж.

В середине июля 1944 года наш 702-й полк колонной вошел в Колтовский коридор, преследуя отступающего противника. Мы догнали небольшую колонну немецких автомашин. Я вел головную самоходку и первым уткнулся в последнюю машину немцев. Через открытый люк я дал солдатам, сидящим в кузове машины, команду освободить дорогу. Деваться им было некуда, так как коридор был проложен по топкому болоту. Было принято решение дать им пройти коридор и не загораживать дорогу, но как только они прошли коридор и свернули с дороги, четыре машины с пассажирами были уничтожены из орудия.

На подходе к ж/д станции Куткорж враг выдвинул наперерез нам два бронепоезда. Это были открытые грузовые платформы, на кото-

рых установлены наши танки Т-34 без ходовой части. Наш расчет вывел из строя один паровоз. Паровоз другого бронепоезда стал уходить, но его накрыло, когда мы попали в склад снарядов, замаскированных в кустах. Ворвавшись на станцию, мы захватили коменданта. Он был уже переодет в совершенно новую советскую форму. При его аресте по приказу командира полка Костина мне достались новенькие кирзовые сапоги, так как на мне были ботинки и обмотки.

В 20-х числах июля все войска 3-й гвардейской танковой армии пошли в глубокое окружение Львова, наш полк заходил со стороны Судовой Вишни. Враг отступал, а мы преследовали его с боями. К началу августа мы вышли к реке Висла в районе города Баранува, и в ночь на 1 августа началась переправа на противоположный берег Вислы. 2 августа мы захватили город Сташев — это примерно в 60-70 км восточнее Кракова. Нам предстояло идти на Краков. На подступах к Сташеву погибли два моих товарища: механики-водители москвич Шамис Давид и испанец Руа (он был одним из детей, вывезенных в свое время в СССР из франкистской Испании).

В 1945 году меня хотели отправить учиться в город Камышин, в Солекамское танковое училище для переквалификации на управление тяжелыми танками. Но я был против, и меня отправили в Москву. Там на ремонтной базе мы получили английские танки МК-49 и поехали в Апрелевку. Сформированный там батальон отправили в 19-ю механизированную дивизию, которая в тот момент находилась в Австрии. Боевые действия закончил в австрийском городе Пенкофельд. Наше соединение расформировали и послали в Болгарию, там танки погрузили на платформы и отправили в Англию.

После войны я остался служить в Болгарии. Оттуда из состава 124-го гвардейского танкового полка демобилизовался в феврале 1947 года в звании старшего сержанта. Тогда я находился под командованием полковника Краснова.

После окончания службы прибыл в Московскую область, устроился на работу старшим слесарем в Военном Институте Иностранных Языков.

Награды:

• орден Отечественной Войны 1 степени №1201594;

• орден Славы 3-й степени (Львовско-Сандомирская операция) № 382243;

• медаль «За отвагу» (за бои на Правобережной Украине) № 986808;

• медаль «За отвагу» (за бои на Курской дуге) № 407642;

• медаль «За победу над Германией».

Во время войны получил легкое ранение руки (в августе 1943 года).

Из близких родственников на войне погибли отец (в январе 1945 года под Кенигсбергом) и старший брат (в феврале 1942 года под Ленинградом).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Чернецкий Максим Александрович***,студент 3-го курса Московского авиационного института

Гужва Николай Авраамович

РЖЕВ: «ВЫЗЫВАЮ ОГОНЬ НА СЕБЯ!»

Я родился 19 декабря 1919 года в селе Каменка Апостоловского района Днепропетровской области. По национальности украинец, православный христианин, был комсомольцем и членом партии. В 1939 году призвали в Красную Армию и определили в Киевский особый военный округ.

В первый же день войны у нас в части от бомбежки были потери. Наша нелинейная специальная часть практически была расформирована. Зенитный артдивизион с тягой на гусеничном ходу и зенитные пулеметные установки на машинах, а также большое стрелковое подразделение были переданы линейным частям фронта.

Прошел слух, что рота зенитных пулеметов была окружена противником и ей предложили сдаться. Командир роты лейтенант Уният в ответ на ультиматум приказал из всех пулеметов открыть огонь по врагу. Но силы были неравные...

Нашу часть направили пешком в г. Сумы, где погрузили в эшелон и перебросили в лес под г. Грязи Воронежской области. 14 октября выпал глубокий снег, но бойцы и командиры в летнем обмундировании и палатках не роптали — была война, и мы видели ее жуткий оскал: детские ручонки на стенках разбомбленных вагонов.

А далее наш путь лежал на юг, и очутились мы в осетинском городе Моздоке. Прибыли на формирование большой армии по защите Кавказа, но и здесь недолго задержались. Через калмыцкие степи, в основном пешком, прибыли на окраину г. Сталинграда, в пос. Бекетовка.

Здесь в части случилось ЧП. Хозподразделение находилось на ж/д путях, политработа не велась, и два наших бойца занялись воровством: сначала добыли из цистерны с белой каймой спирт, а затем и ящик с гусиным мясом, и были пойманы с поличным.

Время военное, законы строгие. Нам зачитали постановление военного трибунала: высшая мера. Содеял зло — получил наказание.

Ноябрь-декабрь 1941 года. На этом наше передвижение не закончилось, через пару недель мы очутились на Урале и вскоре влились в формируемую 129-ю отдельную стрелковую бригаду, в составе которой первого мая 1942 года разгрузились под Москвой, в городе Волоколамске

Семнадцать месяцев, третью часть войны, длились бои за Ржев. Ржевская операция планировалась особой. В ржевско-волоколамских лесах было сосредоточено колоссальное количество войск, в основном стрелковых, дабы ввести в заблуждение фашистскую разведку насчет истинного направления главных усилий Красной Армии осенью 1942 года.

Фронтовики знают весь трагизм так называемых отвлекающих ударов. Нужен бой сам по себе! Бой с огромными жертвами. Замысел Ставки удался. Готовилась генеральная операция у стен Сталинграда.

Ниже кратко опишу мое видение боевых действий на ржевской земле.

С начала мая и до первого августа 1942 года наша стрелковая бригада все время совершала местные маневры, передвигаясь на 5-10 км в разных направлениях. В таком движении были и другие части и соединения, дабы показать противнику свое сосредоточение для «главного» удара. Условия для боевых действий были тяжелейшими. С виду земля здесь летом вроде сухая, а копнешь — такая вода, что окопы не отроешь. Для транспорта настилали дороги бревнами-подтоварниками, танки тоже застревали. А бедным лошадям, тянущим всего 76-мм пушки, было не легче, чем людям.

Первого августа началось наступление. Наше направление — Шаховская, Зубцов, Карманово, Сычевка. Не помню, была ли артподготовка, но техники почти не было. Издалека появлялись ганки 20-й танковой бригады. Самолетов не было, артиллерии тоже. Появлялась «катюша», после одного залпа срочно уезжала. Одним словом, наступала матушка-пехота. Потери были большие, от батальона осталось мало.

«Подъем, подъем, — бегает с пистолетом толкач. — Сейчас в наступление», говорит. Мы послушны, но где наши командиры, какова задача? Не знаем. Только знаем одно — на Карманово.

А Карманово на высоком берегу речушки. Здания кирпичные. Противник укрепился почти как в ДОТах. А мы вперед, вот уже видна луговая часть низины, речушка, крутой берег. Там Карманово.

И тут-то меня стегануло, словно бревном по ноге. Снайпер. Только успел закричать командиру роты: «Вперед, меня подберут». Ружейно-пулеметным огнем строчат по кустарнику, сыплется скошенная листва. С большим трудом залезаю в окоп, где пролежал целый день. К вечеру меня подобрали санитары. В пяти километрах разгрузили в полевом госпитале. Там полным-полно. Кладут на улице у палатки.

Меня ранило 15 августа 1942г., а Карманово взяли только 23 августа. Мое ранение оказалось тяжелым, в госпитале на Н.Басманной улице г.Москвы, после проверки рентгеном, всего загипсовали и через 20 дней отправили на Урал (г.Чусовой), где лечили аж до марта 1943 года.

Выписали почти здоровым, и я добровольцем вступил в танковый десант 36-й танковой бригады 11-го танкового корпуса.

С десантом на броне с боями проехали-прошли от Харькова до самого Берлина, до окончания войны.

Боевые действия закончил 9 мая 1945 года в воинском звании старшина, старшина батальона, под командованием командира бригады полковника Жарикова.

Находился в Тюрингии с 1945-1946 гг., где в июне 1946-го демобилизовался, и оттуда прибыл в Москву. Поступил в институт на факультет «Электрификация сельского хозяйства», который успешно закончил и устроился по специальности в ГИПРОСОВХОЗСТРОЙ.

8-9 мая 2000 года я побывал в Карманово. Сначала приехал в конце апреля, на разведку. Определил сектор наступления нашей 129-й ОСБ, затем меня возили на машине по ближайшим окрестностям. Горевших в войну деревень Овсяники и Ковалики и в помине нет. Здесь построено большое водохранилище от рек Вазуза и Волга.

Сам поселок Карманово прекрасно отстроен: в центре — средняя школа, рядом — отличный Дом культуры, дома поселка кирпичные, дороги с твердым покрытием

В самом центре — большой Мемориал.

Накануне дня 55-й годовщины Победы в ДК состоялось большое торжество: выступали участники боев за Карманово, ветераны войны и труда, многие приехали из других районов. Потом был большой концерт. Многие присутствующие вспоминали пережитое. А у нас ветеранов на глазах слезы, слезы.

9 мая у Мемориала состоялся большой митинг. Пришедшие заполнили всю площадь. Особенно бравыми были школьники с цветами в руках. В школе — музей боевой и трудовой славы освободителей Карманово. Нашел стенд и своей 129-й ОСБ.

Во время митинга я передал главе Управы для музея вырезку из газеты «Комсомольская правда» о подвиге экипажа танка под командой лейтенанта Бондаря А.В. (здравствует и сейчас, возглавляет Совет ветеранов 11-го танкового корпуса, полковник в отставке), фотографии генерала Константинова Н.П. (командира 20-го ТБ), полковника Боднаря А.В.) и капитана Гужва Н.А. (129-й ОСБ), сборник наших стихов «Муза Крылатских солдат».

После торжественного возложения цветов у могил Мемориала попросил слово:

Ты на этой вершине
Цветы не топчи,
В них бессмертная слава героев:
У солдатской могилы
Ты постой, помолчи,
Вспомни грохот последнего боя.

На Мемориале написано: «Здесь захоронено 7 тысяч убиенных», а один из выступавших на митинге ветеранов заметил, что здесь захоронено не 7, а 17 тысяч.

Написал: много брошюр и статей на технические темы; книгу «Дорогами памяти» (Москва, 2002 год); книгу «Жизнь прожить — не поле перейти» (Москва, 2002 год).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Федоров Андрей Викторович***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Елизаров Виктор Прохорович

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ

Я родился 15 ноября 1924 г. в д. Крапивново Ивановской обл. Русский, православный.

До войны учился на 3-м курсе Ковровского техникума тяжелого машиностроения НКПС СССР, г. Ковров Владимирской области.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. в городе Камешково Владимирской области, будучи студентом и комсомольцем.

На войну ушел добровольцем. Был направлен в октябре 1942 г. на учебу в Пушкинское танковое училище (город Рыбинск Ярославской обл.). Начальник училища полковник Савельев. Закончил училище в октябре 1943 г. В звании мл. лейтенанта был направлен для получения боевой техники (танков) в город Челябинск. В декабре 1943 г. в должности командира взвода танков Т-34 поступил в состав 55-й танковой бригады 7-го гв. танкового корпуса 3-й гв. танковой армии. Командир бригады полковник Драгунский Д.А.

Учился в военной академии им. Тимошенко в 1955-1960 годах.

Боевой путь:

- 1-й, 2-й Украинский фронты: Фастов, Казатин (зима 1944 г.), Каменец-Подольский, Ботошани — Молдавия, Пашкани — Румыния (весна 1944г.).
- 1-й Белорусский фронт: Калинковичи, Слуцк, Барановичи, Брест (июнь, июль 1944). Седльце — Калушин, Воломин (август — сентябрь 1944 г., Польша).

- Забайкальский фронт: Чойболсан (июнь, июль 1945 г.) — МНР, Лубэй, Тунляо, Мукден, Аньшань, Порт-Артур (август 1945 г., Китай).

Военные боевые действия закончил в городе Порт-Артур в 21-й гв. Житомирско-Венской дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова танковой бригаде 5-го гв. Сталинградско-Киевского танкового корпуса 6-й гв. ТА. Командир бригады Герой Советского Союза гв. полковник Третьяк И.Л.

Возвращался с войны из Порт-Артура в составе бригады в Забайкальский военный округ с дислокацией части на ж/д разъезде № 77 Забайкальской ж/д в октябре 1945 г. через Мукден, Харбин, Хайлар (Китай), Борзя (РСФСР).

Не демобилизовался. Остался служить в СА.

Награжден:

- орден Отечественной войны I ст. (№ II83322 Указ президиума Верховного Совета СССР от 14.03.85 г.);
- орден Отечественной войны 2 ст.(приказ 6 гв. ТА № 0146/н от 1.10.45 г. № 463579);
- орден Красной Звезды (приказ 3-го гв. стрелкового корпуса № 023/н от 8.08.44г. № 2220288);

Места вручения наград и фамилий вручавших не помню.

Освобождал: Каменец-Подольский, Хотин, Ботошани, Пашкани 2-й Украинский фронт (апрель 1944 г.) под командованием генерал-майора танковых войск Бараусова 1898-й САП, 40-я армия генерал-лейтенант Жмаченко. 1-й Белорусский фронт: Слуцк, Несвиж, Барановичи (июль 1944, Воломин Польша (сентябрь 1944 г.) под командованием генерал-майора Перхоровича. Забайкальский фронт: Лубэй, Тунляо, Мукден, Порт-Артур (август 45 г.) под командованием командира 21-й гвардейской танковой бригады полковника Третьяка И.Л.

Ранения·

- 27 января 44г. осколочное ранение в голову и ноги. Лечился в госпитале города Белая Церковь (Украина — 1-й Украинский фронт). После ранения (март 44 г.) направлен в 1898-й САП, 40-я армия;
- 11.09.44 г. осколочное ранение в голову. Лечился в госпитале города Калушин, Польша. В сентябре 1944 г. семья, проживающая в городе Камешкове Владимирской обл., получила на меня похоронную. С присылкой похоронной лично разобрался только в 1995 г. Центральный архив МО ответил: Приказом ГУК

НКО № 03927 от 10.12.44 г. исключен из списков офицерского состава как погибший в бою 11.09.44г. Похоронен в Раддынь, Варшавское воеводство (основание: список потерь 1898-го САП).

- В карточке учета безвозвратных потерь имеется запись: «Приказом ГУК НКО № 02407 от 18.09.45г. пункт Приказа №03927 от 1944 г. об исключении из списков, отменен, жив. Основание: карточка учета безвозвратных потерь».

После ранения был направлен на учебу от 1-го Белоруского фронта в Ленинградскую Высшую офицерскую бронетанковую школу (ноябрь 1944 г.)

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений у меня нет. Публикаций обо мне не было.

Воевал на фронте:

- 1-й Украинский фронт, 55-я гвардейская танковая бригада, 3-я гв.ТА. Декабрь, январь 1943-44 гг.
- 2-й Украинский фронт, 1898-й САП 40-я армия. Май 1944 г.
- 1-й Белорусский фронт, 1898-й САП. Июнь-сентябрь 1944 г.
- Забайкальский фронт 21-я гв. танковая бригада, 7-й ТК 6 ТА.

Очевидно, каждый из нас, ветеранов войны, хорошо помнит свои первые дни прибытия в часть, которая не формируется, а ведет боевые действия. Я, командир взвода танков Т-34, получил их после выпуска из танкового училища (Пушкинское танковое училище, город Рыбинск) в Челябинске и в составе маршевой роты прибыл на 1-й Украинский фронт. Где-то за ст. Фастов эшелон был остановлен под разгрузку. Встретили нас сурово, было не до приветствий. Недалеко шли упорные бои. Немцы рвутся на Киев, желая, очевидно, взять реванш за осеннее поражение.

Было приказано разгружаться. Эшелон — две танковые маршевые роты, личный состав рот — необстрелянные птенцы. Разгружаться, а как? Разгрузочных площадок нет, есть железная дорога, платформы и небольшая насыпь. Офицеры, встречавшие нас, знали, что мы пока беспомощны и на разгрузку за рычаги посадили в танки своих уже опытных механиков-водителей. Танк разворачивается на платформе на 90 градусов и, опираясь на подложенные бревна, не обращая внимания на возможную поломку платформы, съезжает на дорогу. Минут через 30 мы уже были готовы к маршу. С нами не успели даже познакомиться — сразу в ночь на марш к переднему краю. Только потом, на другие сутки техническая служба 55-й танковой бригады собрала технические паспорта на танки, в которые, как и положено, еще на заводе были вписаны фамилии членов экипажей. Немудрено было в такой спешке и человека потерять, а трусу — дезертировать. Так и случилось у меня во взводе. Мы совершали марш ночью, вдоль линии фронта. Ночь, зима, совсем рядом противник. Немцы слышат звук работающих моторов и бьют из пушек наугад. Красные трассы снарядов то и дело вспарывают ночной мрак. Торопимся вперед, с тем чтобы за ночь проскочить это опасное соседство. Остановки делаются редко и только для того, чтобы подтянуть колонну и узнать, все ли идут. Танки только что с завода, личный состав молодой и необстрелянный, впервые, без оглядки, сразу в бой. Так, говорят, цыгане учат детей плавать. Бросок в воду, не утонул, забарахтался — значит, плавать будет. Вот и здесь — не отстал, танк привел — готов к бою. Молодец!

Ну, а если что не так, то скидки на неопытность нет. Обязательно разберутся и спросят, как и почему ты увильнул от боя.

Разные бывали случаи на войне, в том числе и со мной, необстрелянным взводным. Случилось это на описываемом ночном марше. Как-то на одной технической остановке ко мне подходит механик-водитель второй машины взвода и докладывает, что у них пропал командир танка мл. лейтенант Казаков. Как пропал? Где и когда? Механик рассказывает, что на предыдущей остановке Казаков сказал, что пойдет на моторный люк поспать. Такие приемы отдыха практиковались. Завернулся в танковый брезент, и на теплый моторный люк подремать. Сейчас, на этой остановке, они посмотрели, а командира-то и нет. Я тут же доложил ротному. Было принято решение мне на танке проехать по нашему следу назад километра два-три и посмотреть, может быть, где-то свалился и попал под гусеницы танка. Так и было сделано. Проехал, вернулся и доложил, что его не нашел. Как разрешилось это ЧП в бригаде, я не знаю. Может быть, списали, но то, что Казакова не искали, это точно. На этом, как показал ход событий, история для меня с пропажей командира танка не закончилась. Случай неправдоподобный. Но чего только не происходит на войне.

Во взвод дали другого офицера. Начались боевые будни. Во время боев по уничтожению корсунь-шевченковской группировки противника я был ранен и после излечения в госпитале, располагавшемся в городе Белая Церковь, был направлен в танко-самоходный полк в мае месяце. Наш полк в составе общевойсковых соединений, действуя в направлении города Пашкани, вышел к Карпатам. Там немцы подготовили мощную оборонительную полосу. Попытки наших войск

преодолеть ее успехов не имели. Наступление остановилось. Требовалась тщательная подготовка войск к преодолению сопротивления врага.

В полку к этому времени осталось только две самоходки. Решением командующего фронтом полк выводился для получения новой боевой техники в район города Чугуев. Конечно, все мы были рады побыть в далеком тылу и с нетерпением ждали команды на погрузку в эшелон. В эти дни ожидания погрузки вмешался его величество Случай. А было так. Утром меня вызывает командир полка майор Богомолов. Вечером, говорит он, к нам с ремонтной базы передаются семь тридцатьчетверок. Ты назначаешься командиром роты, забираешь танки и поступаешь в распоряжение соседней танковой бригады.

Жаль. В тылу так и не придется побывать.

В жизни случаются всякие повороты, но такого, как говорят, нарочно не придумаешь. Каждый из нас помнит судьбу двух друзей из фильма «Добровольцы», которые встретились на войне. Один летчик, другой из пехоты. Скептики говорят, такого не может быть. Это только в кино бывает. Но я, смотря эти кадры, знал, что на войне бывает и покруче. Но вернемся к маю 44-го года, в румынскую деревню, где ждет отправки в тыл на формирование наш полк. Вечером, как мне приказал командир полка, я вышел на окраину деревни, сел на рядом сложенные бревна и сижу, жду танки. Слышу, идут, милые. Звук ударов траков гусениц по грунту у наших «подруг» особый. «Походка» их несравнима ни с какой другой. Вот и они. Из-за бугра появляется первый танк. Вскоре подошла и вся колонна. Сигналю офицеру, сидящему на лобовой броне первого танка. Стой! До головной машины метров 15. Подхожу к спрыгнувшему с брони танка лейтенанту и вижу. Ба! Да это никак мой Казаков! Тот самый, который перед боем сбежал из взвода. Выходит, что он подлец, трус и дезертир. Что, — говорю ему, — не ожидал такой встречи? Как он переквалифицировался в ремонтники, я не стал выслушивать, сказал ему: — Иди к командиру полка и проси его, чтобы он направил с танками тебя в другую часть, в противном случае пойдешь в штрафной батальон. Казаков отправился в штаб, а я остался у танков ждать решения командира. Разговор там был коротким. Казаков вышел и сказал мне, что в бригаду танки поведет он. Так была восстановлена справедливость. Я с полком поехал в Чугуев на формировку. Мне неизвестна его дальнейшая судьба. Считаю, что я поступил честно. Не думаю, чтобы он повторил свой побег от предстоящего боя. В заключение этого эпизода скажу, что фамилию его я изменил. Может быть, он сделал вывод из того, что с ним случилось и достойно потом воевал. Таковы дела давно минувших дней той жестокой войны.

Однако я упредил события на полгода. До этой встречи было еще очень далеко, а война шла своим чередом. Шли упорные бои с противником, который пытался прорваться к окруженной группировке немцев в районе Корсунь Шевченковский, и с войсками, которые стремились выйти из окружения. Боевая обстановка изменялась стремительно и, естественно, залогом успеха в бою было грамотное решение командира. Редко, но бывало и не так. Вот боевой эпизод тех времен, который я до сих пор помню, как будто он произошел только что. Примерно в 50 км южнее города Белая Церковь наш танковый батальон, совершив марш, к середине дня вышел на северную окраину поселка Цибулив, имея задачу с утра следующего дня овладеть поселком совхоза имени «Першего травня». Провели рекогносцировку. Перед нами ровное поле, занесенное неглубоким снегом и в полутора километрах совхоз. Каждому определено направление атаки. Ждем утра. В 8.00 танки батальона, окрашенные известкой, ринулись боевой линией в атаку, ведя с ходу ураганный огонь из пушек и пулеметов по совхозу и позициям артиллеристов в чистом поле. В горячке атаки я удивился тому, что по нам пушки не ведут огня и стволы их смотрят в другую сторону. После атаки я со своим взводом остановился в пункте сбора в километре от зданий совхоза. Стоим. По радио никаких команд не поступает. Не открывая люк башни, смотрю в перископ и вижу, что со стороны совхоза к нам на большой скорости «пылит» танк. Остановился от моей машины примерно в 20 метрах. Не могу сказать точно, кто «пожаловал» к нам: командир или адъютант батальона, но начало встречи было положено командой: «Командиры рот, ко мне»! Никого из ротных под рукой не оказалось. Небольшая пауза, и опять команда: «Командиры взводов, ко мне»! Из них оказался я один. Спрыгнув с танка, подхожу к гостю. Неожиданно бросается на меня и пытается ударить в лицо. Как спортсмен, совсем недавно оставивший в училище боксерские перчатки, я спокойно увернулся от удара. Он орет: «Гвардейцы ... — далее поток матерных слов..., — вы разгромили свой артиллерийский полк! — И опять в крик: — Видишь впереди деревня Княжичи, искупите свою вину кровью, возьмите ее!»

На войне фраза «искупите свою вину кровью» была применима в буквальном смысле для солдат штрафного батальона. Там было так:

ранен, остался жив — вину искупил. А теперь вот и мы, три экипажа взвода, стали штрафниками. Делать нечего, мой «штрафвзвод», ломая редкий кустарник, пошел вперед на хаты — мазанки села, маячившие перед нами. Смотрю в прицел, стрелять или не стрелять? Может, там в селе тоже наши? Но через пару минут открыл огонь осколочными по сельской мельнице и окраине села. Ребята тоже последовали моему примеру.

Передние хаты села. Левым бортом танка встал у стены дома. Заряжающему говорю: «Антонов, давай-ка в дом, узнай, немцы есть в селе или нет?» Возвратился быстро и говорит мне: «Хозяйка сказала, что «только втикали отсюда». У меня перед глазами на противоположном берегу речки, вдоль которой и расположилось село, пытаются подняться на высокий берег два бронетранспортера. До них всего метров 400. Два выстрела из пушки, и они горят. Следующая цель — колонна грузовых машин, покидающая село, и тоже на дистанции прямого выстрела. Четыре машины подбито. Немцы не ожидали такой дерзкой атаки, но, видя, что действуют всего три танка, опомнились и открыли огонь. Вижу, один танк зачадил, подбит. Направляюсь к нему, смотрю, что вторая машина уже забрала экипаж и отделение наших разведчиков, которых немцы «зажали» в мельнице, выходит из села. Помощи нам никакой нет, рация молчит. Принимаю решение оставить село и уйти в район сосредоточения батальона. Прикрывая уходящий с ранеными танк, тоже получил пробоину. Удар болванки в машину отчетливо слышал, а вот куда попал снаряд, не понял. Развернул машину и вслед за своим танком, отстреливаясь, ушел из села. При подходе к зданиям совхоза нас встретил командир батальона. Меня ни о чем не спросил, подошел к раненым, лежавшим на броне, и приказал их на танке же отправить к медикам. Тяжело были ранены механик-водитель и стрелок-радист. Я подошел к ним. У обоих перебиты ноги. Через дыры, пробитые осколками, из голенищ валяных сапог сочилась кровь. Как сложилась их судьба, не известно. Пока экипаж выбрасывал стреляные орудийные гильзы, решил осмотреть, куда же попала болванка. Нашел быстро. Оказалось, что снарядом выбита середина трака правой гусеницы и остатки трака держались только на четырех крайних проушинах. В случае разрыва гусеницы быть бы мне тоже подбитому. Повезло крупно.

Нашел ротного и доложил ему о результатах боя за Княжичи. Выслушал меня и говорит: представляю тебя на «Красную Звезду». На том и порешили, но ордена не было. У кого поднимется рука делать

какие-то представления на награду после того, как расколошматили свой полк с гибелью командира артполка. За командирские ошибки мои парни искупили вину своею кровью. Наши командиры не разобрались в обстановке, а дело было так. Ночью немцы ушли из совхоза. Разведка это установила, и ночью же туда был выдвинут наш полк противотанковой артиллерии. Все было четко сделано старшими начальниками, но до наших командиров этот маневр не дошел. Такая вот каша и получилась. «Бей своих, чтоб чужие боялись» — на той войне такое случалась не раз.

В дальнейшем, после ранения, мой боевой путь шел в составе самоходного полка. Из Румынии в мае 1944 г. полк был направлен на формирование под город Чугуев, в деревню Малиновку, где стояла запасная танковая бригада, на базе которой формировались части для последующих боевых действий. Уже в середине июня 1944 г. наш полк прибыл в район Калинковичи 1-го Белорусского фронта и вошел в состав соединений, сосредоточенных для ведения боевых действий по освобождению Белоруссии. В боях под Варшавой 11 сентября 1944 г. был ранен второй раз. После лечения в госпитале города Калушин (Польша) был направлен на учебу в Ленинградскую Высшую офицерскую бронетанковую школу Красной Армии им. Молотова в Ленинграде. После ее окончания в апреле 1945 г. убыл в Нижний Тагил для получения танков. В июне месяце с полученной маршевой танковой ротой вошел в состав 21-й гв. дважды Краснознаменной Житомирско-Венской орденов Суворова и Кутузова танковой бригады, 5-го гв. ТК, 6-й гв. ТА (район сосредоточения бригады — озеро Буйр-Нуур, Монголия).

Каждое утро мы, офицеры бригады, собиралась у штабной палатки. Начальник разведки зачитывал бюллетень по предстоящему театру военных действий и данные о противнике. Перед нами была мощная Хайларская полоса обороны противника, голая на сотни километров пустыня и Большой Хинганский хребет, достигающий в ширину трехсот километров. Прорваться через все это было сложным и трудным делом. Начали готовиться.

— Первое. Установление питьевого режима — 0,5 литра на человека в сутки. На каждом танке был поставлен 90-литровый бак с водой для системы водяного охлаждения двигателя.

Второе. Подготовка материальной части боевых машин к ведению боевых действий в сложных погодных условиях.

Третье. Обучение умению оказывать медицинскую помощь друг другу в случае солнечного или теплового удара.

В начале августа получили топографические карты. Странно и непривычно было смотреть на них. Ни одного населенного пункта, ни какой-нибудь мало-мальской дороги. На безбрежных песках пустыни и в горах Хингана лишь кое-где обозначены юрты кочевников и пунктир вьючной тропы.

За подготовкой к боевым действиям и повседневными заботами время шло быстро. Восьмого августа наша бригада под командованием Героя Советского Союза гв. полковника Третьяка Ивана Лукича выдвинулась непосредственно на границу Монголии с Манчжурией. Танки встали прямо у пограничного столба. Поздним вечером 8 августа 1945 г. до личного состава бригады было доведено решение Правительства СССР об объявлении войны Японии и приказ Командующего Забайкальским фронтом Маршала Советского Союза Малиновского о начале боевых действий по разгрому Квантунской армии Японии. После оглашения этих документов командир бригады спрашивает: «Вопросы есть?» Спросили: «А как со светомаскировкой?» «Никакой светомаскировки, — ответил он, — наоборот, включить все фары и прожектора». Ровно в 24 часа 8 августа танки бригады двинулись через пустыню к далеким горам Большого Хингана. Впереди, в кромешной темноте ночи, горела пара огней, ориентируя колонну на марше. Мы шли в авангарде, и оглянувшись назад, я увидел сотни огней танков и автомашин, следующих за нашей колонной. Точно не помню, но, пожалуй, на вторые сутки движения, у подножия Хингана наши разведчики захватили личный состав японской заставы. Неодолимое желание и любопытство увидеть солдат противника привело нас на большом привале в голову колонны. В стороне от танка комбрига сидели с десяток японских солдат. Все молодые, наголо стриженные и почти все в очках с белой металлической оправой. Справедливости ради следует сказать, что ребята сидели спокойно, без какого-либо страха в глазах, как это бывает у пленных.

Но кончился короткий отдых, и снова вперед. Пустыня. Солнце в упор, тяжкая жара. Броня к полудню — натурально нагретая сковорода и пыль. Мало сказать, что «пыль столбом» — она текла по броне как вода, ручьями, и не было от нее спасения. Не помогали и защитные очки. На вторые сутки марша у всех воспалились глаза. Тяжко переносились и температурные перепады. Днем выше +40 и холодная ночь. На третьи сутки в роте на трех танках по башням поползли трещины от верхнего люка до погона башни, не выдерживала даже уральская броня, но люди выдержали и этот ад. Танковый таран неудержимо двигался к горам Большого Хингана. В горах

мы продвигались там, где не ступала еще нога человека. Танк Т-34 — очень надежная машина, но и она, бывало, не выдерживала экстремальных нагрузок на крутых и длинных спусках в горах. Были случаи разрывов гусениц и другие неполадки, но не часто.

Командование японских войск считало, что ни одна армия не в состоянии переступить хребет Большого Хингана, но мы это сделали. Неожиданно для японских войск пересекли горы и вышли к городу Лубэй. Гарнизон городка в панике разбежался, не оказав никакого сопротивления. Шли седьмые или шестые сутки беспримерного, не имеющего в истории войны аналогов броска массы танков через непроходимые пески пустыни и горы. Подвиг людей, сделавших это, пожалуй, равен подвигу суворовских солдат, преодолевших Альпы. Когда-нибудь история скажет об этом свое слово.

С выходом на равнину, казалось бы, все тяготы марша позади, но не тут -то было. Перед нами по маршруту на город Тунляо лежали целые солончаковые озера. С виду вроде бы засохшая, потрескавшаяся сухая земля. Но как только туда сунется танк, то сразу проваливается по «пузо» в густую, тягучую хлябь. Машина скребет гусеницами почву и еле-еле двигается вперед или просто стоит на месте без сцепления с грунтом. Буксировка, самовытаскивание с помощью бревен, неоправданный расход горючего крайне замедляли движение вперед. С выходом бригады к городу Тунляо командир принимает решение двигаться на город Мукден по железной дороге, не в эшелонах, конечно, а просто по шпалам. Железная дорога несколько уже нашей, гусеницы танка как раз ложились на концы шпал, пропуская под себя стальные нитки рельсов. Так и пошли. Впереди около двухсот километров до г. Мукдена. Уже на марше наши разведчики захватили два паровоза и четыре платформы. Один паровоз в качестве «смертника» пустили первым, за ним, на дистанции в полкилометра второй паровоз с четырьмя танками на платформах, затем колонна бригады «своим» ходом.

Где-то на вторые сутки марша мы встретились с летчиками «камикадзе». Колонна остановилась на привал. Впереди километрах в полутора-двух наши паровозы, голова колонны между перронами полустанка и за ней главные силы. Смотрим, слева в безоблачном голубом небе — с десяток самолетов явно незнакомых силуэтов. Смотрю в бинокль и вижу на бортах машин на белом фоне красный круг «восходящего солнца». Выходит, что пожаловали японцы. Одномоторные самолеты — непонятно, истребители это или бомбардировщики, но уж больно тихоходны. Скорость, как у нашего прославленного «ку-

курузника». Зенитных средств у нас не было, в экипажах только пулеметы и автоматы. Их и подготовили для стрельбы. Тем временем японцы снизились и прошли вдоль насыпи. Мы смотрим на них, они на нас. Наша стрельба была безрезультатна. Уводить танки из-под возможной бомбежки некуда. Справа и слева двадцатиметровая насыпь, на которой мы и стоим. А тем временем самолеты набрали высоту километра в полтора и первый из них, видим, пикирует на колонну. Впереди по нему дали несколько очередей из автоматов. Смотрим, идет к земле. Неужели, думаем, сбили. Самолет тем временем врезался в легкое здание полустанка, оставив свои плоскости на перроне, а фюзеляжем пробил здание. Танка, который стоял на рельсах между платформами, он не задел. Никакого взрыва от упавшего самолета не было. Остальные «камикадзе» тоже спикировали на колонну, но тоже безрезультатно. Попадания в танки были, но так, чтобы танк сгорел или не смог продолжать движение, такого не получилось. Сгорела только одна грузовая автомашина. Мы потом подходили к разрушенным самолетам. Оказалось, что в пулеметах у них и в пистолетах летчиков не было ни одного патрона, даже горючее в самолетах было на пределе. Они где-то отбомбились, а садиться «камикадзе» уже не имели права. Земля с ними распрощалась, когда они вылетали на выполнение боевой задачи. Неизвестно, как они ее выполнили, а исход их полета стал безрезультатным.

Решением командира бригады четыре танка, двигавшиеся на платформе, были посланы в Мукден с целью боевого обеспечения подхода бригады к городу. Танки, разгрузившись на пассажирском вокзале, вошли в город совершенно неожиданно для войск гарнизона и населения. Задача была выполнена, и 18 августа во взаимодействии с парашютным десантом Мукден был освобожден от японцев. Пройдя с момента наступления нашего фронта порядка 950 километров, танки бригады вошли в город русской боевой славы в войне 1905 года — Порт-Артур. Бригада расположилась в военном городке, который был построен российскими солдатами в начале 20-го века. Закончилась последняя военная операция. Пошла нормальная армейская жизнь в военном городке. Наши девушки-медики сплели громадный венок из цветов; его расположили на танке и затем возложили на могилу погибших в 1905 году русских солдат, на кладбище городка. Сами же японцы в ознаменование своей победы над Россией поставили на берегу бухты Порт-Артура памятник в виде стеллы-снаряда примерно сорокаметровой высоты.

В конце августа в нашу обыденность ворвалась бригада военных киношников и фотокорреспондентов газеты «Красная звезда». Пожили у нас дня два-три, поснимали, поговорили и уехали. Последние снимки наиболее интересны. Они попросили командование бригады вывести пяток танков на самый берег моря и боевое знамя бригады. Был сделан отличный кадр, который был помещен в «Иллюстрированной армейской газете» с подписью из старой партизанской песни времен гражданской войны: «И на Тихом океане свой закончили поход». Самое время на этом и мне закончить свой рассказ.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Пронин Александр Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Жидков Елисей Григорьевич

МЕНЯ ВЫБРОСИЛО ИЗ САМОЛЕТА МЕТРОВ НА ТРИДЦАТЬ

Полковник в отставке, родился 12 июня 1917года в деревне Чутьки Сененского района Витебской области Белоруссии. Белорус. Состоял в пионерской организации, комсомоле и далее являлся членом КПСС (имею значок 50 лет членства в КПСС).

В 1933 году, с шестого класса начальной школы, поступил в фабрично-заводское училище при текстильной фабрике в городе Ярцеве Смоленской области.

Через год, в 1934 году, поступил в сельскохозяйственный техникум, который окончил в 1937 году и поступил в Минское пехотное училище. В 1939 году, после окончания училища, было присвоено офицерское звание лейтенант.

6 мая 1942 года окончил ускоренный курс военной академии им. Фрунзе.

После окончания Великой Отечественной войны я был оставлен в рядах Советской Армии, имел офицерское звание — подполковник. В 1948 году окончил военную академию им. Фрунзе, в 1952 году — Военную академию Генерального штаба.

О начале войны узнал, находясь в местечке Марьино Курской области, на курсах по военной подготовке ответственных партийных работников.

24 июля 1941 года был направлен в Солнечногорск, в резерв Ставки, а 27 июля 1941 года вышел приказ о присвоении мне очередного воинского звания — старший лейтенант.

29 июля 1941 года был направлен в г. Гомель, в штаб Центрального фронта и назначен на должность порученца члена Военного Совета Центрального фронта.

27 сентября 1941 года был послан в военную академию им. Фрунзе на учебу. В июне 1942 года окончил ускоренный курс академии и был назначен в штаб 4-й резервной армии, на должность старшего помощника начальника оперативного отделения. Армия формировалась в городе Калинин.

21 июля 1942 года сформированный штаб 4-й резервной армии в полном составе с армейскими средствами связи был передислоцирован на Воронежское направление и передан в распоряжение генерал-лейтенанта Чибисова Н. Е. — командующего оперативной группой на данном направлении. С этого момента оперативная группа получила номер — 38-я армия второго формирования.

Мой боевой путь тесно связан с боевым путем 38-й армии второго формирования. Служил в оперативном отделе штаба армии в должности помощника начальника оперативного отдела, затем — заместителем начальника оперативного отдела главного звена управления. Принимал непосредственное участие в подготовке к осуществлению операций, проводимых армией.

Основной задачей офицеров оперативного отдела являлось планирование, своевременное доведение задач до войск, организация взаимодействия во всех родах войск и осуществление контроля за точным выполнением поставленных задач и распоряжений командующего армией.

Большое внимание офицеры оперативного отдела уделяли сбору и обработке информации об обстановке, проверке правдивости докладов и донесений. Офицер оперативного отдела выполнял все это в сложных боевых условиях, не считаясь с опасностью для жизни.

Примерно 80-90% времени офицеры оперативного отдела находились в передовых соединениях и частях, контролировали и обеспечивали выполнение поставленных задач. Эту работу мог выполнить только тот офицер, который сам знал хорошо обстановку и в какой-то мере обладал способностью предвидеть ход событий в аспекте решения командующего армией. Доклады офицера оперативного отдела не требовали дополнительной проверки. Главное внимание обращалось на своевременное и точное выполнение поставленных задач.

Несвоевременное и неточное выполнение задач, как правило, приводило к неоправданным потерям людей и техники. Часто офицерам нашего отдела приходилось в соответствии со сложившейся обстановкой принимать решения в свете поставленной задачи, не боясь ответственности.

Конечно, выдающихся боевых эпизодов у офицеров штаба, связанных с непосредственным личным уничтожением врага, не было. Однако их действия и боевая работа оказывали значительное влияние на успех боевых действий и операций в целом. Офицерам оперативного отдела приходилось проверять, а в некоторых случаях и брать на себя организацию перегруппировки войск, организацию связи, занятия исходного рубежа, выкладку на огневых позициях боеприпасов.

Проверить, правильно ли понимают задачу командиры и солдаты, как они ориентируются на местности, как изучен перед ними противник, расположение его огневых точек и другие вопросы, относящиеся к боевой деятельности соединения, части. Вся эта деятельность офицеров оперативного отдела обеспечивала возможность командующему принимать правильные решения для ведения боевых действий.

38-я армия второго формирования была по решению Ставки Верховного Главнокомандования создана 3 августа 1942 года на брянском направлении. В момент своего создания 38-я армия имела шесть стрелковых дивизий, семь стрелковых бригад, пять корпусов, из них четыре танковые и один кавалерийский, два гаубичных и три минометных полка. Таким образом, по количеству сил и средств это было весьма мощное оперативное соединение. Его создание на левом крыле Брянского фронта в стыке с Воронежским было обусловлено общей обстановкой на южном участке советско-германского фронта.

В начале июля противник, прорвавшийся к Воронежу, был остановлен. В последующие дни враг сосредоточил свои основные усилия на сталинградском и кавказском направлениях. Однако оставалась напряженной обстановка в районе Воронежа, где Ставка Верховного Главнокомандования видела реальную опасность выхода вражеских сил на южные подступы к Москве через Елец. В связи с этим Ставка уплотнила оборонявшиеся на этом направлении войска двумя армиями, одна из которых была 38-я, которая развернулась на рубеже от Гремячего до Воронежа.

Усилением обороны на этом участке фронта был сорван замысел врага на прорыв в северном направлении. Одновременно и главная группировка противника, наступавшая на Сталинград, встретила все

более усиливавшееся сопротивление. Основная задача — воспрепятствовать переброске сил немцев на сталинградское направление была выполнена.

Первой крупной наступательной операцией, в которой участвовала 38-я армия, была Воронежско-Касторненская. Эта операция — начало славного победного шествия 38-й армии к Победе над фашизмом.

Воронежско-Касторненская наступательная операция продолжалась с 25 января по 18 февраля 1943 года. За это время войска армии разгромили основные силы противника — 2-й немецкой армии и 3-й корпус 2-й венгерской армии. Был ликвидирован воронежский выступ врага, освобождена большая часть Воронежской и Курской областей. Несмотря на все трудности, войска армии в ходе операции продвинулись с боями на 150 км. И нанесли врагу большой урон в живой силе и технике. Только на последнем этапе борьбы соединения армии уничтожили и взяли в плен свыше 30-ти тысяч солдат и офицеров противника.

Общие потери врага были еще более значительными: было убито 15 тыс. и взято в плен 27 тыс. солдат и офицеров, захвачено 143 танка, 765 орудий и минометов, свыше 2300 автомашин, 300 тыс. снарядов. С огромным напряжением работали тогда штабы армии, соединений, частей. В сложнейших условиях, нередко без связи, они делали, казалось, невозможное, чтобы обеспечить должное управление войсками, организовать взаимодействие родов войск, нацеливая их на выполнение главной задачи, направить работу разведки и своевременно использовать добытые сведения.

Я в это время был помощником начальника оперативного отдела. Офицеры отдела почти все время находились в передовых частях, питая штаб достоверной информацией, осуществляли контроль выполнения поставленной задачи.

Могучей лавиной двинулись вперед, на запад, советские войска, и вновь на одном из важных направлений была 38-я армия. К марту 1943 года армия с боями продвинулась к рубежу восточнее г. Сумы. А летом того же года участвовала в Курской битве, в которой была окончательно сломлена наступательная мощь противника.

Затем разгром гитлеровцев на Левобережной Украине. Шло массовое освобождение захваченных оккупантами территорий. Главный удар в то время наносили наши войска на юге. Среди них была

и 38-я армия. Громя противника, она вышла к Днепру, приняла участие в его героическом форсировании и захватила выгодный плацдарм севернее Киева, а затем сыграла решающую роль в освобождении столицы Украины. После этого армия продолжала наступать в составе ударной группировки 1-го Украинского фронта, расширяла стратегический плацдарм на правом берегу Днепра, успешно отразила контрудары противника.

Начало 1944 года ознаменовалась завершением Житомирско-Бердичевской наступательной операции. Потом одна за другой были проведены Проскурово-Черновицкая и Львовско-Сандомирская. В итоге этих крупных операций наши войска очистили от врага всю Украину и приступили к освобождению Польши. В этих боях принимала самое активное участие 38-я армия. В дальнейшем она внесла свой вклад и в осуществление великой освободительной миссии Советских Вооруженных Сил за рубежами нашей Родины. Здесь вехами ее боевого пути были успешно проведенные Карпатско-Дуклинская, Яссо-Горлицкая, Моравско-Остравская и, наконец, Пражская наступательная операции.

С января 1943 года вплоть до победоносного окончания войны 38-я армия почти непрерывно наступала на запад. Она освободила сотни советских городов, тысячи сел, участвовала в разгроме врага на территории Польши и Чехословакии. В этих операциях ее командование, Военный Совет и штаб проявили высокий уровень военного искусства и умелой организации ведения боевых действий большого масштаба.

Война закончилась 9 мая 1945 года, однако войска 38-й армии продолжали на территории Чехословакии уничтожать разрозненные группировки противника до 12 мая. В это время я закончил свою боевую службу в оперативном отделе штаба 38-й армии и был направлен на учебу в военную академию им. М.В.Фрунзе на основной курс, в воинском звании подполковника. Ранений и контузий не имею.

После окончания Великой Отечественной войны продолжал служить в Советской Армии в крупных штабах и в академии Генерального штаба — старшим преподавателем на кафедре оперативного искусства. В 1974 году по выслуге лет был уволен из рядов Вооруженных Сил в отставку.

В ходе службы в Советской Армии в мирное время доводилось выполнять задания командования за рубежом — в Иране, Вьетнаме, Арабской республике Египет. В период прохождения службы в штабе Объединенных Вооруженных Сил Варшавского Договора приходилось

по служебным обязанностям неоднократно бывать в ГДР, ПНР, ЧССР, НРБ, Румынии.

После увольнения из Вооруженных Сил был принят на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт метрологической службы Госстандарта на должность начальника научного отдела, где проработал 17 лет. В данное время — пенсионер, инвалид 2-й группы.

Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашисткими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Имею ордена: Трудового Красного Знамени № 104189, Отечественной войны 1-й степени №210356, Красной Звезды № 325350, Красной Звезды № 3118322, Отечественной войны 2-й степени № 15633, Отечественной войны 2-й степени № 154953 и медаль «За боевые заслуги» № 3181481.

Награжден за службу и доблестный труд в мирное время орденами: Трудового Красного Знамени № 281597, Красной Звезды № 3627837, «За службу Родине в ВС СССР» № 11678 и медалями: «За отличие в охране государственной границы СССР» № 009607, «Ветеран Вооруженных Сил» № 331.

Кроме этого, награжден семью юбилейными медалями Советского Союза и шестью медалями Чехословакии. Имею награды иностранных государств — Офицерский американский орден и Иранский орден Хамают 2-й степени за демаркацию советско-иранской границы в 1955-1957 годах. Вручались награды по месту службы непосредственными начальниками.

14 ноября 1945 года я женился на Низамутдиновой Раисе Низамутдиновне. Она добровольно ушла на фронт и прослужила всю войну телеграфисткой в 130-м полку связи 38-й армии. Имеет боевые награды: орден Красной Звезды № 1325026, орден Отечественной войны 2-й степени № 4909666, медаль « За боевые заслуги» № 923031, кроме этого, награждена восьмью юбилейными медалями Советского Союза и двумя медалями Чехословакии.

Прожили мы с женой вместе 57 лет — имеем двух дочерей, семь внуков и правнука. У жены из родственников погибли на фронте семь братьев и сестер, у меня осталась в живых одна сестра, и та слепая.

Некоторые эпизоды моего боевого пути

28 января 1944 года при проведении операций по освобождению Правобережной Украины в полосе действий 17-го гвардейского стрел-

кового корпуса сложилась тяжелая обстановка, противник большим количеством танков и мотопехоты прорывался через боевые порядки наших войск, перерезал железную дорогу южнее станции Липовец и продолжал продвигаться к деревне Владимировка, угрожая выйти в тылы армии.

Командующий армией принял решение срочно повернуть танковую бригаду, находившуюся на марше и контратаковать прорвавшегося противника. Этот приказ я должен был передать командиру корпуса и командиру бригады. Однако связь в это время с корпусом и бригадой отсутствовала. Мне приказано было срочно на самолете У-2 доставить приказ командующего по назначению.

На подлете к штабу корпуса наш самолет атаковали два истребителя вражеской авиации. Летчик, старший лейтенант, стал прижиматься к земле, пытаясь произвести посадку, но в воздухе был ранен, и наш самолет носом врезался в снег, меня выбросило из самолета метров на тридцать вперед, в это время «мессершмиты» вторично обстреляли наш самолет, пытаясь его сжечь. Упали мы на нейтральной территории, с одной стороны ведут огонь танки противника, с другой — наша артиллерия. Летчик был убит, я взял его документы, добежал до штаба корпуса и вручил приказ командующего командиру корпуса.

Когда мы летели, связь с корпусом была восстановлена. Приказ командир корпуса получил по радио и одновременно сообщил, что самолет сбит, летчик и офицер погибли. Я пешком примерно 40 км добрался до штаба армии, доложил командующему, что приказ вручил командиру корпуса. Летчика посмертно наградили орденом Красной Звезды.

В Карпатско-Дукленской операции, на границе с Чехословакией, сложилась очень тяжелая обстановка. Противник укрепился на границе, используя пограничные оборонительные сооружения доты, дзоты. Наши наступающие войска несли большие потери. В составе нашей армии действовал Чехословацкий корпус, под командованием генерала Л.Свобода. Генерал попросил нашего командующего, Москаленко К.С., прислать ему офицеров оперативного отдела для оказания помощи в организации наступления, непосредственно в батальонах и ротах.

Был послан заместитель начальника оперативного отдела подполковник Сывак М.А. Находясь непосредственно в чехословацкой роте, он наблюдал за выполнением поставленной задачи. Прозвучал сигнал о начале наступления. Роты справа и слева поднялись и пошли в атаку, а рота чехов, в которой находился подполковник, укрылась в

окопах и не поднимается. Сывак М.А. подходит к одному из окопов и за шиворот вытаскивает из окопа солдата. Им оказался командир роты. Подполковник заставил его поднять роту и пойти в атаку, применив физическое насилие над командиром подшефной армии.

За эти действия подполковника Сывак М.А отстранили от должности и хотели отдать под трибунал, судить за избиение офицера дружественной Чехословацкой армии. Об этом узнал генерал Людвик Свобода, командир Чехословацкого корпуса, и оценил поступок нашего офицера, достойный не суда, а награждения. Только после этого наше командование отменило распоряжение в отношении подполковника Сывака.

Карпатско-Дуклинская операция (сентябрь-октябрь 1944года)

Эта операция 38-й армии проходила в тяжелейших условиях. На подготовку операции отводилось очень мало времени. В этой операции отличились70-й гвардейской стрелковой дивизии генерала И.А.Гусева. Оказавшись отрезанными в районе юго-западнее города Ивли от основных сил армии, они в полном окружении вели упорные бои в течение 15-16 сентября.

Командующий армии Москаленко К.С. на этот трудный участок послал офицеров оперативного отдела подполковника Сывак М.А., майора Ляшко О.А. и меня, майора Жидкова Е.Г.. Мы, в трудных условиях окружения, когда ряд командиров выбывал из строя, не раз принимали на себя управление подразделениями и восстанавливали положение на угрожаемых участках. В схватке с врагом Сывак и Ляшко были убиты, я остался жив.

Командующий армией генерал-полковник Москаленко К.С., как правило, в бою управлял войсками с наблюдательного пункта (НП), который обычно именовался как вспомогательный пункт управления (ВПУ). Однажды, это было в Карпатах, генерал-полковник приказал мне к утру подобрать и оборудовать НП, с которого мог бы наблюдать действия войск. Конечно, ночью НП на местности трудно выбирать. Пришлось по карте, с помощью определения полей невидимости, выбирать «высотку», ближе к боевым порядкам наших войск, и наспех, за 3-4 часа, в скальном грунте оборудовать наблюдательный пункт.

В моем распоряжении была рота саперов, рота связистов, батарея командующего артиллерией и разведчики. Нашими усилиями к

утру в скальном грунте отрыли ячейку для наблюдения, блиндаж для командующего и укрытие для связистов. Утром прибыл на НП Москаленко К.С., с ним начальник оперативного отдела, командующий артиллерией армии и другие офицеры.

Был сентябрь месяц, в горах по утрам стояли сильные туманы. Из-за тумана, даже используя стереотрубу, никакого поля боя не было видно. Командуюший спрашивает: «Кто выбирал НП?» Я ответил, что место под НП выбрано было мною. Москаленко тут же наложил на меня взыскание. Говорит своему адъютанту: «Запиши ему 10 суток ареста», при этом спросил и меня : «Какой дурак присвоил Вам майора?». Я ответил: «Вы, товарищ командующий». Но, когда туман рассеялся, стала прекрасная видимость, видны были даже окопы противника, его огневые точки и наши наступающая пехота и танки.

Командующий видит, что наши танки непосредственной поддержки пехоты остановились перед высоткой, пехота залегла, а с флангов подразделения продвигаются. Он посылает меня к нашим подразделениям, чтобы я выяснил обстановку, возобновил движение танков. Это задание было выполнено. Бежал я по полю боя, примерно 2 км под обстрелом, используя для укрытия воронки от снарядов. Танкистов я заставил продвигаться, пригрозил им: « Если не начнете движение, командующий отдаст Вас под расстрел». Пехота тоже поднялась и пошла за танками, это наблюдалось с НП. Взыскание с меня было снято.

Я, как заместитель начальника оперативного отдела по вспомогательным пунктам управления, обеспечивал командующему управление войсками непосредственно на поле боя, на важнейших направлениях.

В Карпатах, в горно-лесистой местности, нами был выбран наблюдательный пункт, с которого хорошо просматривалась впереди лежащая местность, гора и долина. Противник, отступая перед нами, в лесу на горе, оставил «смертника» с пулеметом и большим запасом патронов, который обстреливал наши войска, проходившие по долине, и корректировал огонь своей артиллерии. Я доложил об этом командующему, он приказал мне уничтожить «смертника». Позиция укрывавшегося была хорошо замаскирована. Я принял решение прочесать лесной массив в направлении, где предполагалось нахождение пулеметчика. Для этого мне пришлось привлечь личный состав, находящийся на ВПУ.

Прочесывали гору ночью, цепью солдат от солдата на расстоянии видимости. На рассвете два наших бойца обнаружили пулеметную точку и немца, выходившего вытряхивать плащ-палатку. Они

подкрались к нему и набросили на голову свою плащ-палатку, связали руки и привели на НП.

Когда я с ординарцем командующего возвращался после захвата «смертника», мы попали под сильный минометный обстрел противника. Ординарца осколком ранило в спину, я донес его до НП, затем раненый был отправлен в медсанбат. После того как мы ликвидировали пулеметчика, враг нанес нам ответный удар, заметив наши перемещения. На НП был убит полковник-артиллерист и несколько человек ранено. После этого мы вынуждены были сменить наблюдательный пункт.

В боях на Правобережной Украине войска армии продолжали развивать наступление, отражая контратаки противника. Командный пункт армии перемешался вслед за войсками, на небольшом удалении. Противник, сдерживая наше наступление, на участке одного из полков, поддерживая свою пехоту, обстреливал наши боевые порядки из «тигров». А когда перед нашими солдатами появились немецкие танки, некоторые наши бойцы не выдержали и начали отступать в панике.

Командующий армией посылает меня выяснить обстановку. Я, с двумя солдатами роты охраны, выехал в боевые порядки войск. Нам удалось перед расположением штаба армии остановить бегущих стрельбой из пулеметов поверх голов и своим личным примером.

Один лейтенант с остатками расчета и 45-мм пушкой, в панике бежал от танков и остановился с орудием перед окном дома, где располагался командующий. Я в это время докладывал командующему о выполнении задания, контратака противника отбита, отступление наших войск остановлено. Генерал-полковник увидел в окне лейтенанта и приказал привести к нему артиллериста. Лейтенант в испуге докладывал: «Все погибли, в живых остались двое солдат и я».

Командующий приказал мне расстрелять офицера-артиллериста. Адъютант командующего снял с лейтенанта ремень и кобуру с пистолетом. Я вывел его подальше от дома, два раза выстрелил вверх, а лейтенанту сказал: «Беги быстрее в свою часть и продолжай воевать по-настоящему». Вернулся в штаб и доложил о выполнении приказания. Жалко мне стало молодого офицера — он одумается и еще принесет пользу Родине.

На командный пункт армии прибыл командующий фронтом — генерал армии Петров И.Е. Принималось решение о вводе второго эшелона армии для развития наступления

В направлении ввода 2-го эшелона велись ожесточенные бои за крупный населенный пункт двумя дивизиями. Один командир диви-

зии докладывал, что пункт занят немцами, второй — что нет. Если населенный пункт занят, то тогда 2-й эшелон вводить надо, и наоборот. Срочно требовалось уточнить информацию по этому вопросу.

Командующий посылает меня на своем «Виллисе» с шофером уточнить фактическую обстановку на месте. Когда наша машина подъезжала к пункту назначения, нас обстреляли из автоматического оружия, сам же населенный пункт был весь усеян солдатскими трупами — наших и противника. На окраине мы обнаружили на чердаке одного из домов командный пункт полка. Населенный пункт не был занят врагом, но за него велся тяжелый бой. Все действия наших войск были наблюдаемы мною, о чем и было доложено руководству и что способствовало принятию правильного решения командующего — вводу в бой второго эшелона.

Мне кажется, нет необходимости перечислять всю боевую деятельность офицеров оперативного отдела штаба. Отдел являлся главным органом командующего и начальника штаба и выполнял различные задачи, связанные с управлением войсками. Офицеры отдавали все силы и энергию на разгром врага и приближение нашей Победы.

Нелегко досталась Победа советскому народу и его армии. В боях с врагом пали смертью храбрых и многие воины 38-й армии. Их имена навсегда остались в памяти советских людей, польского и чехословацкого народов, за освобождение которых они отдали свою жизнь.

Апрель 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ефремов Дмитрий Александрович***, студент 3-го курса Московского государственного строительного университета

Замыслов Юрий Михайлович

ОРУЖИЕМ БЫЛА РАДИОСТАНЦИЯ, ТЕЛЕГРАФНЫЙ КЛЮЧ, МИКРОФОН

Я родился 2 января 1924 года в г. Ленинграде, в семье командира Красной Армии. Отец — выходец из крестьян, мать — дочь чиновника.

Я и мои два брата пошли по стопам отца и стали кадровыми военными, старшими офицерами, а затем и пенсионерами МО СССР. Оба брата — участники Отечественной войны и, увы, уже ушли из жизни. Семья, в которой я родился, была русской, православной. Я состоял в КПСС с 1944 по 1991 год.

Учился в 1931-1941 гг. в Ленинградском хореографическом училище (ныне Академия Русского балета им. А.Я.Вагановой). Война прервала мою учебу, артистом балета я не стал, зато стал полковником, что не менее престижно. Считаю, что жизнь не прошла мимо, моя лепта в историю Отечества внесена.

Весть о войне настигла меня за кулисами Мариинского театра, где проходила генеральная репетиция выпускного спектакля ЛГХУ «Ночь под Рождество» (комп. Б.Асафьев, пост. Г. Варковецкого), где все роли исполняли учащиеся. Спектакль состоялся, а уже 7 сентября 1941 года училище, под бомбежкой, эвакуировалось на Урал, в Молотовскую (ныне Пермскую) область, с. Полазна.

По семейным обстоятельствам мне пришлось остаться в Ленинграде. 8 сентября началась блокада города. И только 26 июля 1942 года я с остатками училища, всего около 20 человек, покинул родной город и приехал без особых приключений в Полазну, которую мы между собой звали «Невылазна».

Нос к носу с войной я столкнулся на оборонных работах на Лужском оборонительном рубеже, в районе станции Батецкая, в составе группы артистов театра и учащихся ЛГХУ уже 12.07.1941г. Работали мы ударно, от зари до зари, без погонялок, как и десятки тысяч ленинградцев, воздвигавших окопы, противотанковые рвы, блиндажи, чтобы остановить врага.

Нас бомбили частенько, обстреливали из орудий и минометов. Лужский рубеж продержался до 11.08.1941г. Военные инженеры, руководившие работами, сумели вывести окопников и поездами отправить в Питер.

Оставшиеся в Ленинграде учащиеся и преподаватели ЛГХУ были переведены на казарменное положение, из нас сформировали пожарную дружину. Мы дежурили на чердаках огромного здания училища (ул. Росси, 2) , обезвреживали зажигательные бомбы, тушили очаги возгорания, отстояли от пожара репетиционный зал Мариинского Театра.

Все мы участвовали в концертных бригадах Филармонии в войсках гарнизона города. Мы с одноклассницей В. Богдановой отплясывали гопака не менее двадцати раз, последний раз в конце апреля 1942 г. на большом концерте в колонном зале Филармонии.

На военную службу был призван 6 ноября 1942 года Добрянским РВК Молотовской области и направлен в офицерское училище ММПУ. Но по здоровью был забракован (дистрофия) и через пересыльный пункт попал в г. Свердловск на 2-е радиокурсы, которые к маю 1943 г. окончил радиотелеграфистом 3-го класса, получив воинское звание ефрейтор, в котором и провоевал всю войну; друзья прозвали меня за это солдатиссимус.

С 5 мая 1943-го начался новый этап моей жизни: я был зачислен в список личного состава батальона связи Уральского Добровольческого танкового корпуса (УДТК), сформированного по инициативе трудящихся Урала из числа добровольцев, снаряженного и вооруженного сверхплановыми танками, артиллерийскими видами оружия, боеприпасами, обмундированием, продовольствием. Корпус интенсивно формировался, вооружался, учился стрелять и воевать. В конце мая

— июня 1943 г. все части 10-го УДТК сосредоточились в районе ст. Кубинка г. Наро-Фоминск и влились в состав формируемой 4-й ТА. Командовали: 390-м отдельным батальоном связи — капитан Красовицкий, 10-м УДТК генерал-лейтенант Г.С.Родин, 4-й ТА генерал-лейтенант т.в. Баданов.

Перед отправкой на фронт уральцы дали своим воинам-добровольцам наказ уничтожать немецко-фашистских захватчиков и гнать их до Берлина, до полной победы над фашизмом. Добровольцы поклялись выполнить эту задачу. Уральско-Львовский добровольческий танковый корпус прошел с боями более двух тысяч километров от Орла до Берлина и Праги, освободили десятки городов и сотни населенных пунктов, форсировали десятки рек. Вехами на его пути остались: ж.д. станция Шахово (9 августа 1943), г. Унеч (23 сентября 1943), Ямполь (4 марта 1944), г. Волочисск (6 марта 1944), г. Гусятин (23 марта 1944), г. Каменец-Подольский (26 марта 1944), г. Львов (27 июля 1944), Ново-Шпроттау, Заган, Зорау, Форст, Теплитц, Калау, Даме, Луккенвальде, Беелитц, Берлин-Штансдорф, Потсдам (16 апреля — 2 мая 1945), а также: Цоссен, Лоуны, Слани, Прага, Кладно (6-9 мая 1945), Сланец (11 августа 1944), Богория (20 сентября 1944), Сандомирский плацдарм (20 сентября 1944), Иваниска (10 января 1945), г. Кельтце (15 января 1945), г. Злочев (20 января 1945), г. Штейнау (30 января 1945), г. Реснитц (20 марта 1945), г. Ратибор (3 апреля 1945).

Москва еще двадцать шесть раз салютовала добровольцам-танкистам. За образцовое выполнение заданий командования 10-й УЛДТК был удостоен звания гвардейского и награжден орденами Красного Знамени, Суворова и Кутузова. Этот же путь прошел и 152-й гв. Пражский орденов Богдана Хмельницкого, Александра Невского и Красной Звезды отдельный батальон связи (кстати, единственный батальон связи, имеющий на знамени три ордена, он и по сей день в боевом строю в г. Богучар).

Я счастлив, что остался жив, горжусь, что войну прошел вместе с уральцами-добровольцами, что участвовал в крупнейших сражениях, был свидетелем падения германского рейха, капитуляции Берлина, что внес свою лепту в великую Победу.

Я не совершал героических подвигов. Моим оружием была радиостанция, телеграфный ключ, микрофон и умение среди тысяч звуков морзянки найти своих радиокорреспондентов, наладить с ними радиообмен, качественно и быстро принимать и передавать радиограммы, порадовав шифровальщиков минимумом ошибок, обеспечить коман-

дирам и начальникам их личные переговоры по радио с подчиненными в частях корпуса и с вышестоящими начальниками из штаба армии (4-й гв. ТА).

Трудно было в жару, в слякоть и в холод по 12 часов и более нести дежурство. Недосыпали, смертельно уставали и все это под бомбежкой, обстрелами, особенно когда тебя запеленгуют, частенько в отрыве от родной радиороты, на передаточном пункте.

Но на войне как на войне. Это все ничто в сравнении с теми, кто шел в атаку, на смертный бой. Вечная им память! Мы их вспоминаем и в день Победы чтим.

Закончили войну 11 мая 1945 г. — добивали в лесах под Кладно власовские отряды, которыми кишела Чехославакия. Вскоре наш корпус совершил марш через Чехословакию на юго-восток, прошел через Австрию в Венгрию в р-н г. Шопрон, а в конце 1945 г. передислоцировался в г. Секешфехервар и Веспрем. Здесь я расстался со своими боевыми друзьями на долгое время, аж до 1976 г., до первого большого сбора ветеранов 4-й гв. ТА в Москве.

По конкурсу я поступил в феврале 1946 г. на курсы спецпропагандистов при Военном институте иностранных языков, которые успешно закончил в марте 1947 г., получив воинское звание младший лейтенант и специальность переводчик (немецкий язык) — референт.

Прослужил на офицерской должности 27 с половиной лет, из них около 15 лет — спецпропагандистом политотделов бригады, дивизий, армии и политуправления округов, оставшиеся 12 лет — на культпросвет и пропагандистской работе.

Жизнь требовала знаний: экстерном сдал за курс военного училища (1954), заочно окончил с отличием истфак ЛГУ (1962), прошел курсы усовершенствования политсостава ВС СССР (1956).

Самым интересным для меня была работа в СВАГ, СКК в Германии, в ГСВН, связанная со знанием немецкого языка. Сперва это были переводы, затем самостоятельные работы с немецкими функционерами органов власти и партий, выступление с докладами и лекциями перед немецкой аудиторией (1947-1954) , а в периоды 1956-1959 гг. и 1965-1971 гг. — работа по организации и проведению мероприятий дружбы с трудящимися ГДР и боевого содружества с ННА ГДР, а также по обеспечению и обслуживанию контактов командования с руководством местных органов власти и партий, переводы во время встреч руководителей.

Мне довелось переводить для маршалов Е.Е.Мальцева, Л.А. Говорова, генерал-полковников Средина, В.С.Нечаева, генерал-лейтенантов И.И. Юрпольского, Г.В. Шурупова, Ф.Ф.Викторова и многих других военачальников. Раз посчастливилось переводить для Е.А.Фурцевой и скульпторов Е.Вучетича и Л.Кербеля. Довелось переводить Э.Хоннекера — генсека ЦК СЕПГ, члена политбюро П.Фрелиха, министра обороны ГДР Г.Альбрехта, А.Бройтигама, В.Цигенхана, П.Рошера и др. Не могу не упомянуть своих непосредственных начальников разных лет, преподававших мне уроки жизни. Это генерал-лейтенанты А.М. Оверчук, Н.Д.Фролов, В.И.Свиридов, П.В.Фомичев, полковники М.С.Сахаров, И.В.Родин, Б.М.Чернов, В.Н.Мельников, генерал Н.И.Чигогидзе и десятки отличных товарищей по оружию, по совместной службе.

Прослужив 32 календарных года кадровым военным, я «прихватил» еще 8 лет в качестве служащего СА — был инспектором школ при домах офицеров КЗакВО. В мою бытность более 1200 офицеров, прапорщиков, воспитанников и служащих СА завершили среднее образование и поучили аттестаты.

Что запомнилось?

Запомнилась жестокая блокадная зима 1941-1942 гг. в Ленинграде, героизм и стойкость ленинградцев, работа ПВО, заставившей уже к марту 1942 года исчезнуть навсегда с ленинградского неба самолеты люфтваффе и спасти город от разрушения.

Запомнилось, как из неопытных бойцов вырастали творившие чудеса профессионалы, снайперы эфира, знатоки техники связи.

А еще запомнилось, как быстро менялась боевая техника, как сокращались сроки переформирования армии, как быстро мы получали военную технику, как росла боевая мощь Красной Армии, улучшалось ее снабжение.

Если в боях под Орлом нас бомбили вражеские самолеты, летавшие эшелонами по 30-60 и более бомбардировщиков, то во всех сражениях 1944-1945 гг. люфтваффе нападало на нас малыми силами и лишь эпизодически, в то время когда наша авиация закрывала порою все небо.

В августе 1944 г. я обеспечивал связью с авиацией полковника А.И.Покрышкина (он тогда был награжден третьей звездой Героя), так вот он с КП нашего комкора Е.Е.Белова руководил авиадивизией, уничтожавшей немецкие танки, наносившие контрудар по нашей обороне на Сандомирском плацдарме Западной Вислы. Руководил он

с артистизмом, с прибаутками. Ни один «тигр» не дополз до наших боевых порядков, оставив уральцев-добровольцев «без работы».

Запомнилось еще много всего, но места не хватит обо всем написать.

Война была для меня, как и для всех советских людей, школой мужества и стойкости, закалила характер, помогла стать человеком.

Награжден:

медалью «За боевые заслуги». № 501801. Сентябрь 1943. Вручил командир корпуса генерал-лейтенант Родин — за обеспечение бесперебойной связи в боевой обстановке (операция на Орловско-Курской дуге);

— медалью «За отвагу». № 1263853. Апрель 1944. Вручил командир корпуса Белов Е.А за обеспечение бесперебойной связи в боевой обстановке (Висло-Одерская операция);

орденом Красной Звезды. № 1684384 Март 1945 г.;

— орденом Красной Звезды. № 2240711 Июнь 1945 г.

и многими другими медалями

Участвовал в освобождении населенных пунктов в составе 10-го гвардейского Уральско-Львовского Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова добровольческого ТК, в батальоне связи под командованием командира Белова: Карачев (лето 43), Брянск (лето 43), Унеча (начало августа 43), Гжимайлов (конец марта 44), Волочиск (конец марта 44), Подволочиск (конец марта 44), Каменец-Подольский (конец марта 44), Городенка (конец марта 44), Черновцы (конец марта), Львов (44 июль), Перемышль (Польша, август 44), Жешув (Польша, август 44), Сандомир (август, сентябрь 44). 12 января 1945 вошли в Западную Германию; Штейнау, Заган (апрель 1945), Берлин (8 мая 1945), Прага (9 мая 1945).

В моей семье погиб самый мне дорогой человек — моя мать Замыслова Вера Васильевна. 26.11.1942 г. в нашу квартиру попал фашистский снаряд и убил ее. Она была одна. Когда увезли ее, мы так и не узнали. Отец был тяжело ранен под Смоленском в июле 1942 г., командовал полком. Стал инвалидом 1-й группы. Два брата и сестра, пережившие всю блокаду, остались живы (братья воевали на Ленинградском фронте).

В середине марта 1945г. я был ранен и контужен в районе Примкенау (Нижняя Силезия), лечился в госпиталях в Лигнице и Эльсе, вернулся в часть 15.4.1945.

Входил в авторский коллектив книги «Краснознаменный Закавказский» (Тбилиси 1981, Изд. «Сабчота-Сакартвелло»).

Публикации обо мне:

в книге «Добровольцы Урала», стр. 162. (В.С. Вайнер, А.В. Волковинский, П.П. Логинов и др. Свердловск, 1980, Средне-Уральское книжное издательство);

— в газете «Правда» за 25-27 июля 1974г.;

а также в программе «Время» (24-27 июля 1974 г.) репортаж Евг. Синицина.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Борискин Алексей Дмитриевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Ильин Илларион Михайлович

МЫ ЛЮДИ ОГНЕВЫХ ВРЕМЕН

Я, Ильин Илларион Михайлович, родился 26 октября 1925 года в селе Коробейниково Уч-Пристанского района Алтайского края. В 1941 году я окончил 7 классов школы в городе Кировске.

О начале войны узнал 23 июня 1941 года в городе Кировске. Я тогда работал в лесу на заготовке дров, и когда отправился в город за продуктами, мне рассказали, что началась война с Германией. 27 июня 1941 года я стал свидетелем того, как немецкие самолеты разбомбили совсем новый, только построенный вокзал в городе Кировске и пассажирский состав, стоявший в это время на вокзале. После налета я вместе со всеми вытаскивал раненых из разбомбленного состава. Это стало первым глубоким впечатлением о войне.

В августе 1941 года я эвакуировался вместе с семьей в Архангельскую область. В это время два моих брата уже воевали — Николай служил еще до начала войны, а эшелон, в котором Петр уезжал на фронт, ушел как раз в тот день, когда я уезжал в эвакуацию. Эвакуировался я в село Вознесенское Верхнетоймского района Архангельской области. Осенью 1942 года я пошел в 8 класс, а 30 декабря 1942 года директор школы вручил всем нам повестки. И 1 января 1943 года я уже был в военкомате.

3 января 1943 года я был в городе Вологде в 33-м запасном стрелковом полку. В апреле 1943 года из полка было отправлено 12 человек в Пуховическое пехотное училище в город Великий Устюг. В их числе был и я. В мае 1943 года начались занятия — училище готовило командиров взводов. В училище я был помощником командира взвода.

В августе 1943 года пришла похоронка на моего брата Николая. Тогда я написал подряд три рапорта об отправлении меня на фронт. И только на третий раз начальник училища подписал рапорт, и меня отправили в маршевую роту.

В звании старшего сержанта в сентябре 1943 года я попал в 120-й отдельный гвардейский саперный батальон, в минерную роту. Минерная рота занималась минированием и разминированием нейтральной полосы между нашими позициями и позициями противника, уничтожением мостов и железных дорог в тылу врага, минированием легко подбитых танков противника, которые еще не успели оттащить на ремонт, поиском подходящих переправ для наших танков.

Боевое крещение я прошел в октябре 1943 года при форсировании реки Днепр. В том бою я потерял друга Николая Стенцова, который воевал с начала войны. Командир отделения был тяжело ранен, и к концу дня я принял отделение (1 отделение 1 взвода минерной роты).

26 октября мы переправились через реку Днепр на Лютошский плацдарм под Киевом. С 6 на 7 ноября я участвовал в освобождении города Киева. 23 ноября 1943 года был легко ранен в бою за город Брусилов. Город тогда несколько раз переходил из рук в руки, но когда фашисты бросили в бой свежие отборные танковые дивизии СС, нам пришлось отступить с большими потерями . На смену пришла 1-я танковая армия генерала Катукова. В июле-августе 1944 года я участвовал в боях за город Львов.

За время войны я участвовал в следующих операциях, кроме упомянутых боев:

- операция в Правобережной Украине (18.9.43 — 15.1.44);
- Проскурово-Жмеринская операция (4.3.44 — 20.4.44);
- Львовско-Сандомирская операция (13.7.44 — 31.8.44);
- Сандомирско-Силезская и Нижне-Силезская операция (12.1.45 — 12.3.45);
- Берлинская операция (16.4.45 — 3.5.45);
- Пражская операция (6.5.45 -11.5.45).

Закончил я войну в Праге помощником командира взвода в звании старшего сержанта.

Далее служил в городе Корнейбург в Австрии до июня 1946 года. С июня 1946 года по июнь 1950 года служил в городе Виттенберге в Германии. В этом городе 22 июня 1950 года я демобилизовался и отбыл в город Солнечногорск Московской области. 27 июня был уже в Солнечногорске.

В июле 1950 года стал работать в Солнечногорской школе №1 учителем физкультуры и военного дела.

На фронте было много разных трудных и опасных ситуаций. Зачастую только удача спасала нам жизни и позволяла выйти из смертельно опасных передряг.

* * *

Это было в июле 1944 года, когда наши войска перешли в наступление подо Львовом. После мощной артподготовки, взломав оборону противника, наши танки вошли в прорыв.

К исходу первого дня наступления мы овладели городом Яворов. Сильно уставшие, потеряв несколько своих боевых товарищей, в час относительного затишья мы расположились отдохнуть.

Вскоре наш первый взвод минроты был поднят, отобрано 12 человек для рейда в тыл врага на глубину 40 км в город Самбор с задачей взорвать железнодорожный и шоссейный мосты, чтобы отсечь путь отступающему противнику.

Нашей группе во главе с командиром взвода, тремя командирами отделений и восемью лучшими минерами была выделена полуторка и для сопровождения двое молодых партизан.

До Самбора оставалось 3-4 км. На взгорье в двух километрах от опушки леса, где мы находились, виднелся хутор. Разведать путь к нему предстояло мне с солдатом И.А. Скоробогатько (он погиб в последующих боях, спасая знамя нашей части). Короткими перебежками мы добрались до хутора. Осмотрев хутор, я вошел в хату. Скоробогатько остался во дворе для охраны. Хозяева были дома. На мой вопрос, есть ли немцы в хуторе, хозяин ответил не сразу. Он спросил, кто я такой — под маскхалатом не было заметно знаков различия и пилотки со звездой. Надо было видеть, как налились его глаза гневом и ненавистью, когда я назвал себя. Это был, как стало потом известно, матерый бандеровец. Обстановка была ясна, мы дали сигнал, машина двинулась к хутору. Когда полуторка вышла из укрытия, ее заметил немецкий самолет, но сделав облет, он удалился, видимо, приняв нас за своих. Машина была поставлена во двор, укрыта, дом бандеровца взят под охрану.

Перед нами был Самбор. Здесь было еще тихо, но уже доносилась канонада. Это шли наши. Под гору, километрах в двух по прямой был наш объект — железнодорожный мост. Командир взвода решил послать двух человек для разведки. Мы внимательно наблюдали за их движением. Пройдя метров 200 300, бойцы круто повернули назад, скрылись во ржи, вслед застучали одиночные выстрелы. Как потом выяснилось, они напоролись на боевой пост фрицев.

Мы были обнаружены. Немцы открыли огонь. Мы бросились к машине, но сколько ни старался шофер Тихомиров завести ее, она не двигалась. Отстреливаясь, мы уходили в неизвестность.

Немцы наседали. И в эту критическую минуту к нам подбежал мужчина, предложил вывести нас в лес к партизанам. Мы поверили ему. Через карьер, разбитой дорогой почти подошли к лесу. Но вместо спасения, лес стал поливать нас свинцом. Взводный сильным ударом свалил проводника и уже хотел пристрелить его, но тот взмолился, доказывая, что это наши партизаны — просто они не признали красноармейцев. Лейтенант, ругаясь, отпустил его предупредить о нас. Всю силу своих ППШ мы обратили на немцев, пошли в ход гранаты. Наконец, мы почувствовали помощь друзей-партизан.

Железнодорожный мост, который нам предстояло взорвать, фашисты усиленно охраняли. Шоссейный мост был без охраны. На совместном совете с партизанами было принято решение создать три группы. Одна группа во главе с командиром взвода должна была подорвать железнодорожный мост, вторую было поручено возглавить мне — нужно было взорвать шоссейный мост. Третья — из партизан и нашего шофера Тихомирова — для выручки нашей полуторки.

Через день, когда немцы поуспокоились, две группы приступили к выполнению задания. Наша группа оставалась до возвращения полуторки. Снять охрану с моста не удалось. Ребята были обнаружены и обстреляны. Охрана моста была усилена, и с рассветом минеры вернулись на базу.

На хутор в разведку была послана партизанка. Она сообщила, что машина цела, но только разграблена. Немцев она не заметила.

И вот группа на хуторе. Партизаны выкатили машину на дорогу. Разогнав под уклон, машина завелась и благополучно доехала до лагеря партизан. Взяв семь противотанковых мин, которые хранились в машине, мы вышли на подрыв шоссейного моста — он был метрах

в двухстах от леса. Был слышен гул приближающейся вражеской автоколонны. Медлить было нельзя. Мы быстро привязали мины к несущим опорам, вспыхнул терочный воспламенитель. В нашем распоряжении оставалось полторы минуты. Собрав все силы, мы рванулись в лес. Вскоре средь ночной тишины раздался огромной силы взрыв — мост взлетел на воздух.

Задерживаться у партизан для новой вылазки на железнодорожный мост не имело смысла. Взять его нашими силами было невозможно.

Обратный путь тоже был непростым. Мы могли в любую минуту встретить немцев. Когда наступили сумерки и до наших войск было не более 10 километров, мы почти вплотную столкнулись с бронетранспортером, который выскочил на нас из-за крутого поворота.

Считанные метры разделяли нас. Все было напряжено до предела, обе стороны были готовы расстрелять друг друга в упор. Продолжалось это с минуту, которая показалась нам часом. И вдруг мы услышали из БТ русскую речь. Лишь счастливая случайность спасла нас от взаимного уничтожения. Мы дали корпусным разведчикам, а это были они, самые точные сведения о противнике, о движении его войск и с ними благополучно добрались до своих частей, которые штурмовали город Перемышль.

После разгрома немецких войск в берлинской операции и падения Берлина наша 3-я гвардейская танковая армия под командованием дважды героя Советского Союза генерала П.С. Рыбалко, входившая в состав Первого Украинского фронта, уже в ночь на 4 мая 1945 года выступила из Берлина, где мы принимали участие в его штурме. Не успели мы привести себя в порядок, как прозвучала команда: «По машинам! Идем на Прагу!».

В это время в Праге началось вооруженное восстание жителей против немецких оккупантов. Но немцы теснили восставших, и силы были неравны. Тогда в радиоэфире каждые пять минут зазвучали слова: «Внимание! Помогите!».

И мы шли на этот зов. Действия наших танков сковывали хребты Судетских гор. Не выдерживали тормоза, машины пятились назад по круче, вода закипала в радиаторах. Своими глазами я видел страшные картины, когда танки срывались с кручи, когда узкие и слабые мосты не выдерживали тяжести боевых машин, и они уходили на дно. Солдаты толкали машины, тащили на руках пушки и минометы. Водители танков, используя все свое мастерство, рискуя жизнью, делали порой почти невозможное.

Но Судеты были пройдены, и уже 8 мая мы были в 10 км от Праги и с трудом пробирались по гористой лесной разбитой дороге. Дождь окончательно сделал ее непроходимой. Наступила ночь. Мы тогда не думали, что это была последняя ночь войны. Колонна остановилась, моторы заглохли. Забравшись под брезент, я с товарищами уснул на «студере».

Разбудила нас ужасная пальба. На мгновение мелькнула мысль, что это засада. Мы выбрались из-под брезента и взяли автоматы наизготовку. Была сумасшедшая стрельба, и взлетали в воздух осветительные ракеты. Было светло как днем. Мы услышали дружный хохот соседей. Они смеялись над нами, над тем, как мы лежим в грязной колее с автоматами наизготовку. Это были зенитчики, получившие сообщение о том, что закончилась война, прекращены боевые действия, подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Мы стали салютовать всеми видами стрелкового оружия.

На рассвете 9 мая мы вошли в Прагу. Никто из жителей Праги в тот майский солнечный день не сидел дома. Люди заполнили улицы, площади, где шли наши колонны. Стояли на переполненных балконах, на крышах домов, сидели на деревьях. Когда останавливалась колонна наших танков, чехи влезали на них и приветствовали солдат. Все улицы, по которым проходили наши танки, были усыпаны цветами.

Награды:

• Орден Красной Звезды — приказом 6-го гв. ТК №018/и от 5.8.1944: вручил командир 120 гв. ОСБ гв. майор Кожевников. Из представления: «В боях за Социалистическую Родину гв. ст. сержант Ильин И.М. проявил исключительную смелость, выдержку и находчивость. В битвах за Днепр, в боях за Киев, Проскуров гв. ст. сержант Ильин И.М. неоднократно ходил в тыл врага, выполняя ответственные боевые задания по минированию вражеских коммуникаций и уничтожению его боевой техники. Во время боевых действий на Львовском направлении гв. ст. сержант Ильин бесстрашно и умело выполнил ряд боевых заданий по минированию шоссейных и железнодорожных дорог для предотвращения контрударов противника на фланге наших частей. В ночь с 23 на 24.7.1944 г. гв. ст. сержант Ильин с группой подрывников взорвал железнодорожный мост на железной дороге Перемышль — Львов и разрушил телефонную связь противника в этом районе».

• Орден Отечественной войны I ст. — приказом 6-го гв. ТК №081/ и от 19.5.1945 г. Из представления: «27.04.1945 в районе Шморгендорф отделению, которым командовал гв. ст. сержант Ильин, была поставлена боевая задача: подорвать баррикаду и пропустить наши танки. При попытке подойти к ней противник открыл по улице ураганный огонь из окон и чердаков зданий. Найдя скрытые подступы, гв. ст. сержант Ильин приблизился с отделением к баррикаде. Не обращая внимания на сильный огонь, он все время находился на баррикаде и четко руководил работой своего отделения. Воодушевленные примером своего командира, бойцы быстро пробили шурфы и заложили мины. Отведя личный состав в укрытие, т. Ильин вернулся на баррикаду, проверил заряды, вставил зажигательную трубку и поджег ее. Последовал сильный взрыв. Путь по улице для танков был свободен».

Неоднократно публиковался в газетах города Солнечногорска. Именно публикацию в журнале «Клуб» №6 за 2001 год(стр. 20). Участвовал в создании сборника песен о войне «Нам не забыть» (Москва, 2001 год) .

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Заглядский Александр Дмитриевич,*** студент 3-го курса Московского авиационного института

Картозия Карл Иорданович

НУЖНО ПЕРЕВЕЗТИ ПОНТОНЫ К РЕКЕ

Родился 15 октября 1922 года в городе Гудаута (Абхазская АССР). По национальности грузин. Член партии с 1946 года. В 1937 году закончил 7 классов школы.

О войне узнал от друзей 22 июня 1941 года в Гудауте, где в это время работал матросом-спасателем.

На войну пошел по призыву. 3 июля 1943 года прибыл в пункт формирования соединения в Подлипки Московской области. Через неделю 10 июля 1943 года был отправлен на фронт. Начинал в воинском звании ефрейтора мото-инженерного полка.

Боевой путь: Курская битва (1943); Украина (1943); Рибница, Польша (1944); Каменец-Подольский, Украина (29.03.1944); Львов (29.06.1944), Шманув, Польша (13.01.1945), Петракув, Польша (18.01.1945), Милич, Германия (23.01.1945), западнее и южнее города Опельн, Германия (22.03.1945), город Нейсен Необмеютц, Германия (24.03.1945), город Ратибор (31.03.1945), город Бискау (31.03.1945). Округа Берлина (25.04.1945): город Кийцин (25.04.1945), юго-восточнее Берлина (2.05.1945). Город Берлин (2.05.1945). Город Варшава (9.05.1945).

Военные боевые действия закончил в городе Берлине в 1945 году, в составе 4-й танковой армии 3-го мотоинженерного отдельного батальона, приданного штабу армии, в воинском звании ефрейтор, командир отделения шоферов.

Отбыл из Берлина в 1946 году в Гудауту. Был трудоустроен на должность шофера в санатории «Волга». Демобилизован указом о демобилизации.

Однажды ночью приходит командир и говорит: «Нужно перевезти понтоны к реке, для выполнения этой задачи нужны трое водителей». Мне пришлось вместо одной сделать три ходки, так как двое других водителей не могли перевозить понтоны ночью, у них была болезнь «куриная слепота». И этой ночью мы с командиром поехали перевозить понтоны.

Собирали мост, находясь в воде, под массированным обстрелом вражеских самолетов. Под этим обстрелом один за одним погибали солдаты, но на место убитого солдата вставал другой, стараясь завершить постройку моста. Бойцы знали, что эта переправа через реку является стратегически важным объектом, знали, что, построив его, они еще на один шаг ближе к победе ...

При взятии Берлина у Тельтов-канала не хватало большого количества людей и, по мере продвижения, дивизии освобождали гражданских пленных, выдавали им оружие и отправляли в бой. Мне приходилось возить трупы некогда пленных. Возил их штабелями, как дрова, полным кузовом. Хоронили их там же в Берлине...

Однажды в Германии вёз на буксире машину ГАЗ. До нашего штаба осталось не больше километра, уже виднелись красные здания штаба. Слышим, летит самолет. Покружив над нами, летчик начал обстрел из крупнокалиберного пулемета. Мы спрятались под машину и ждали, когда у него кончатся патроны. Вскоре самолет улетел, убив одного из наших людей в грудь, причем, вылезая, мы заметили, как немецкий пилот показал нам кулак. Когда мы решили тронуться с места, смотрим, а он прострелил нам трос. Трос связали и поехали в штаб...

12 января 1945 года, во время генерального наступления на Германию, мы приближались к Сандомирскому плацдарму, на нём находилось очень много гаубиц, они начали стрелять с 5 утра. Нам был

отдан приказ не брать пленных. Вперёд пустили сначала авиацию, потом танки и пехоту, следом ехали мы. На протяжении 50 километров мы не увидели ни одного живого человека, а уж после начали попадаться пленные...

Был такой случай на Эльбе. Мы преследовали группу людей на протяжении 60 км. Догнали этих людей, оказалось, что это союзники, американцы. Впоследствии мы с ними вернулись на Эльбу и продолжали стоять там вместе...

Награжден:

медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.» (Указ Президиума Верховного совета СССР от 9 мая 1945. года. Вручена 22 марта 1946 года);

медалью «За боевые заслуги» №1881589. (Приказ №822450. 22 октября 1946 года вручил А. Горкин);

— медалью «За отвагу» №2270357. (Приказ №822450. Вручил 22 октября 1946 года А. Горкин);

медалью «За взятие Берлина». (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года. Вручена 1 апреля 1947 года военкомом Гудаутского РВК гвардии подполковником Свиридовым);

— медалью «За освобождение Праги». (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9июня 1945. Вручена 12 ноября 1946 года командиром 3-й гвардии ПМП гвардии подполковником Гениным);

— орденом Отечественной Войны №451424. (Указ № 452103 Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года).

В книжке красноармейца имеется также 12 благодарностей: за освобождение Каменец-Подольского, Львова (Украина); за овладение сильным опорным пунктом противника Шманув (Польша); за освобождение города Петраков (Польша); за прорыв обороны противника западнее города Опельн (Германия), за овладение городами Милиг, Нейсен Необмеютц, Ратибор и Бискау (Германия); за завершение окружения Берлина и овладение городом Китицин; за ликвидацию окружения группировки противника юго-восточнее Берлина; за взятие Берлина; за освобождение Чехословакии и города Прага.

Освобождал: Каменец-Подольский, Украина (29.03.1944); Львов (29.06.1944); Шманув, Польша (13.01.1945); Петракув, Польша (18.01.1945); Милиг, Германия (23.01.1945); город Нейсен Необмеютц, Германия (24.03.1945); Ратибор (31.03.1945); Бискау (31.03.1945); Китицин (25.04.1945); Берлин (2.05.1945); Варшава (9.05.1945).

Ранило осколком в ногу после взрыва бомбы рядом с машиной. Ранение не лечил.

В 1941году в войне погиб родной брат Картозия Дмитрий Иорданович. Призывался из Таганрога. Обстоятельства гибели неизвестны.

Упоминался: в книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» (1975 год. Автор Д. Д. Лелюшенко) и в чешской газете TYDENIK AKTUALIT за 1974 год №23 (название статьи неизвестно)

Февраль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Степанян Карэн Тигранович***, студент 2-го курса профессионального училища № 5

Климов Виктор Григорьевич

О СЕБЕ И О БОЕВЫХ ТОВАРИЩАХ

Я родился 18 января 1926 г. в г.Москве. Из православных христиан, член КПСС с 1946 г.

В 1941 г. окончил 8 классов 637-й средней школы Киевского района. В 1942-43 г. окончил девятый класс средней школы рабочей молодежи N 4 Киевского района г. Москвы. В 1950 г. окончил десятый класс средней школы при гарнизонном Доме офицеров (г. Виттенберг, Германия). В 1954 г. окончил Московский юридический институт.

Хорошо помню 22 июня 1941. В 12 часов дня, когда по радио выступал министр иностранных дел В.М.Молотов, я находился на улице и видел, как выходящие из метро люди останавливались, с тревогой на лицах, очень внимательно слушали выступление по громкоговорителю. В одночасье кончилась мирная жизнь, и остро встал вопрос о защите Родины. Усиленно заработали военкоматы, призывались военнообязанные; молодежь старше 18 лет, изъявившая желание добровольно идти на фронт, осаждала военкоматы. А мы, подростки, стремились устроиться на фабрики и заводы. Моя трудовая деятельность началась в январе 1942 г. в качестве слесаря на заводе N 853 Наркомата минометной промышленности.

Это был 2-й Московский часовой завод, который, как и вся промышленность нашей страны, быстро перестроился на военный лад и стал выпускать военную продукцию.

В марте 1944 г. был призван в ряды Красной Армии и после обучения в Московской школе радиоспециалистов был направлен на Украинский фронт, в гвардейскую танковую армию, которой командовал легендарный генерал Рыбалко Павел Семенович, ставший позже маршалом бронетанковых войск. Я попал в 385-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк, который стал моей семьей. Было это в июле 1944 г., когда наша 3-я гвардейская ТА вышла из боев, закрепилась на Сандомирском плацдарме и готовилась к последующему наступлению.

Наряду с боевыми успехами были у нас и безвозвратные утраты. В связи с этим я часто вспоминаю героический экипаж машины Су-122 под N 65 в составе: механик-водитель Анатолий Ерш, наводчик Худин, заряжающий Евграфов, замковый Костюченко и командир экипажа старший лейтенант Владимир Борский 1923 года рождения. Этот экипаж погиб смертью храбрых, выручая товарищей.

Случилось так, что самоходку N 67 противник взял в «вилку»; возникла необходимость срочно поменять позицию, ибо следующий снаряд попадет в цель. Но тут как на грех у нее заглох мотор.

Попытки запустить его сжатым воздухом не увенчались успехом; ручной способ «кривым стартером» тоже не дал желаемого результата. Бой идет. Командир 65-й увидел, что боевые товарищи в беде, подставил им свой кормовой трос. Один из экипажа 67-й накинул его на свой передний крюк; 65-я дернула, и движок 67-й запустился. Все в порядке!

Но снаряд противника, предназначенный для 67-й, пробил левый борт подвернувшейся тут 65-й; сдетонировала вся боеукладка. Машина мгновенно взорвалась. Ее экипаж героически погиб у нас на глазах.

Третьего мая 1945г., выполняя приказ Верховного Главнокомандующего, 3-я гвардейская танковая армия маршала Рыбалко и в ее составе наш полк были уже на марше, выполняя задачу по освобождению Чехословакии.

Пятого мая мы оказались в одном из населенных пунктов близ города Дрезден. Чтобы замаскировать боевую машину в населенном пункте — легкую добычу противника, все члены экипажа покинули свои места для поиска маскировочных средств. В машине на боевых постах остались: механик-водитель Чванин Терентий Ермолаевич и я, как радист батареи, — на связи. И в этот момент вражеский снаряд пробил лобовую броню самоходки, оставляя за собой огненный след, пронзил рабочее место механика-водителя и взорвался позади него в моторном отделении. Наш Терентий Ермолаевич погиб. Я получил

осколочное ранение в ногу, быстро выскочил из загоревшейся машины и остался жив. Так уж, видимо, судьба распорядилась.

Несмотря на неисчислимые потери и преодолев все трудности, врага разбили. Наш 385-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полк внес свой достойный вклад в это святое дело. Приказом Верховного Главнокомандующего от 8-го мая 1945 года N 365 за овладение городом Дрезденом всему личному составу нашего соединения, в том числе всем воинам нашего полка, была объявлена благодарность. Нашему полку было присвоено почетное звание «Дрезденский».

В дальнейшем наш путь пролегал через города: Ченстохова, Тшедбуш, Радамско, Милиг, Бернштадт, Намслау, Бреслау, Кармт, Маркт, Тост, Бишовстоль (Силезия), Берлин, Прага; форсировали реки: Одер, Нейсе. За взятие каждого из перечисленных объектов личному составу выносились благодарности в соответствии с приказами 225, 237, 248 от 17, 21, 23 августа; 251, 261, 270, 276 от 6, 12 февраля; 342-359 от 25 апреля и 2 мая; 368 от 9 мая.

Участвуя во всех перечисленных операциях в качестве гвардии рядового — радиста 1-й батареи, был награжден:

— орденом Красной Звезды (N 1681645),

медалями: «За боевые заслуги» (N1879316), «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», « За победу над Германией».

Награды и грамоты нам вручал командир 385-го гвардейского Дрезденского тяжелого самоходно-артиллерийского полка подполковник Шапар Алексей Евтихиевич.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Терентьев Даниил Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Ковалев Алексей Афанасьевич

НЕМЦЫ НАС НАЗЫВАЛИ «ГОЛОВОРЕЗАМИ РЫБАЛКО»

Я, Ковалев А.А., родился 18 октября 1925 года в городе Рославль Смоленской области. Был и остаюсь членом КПРФ. Верю в судьбу, что наше бытие предопределено Космосом.

В 1940 году окончил 8 классов средней школы. О войне узнал дома по радио в день её начала. Мать и братьев эвакуировали в самом начале войны в Йошкар-Олу, а мы с отцом остались в Москве, но в сентябре отца призвали на фронт, и мне пришлось поехать к родным в эвакуацию. Там пошёл работать на завод, собирал дзоты для фронта. В январе 1943 года пришла похоронка на отца, он погиб под Сталинградом при проведении разведывательно-боевой операции. Я твердо решил идти на фронт.

По прибытии в военный комиссариат был направлен в 15-й запасной артиллерийский полк «Икша». Там и проучился на механика-водителя до июля 43-го года. Далее получил распределение в 1873-й фастовский самоходный артиллерийский полк 6-го танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии маршала Рыбалко. И прямиком на Первый Украинский фронт.

Боевой путь начал на самоходной установке СУ-70 под городом Сумами. Пошли до Днепра, немцы в то время господствовали на обоих берегах, но нам всё же удалось в октябре форсировать Днепр и

занять плацдарм в деревне Григоровка. Там меня ранило в ногу осколком от брони нашей самоходной установки, но так как ранение оказалось лёгким, я от госпитализации отказался, обошёлся несколькими перевязками в медицинской части батальона, уж очень хотелось отомстить немцам за отца. И вот немцы перешли в контрнаступление. С утра до ночи на наши позиции пикировали «юнкерсы-87» (мы их называли «костыли»), и вот, после нескольких дней бомбёжек, видим: среди напрочь разрушенных построек как ни в чём не бывало расхаживает петух. Как он выжил - для меня до сих пор загадка, но с тех пор мы решили, что мы живы, пока жив он. После бомбардировок неудачный штурм предприняла пехота, и потом в течение недели горы трупов остались лежать на линии огня. Ни мы, ни немцы не могли их похоронить.

За форсирование Днепра я получил свою первую награду .

Орден Красной Звезды за номером 489923 вручил заместитель командира по политической агитации Царапин А. Я.

После того как отстояли Днепр, осенью 1943 года пошли прямиком на Киев. В сам город не входили (именно наш полк), а уничтожали врага со стороны села Святошино. Далее мой путь пролегал через город Фастов, в котором нам пришлось сдерживать жесточайшее контрнаступление немецких войск. При обороне Фастова гибло трое из четырёх советских солдат, но не сдали немцам позиции, а оставшиеся в живых бойцы были направлены на формировку и комплектацию техникой.

После пополнения полка личным составом и бронетехникой меня перевели в 53-ю гвардейскую танковую бригаду, где я продолжил войну механиком-водителем на Т-34.

После формирования участвовал в боях за Воронеж, но так как почти вся прилегающая территория была заминирована, то действие техники ограничилось уничтожением отступающих разрозненных частей противника. Таким образом, к зиме с небольшими потерями, не получая массивного сопротивления со стороны сил противника, наши танки дошли до границы с Германией.

Тут немцы активизировались, и мы встретили жесточайшее сопротивление со стороны местного населения, которое встало на защиту своих земель. Дети брали в руки фаустпатроны и жгли уходящие танки. Разбитые немецкие части бились до последнего патрона, все дороги были заминированы. В январе-феврале мы дошли до Одера, с левого берега которого открывался прямой путь на Берлин, и здесь

нас встретили остатки регулярной армии Вермахта. Такого шквального огня я не мог себе и представить: пехота, самолёты, танки, артиллерия. Не было свободного метра земли, где бы не упал снаряд. В наш танк прямой наводкой попали из «пантеры», заряжающий и наводчик погибли сразу, а я вытащил горящего командира. Как ни странно, на мне не было ни царапины. После того как мы лишились машины, меня направили на формирование в Польшу. За эту операцию поляки меня наградили медалью «MEDAL ZA ODRE-NYSE BALTYK» №049770, которую вручил полковник Лебедев 15 февраля 1950.

После формировки начались боевые действия непосредственно по взятию Берлина. Мы наступали со стороны Потсдама, все проезды были забаррикадированы, на каждой возвышенности по снайперу, всё заминировано, продвижение не более 10 метров в час. Тогда-то мы и придумали крушить здания и проезжать по их развалинам, это оказалось легче, чем преодолевать баррикады. Взяли Берлин. За взятие Берлина я получил второй орден Красной Звезды №1952249, вручил его заместитель командира по политической агитации Царапин А. Я.; медаль «За взятие Берлина» 7 декабря 1945 года вручил подполковник Дрюк.

Казалось, война закончена, но не тут-то было. Пришло сообщение, что пражане подняли восстание против фашистских оккупантов и немцы начали бойню среди мирного населения. Мы направились освобождать дружественный народ. Войдя в Прагу, столкнулись с разрозненными частями СС. Это были элитные части, и они умели воевать, но мы их вытеснили и освободили город. За освобождение Праги я получил орден Славы 3 степени за № 1203640. Медаль «За освобождение Праги» за №058606 мне вручил 7 декабря 1945 года заместитель командира по политической агитации Царапин А. Я.

Преследуя немцев, мы наткнулись на значительные силы противника в городе Пардубеце, что в 15 - 20 километрах от Праги. Заняв оборону у городского госпиталя, мы отражали атаки противника несколько часов, и тут в наш танк попал бронебойный снаряд. Все, кроме меня, погибли, а мне прошило осколком брони голову. И было это 8 мая 1945 года, ровно за день до официального окончания войны. Прооперировали меня прямо в отвоёванном госпитале, но ещё около полугода я был в коме, пришел в себя уже находясь в Австрии на лечении.

Войну закончил в звании гвардии старшины танковых войск. После войны поступил в Московский энергетический институт и успешно его закончил. Вся моя семья, за исключением отца, осталась в живых. Являюсь инвалидом Великой Отечественной Войны. Собственных публикаций не имею.

Имею награды:

- Медаль «За победу над Германией». 26 февраля 1946 года вручил полковник Кирилкин.
- Медаль «XXX лет Советской Армии и флоту». 7 ноября 1948 года вручил командир ГКТБ подполковник Сентрянко.
- Медаль «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне». 14 февраля 1966 года вручил полковник Ионов.
- Медаль «25 лет Победы в Великой Отечественной Войне». 14 февраля 1971 года вручил полковник Ионов.
- Медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной Войне». 21 января 1976 года вручил полковник Четвертиков.
- Медаль «50 лет вооружённым силам СССР». 15 сентября 1978 года вручил полковник Ионов.
- Медаль «60 лет вооружённым силам СССР». 15 сентября 1978 года вручил полковник Лазарев.
- Орден Отечественной Войны первой степени. 11 марта №537578
- Медаль «70 лет вооружённым силам СССР». 23 февраля 1988 года вручил полковник Русецкий.
- Медаль «В память 850-летия Москвы». 3 сентября 1997 года №0110909.
- Медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной Войне».
- Медаль « 100-летие Г.К. Жукова» 19.02.1996 №0729729.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кочергин Кирилл Андреевич,*** студент 3-го курса Московского авиационного института

Ковальский Антон Владимирович

ВЛАСОВЦЫ ПЕРЕБИЛИ РАНЕНЫХ

Я родился в 1925 году 24 июня в селе Большое Залесье Каменец-Подольского района Хмельницкой области, на Украине. Сам украинец, вероисповедования православного. В настоящее время беспартийный.

До войны окончил в 1941 году семь классов. О войне узнал 21-го июня 1941 года в деревне Скала-Подольский — это старая бывшая граница Польши и Советского союза. Там я находился у двоюродной сестры, она была директором школы, и там для меня началась война. На следующий день утром вернулся в Каменец-Подольский, где я жил, к своим родителям. В этот же день Каменец-Подольский бомбили немцы, бомбили вокзал и старый город.

До войны воинского звания не имел. В боевых действиях начал участвовать добровольно.

Десятого или двенадцатого марта 1944 года началось наступление советских войск на Каменец-Подольскую и Проскуровскую группировку. Я находился в деревне, когда услышал сильную канонаду. Мы тогда с братом шли из деревни в город. Но по дороге брат вернулся домой, потому что была сильная стрельба, а я всё-таки пробирался.

Когда я подходил к Каменец-Подольскому, увидел группу солдат. Один старшина (после я узнал фамилию — Анисимов) меня остановил: «Парень! Ты местный?» — «Да.» «Как пробраться к деревне Белановка?» — «Я вам покажу, проведу так, никто не увидит нас». И

с ним ещё 3 человека, солдаты или сержанты — из-за плащ-палаток не было видно.

Мы пробрались туда, он в бинокль начал рассматривать. «О! — говорит, — хорошо». Пришёл командир лейтенант Хомутов: «Все. Здесь мы НП устроим». То есть наблюдательный пункт. Потом старшина Анисимов мне говорит: «Ты спешишь?» Я говорю: «Да нет. Куда мне спешить? Здесь более интересно». Тогда он мне: «Ну, тогда будь около нас».

Начали рыть окопы. Потом подтянули телефонную связь на огневую. Там дальше рота миномётная была. Лейтенант наблюдал долго и потом по телефону разговаривал. Слышу: началась стрельба и полёт мин. Стреляли в район Турецкого моста, там как раз находились немцы. Часа два я там с нашими солдатами пробыл. «Теперь, — сказали, — нам надо пробраться ближе к городу, к Каменец-Подольскому.»

Мы подошли со стороны кладбища. Оттуда была видна пехота: северо-восточная часть города уже была занята нашими войсками. Им дали приказ занять две позиции для круговой обороны, потому что, когда город освобождали, это был рейд на 60 километров в тыл противника, то есть в круговую были ещё немцы, а задача 10-го корпуса заключалась в том, чтобы занять город, занять круговую оборону и ждать, держаться до подхода основных сил.

А это весна была, распутица, грязь кругом. Продвижение войск было очень сложным и тяжёлым. Старшина Анисимов доложил командиру роты, что местный парень помогал им, провёл куда надо. Командир роты Лукашов говорит: «Так ты оставайся у нас». «С удовольствием останусь.» — «Но это надо решить со штабом батальона».

В штабе батальона тогда начальником был командир капитан Ефремов. Меня к нему привели. «А ты, говорит с какого года?» Я говорю: «С двадцать шестого». «Ммм, не годится. Двадцать пятого мы брали...» Говорю: «Тогда я с двадцать пятого». «Это, говорит, — сгодится». Так они меня приняли в свой батальон.

С этого дня я стал участником боевых действий Советской Армии. Батальон этот назывался: миномётный батальон 29-й мотострелковой Унеченской бригады ордена Ленина, Боевого Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Б. Хмельницкого, Александра Невского полка 10-го танкового корпуса 4-й танковой армии. С боями прошёл я от Каменец-Подольского до Берлина и Праги. В Праге закончил войну.

Штаб батальона разместился в доме, где мы жили. Родители были в деревне, и дом был пустой. Мы там пробыли дней пять или шесть,

пока основные силы не подошли. Немцы пошли на Черновцы, начали отступление. Я за это время пригнал одну легковую и две грузовых машины. У меня брат до войны был шофером, и я с одиннадцати лет ездил на автомобилях. Должен отметить, что во время войны на водителей и механиков-водителей в танковых частях был очень большой дефицит. До войны редко кто умел ездить на машине.

Следующая наша задача была пойти на Львов. Мы шли по Западной Украине, через Копыченцы, и в деревне Бучач налетели «мессершмитты», начали обстреливать и бомбить. И убили у нас водителя. Самолёт очередь как дал, ему пуля одна в лоб попала, другая в грудь. Рядом командир взвода сидел, мы наверху сидели, и никто не пострадал, только водителя убили. И командир взвода говорит: «Спешиться. Материальную часть забрать и боеприпасы, а машину сжечь.» Я говорю: «Зачем сжигать машину? Мы поедем дальше.» «А кто поедет?» — «Я». А рост у меня был маленький. «Ты?» — «Да, поеду». И я сел в машину и ехал за шофёра.

В районе Львова были сильные бои. Там есть пасека Мельская — пригород Львова — и кирпичный завод. Я местность немного знал и, самое главное, в гражданской одежде был. Я владею украинским языком, польский понимаю хорошо. Мне говорят: «Сходи в деревню, разузнай, где немцы, где штаб их, где провода идут».

Я пошёл, расспросил местных. Сказали, что немцы сосредоточены были в школе Я пришёл, рассказал всё. Миномётная рота наша заняла боевые позиции. Командиры с кем-то связались, что-то уточнили и велели открыть огонь.

Когда открыли огонь, бросились немцы на нас, и нам пришлось обороняться. У меня автомата не было. Немцы тоже начали миномётный обстрел, меня ранило в коленку и в пах. В коленке осколок не задел кость, а вот в паху осколок застрял.

В медсанбате осколок у меня вытащили, забинтовали, хотели отправить в госпиталь. Я говорю: «Нет, я в госпиталь не поеду, у меня же кости целы, всё нормально». А за те дни в Каменец-Подольском я очень сдружился с солдатом Димой Горбуновым. Он говорил, что если раненый буду, то чтобы только в госпиталь не попадал. Потому как, если попадёшь в госпиталь, оттуда потом — в запасной полк, а из запасного полка будут отправлять туда, где не хватает. «В свою часть ты уже не попадёшь», — говорит. А эта часть — добровольческая — формировалась на Урале. Коллектив был как единая семья, очень дружный. И мне, конечно, не хотелось его покидать. Я, прихрамывая, недели две мучался на машине.

Потом мы пошли на Польшу. Перешли польскую границу. Был один интересный эпизод. В апреле 1944 года, когда мы продвигались вперёд, немцы нас «резали по кускам». То есть всё время мы находились в окружении.

И вот немцы «отрезали» медсанбат. Он расположился в деревне, в лощине. Ещё там речушка небольшая была. И нас, человек пятьдесят, бросают с одной стороны и какую-то часть с другой стороны. Мы эту деревню взяли с боями. Много перебили, в плен взяли 13 человек все были власовцы. В основном по национальности калмыки.

У лейтенанта Фёдорова — того, которого контуженного мы тащили была невеста Наташка. Они были студентами московского медицинского института, и, как только началась война, их забрали на фронт. Он пошёл непосредственно в передовые части, а её в медсанбат направили.

Так вот власовцы перебили всех раненых — 18 человек, весь медицинский персонал. А Наташке повырезали груди; орден Красной Звезды, которым она была награждена, вбили ей в лоб. Поиздевались капитально. Фёдоров, когда приехал туда и увидел это, пришёл в бешенство. Он одного поймал, оторвал ему нижнюю челюсть и вырвал язык. Офицерам нашим его пришлось чуть ли не связывать. Власовцев судил военный трибунал. Их не расстреливали, всех вешали.

У польской границы в деревне Иваниски был ещё такой эпизод. Эта деревня в течение суток раза три переходила из рук в руки: то мы немцев выбьем, то немцы нас. И где-то во второй половине дня мы оттуда немцев выбили, заняли круговую оборону.

Была такая передышка небольшая, и в этот момент летят девять наших штурмовиков Ил-16. Немцы их прозвали «Черная смерть». Летят на бреющем полёте, и мы, довольные и радостные, думаем, сейчас они зададут немцам. Эти илы разворачиваются и как дадут по нам, по этой деревне. Из-за того, что деревня часто переходила из рук в руки, наземные войска не успевали связываться с воздушными, и последние получили команду, что в деревне ещё немцы.

У нас был ранен командир — лейтенант медслужбы Фёдоров, который мне делал перевязку и вытаскивал осколок. Его контузило. Я и старшина нашей роты Вася Болховитин его тащили на себе. Лейтенант был без сознания. Он лежал, взявшись руками за уши, и ничего не молвил. Это было в конце апреля или в начале мая 1944 года.

Дальше нас перебросили в Карпаты, в район действий 3-го Украинского фронта. Мы там несли большие потери. А в Карпатах слож-

ная обстановка, воевать в горах всегда тяжело. Притом, отступая, немцы занимали превосходные высотки, а мы находились внизу. Нам было очень сложно их брать. Бои там были очень ожесточённые. Немцы обходили нас с тыла, хотели отрезать от других частей. Приходилось применить все виды оружия, какие только были у нас, потому как расстояние между нами и врагом было невелико.

Во время войны ненависть к врагу была очень велика: за поруганный народ наш, который попал на оккупированную территорию, за сожженные сёла, за разбитые города, фабрики, заводы, за смерть родственников. Я брата родного потерял. Многие говорят, что в войну стремились героями быть. Нет, никто не стремился быть героем, просто каждый выполнял свою работу. А работа заключалась в том, чтобы убить немца, или он убьёт тебя.

С Карпат в начале декабря 1944 года нас перебросили на отдых, в районе Самбора. Готовилась большая Висленская операция. И где-то в начале января эта операция началась. После артиллерийской подготовки, которая длилась на протяжении полутора часов, мы переправились через Вислу на другую сторону и заняли плацдарм — полтора километра в глубину и четыре с половиной километра в ширину. И против нашего танкового корпуса (а в нашем корпусе было три бригады: две танковые и одна 29-я мотострелковая) была брошена целая армия гитлеровцев, они должны были сбросить нас в Вислу.

Но мы там держались, как говорится, до последнего. Понесли большие потери. Танки все были закопаны в землю, оставлены только башни, и расположены они были в шахматном порядке. Пехота вместе с танками была. И всё-таки мы продержались. В основном за счет того, что нас поддержал Покрышкин со своей авиацией. Он прикрыл нас. Вот тогда впервые я увидел применение жидкого термита. Из самолёта вылетала огненная, сначала дымящаяся, воронка. Потом мы смотрели, когда немцы отступили, как броню прожигало насквозь. Я видел продырявленный каплей термита труп немца.

Мы несли очень большие потери. Недели две или три были на формировании, нам дали пополнение, и мы пошли дальше. С боями шли по направлению к Берлину. В трёх городах на пути ещё были ожесточённые бои, 30-го апреля мы подошли с юго-запада к Берлину.

Берлин был окружён со всех сторон, и 2-го мая город был взят. Мы уже думали, что вот-вот кончится война, но тут нас перебрасывают на освобождение Праги.

По пути к Праге, в городе Люкенвальде, были немецкие войска. Фашисты не желали сдаваться нам, они хотели сдаваться англичанам и американцам и шли на прорыв. Это был какой-то офицерский корпус, притом эсэсовский. У них, кроме автоматов и пистолетов, другого оружия не было. Иначе они нас раздавили бы.

У нас три «катюши» ещё были, они стреляли на 100-150 метров. «Уложили» мы фашистов капитально. Сильный был бой, не меньше трёх часов. И эта группировка была нами разбита. Мы понесли потери незначительные по сравнению с ними.

Потом 7-го мая ввязались в бой под Прагой, но группировка противника была несильная, и часть фашистов мы разбили, а часть разбежалась. 8-го мая утром они объявили о капитуляции.

После мне пришлось служить в армии до 1950 года в звании старший сержант.

Был ещё один такой эпизод, который мне на всю жизнь запомнился, потому что пришлось стрелять в немцев в упор.

Меня вызвал командир роты, у него двое пленных немцев сидели. И он мне говорит: «Надо отвезти этих двух немцев в штаб батальона». А штаб батальона находился на опушке леса. У меня был бельгийский трофейный пистолет и автомат. Я магазин этот вынул, а другой вставил.

Идём: я позади, шагах в четырёх-пяти, с автоматом наготове, они впереди. И только выходим на другую окраину этой деревушки — там стрельба. И оттуда, куда мне надо было этих двух вести, немцы бегут.

Как только мои подконвойные увидели бегущих из леса немцев, они бросились в разные стороны. Я ждал, что они сейчас накинутся на меня. Один из них, конечно, спасся бы. Думаю, что очередью сейчас их «сколочу», но автомат сделал всего два выстрела, больше патронов не было.

Меня облило холодным потом. А второй сразу бросился на меня. Я пистолет выхватил и в упор, метров с трёх-четырёх, всю обойму выпустил. А он стоит. Я нож выхватил, и тогда он передо мной упал. Это зрелище на всю жизнь в памяти у меня осталось. Я после этого лет пять кошмары во сне видел. Мы тогда реабилитации не проходили, нервная система была нарушена. Вот такой эпизод.

О наградах

Медаль «За отвагу», её № 1514131 получил за львовскую операцию. Вручал командир батальона.

Орден Красной Звезды, номер 1530906. Получил за карпатскую операцию. Вручал также командир батальона в Эдерсвальде.

Орден Славы 3-й степени, номер 371498. Получил за Берлинскую операцию. Вручал начальник политотдела бригады полковник Тарадай, уже после войны. Он же вручил документы на предыдущие награды. Ордена и медали получали прямо в боях.

Кроме того, я награждён ещё польской медалью. Диплом номер 167805. Выдан от имени польского правительства.

Еще медали: «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Праги».

Демобилизация

После окончания войны из Праги перебросили нас в Кладно — это на территории Чехословакии. Из Кладно — в Вену, из Австрии — в Шапрон, на границу Австрии и Венгрии. Там мы должны были остаться на зиму.

Наделали землянок, всё чин-чинарём. Потом пришёл приказ, нас перебрасывают в Секешфехервар — это город в Венгрии. Там нас определили в военный городок. Он был сожжён, от домов остались только стены. Из этих стен мы построили казармы. Начали готовиться к зиме. Но не перезимовали, нас опять перебрасывают в Германию.

Мы размещались в городах Фолькензейе, Фолькенруг, Деберец, это между Берлином и Потсдамом. В 1947 году из нашего танкового корпуса сделали бригаду, из бригады — батальон. То есть людей сократили, а техника осталась.

В этой же самой части я служил до 50-го года. В 50-м году нас демобилизовали. Демобилизация происходила тогда в засекреченной форме: мы все были в гражданской одежде. Из Берлина через Варшаву, Брест вернулся домой в Каменец-Подольский, потом в Черновцы.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Подкорытов Максим Сергеевич***, студент 2-го курса Московского авиационного института

Козлов Михаил Александрович

БОМБА ПОПАЛА В БЛИНДАЖ И НЕ ВЗОРВАЛАСЬ

Родился 4 июля 1922 года в селе Чигонак Аркадакского района Саратовской области. В 1930 году родители переехали в село Мучкап Тамбовской области, где проживали родители мамы. Жилплощади там не было, и мы скитались по частным квартирам, которые с трудом удавалось снять семье с гремя детьми.

Когда в 1932 году родился четвертый брат, жилье вообще невозможно было найти. Семья вынуждена была переехать в город Балашов Саратовской области, где младшая сестра отца нашла глинобитный однокомнатный дом рядом с машиностроительным (в то время обозостроительным) заводом. Завод стал расширяться, и дом вошел в заводскую территорию. Руководство предприятия выкупило его, и отец приобрел дешевый дом недалеко от завода, у оврага.

В городе Балашове в 1938 году окончил 7 классов средней школы и поступил в Балашовский техникум механизации сельского хозяйства. Параллельно с учебой я стал подрабатывать в мастерской техникума, где отец работал машинистом. В машинном отделении я нарезал резьбу в отлитых деталях сельхозмашин. В свободное время вся семья занималась расширением дома и благоустройством оврага для выращивания овощей, чтобы кормить детей и взрослых.

На втором курсе техникума меня приняли в члены ВЛКСМ, избрали секретарем комитета комсомола техникума, а позднее членом городского комитета ВЛКСМ.

После окончания учебы, перед государственными экзаменами, 20 июля 1941 года, когда уже месяц шла Великая Отечественная война, меня призвали в армию и направили во 2-е Киевское артиллерийское училище, которое к этому времени передислоцировалось из Киева на станцию Разбойщена под Саратовом.

В декабре 1941 года наш курс был досрочно выпущен из училища. Шести отличникам учебы, в том числе и мне, было присвоено звание младший лейтенант (приказ командующего ПриВО № 0856 от 27.12.41 года). Из отдельных курсантов были сформированы расчеты артиллерийских орудий. Весь выпуск был направлен в распоряжение Архангельского военного округа.

Я был назначен командиром огневого взвода во 2-й арт.дивизион 385-го гаубичного артиллерийского полка РВГК. Дивизион размещался в поселке Экономия близ Архангельска. В училище нас готовили для артиллерийских подразделений на механической тяге, а я оказался в полку конной артиллерии. Пришлось учиться обращению с лошадьми, уходу за ними, езде верхом на тренировках и в полевых поездках. Опыта езды на лошадях я не имел, и естественно первое время было трудно.

Летом 1942 года полк был передислоцирован в город Онега и вместе с частями 263-й стрелковой дивизии готовился занять оборону побережья Белого моря. Часть нашего полка перевозилась морем на баржах с металлической палубой. Во время качки лошади скользили и падали.

В ноябре 1942 года полк вошел в состав 22-й армии Калининского фронта и был переброшен в район г. Великие Луки, в последующем переподчинился 43-й армии, а 17.11.42 года был переброшен в помощь 3-й ударной армии, в составе которой участвовал в великолукской операции. Полк поддерживал боевые действия 357-й и 381-й стрелковых дивизий.

Боевые действия в районе г. Великие Луки начались 28 ноября и развернулись на фронте 60 км. В ночь перед штурмом города нашу 5-ю батарею выдвинули на огневую позицию для ведения огня прямой наводкой. Промерзший каменисто-глинистый грунт не позволил до рассвета подготовить огневые позиции в полном объеме. Орудия оказались на виду у противника. Бои за город носили ожесточенный характер, враг усиленно сопротивлялся.

Бои в городе Великие Луки были моим боевым крещением. В уличных боях орудийным расчетам приходилось перемещать 122-мм гаубицы без орудийной упряжки, подвозить боеприпасы на санках или

скрепленных между собой лыжах, самим разведывать цели, вести огонь по ним и отбивать контратаки противника.

Тактика ведения боя в городе осуществлялась методом штурмовых отрядов (стрелковый взвод, танк, орудие и саперы) или штурмовых групп. Нам, артиллеристам, часто приходилось вести огонь не только вдоль улицы, но и через нее, в упор. Перед тем как выкатить орудие для стрельбы прямой наводкой, велась тщательная разведка целей, тщательно выбирался маршрут выдвижения на огневую позицию. Командир орудия и наводчик получали задачу подавить сразу несколько целей. Огонь велся уколами по 2 — 3 снаряда на цель, а потом перемещение на новую огневую позицию.

357-й стрелковой дивизии, которую поддерживал наш полк, достался самый сложный и трудный сектор города; он прикрывал главную цитадель вражеской обороны крепость с запада. Кроме того, враг не прекратил попыток деблокировать окруженный гарнизон атаками с северо-запада и юго-запада.

Впервые мне представилась возможность увидеть так много вражеских трупов. Они валялись в полуразрушенных окопах и блиндажах, во дворах и на улицах, в уцелевших частях построек. Разрушенные здания, разорванные на куски орудия, пулеметы вперемешку с почерневшими трупами немецких солдат и офицеров представляли мрачную картину.

Почти ежедневно с запада летели немецкие самолеты. Они сбрасывали сначала бомбы по нашим боевым порядкам, а потом с транспортных самолетов, следующих за бомбардировщиками, грузы в тюках в расположение своих войск южнее крепости, между рекой и железной дорогой. Ввиду недостатка у наших войск зенитных средств ружейно-пулеметный огонь передовых подразделений был мало- эффективен против вражеской авиации.

В одну из авиационных бомбардировок немецкой авиации бомбы падали в районе переднего края немецкой обороны города. Бомба попала в брошенный при отступлении немецкий офицерский блиндаж и не взорвалась. Солдат из стрелкового полка, выбежав из блиндажа, оказался в расположении средств тяги первого взвода нашей батареи и произнес примерно следующее: «Вот так история. Второй раз родился! Бомба попала в блиндаж и не взорвалась воткнулась в земляной пол у стола, где мы сидели, угощаясь немецкими сигаретами».

Солдат, продолжая рассказ, поведал, что на бомбе что-то было написано по-немецки. Слово «Гитлер» он якобы успел прочитать.

— Хватит брехать-то. Успел прочитать. А в штаны не успел сделать? полушутя, полусерьезно прокомментировал кто-то из артиллеристов. Солдат посмотрел, но ничего не ответил.

Примерно через полчаса оказавшиеся неподалеку дивизионные или полковые саперы, осмотрев блиндаж и бомбу, установили, что ни часового механизма, ни головного взрывателя на бомбе нет. Взрыватель был вывернут, а на корпусе бомбы было написано «Гитлер капут».

Когда до меня дошла эта информация, я из любопытства, с разрешения командира батареи старшего лейтенанта Синицы, пошел в блиндаж. Тем более, что у орудия в это время не было снарядов.

Действительно, бомба пробила крышу и воткнулась в пол. Над ней зияла дыра в крыше, и была пробита фанера на полу. А в блиндаже были двухъярусные нары на четыре человека и небольшой стол. На полу валялись бутылки из-под спиртного, консервные банки, окурки и мусор. К стенке была приколота фотография офицера и каких-то женщин в не совсем приличной позе. Воздух в блиндаже был пропитан запахом немецкой парфюмерии и сигаретным дымом. Было очевидно, что «жители» покинули свое жилище внезапно.

Вскоре из района тылов дивизиона подошли две подводы с боеприпасами. Ящики с боеприпасами разнесли по орудиям, и батарея, открыв огонь по целям, стала продвигаться вместе с пехотой от дома к дому.

В отчете штаба артиллерии 3-й ударной армии (ЦАМО, ф. штабарт 3 УдА,оп.169020, д.28, л 1-4) говорилось: «Командир 5 батареи лейтенант Синица, как только были взяты первые кварталы города, смело вывел батарею на улицы города и продолжал огнем оказывать действенную помощь своей пехоте».

Несколько иную позицию занимал командир стрелкового батальона, который поддерживала наша батарея.

Во время одного из моих докладов об итогах боя на КП батальона он с раздражением сказал:

— Зря вас, артиллеристов, называют богами войны. Боги умеют все. А вы не можете решить простейшую задачу: подавить огонь фашистов в крепости. Враг бьет из всех видов оружия нещадно. Голову поднять невозможно. Гибнет пехота.

Командир батареи, едва сдерживая волнение, молчал. Но на его лице появились красные пятна, а на щеках периодически вздувались желваки.

— Товарищ комбат! — начал я первый. — Позвольте заметить, что не артиллеристов называют богами войны, а артиллерию. Она бог войны. К тому же на Руси у православных был один бог, а не множество, как Вы соизволили высказаться.

— Ну, ну. Молод еще меня учить. — завелся комбатальона.

Тут не выдержал и мой командир батареи.

Товарищ майор! Прошу не оскорблять артиллерию. А на меня и моих офицеров прошу не кричать. Все три орудийных расчета (одно из орудий было выведено из строя осколками разорвавшего рядом вражеского снаряда) сделали все, что могли. Они не спали всю ночь, готовя новые позиции. Более полутора километров протащили орудие и снаряды на руках. Уничтожили несколько огневых точек врага. Результаты артиллерийского огня Вы видели сами в немецких окопах и на улицах города. Что касается потерь, то и артиллеристы не ограждены от неприятельских снарядов и, в батарее есть убитые и раненые.

Командир батальона посмотрел на Синицу и на меня, подумал немного и сказал уже более спокойным голосом:

Добре! Работу я вашу действительно видел. Молодцы. Будем и дальше тесно взаимодействовать. Будем бить немца, штурмовать и брать с боем каждый дом, каждый сарай. Сегодня мы должны во что бы то ни стало добраться до крепости.

Подобные стычки на фронте бывали. Они вызывались огромным напряжением нервной системы, бессонницей или, вернее, отсутствием времени на сон, хозяйственными и бытовыми неурядицами, ну и ожесточенным упорством врага.

И вот в этих сложнейших условиях наши воины показывали образцы мужества и героизма, проявляли отвагу и самоотверженность.

Достаточно сказать, что только в первый день штурма города Великие Луки силами 357-й СД было освобождено около тридцати кварталов, захвачено 150 лошадей ломовой породы, 60 автомашин, два танка, одно орудие, один шестиствольный миномет, мотоциклы и другое вооружение и имущество. К сожалению, захваченные лошади не годились в орудийные упряжки. Они были приучены ходить парой в повозках, а в первые дни отказывались есть сено и овес. Чем их кормили фрицы, никто не мог сказать. Поэтому лошади-тяжеловозы из-за невозможности использования были пристрелены и пошли на мясо. Мясо было отвратительным, хуже мяса наших погибших лошадей, но люди его ели.

Штурм города продолжался. Наши войска все ближе и ближе продвигались к крепости. Катить орудие по улице, ведущей к крепости, стало опасно и даже невозможно.

Мы договорились с командиром 1-го взвода лейтенантом Фесюном, что надо продвигать орудие не по улице, простреливаемой немцами из крепости, а дворами, и выходить на поперечные улицы. Я пошел с двумя солдатами на разведку. Слева и справа раздавались пулеметные и автоматные очереди. Четкой границы между противоборствующими сторонами провести было невозможно. Иногда было так, что наши штурмовые группы, проскочив улицу, вели бои внутри квартала, а улица простреливалась противником из соседнего квартала или удерживаемого врагом дома.

Дворами мы подошли к одному разрушенному кирпичному зданию, около которого был просторный двор — место, удобное для постановки гаубицы для ведения огня. Обойдя двор, я подошел к улице, которая тянулась к крепости. Только выглянул из-за угла дома на улицу, полагая, что она освобождена нашей пехотой, как внезапно увидел около соседнего дома, метрах в тридцати, немецкого солдата с автоматом. Мгновенно сработало чувство самосохранения. Хорошо, что моя правая рука держала под бортом полушубка заряженный, но поставленный на предохранитель пистолет.

Во время штурма города многие офицеры не носили оружие в кобуре. Вот и мне пригодился этот опыт. Я мгновенно вскинул оружие на чуть согнутую руку и выстрелил. Немец, вскрикнув, развел руки и упал на спину. Автомат его отскочил в сторону.

Я возвратился за угол дома, где остались двое моих спутников, и через минуту, успокоившись, рассказал им о происшедшем. Мы подошли поближе к убитому, убедились, что он мертв, так как под ним уже было небольшое красное пятно крови. Кто был этот фриц, осталось неизвестным. Надо было захватить автомат. Поручить эту задачу своим подчиненным я не мог, поэтому приказал солдатам прикрыть меня и по-пластунски пополз к цели. Взяв автомат, ползком приблизился к зданию и, вскочив, укрылся за домом. Свист и щелчки пуль по кирпичу сопровождали меня. Автомат стал реликвией батареи, возился в передке орудия. Что с ним произошло после моего убытия в госпиталь, я не знаю.

Этот случай надолго остался в памяти — убить врага вот так внезапно мне больше не пришлось.

В один из дней штурма разведчик-наблюдатель батареи доложил командиру подразделения, что по улице от немцев к нашему орудию идет в полный рост женщина с ребенком, а за ней в лохмотьях мельтешат двое ребятишек.

— Она, что — с ума сошла что-ли, — сказал командир батареи, — может ведь сама погибнуть и погубить ребятишек!

— Надо ее как-то предупредить об опасности, — сказал я. — Как далеко она находится от нас?

— Метров триста, — ответил разведчик Потанин. — Идет от крепости по улице, вдоль домов. Там наших пока еще нет. Иначе кто-нибудь предупредил бы ее.

Я попросил Потанина дать мне возможность посмотреть на происходящее в стереотрубу.

В это время из-за дома на мостовую выбежал наш солдат, схватил за руку женщину, и вместе с детьми они укрылись за кучей битого кирпича. Потом солдат взял под мышки обоих детей и бегом ,зигзагами, укрылся за домом. Затем вновь выбежал на улицу, взял у женщины ребенка и за рукав увлек ее туда же, где он спрятал детей.

Не успели они укрыться, как на улице, недалеко от кучи мусора, полоснула очередь из пулемета и разорвались два снаряда. Вот так, рискуя собственной жизнью, советский солдат спас от верной гибели немецкую мать и ее детей.

15 декабря 1942 года советское командование оповестило о том, что в 14.00 огонь прекращается и к немцам направляются наши парламентеры: старший лейтенант Шишкин М.Д. и лейтенант Смирнов И.В. Однако враг, несмотря на то, что парламентеры несли белый флаг, продолжал стрелять. Комендант гарнизона фон Засс отклонил переговоры и заявил, что гарнизон будет сражаться до последнего солдата. Не дало положительного эффекта и наше обращение к немецким военнослужащим по радио с призывом сдаться. Оставался один выход — продолжать штурм города и ликвидировать врага. Бои на внутреннем кольце окружения и внешнем фронте разгорелись с новой силой. Начался второй этап штурма города.

С 18 по 23 декабря части 257-й, 357-й стрелковой дивизии и 8-го эстонского стрелкового корпуса методически вели огонь по противнику, выбивая его из кварталов города и отдельных строений. Так начался новый этап борьбы за город.

Наш артдивизион в конце декабря был выведен в резерв, а потом переброшен в район Новосокольники на поддержку боевых действий, где рядом воевал первый дивизион со штабом полка. Враг продолжал подтягивать свежие силы, даже из Франции перебросил 331-ю и 708-ю пехотные дивизии, охранный и мотоциклетный полки.

К 12 января противнику ценою больших потерь удалось перерезать шоссе Новосокольники-Великие Луки, но большего он сделать не мог, силы врага иссякали. Последние дни доживал и гарнизон в г. Великие Луки.

Начиная с 11 января, противник стал сдаваться в плен, а 15 января наши войска пошли на окончательный штурм крепости. Через двое суток утром 17 января крепость пала — гарнизон во главе с его начальником сдался в плен. Подполковник фон Засс, не дождавшийся помощи извне, вынужден был поднять руки.

Великолукская операция притянула с других фронтов до десяти дивизий, лишив их возможности помочь Паулюсу под Сталинградом.

25 января Верховный Главнокомандующий объявил воинам благодарность за успешное освобождение г. Великие Луки.

Командир 357-й СД своим приказом N 084 от 28.12.42 г. наградил артиллеристов 2-го артдивизона за мужество и героизм, проявленные в боевых действиях, орденами и медалями. Более половины награжденных представляли 5-ю батарею дивизиона. Я был награжден этим приказом орденом Красной Звезды, вручить который мне тогда не успели, и я получил его в Кремле после госпитального лечения.

В районе Новосокольники в первой половине февраля шли позиционные бои. Враг контратаковал, а наши войска отбивали их, т.е. шли бои местного значения. Враг пытался только удержать за собой железную дорогу Новосокольники-Нарва.

Начались мало запомнившиеся дни и ночи. В начале февраля командование 3-й Ударной армии решило активизировать события. Наш полк с 8 февраля перебрасывался на обеспечение боевых действий 26-й отдельной стрелковой бригады. Однако ее попытки продвинуться успеха не имели, и она была сменена частями 257-й стрелковой дивизии. Наш полк вел огневой бой по уничтожению важных объектов в обороне врага.

В ночь с 15 на 16 февраля 1943 г. полк по приказу командующего Калининского фронта выводился из состава 3-й Ударной армии и направлялся в подчинение оперативной группы фронта под командованием генерала Герасимова, действующей к северу от г. Великие Луки. Марш протяженностью 80 км полк совершил в течение трех или четырех суток. Из этого марша мне запомнился один драматический случай, произошедший в одной из упряжек батареи.

Орудие тянули всего две кадровые артиллерийские лошади под управлением ездового Савина Владимира Александровича, призванного из запаса. Был он плотного телосложения, большой физической

силы, очень трудолюбивый и исполнительный. Страшно любил лошадей, подчеркивая этим свое крестьянское происхождение. Лошади, словно люди, его понимали. Он мог с ними часами разговаривать, ухаживать и кормить. Лошади в это время спокойно посапывали, мотали головой и пытались лизать лицо своего хозяина. Смотреть на эту идиллию со стороны доставляло огромное удовольствие.

Так вот, когда под Новосокольниками в упряжке остались две коренные лошади, В.А. Савин отказался от обозных и верховых лошадей, считая, что они в упряжке создадут только помеху его подопечным.

Марш в новый район проходил днем и ночью, с коротким отдыхом . Ночью, когда мороз сковывал дорожный снежный наст, лошади тянули неплохо, а днем, когда температура поднималась выше нулевой отметки, снежный настил на проселочных дорогах становился рыхлым, орудийные колеса с железными ободьями врезались в снег и упряжка останавливалась.

Надо сказать, что в предыдущих боях полк потерял много (более половины) кадровых артиллерийских лошадей, обученных работе в артиллерийских упряжках, одну треть обозных и две трети верховых. В каждой упряжке в нашей батарее осталось по две-четыре лошади, и замены им или дополнения в упряжку не было.

Двое суток лошади упряжки Савина добросовестно тянули орудие. Расчет оказывал им посильную помощь. Белая и серая коренные лошади и сам ездовой стали в эти дни нашими любимцами. К полудню третьего дня подседельная лошадь выбилась из сил и упала. Все попытки ездового и расчета поднять ее, поставить на ноги приносили лишь кратковременный успех. Лошадь дрожала, ноги подкашивались, и она снова валилась на бок. Слезы ручьем текли у нее из глаз. Плакал и ездовой. Правая лошадь, попив подогретой воды и пожевав сена, стала понемногу отходить. Подседельная лошадь продолжала лежать на соломе, подстеленной солдатами, взятой из недалеко стоящего стога. Савин сидел у головы лошади, непрерывно поглаживал ее, пытаясь помочь животному что-нибудь съесть и попить. Но все его просьбы оставались безответными. Самая любимая лошадь ездового несколько раз пыталась поднять голову, но больше ничего сделать не могла. Слезы продолжали катиться из глаз. Савин разжег рядом костер, накрыл лошадь попоной и всхлипывая продолжал с ней разговаривать, как с человеком. Но все было напрасно. Лошадь отдала все свои силы ради победы и умерла.

Савин вернулся в батарею через сутки, похоронив лошадь, как близкого друга, и просил назначить его на любую должность, кроме ездового. Орудие притянул попутный «Студебеккер», а передок доставили обозные лошади.

На новом оперативном направлении полк поддерживал боевые действия 6-го Сталинского добровольческого стрелкового корпуса с 23 февраля по 22 апреля 1943 г. Корпус,который входил в состав 22-й армии, формировался в Сибири и состоял исключительно из сибиряков, кузбассцев и прибайкальцев.

Высокий моральный дух, необычайная стойкость, выносливость — вот некоторые черты, которые отличали воинов-сибиряков от солдат из других республик. Неувядаема слава подвига воина этого корпуса Александра Матросова, закрывшего своим телом амбразуру ДЗОТа. Его имя присвоено полку, в котором он служил, а его фамилия и имя ежедневно произносятся на вечерней поверке в 1-й роте полка.

Пребывание полка и батареи в полосе корпуса было связано с тяжелыми впечатлениями и переживаниями. Первым делом — отвратительное снабжение продовольствием, а вообще говоря, отсутствие такого снабжения. Батареи полка по несколько суток не получали горячей пищи. Питались, что называется, подножным кормом. Перебои с питанием были и раньше, но с тем, чтобы целая часть ничего не получала, я столкнулся впервые.

Иногда нас выручало мясо убитых лошадей. Знатоки говорили, что лучшими вкусовыми качествами отличалось мясо обозных и верховых лошадей, а потом уже артиллерийских. Могу сказать, что чем тяжелее труд лошади, тем больше пены при варке мяса, тем сильнее запах пота. Солдаты, особенно из районов средней Волги, хорошо знали, какие части лошади наиболее пригодны для питания, как дольше хранить куски мяса и как вкуснее приготовить. Опыт фронтовой жизни научил и этому

Старшина батареи Скуматов старался не показываться в орудийных расчетах. Хотя чем он был виноват? Он брал двух — трех солдат и на лошадях ехали, искали в поле вскрытые бурты с остатками овощей, собирали мерзлую картошку, свеклу, редьку. Находили и необмолотые стога злаковых культур, привозили в батарею снопы с рожью, ячменем и реже с пшеницей. У населения близлежащих деревень нечего было купить, крестьяне сами голодали. Несмотря на такое трагическое положение, мародерства со стороны военнослужащих не было.

Солдаты и офицеры научились поджаривать зерна из обмолоченных снопов, делать из замороженных овощей крахмал и строганину. Появились сковородки, противни или листы жести. Зерна варили и целыми, получались каша или суп.

Научились давить зерна молотком и даже мастерить ручные мельницы и получать муку. Из этой муки пекли лепешки.

Мы, командиры, старались убедить личный состав, что эти перебои — временное явление, что страна сейчас переживает наитруднейшее время. Украина была прифронтовой и фронтовой зоной, многие другие хлебосеющие районы испытывали недостаток рабочих рук, сельхозтехники, транспорта. Поэтому надо было терпеть, не снижать боевого духа, бойцы понимали это, и негативных настроений не было, но тыловиков часто поминали недобрым словом.

Корпус начал боевые действия на новом направлении 23 февраля. Но, как мне показалось, без продолжительной и интенсивной подготовки и без авиационной поддержки. Может быть, поэтому продвижение частей корпуса было незначительным, а задача перерезать железную дорогу Дно-Новосокольники осталась невыполненной. Наши войска перешли к длительной позиционной борьбе, когда отдельные атаки успеха не приносили. Обе стороны только несли огромные потери в людях.

К началу марта мы получили распоряжение из штаба дивизиона сменить боевой порядок батареи. Огневая позиция перемещалась вперед всего чуть более километра, но зато в более неудобный для расположения район. Это был заболоченный лес; окопов для орудий, средств тяги и личного состава отрыть было невозможно из-за близости грунтовых и подснежных вод. Поэтому расчеты ограничились расчисткой площадок для орудий. Сделали из бревен сруб, обложили его грунтом, создали таким образом бруствер. Для упора сошника гаубицы нам пришлось вбивать толстые бревна в виде анкеров.

Место для старшего на батарее было временно оборудовано в палатке, натянутой между соснами в лесу, недалеко от опушки, чтобы были видны орудия на ОП. Лошади с передками и кухня с хозяйственной атрибутикой были расположены в глубине густого леса, без каких-либо инженерных сооружений и укрытий.

Я дважды докладывал командиру батареи о том, что район огневых позиций плохой и не обеспечивает надежную защиту лошадей, людей и техники. Но тут командир батареи сильно простудился, и полковой врач уложил его в лазарет. Несколько дней мне пришлось

выполнять обязанности комбата. Правда, выполнять огневые задачи мне довелось лишь дважды.

В один из дней я наблюдал оборону противника, разведывал возможные новые цели, обменивался информацией с командиром взвода управления сержантом Серегиным. Зазвонил полевой телефон, и телефонист передал:

Товарищ младший лейтенант, вас 01 вызывает.

Я подумал, как приветствовать командира дивизиона: «Здравия желаю» или «Добрый день». Решил по последнему варианту, чтобы меньше привлекать возможных «слухачей».

— Добрый день, товарищ 01. 05 вас слушает, — ответил я.

Товарищ 05, в районе вашего первого ориентира появился заманчивый объект, вроде бы с такими же вещицами, как у вас. Вы не наблюдали каких-либо инженерных работ там ?

— Сегодня я видел там движение одиночных военнослужащих. Другого примечательного ничего не заметил.

— Поручите внимательно следить за этой безымянной высоткой. А как идут дела у вас? Испытываете какие-либо трудности?

Пока все идет нормально. Трудности, возможно, будут тогда, когда карусель начнется. Хлеба нам еще не подвезли, работать нечем. Скучаем от безделья.

— Не плачь. У нас положение не самое худшее. Вы все-таки попробуйте с десяток буханок бросить в тот район, что мы с вами обсуждали.

— Товарищ 01, да у меня буханок-то осталось с гулькин нос. Если я и эти кину на объект, то совсем голодными будем сидеть.

— Ладно, ты пришли кого-нибудь, я распоряжусь отпустить тебе буханок и с лихвой возмещу расход. О результатах работы вечером донеси. Желаю удачи.

— Все будет сделано. Вот только квартира у нас плохая. Надо было бы поменять ее.

— Ладно, посмотрим, а с этим делом не мешкай. Пока там шевелятся, ваше приветствие будет им в самый раз, — завершил со мной разговор командир дивизиона капитан Фартушной Никита Борисович.

После разговора мы с Серегиным внимательно изучили объект и установили, что это организуется работа на наблюдательном пункте. Оставалось еще около трех часов светлого времени, и я решил подавить огнем деятельность наблюдательного пункта, а может, и уничтожить его.

Вечером в донесении я указал о результатах работы и уничтожении наблюдательного пункта. Командир дивизиона сдержал свое обещание и выдал нам восемьдесят выстрелов, что позволило выполнить еще ряд огневых задач. Комбат Синица прибыл из лазарета утром на четвертые сутки, но еще с температурой и слабый. Врачи ему разрешили только тепло и лежание в землянке, исключить нахождение на сквозняках. Докладывая Фартушному о сдаче своих ВРИО командира батареи, я напомнил ему о смене района ОП. Пообещал еще раз со штабом дивизиона изучить этот вопрос.

На следующий день штаб дивизиона поставил задачу подавить минометную батарею противника. Не успел я после стрельбы записать в журнал номер цели и исходные данные, как недалеко от огневой позиции разорвались несколько снарядов крупного калибра. В небе летала «Рама» двухфезюляжный немецкий самолет, наверное корректировщик.

Не успел телефонист, сидевший рядом со мной в палатке, передать на НП, что фриц здорово бьет дальнобойными по нашему району, как в этот момент очередной снаряд ударил под основание дерева, за которое была привязана палатка старшего офицера по батарее, т.е. моя, где, кроме меня и телефониста, находился радист с рацией. Я крикнул своим подчиненным: «Ложись!» и сам лег на спину

От разрыва снаряда палатка свалилась на нас. Наступили мгновения молчания и неподвижности. Видимо, в первые секунды нас всех троих оглушило.

Вдруг я почувствовал режущую боль в правой руке и в правом колене. Какой-то неестественный вздох послышался из угла палатки, где был радист. Телефонист стонал. Он что-то говорил, но среди грохота разрывов новой серии я ничего не мог понять. К тому же дерево упало на палатку и разделило нас.

Первым, кто прибежал к палатке и приподнял ее, был командир орудия сержант Сорокин, затем прибежал и лейтенант Фесюн. Они видели, как взрывом снаряда веревки палатки были порваны, а бревна, которые прижимали палатку внизу, сместились вместе с замершим снегом и дерном.

Фесюну и Сорокину и еще кому-то прибежавшему к месту трагедии удалось вытащить меня и телефониста из -под дерева и оставшихся клочков палатки. Радист, получивший ранение в голову, был уже мертв. Услышанный мною после взрыва его вздох был последним в его жизни. Радиостанция лежала на боку, изрешеченная осколками. Телефонист, с бледным лицом, держался левой рукой — за живот, а

правой за ногу выше колена. Неуверенным голосом доложил, что ранен и, очевидно, тяжело.

Когда меня вытащили из бывшей палатки, я попытался встать на ноги, но почувствовал, как горячая кровь из области колена течет в валенок. Правый рукав полушубка разорван, из него торчат куски ваты от ватника и видна кровь. Я попросил Сорокина снять с меня полушубок и вытащить руку из рукава ватника, попытаться остановить кровь. Фесюну поручил восстановить связь с командиром батареи, доложить сложившуюся обстановку на ОП.

Тяжело раненного телефониста уже понесли к месту расположения средств части, где был санинструктор. До тылов было метров сто. Противник повторил налет. Снаряды рвались кругом. Трудно было определить, где центр разрывов. Пришлось залечь в снег между толстыми деревьями. Только что кончился обстрел, к палатке прибежали и санинструктор, и солдат с носилками.

— Товарищ младший лейтенант, — сказал санинструктор, — давайте ложитесь на носилки. Мы быстрее доберемся до теплой хозяйственной палатки. Она еще, кажется, стоит на месте. Телефониста уже унесли туда.

Санинструктор Усов Павел Васильевич перевязал мне ногу, сказав, что ранение здесь касательное в мягкие ткани. С рукой сложнее. Ранение было слепое, осколочное. Осколок перебил кость ниже локтя и застрял. Усов наложил только повязку.

Это было утро 9 марта 1943 г. Вести подводу в полковой медпункт вместе с Усовым взялся мой бывший коновод Крутиков. Началась эвакуация от деревни Бол. Хочут через города Торопец, Калинин и Москву в Горький, в госпиталь N 2811. Там я узнал, что меня наградили орденом Красной Звезды (приказ командира 357-й СД), а Командующий 22-й армии присвоил очередное воинское звание лейтенант. Детали я выяснил позже, в кадровых органах на Софийской набережной в Москве, после излечения в госпитале.

26 мая из госпиталя убыл в Москву к кадровикам. В ГУКе мне поправили звание в удостоверении и сказали, что орден Красной Звезды я получу в Кремле, вручать будет тов. Гречуха. Орден вручали в Свердловском зале.

В июне 1943 г. я был назначен слушателем курсов командиров батарей при 1-й запасной артиллерийской бригаде. Вместо двух месяцев я учился только месяц, курсы расформировали, и меня снова направили в распоряжение кадров артиллерии, в Москву. Примерно через неделю со мной провели беседу и предложили ехать в Хабаровск,

воспитателем в Суворовское училище. Я отказался и попросил направить меня на фронт. После беседы с кадровиком на следующий день я был направлен в распоряжение начальника учебного центра самоходной артиллерии и назначен командиром батареи в 1545-й тяжелый самоходный артиллерийский полк, с которым убыл на Брянский фронт в состав 4-й танковой армии.

В феврале 1944 г. полк был отправлен на переформирование и в марте получил наименование 376-й гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский полк, а я был назначен помощником начальника штаба полка по разведке. В апреле 1944 года полк был передан в состав 5-й гв. ТА и участвовал в боях по освобождению Молдавии, Румынии, Белоруссии и Прибалтики. В декабре 1944 г. я был назначен заместителем начальника штаба полка, а в феврале 1945 г. — начальником штаба полка. Шла Восточно-Прусская операция.

В июне 1945 г. полк был передислоцирован из Польши через границу в г. Брест, а затем в г. Слоним и передан в состав 8-й механизированной дивизии в качестве самоходного батальона 95-го гв. тяжелого танкосамоходного батальона этой дивизии. Я приказом командующего 5-й гв. ТА N 0212 от 23.8.45 г. был утвержден в должности начальника штаба батальона.

С сентября 1946 г. по апрель 1951 г. учился на командном факультете Высшей ордена Ленина академии бронетанковых войск. В мае 1951 г. приказом начальника Генерального штаба был назначен начальником разведки 21-й механизированной дивизии 8-й гв. армии ГСВГ.

В марте 1954 г. приказом Министра обороны N 01392 был зачислен адъюнктом Военной академии БТ и МВ. В феврале 1957 г., в связи с сокращением адъюнктуры, был направлен в ГСВГ и назначен на должность начальника 52-го гв. танкового полка 6-й гв. танковой дивизии.

В мае 1958 года полк был передан в состав 7-й гв. танковой дивизии, в сентябре 1958 года я был назначен командиром этого полка, а в декабре 1960 г. начальником штаба 7-й гвардейской танковой дивизии 18-й армии, впоследствии 1-й гв. ТА.

В 1963 г. приказом Министра обороны N 0834 от 1.11.63 г. назначен на должность старшего офицера-оператора оперативного управления Главного оперативного управления. В Генеральном штабе проходил службу в должностях начальника группы, заместителя и начальника направления ГОУ.

В ноябре 1973 г. назначен на должность генерала для особых поручений начальника Генерального штаба, а в ноябре 1976 г. переведен по состоянию здоровья Главным военным цензором Генерального штаба.

В феврале 1986 г. вышел на пенсию, в отставку, в звании генерал-лейтенант.

В период войны получил опыт управления подразделениями полка в бою. За мужество и отвагу награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Александра Невского.

В мирное время награжден еще тремя орденами Красной Звезды, орденами «За службу Родине» III степени, Отечественной войны I степени, Красного Знамени НРБ и семнадцатью отечественными и иностранными медалями.

Член ВЛКСМ с 1940 г., член КПСС с 1944 г.

Воинские звания:

— младший лейтенант — ком. Приво № 0856 от 27.12.41г.
— лейтенант — ком. 22-й армии № 0152 от 0152 от 23.3.43 г.
— ст. лейтенант — ком. 4 ТА № 0118 от 5.10.43 г.
капитан — ком. БТ и МВ КА № 0291 от 20.6.44 г.
— майор — ком. БТ и МВ СА № 0385 от 30.4.49 г.
— подполковник — нач. Генштаба № 0791 от 23.12.52 г.
— полковник — МО № 01615 от 5.9.59 г.
— генерал-майор — Пост. СМ № 297 от 20.5.71 г.
— генерал-лейтенант — Пост. СМ № 172 от 16.2.79 г.

Номера орденов и медалей и дата награждения:

а) за боевые заслуги и отличия:

— орден Красной Звезды N 182159 28.12.1942 г. Удостоверение № 109198 от 4.6.1943 г.
— орден Отечественной войны 2 ст. № 208409 28.5.1944 г.
— орден Александра Невского № 22630 21.2. 1945 г.
медаль «За победу над Германией» 25.09.1945 г.
— медаль «За взятие Кенигсберга» Указ 9.6. 1945 г.

б) за выслугу лет:

— медаль «За боевые заслуги» 1952 г. Удостоверение № 109198 от 4.6.1943 г.
— орден Красной Звезды № 3457145 1956 г.
— медаль «За безупречную службу» I ст. 1962 г. Приказ МО № 34 от 17.1.62 г.

в) за успехи в боевой и оперативной подготовке:

— орден Красной Звезды N 3605136. Удостоверение № 095418 от 3.11.67 г.
— орден Красной Звезды N 3706433. Удостоверение № 110815 от 16.2.82 г.
— орден «За службу Родине в ВС» 3 ст. N 8084. Удостоверение № 401386 от 30.4.75 г.
орден Отечественной войны 1 ст. N 453450. Удостоверение AN 506522 от 11.3.85 г.

г) юбилейные награды и иностранные знаки отличия·

— орден Красного Знамени НРБ. N 2000. Удостоверение N 020428 от 14.9.74 г.

Медалей: отечественных 15, иностранных 9.

Женат — жена Козлова (Афанасьева) Валентина Григорьевна. Сыновья — Сергей, 1953 г.р., и Юрий, 1958 г.р., оба полковники.

Брат Владимир (мл. лейтенант) погиб 26.1.44 г. в районе с. Ганновка Винницкой области, был награжден орденом Красной Звезды, но не получал его при жизни. Похоронен в с. Ганновка.

Брат Николай, 1927 г.р. умер в 1950 г., похоронен в г. Астрахань.

Брат Анатолий, 1932 г.р. умер в 1996 г., похоронен в Москве.

Мать Козлова Ксения Ивановна умерла в 1972 г. Отец Козлов Александр Петрович умер в 1973 г., оба похоронены в г. Балашове Саратовской обл.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ярмош Евгений Вячеславович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Кореневкин Виктор Георгиевич

СТВОЛЫ ОРУДИЙ РАСКАЛЯЛИСЬ ДОКРАСНА

Я родился 12 марта 1917 года в городе Людиново Калужской области. По национальности — русский, по вероисповеданию — православный. Вступил в партию в период Великой Отечественной войны и состоял в ней до самого развала Советского Союза.

В 1932 году окончил фабрично-заводскую семилетку, в 1934 фабрично-заводское училище, в 1941 — Брянский институт транспортного машиностроения.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года из выступления Молотова по радио. В этот момент находился в общежитии при институте.

Начал участвовать в боевых действиях по призыву. В первые же дни войны попал на курсы воентехников при артакадемии имени Дзержинского. Закончил обучение 5 сентября 1941 г. и в этот же день прибыл на пункт формирования соединения в город Подольск. Соединение отправлено было на фронт в период, когда немцы взяли Калугу. Начинал воевать в звании воентехник 2-го ранга в составе 570-го пушечно-артиллерийского полка в резервах Главного командования, на воинской должности старший арттехник дивизиона под командованием командира полка полковника Дворецкого Сергея Сергеевича.

Боевой путь: Таруса (осень 1941), Серпухов (05.12.41), деревня Протвино (декабрь 1941), река Протва (декабрь 1941), города Жуковка (декабрь 1941), Малоярославец (январь 1942), Мятлево, Медынь (начало 1942), Волоколамск (осень 1942), Погорелое Городище (октябрь 1942), Жиздра, Людиново (зима 1942-1943), Киров (март 1943), Вязьма (весна 1943), Смоленск (осень 1943), Орша (июль 1944), Нитра, Галанта, Трнава, Глоговец, Сенец (Чехословакия, март 1945), Годонин и Брно (Чехословакия, апрель 1945).

Военные боевые действия закончил под Прагой, в городе Бенешеве 12 мая 1945г. в составе 460-го противотанкового пушечно-артиллерийского полка 700-й артбригады на воинской должности начальника артснабжения, в воинском звании инженер-капитан под командованием командира полка подполковника Бейнаровича (командир 700-й бригады — полковник Калинин).

Возвращался с войны через города: Прага (май 1945), Львов (осень 1945), Кракавец (осень 1945), Энгельс (июнь 1946).

Демобилизовался по причине окончания войны в городе Энгельсе в июне 1946 года. Отбыл в город Людиново в этом же месяце, где был трудоустроен на должности старший технолог.

* * *

В субботу 21 июня 1941 года защитил диплом в Брянском институте транспортного машиностроения. А на следующий день по радио объявили о начале войны. В это время я находился в общежитии, отмечали с товарищами окончание института. Больше всего запомнились огромные очереди в магазинах, люди скупали все.

Хорошо помню первые дни на фронте, когда, не удержав оборону, быстро отступали из-под Калуги. Отступили под Серпухов, и здесь держали оборону из последних сил. Стволы орудий раскалялись докрасна. Интенсивность выстрелов была очень велика, делали до 60 залпов в минуту. Зима (1941-1942 гг.) была очень холодной, мороз был таким, что выходили из строя пушки, переставали работать откатные механизмы.

В конце июля 1944 года вошел в подвижную противотанковую группу. Группа была создана для прикрытия танкового подразделения при прорыве немецкого фронта на Минском направлении. Пробивались в районе города Орши по Минскому шоссе. Оборона немцев была прорвана на участке шириной в 1 км. Навстречу советской колонне выскочила немецкая самоходка «Фердинанд», и при обстреле я получил ранение в область шеи. Машина, в которой ехал, почти не пострадала. С места ранения меня вывез в ближайший медсанбат автотехник. Из медсанбата через Москву попал в ташкентский эвакогоспиталь, где пролежал около полугода, а после выписки, по распределению, попал на второй Украинский фронт и участвовал в освобождении Чехословакии, Румынии, Венгрии.

Награжден:

орденом Красной Звезды (№151129. Приказ БЛ№371321. Приказ вышел в мае 1943г. Приказ подписан секретарем Президиума Верховного Совета А. Горкиным. Вручен в мае 1943 года в штабе 43-й армии. Вручил член военсовета 43-й армии по званию — генерал-майор. Награжден за оборону Москвы и разгром немцев под Москвой);

орденом Отечественной войны I степени (№ 586516. Указ - ВМ№362168. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года. Вручил секретарь Президиума Верховного Совета СССР. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов);

— медалями «За Оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;

— благодарностями за отличные боевые действия, проявленные в боях за овладение городом Брно (Чехословакия) (приказ №345 Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза И.В. Сталина от 26.04.1945г. Благодарность вручил командир полка подполковник Бейнарович. Начальник штаба Кащин); за отличные боевые действия, проявленные в боях за овладение городами: Трнава, Глоговец, Сенец (Чехословакия) (приказ №320 Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза И.В. Сталина от 01.04.1945г. Благодарность вручил командир полка подполковник Бейнарович. Начальник штаба Кащин); за отличные боевые действия, проявленные в боях за овладение городом Годонин (Чехословакия) (приказ №335 Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза И.В. Сталина от 13.04.1945г. Благодарность вручил командир полка подполковник Бейнарович. Начальник штаба Кащин); за отличные боевые действия, проявленные в боях за овладение городами Нитра и Галанта (Чехословакия) (приказ №323 Верховного Главнокомандующего, маршала Советского Союза И.В. Сталина от 31.03.1945г. Благодарность вручена командиром полка подполковником Бейнаровичем 2 апреля 1945г. Начальник штаба Кащин).

Освобождал города: в декабре 1941г. — Жуковка, в январе 1942г. — Малоярославец, в начале 1942 г. — Мятлево, в начале 1942г. — Медынь, осенью 1942г. — Волоколамск, в октябре 1942г. — Погорелое Городище, зимой 1942-1943 гг. — Жиздра, зимой 1942-1943гг. — Людиново, в марте 1943г. — Киров, весной 1943г. — Мосальск в составе Западного фронта, дивизиона под командованием майора Дворецкого 570-го пушечно-артиллерийского полка. Затем осенью 1943 г.

— город Смоленск, в июле 1944г. — город Орша в составе III Белорусского фронта 192-й стрелковой дивизии, дивизиона под командованием подполковника Мартынова 417-й истребительной противотанковой дивизии. Затем в марте 1945г. города: Нитра, Галанта, Глоговец, Сенец, Трнава (Чехословакия); в апреле 1945г. — города Годонин, Брно (Чехословакия) в составе II Украинского фронта 700-й артбригады под командованием полковника Калинина 460-го пушечно-артиллерийского противотанкового полка под командованием подполковника Бейнаровича.

При прорыве немецкого фронта в районе города Орши получил тяжелое ранение. Выписка из справки о ранении: «В боях за Советскую Родину капитан 417-й ИПТД Кореневкин Виктор Георгиевич 27.07.44 был тяжело ранен. Осколочное ранение шеи, с повреждением остистых отростков 4-го и 5-го позвонков. Начальник госпиталя города Ташкента майор Егорова». Убыл на лечение в эвакогоспиталь №4106 в город Ташкент из 417-й противотанковой истребительной дивизии 192-й стрелковой дивизии 68-й армии. Проходил лечение в период с июня 1944 по январь 1945 года. Вернулся в 460-й пушечно-артиллерийский противотанковый полк 700-й артбригады.

В войне близких родственников не потерял. Отец — Кореневкин Георгий Сергеевич, до войны пенсионер. Мать — Кореневкина Александра Кузьминична, до войны домохозяйка. Брат — Кореневкин Анатолий Георгиевич, до и после войны работал на Уралэлектроаппарате.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кухорев Алексей Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Кынчиков Виктор Васильевич

МОЙ ПЕРВЫЙ БОЙ

Я родился 17 декабря 1925 года в деревне Вепрево Тумановского района Смоленской области. По национальности русский, православной веры. В свое время состоял в Коммунистической партии Советского Союза.

До войны получил образование в объеме 7 классов школы.

Все довоенное время жил в своей деревне Вепрево, где еще ребенком увлекся лошадьми, ухаживал за ними, приучал молодых лошадей к работе в повозке, и за это мне разрешалось выезжать за пределы деревни. Однажды пришел наряд на перевозку пиломатериалов к станции Мещорской, а я, чтобы моя лошадь не попала в чужие руки, лично вызвался участвовать в перевозке в составе группы, общим количеством примерно 5 подвод. Загрузили подводы в соседней деревне досками и 22 июня 1941 года двинулись к станции. Отъехав около трех километров, встретили машиниста паровоза паровозного депо г. Вязьмы, шедшего домой. От него узнали о войне.

На войну меня призвали 4 мая 1943 года в городе Шуя Московского военного округа. Зачислен был курсантом, а вскоре сам начал обучать курсантов в школе младших офицеров. В школе прослужил до мая 1944 года. В конце того же мая с маршевым коллективом прибыл в 735-й стрелковый полк 166-й стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта.

Наше соединение формировалось в районе городов Витебск и Полоцк.

Свой боевой путь начинал в сражениях за освобождение городов Шяуляй и Двинск, а также хуторов, располагавшихся вблизи нашего полка, в июне и июле 1944 года. Не дойдя до Двинска, вблизи одного из хуторов был тяжело ранен, пролежал 4 месяца в госпитале в городе Уфа и вновь приступил к службе.

В марте 1943-го года в качестве командира орудия ИСУ-122 вместе со своей частью вошел в 396-й самоходный полк, который, в свою очередь, влился в 4-ю гвардейскую танковую армию в 6-й гвардейский механизированный корпус и пополнил состав 82-го тяжелого танкосамоходного артиллерийского полка.

Боевые действия закончил в Германии, в г. Оберсвельде на Одере в звании командира орудия ИСУ-122 в начале мая 1945 года.

С войны возвращался из Германии через Франкфурт на Одере, затем с пересадкой в Бресте, напрямую мимо родной станции Мещорская, где и сошел. Повидавшись с родителями, уехал дальше, в Москву.

Уволен из армии в июле 1950 года, отслужив в общей сложности 7 лет и 2 месяца. Отбыл из Оберсвельде и через 2 дня был уже в деревне Вепрево. Вскоре на постоянное место жительства переехал жить в Москву. В Москве начал работать автослесарем и одновременно учиться в вечернем автотехникуме. После окончания техникума работал в качестве бригадира, мастера, а впоследствии начальником автоколонны и начальником автомастерской.

Мне вспоминаются мои первые бои в июне—июле 1944 года вблизи Витебска. Для многих, как и для меня, это было первое боевое столкновение с врагом. Готовясь к бою, нам приходилось рыть окопы в полный рост. Это было связано с тем, что враг активно применял снайперов для ведения боя на передовой.

Помню, как мы дежурили по сменам, высчитывая их, как говорится, на глаз — часов у нас не было. Выстрелы, минометный огонь, под которым приходилось залегать, смерть товарищей — вот что сопровождало и что волновало молодых людей, оказавшихся впервые на линии фронта. Взорвавшийся где-то рядом снаряд сменился приказом командира: «Вперед!» — и мы как один бросились вперед, обгоняя друг друга.

Мне помнится, как мы достигли вражеских окопов и обнаружили в одном из них двух человек, которые оказались литовцами, сражав-

шимися на стороне фашистов. Когда же мы обезоружили их, встал вопрос: кто поведет пленных в штаб, находившийся в двух километрах от места нашего положения. Было принято решение поручить это дело одному пехотинцу.

Этот человек отличался от всех нас, молодых, но дело было не только в его возрасте. Перед боем солдатам часто приходилось слышать откровения своих товарищей, в том числе и этого солдата (к сожалению, имени его не помню). Из его рассказов было понятно, что он образованный, интеллигентный человек. Терять ему больше, чем кому бы то ни было из нас, и поэтому я невольно старался оберегать его, вот и послал конвоировать тех двух пленных в штаб начальства. С тех пор я его не видел. По-моему, в штабе его оставили писарем за отличный почерк и умение составлять приказы.

Во время одного из боев мне попалась пулеметная лента с истребителя, в которой были зажигательные патроны. Захватил ее с собой. Долго ждать момента ее применить не пришлось. Когда завязался бой, этими зажигательными патронами я уничтожил сарай, в котором находились фашистские снайперы, тем самым спас жизни многих наших солдат.

Приходилось терпеть лишения и некоторые неудобства, но к этому быстро привык. Вообще, привык ко всему, так что для меня большинство боев прошло как в тумане, и я не осознавал до конца всего происходящего. Зато прекрасно помню, как через шесть лет службы в рядах Советской Армии я, а со мной и еще двое, получил месячный отпуск; помню, как побежали в часть, попросили пропуска, на последние деньги наняли немца, который отвез нас во Франкфурт на Одере, откуда отправлялись эшелоны в СССР. Это было сделано для того, чтобы не потерять еще одного дня, и побыстрее оказаться дома. Сделав в Бресте пересадку, через 2 дня я был уже у родителей, в своем Вепрево. Побыв две недели у родителей, я поехал в Москву, где пробыл дней десять, после чего вернулся обратно в Германию.

Из наград имею медаль «За Отвагу», полученную мною за участие в боевых действиях против фашистских оккупантов, а также орден Отечественной Войны.

Я участвовал при освобождении Двинска (лето 1944), а также города Шяуляя (1944). В основном же освобождаемыми нашей частью территориями были хутора, располагавшиеся на нашей дороге от Витебска до Германии. Из командиров помню командира нашей 4-й гвардейской армии Лелюшенко Дмитрия Даниловича (дважды Героя

СССР), командира 396-го самоходного полка подполковника Онуфриенко и командира 82-го полка полковника Селиванчика Николая Яковлевича.

Вблизи одного из хуторов в конце июля 1944 года я получил тяжелое осколочное ранение в лопатку и в спину. Лечился в госпитале города Уфа.

В войне близких родственников не потерял. Что же касается опубликованных и неопубликованных мною произведений — то таковых не имею.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Заугольников Александр Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Лащин Юрий Михайлович

НОЧЬЮ ВПЕРЕДИ ТАНКА С КАРМАННЫМ ФОНАРИКОМ

22 октября 1922 года рождения, г. Владикавказ (тогда г. Орджоникидзе), русский, атеист, член Коммунистической партии Советского Союза с июня 1944 года.

До войны окончил 10 классов 28-й средней школы г. Владикавказа. Мне хотелось быть инженером-кораблестроителем, и я подал рапорт в Ленинградское высшее военно-инженерное кораблестроительное училище.

22 июня, гуляя в парке, в 12 часов дня услышал по громкоговорителю выступление В.М. Молотова о вероломном нападении немецко-фашистских войск на Советский Союз.

22 июля 1941 года поступил в Ленинградское военно-инженерное училище им. Жданова, был направлен для учебы в понтонно-мостовой батальон, т.к. батальоны других специальностей были укомплектованы.

В конце августа училище было эвакуировано в Кострому. Через 4 или 5 дней после праздника Октябрьской Революции на вечерней поверке командир роты капитан Дубковецкий зачитал приказ о присвоении воинского звания лейтенант пяти курсантам, в том числе и мне.

На следующий день нас отправили в деревню Жуковка, где размещался штаб инженерных войск Западного фронта. Командовал

инженерными войсками Западного фронта генерал-майор Воробьев М.П. А вечером нас отправили в село Ильинское, стоящее на берегу Москва-реки, в 61-й отдельный понтонно-мостовой батальон фронтового подчинения, которым командовал подполковник Тимофеев.

При батальоне находилась прикомандированная рота инженерной разведки Западного фронта. В роту требовались два командира взвода. Я и Пётр Курмилёв стали командирами взводов. Это было 15 ноября 1941 года. Так началась моя фронтовая жизнь.

Боевой путь проходил через: Можайск (зима 1941), Волоколамск (зима 1941), Кубинку (конец зимы 1942), Дорохово (конец зимы 1942), Вязьму (лето-осень 1942), Ржев (лето-осень 1942), Гжатск (лето-осень 1942), реку Днепр (осень 1943), реку Днестр (апрель 1944), город Ямполь (апрель 1944), город Сороки (апрель 1944), город Бельцы (весна 1944), реку Реут (весна 1944), реку Прут (весна 1944), город Яссы (июль 1944), город Львов (лето 1944), станцию Рава-Русская (лето 1944), реку Варта (17 января 1945), город Ченстохова (январь 1945), реку Одер (январь 1945), город Бунцлау (февраль 1945), реку Нейсе (апрель 1945), реку Шпрее (18 апреля 1945), город Берлин (1 мая 1945), город Теплице-Вшанов (начало мая 1945), город Прага (9 мая 1945).

Военные действия я закончил в городе Кремсе (Австрия) в августе 1945 года, в чине капитана в составе 19-й Катовицко-Берлинской ордена Кутузова 1-й степени инженерно-саперной бригады (это наименование было присвоено за успешное действие в Польше и Германии после 9-го мая 1945 года).

Наша 19-я инженерно-саперная бригада входила в состав 3-й гвардейской танковой армии, которая, в свою очередь, входила в состав 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева И.С. Командующим 3-й гвардейской танковой армией был генерал-полковник Рыбалко П.С., командиром нашей бригады полковник Солдатенков, начальником штаба — подполковник Иванов.

Я был командиром роты понтонно-мостового батальона, потом меня забрали в штаб бригады в оперативное отделение помощником начальника оперативного отделения. Начальником отделения была капитан Георгиевская, однако её вскоре заменил подполковник (фамилию его я запамятовал).

Из Кремса уезжал в августе 1943 года в Москву поступать в военно-инженерную академию. Путь лежал через Баден, где я получил в инженерном управлении 2-го Украинского фронта документы. Далее через Вену, Львов и Харьков в Москву.

В сентябре 1943 года я с тремя старшими лейтенантами-понтонерами был направлен на Степной фронт (впоследствии 2-й Украинский фронт). Инженерное управление находилось в Полтаве.

На другой день мы представились начальнику инженерных войск фронта полковнику Цирлину А.Д.(бывшему начальнику нашего Ленинградского военного училища). Меня он назначил командиром роты в 126-й отдельный моторизированный понтонно-мостовой батальон 1-й понтонно-мостовой бригады.

Бригадой командовал полковник Насонов. 126-й батальон держал переправу через Днепр у исторического села Перевалочное. Прибыв в батальон, мы представились командиру батальона капитану Пилипчуку и его заместителю по политической части капитану Було. Командир батальона приказал мне принять 1-ю понтонную роту, командир которой был ранен и отправлен в госпиталь.

Был сентябрь 1943года. Роту пришлось принимать на ходу, прямо в деле. Рота занималась вытаскиванием из воды разбитых после бомбардировки немецкой авиацией понтонов и верхнего строения понтонного парка Н2П и их ремонтом.

Через несколько дней после моего вступления в командование ротой в батальон привезли деревянный понтонный парк (ДПП) из сырого лесоматериала.

ДПП передали моей первой роте с приказом организовать мостовую переправу из этого парка. Работать с ним было очень тяжело. Объяснил командирам взводов, сержантам и бойцам роты, как собирать конструкции из этого парка, с трудом собрали из него паромы, а вечером, с наступлением темноты, состыковали паромы в мост.

Ширина Днепра в этом месте была около 900 метров, течение очень сильное, и вводить паромы в линию моста было очень трудно. Ночью по наведенному мосту пропускали войска. Особенно трудно было пропускать по мосту танки. Мост под весом танка прогибался, и танкисты чувствовали себя неуверенно.

Танк приходилось вести мне с командирами взводов и командирами отделений на себя. Это значило — идти ночью впереди танка с карманным фонариком на груди, замаскированным красным фильтром, и руками манить водителя танка, указывая ему направление.

А сами мы шли к противоположному берегу вперед спиной, затем возвращались за следующей колонной танков. Так продолжалось всю ночь.

Переправа находилась южнее Кременчуга. С рассветом переправа прекращалась. Паромы выводились из линии моста и маскировались у берега. В это время понтонно-мостовые батальоны бригады занимались строительством низководного деревянного моста на свайных опорах.

Работы шли днем и ночью, посменно. Переправа войск продолжалась уже по двум мостам. Но это длилось всего два дня. Немецкие самолеты-разведчики засекли построенный мост. На третий день немецкие бомбардировщики разбомбили его. Было много убитых и еще больше раненых, как понтонеров, так и солдат из частей, переправляющихся через мост войск.

На следующее утро я получил приказ прибыть к месту разбитого моста и поступить в распоряжение командира одного из батальонов бригады, которому было поручено восстановить оставшиеся после бомбардировки две береговые эстакады и небольшой участок моста («столик») посередине Днепра.

Мне была поставлена задача: восстановить этот пострадавший «столик» посередине реки. Я послал первый взвод роты на правый берег Днепра собирать оставшиеся после бомбардировки деревянные элементы моста, которые были прибиты водой к берегу, а также разбирать бревна и доски с находившихся на берегу сараев и других деревянных сооружений. Второму взводу поставил задачу готовить из собранных материалов прогоны, настил и колесоотбои. С третьим взводом я остался на мосту — «столике» и занялся его восстановлением.

В обеденный перерыв, около 15 часов, отправив взвод на лодках обедать, я находился на этом «столике». Мой ординарец на надувной лодке привез мне в двух солдатских котелках обед.

Только закончив есть щи, сидя верхом на прогоне, я увидел, что от берега побежала работавшая там рота и сразу на берегах забили зенитки, а химики подожгли дымовые шашки. Нарастал гул приближавшихся бомбардировщиков. Со свистом полетели авиабомбы. К небу взметались фонтаны воды и осколков бомб. Днепр «кипел» от взрывов. Налет длился несколько минут, потом все стихло.

Эту бомбежку я так и просидел на мосту, верхом на прогоне, а ординарец — на надувной лодке, привязанной к свае. Ввиду того, что зенитчики вели массированный плотный заградительный огонь, а вся местность вокруг моста была в темном дыму, бомбардировщики сбрасывали бомбы на площади с большой высоты, в результате чего ни «столик» посреди Днепра, ни береговые эстакады не были повреждены, но на берегу были убитые и раненые, было много воронок от разорвавшихся бомб. Судя по величине воронок, немецкие летчики бомбили 500-килограммовыми бомбами.

За участие в Великой Отечественной Войне я был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени; медалями: «За оборону Москвы», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и, конечно, медалью «За участие в Великой Отечественной войне».

Всему личному составу нашей бригады были вручены красочные памятные листы, в которых говорилось, что Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 2 мая 1945г. №359 за отличные боевые действия при овладении столицей Германии Берлином, городом Дрезден и за освобождение Праги всему личному составу нашего соединения, в том числе и мне, принимавшему активное участие в боях, объявлена благодарность.

Освобождал в ноябре 1941 года Можайск и Волоколамск в составе 61-го отдельного понтонно-мостового батальона фронтового подчинения в должности командира взвода. Начальником инженерных войск Западного фронта был генерал-майор Воробьев М.П.

Освобождал города: Вязьма, Ржев, Гжатск зимой 1943 года в составе 88-го отдельного понтонно-мостового батальона, на должности заместителя командира роты. Командиром роты был старший лейтенант Орехов. В январе освобождал город Ченстохова в составе 19-й инженерно-саперной бригады, которая входила в состав 3-й гвардейской танковой армии. Весной 1945 года освобождал города Фетшау, Гольсен, Барут, Тельтов в составе 19-й инженерно-саперной бригады, которая входила в состав 3-й гвардейской танковой армии. В мае освобождал города Риза и Дрезден в составе 19-й инженерно-саперной бригады, которая входила в состав 3-й гвардейской танковой армии.

Ранений не имею.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Роменский Андрей Юрьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Лебедев Борис Васильевич

ПОЧТИ НЕРЕАЛЬНАЯ ЗАТЕЯ

Я родился 14 мая 1916 года в деревне Липово Шрынского района Костромской области. Русский.

Получил образование 11 классов вечерней школы, окончил Минское пехотное училище и курсы «Выстрел».

Начинал войну добровольцем.

Боевой путь мой пролегал через сёла Чугуево и Касторное, город Пинск, реки Одер и Висла, польские города Радан, Тамашу и Лоджи и завершился в городе Берлине.

Я участвовал в боевых действиях польской компании с 19-го сентября 39-го года по 19-е февраля 40-го, бил немцев на Западном фронте со 2-го мая по 27 июля 41-го года, на Юго-Западном Фронте с 27-го сентября 41-го по август 43-го. Воевал на Центральном фронте с августа по сентябрь 43-го и на Южном фронте с сентября по октябрь 43-го. Также воевал на первом Украинском фронте с 19-го марта по 19-е апреля 44-го года, и на первом Белорусском фронте со 2-го апреля по 9-е апреля 45-го года.

Закончил боевые действия в Берлине в звании подполковника.

После окончания боевых действий был назначен командиром батальона автоматчиков в город Бург в Германии. После двух лет службы в этом городе мне была прислана замена из литовского города Калноч, а я, в свою очередь, получил назначение туда. Прослужив

ещё два года в Литве, был переведён в Германию, в город Нойштрейн, где прослужил два года. Вернувшись в Москву, получил предложение служить на Севере в должности командира батальона, но без семьи. Так как в то время у меня были две дочери, я предпочёл демобилизацию.

Был уволен в запас 17 сентября 1954 года.

Во время празднования 50-летия дня Победы был произведён в звание полковника.

Имею награды: два ордена I степени Отечественной войны, один — II степени, два ордена Красной Звезды и множество медалей за боевые заслуги.

Первое ранение я получил 12 июля 41-го года в районе города Пинск.

Мы ходили в разведку и наткнулись на немцев. Завязалась перестрелка, и я был ранен в голову. До сих пор в голове остался тот осколок.

Разведчики в бой не ввязывались. Их задача была разведать противника, обнаружить огневые точки, узнать подробности их расположения, количество. А бой — это дело основных войск.

Разведчики отходили, чтобы доложить вышестоящему командованию об обнаружении противника, а затем шли в другом направлении, чтобы дать подразделениям, следующим за ними, пространство для манёвра.

Меня доставили в госпиталь. Он располагался в районе села Касторное, но тогда в районе сёл Чугуево и Касторное шли бои местного значения. Туго нам тогда пришлось — многие были ранены, и к тому же, мы попали под бомбёжку. На моих глазах половина госпиталя обвалилась, похоронив под обломками всех раненых. Меня завалило, но ребята разгребли завал надо мной. После чего поместили то ли в машину, то ли в телегу на конной тяге и вывезли. После случившегося меня определили в госпиталь в городе Грязи, который находился в Татарской республике.

После первого ранения я был переведён в 14-ю танковую бригаду.

Второе ранение получил во время разведывательной операции.

Бригада находилась в районе Харькова. Комбриг поставил задачу проверить предварительные данные о продвижении в нашем направлении колонны противника и выделил танк Т-34. Разведчики расположились на броне. Вскоре удалось обнаружить немецкую колонну, двигавшуюся походным порядком всего в трёх километрах от нас. Разведгруппа немедленно вернулась к НП бригады, расположенному в роще. Противник обнаружил наше расположение и вызвал авиацию. Девять бомбардировщиков нанесли удар. Я получил сильную контузию и был эвакуирован в госпиталь.

Третий раз я был ранен в голову. Пуля вражеского снайпера, пройдя в двух сантиметрах от глаза, задела ухо.

После излечения осенью 1942 года я был переведён в 12-ю мотострелковую бригаду 11-го танкового корпуса и с этой бригадой дошёл до Берлина, где и закончил войну. Бригадой этой командовал полковник Жаров, а я был командиром разведки.

Помню, как мы брали Зееловские высоты на реке Одер. Операция эта была очень важна, так как Зееловские высоты накрывают подол и край реки Одер. Сначала это была почти нереальная затея. Немцы очень хорошо контролировали прилегающую к Зееловским высотам территорию. Но возглавить эту операцию приехал сам Жуков, и вот тогда впервые была применена одна хитрость, которая и позволила взять Зееловские высоты относительно легко.

Мы пошли в атаку ночью. Казалось бы — безнадёжное занятие, но перед этим на немцев были направлены мощные прожектора, которые сильным потоком света ослепили их. Прожектора выключили, когда они выполнили своё предназначение, и дали сигнал к атаке.

Мы погнали немцев вглубь и дошли в марте — апреле до Вислы. Потом на берегу Вислы был отдых, пересосредоточение и перегруппировка войск.

14 января мы вышли на Берлин. Наш танковый корпус освободил от немцев польские города Радан, Тамашу, Лоджи, которые находились на нашем пути.

Когда мы подступили к Берлину, мы не дошли до Бранденбургских ворот всего 800 метров. Жуков объявил по городскому радио, чтобы немцы немедленно начали складывать оружие, или они будут уничтожены. Тут немцы повылезали из подвалов, в которых они прятались, и из своей подземной канцелярии.

Очень много войск было у Берлина, но у немцев был выход на Эльбу в районе города Магдебург, где-то в тридцати километрах от Берлина. Потому наши войска дошли до Магдебурга, когда пришло распоряжение Эльбу не переходить. Наши обосновались на некоторое время в Магдебурге и гнали оставшихся в районе немцев через водную преграду. Там их ожидали союзники.

Нашу бригаду в первых числах мая перевели в Карлсхорст — пригород Берлина. Там 9 мая мы встретили победу. Через несколько дней началось расформирование бригады.

Для нашей группировки, которая очищала Берлин от фашистов, на этом война закончилась.

Со своей будущей женой я познакомился на фронте. Мы оба служили в это время в 11-м танковом корпусе. Она была медсестрой в 12-й мотострелковой бригаде. Вскоре после боёв за Волноваху Нина заболела малярией и легла в госпиталь.

Я вместе с командиром батальона Ромаковым приехал к ней на бронетранспортёре, чтобы сказать о своих чувствах. После госпиталя её определили в 118-ю Мелитопольскую стрелковую дивизию на должность санинструктора роты химзащиты, и два с половиной года мы не встречались. Переписывались, но и только. А после войны поженились, и до сих пор мы вместе.

После войны я работал слесарем-сборщиком 4-го разряда, а под конец и 6-го разряда, на московском заводе «Авангард». Двадцать два года отработал я на этом заводе. В течение нескольких лет мой портрет висел на аллее передовиков производства

А после я проработал ещё четырнадцать лет в отделе технического контроля химического факультета МГУ.

Вот краткая история моей фронтовой и гражданской жизни, всё что сохранила память.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Отаров Александр Арменович,*** студент 1-го курса Московского авиационного института

Медведев Яков Иванович

НЕСКОНЧАЕМЫМ ПОТОКОМ ШЛИ НАМ НАВСТРЕЧУ

Я родился 6 мая 1923 года в деревне Петрушино Куровского района (в настоящее время Орехово-Зуевский район) Московской области. По национальности русский. Православный. Член КПСС, но сейчас по состоянию здоровья не принимаю участия в работе, а так, вообще говоря, коммунист.

До войны, в 1941 году, окончил Титовскую среднюю школу, 10 классов.

В нашей подмосковной деревне Петрушино молодёжь забрали в армию в конце августа 1941года, 120 человек. А меня не взяли по состоянию здоровья, то есть я имел «белый билет». Из всех этих 120 человек вернулись после войны 18. Весь тот набор, молодые ребята 1922, 1923 и частично 1924 годов рождения, все попали в мясорубку под Москвой, не учились военному делу, потому их очень много и погибло.

22 июня 41-го года я ехал из деревни в Москву, вёз документы для сдачи в институт. И дорогой узнал, что началась война. Это было около 12 часов дня. Осенью поступил в Горный институт, но проучился всего два месяца, потом сам институт эвакуировали. В здании института была организована команда самообороны, я был одним из комсомольских вожаков. И мы остались вроде сторожей: здание большое, а порядок как-то надо соблюдать.

В начале 1942 года открылся Московский станкоинструментальный институт («СТАНКИН»), он открылся, как Институт танковой промышленности. В основном он выпускал инженеров по производству и ремонту танков, в нём имелась броня от армии. Я поступил в этот институт.

В 1943 году, когда мне было 19 лет, вышло постановление Правительства о дополнительной мобилизации. Я был призван в армию, это было накануне Курской битвы. Меня сняли со второго курса обучения в «СТАНКИНе». А поскольку учился в танковом институте, в военкомате посчитали, что я танкист. Так я попал в 6-й гвардейский танковый корпус, который входил в состав 3-й гвардейской танковой армии I-го Украинского фронта.

До конца войны я прослужил в 3-й ГТА рядовым, без офицерского звания. По состоянию здоровья я не был годен к военной службе, но не жалею, что меня призвали в армию. Я очень доволен, потому что для меня это имело огромное познавательное значение, я посмотрел Европу, многие страны, города.

3-я гвардейская танковая армия формировалась ещё в 41-м году, это была боевая армия, такой она и осталась до конца войны. Ею командовал маршал бронетанковых войск Пётр Семёнович Рыбалко, выдающийся танкист. Я прибыл в пункт формирования в конце мая 1943 года. Армия стояла на доформировке под Тулой, в деревне Кобылинка, недалеко от города Плавска. Она прибыла туда после боёв в Восточной Украине (в районе Ворошиловграда, Старобельска). Формировка продолжалась полтора месяца.

Попал под начало к подполковнику Землякову С.И. Он узнал, что я студент. «Ах, студент? А куда же я тебя дену?» Водил, водил меня, потом говорит: «Ну, ладно, будешь при мне. У меня дел много». И действительно, так я и ошивался около него, а он был начальником политотдела тыла 3-й ГТА. С. И. Земляков был хорошим человеком. Коммунист, ленинградец, он был не только кадровиком, но и политработником тыла 3-й ГТА. Ну, а чтобы представить масштабы 3-й ГТА — это 60 тыс. человек и в лучшем случае, когда армия заканчивает формировку, примерно 700-800 танков. После боёв в армии уцеливает порядка 50 танков от этих 700-800. А поскольку мы уже стали наступать в 43-м году, то все оставшиеся танки попадали к нам. Тут уже ремонтные мастерские стали отличаться. И у нашей танковой армии, да и у других тоже, стал очень большим процент возврата танков с поля боя. Потери-то разные бывают: у одного ведущее колесо подбили, у другого — двигатель, у третьего — орудие. Вообще, очень много ремонтировали.

Итак, формирование завершилось в конце июня, и нас из-под Плавска перекинули в Новосиль. Потом мы двигались к Курску. Великая битва под Курском была первым моим боевым действием. Это было грандиозное сражение. Я видел это поле после боя: порядка 1000 танков, и наших, и немецких, подбитых и сгоревших, без башен, без гусениц, без орудий. Бой был страшный. Мы превосходили немцев, но перед этим были жестокие воздушные бои в этом районе. Нас бомбили очень сильно, и это хуже, чем на поле боя. Немцы не слезали с нас, они стянули туда авиацию, была подготовка к этой Курской битве. Подкрепление (материальное, танки, пушки, артиллерийские полки) подходило к нам и к немцам. Подробностей боевых действий 6-го танкового корпуса 3-й ГТА я, конечно, сейчас не помню, да полностью я их и не знал. Знаю только, что наша армия была в подчинении Брянского, а затем - Степного фронта (командующим фронта был И.С.Конев). Армия принимала непосредственное участие в освобождении города Орла и области.

Затем двигались через Сумы (Восточная Украина) к Днепру через города Ромны и Прилуки. Вышли к Днепру в сентябре 1943 года, в районе Днепропетровска, на Букринский плацдарм, южнее Киева. Там танки переправили через Днепр, и я тоже переправился на ту сторону вместе со всеми. Но тактически было выбрано не очень удачное место для развёртывания боевых действий. Операция задумывалась как охват с юга киевской группы немецких войск в клещи. Не знаю, по каким причинам, но нас вывели обратно на левый берег Днепра и перебросили на север, к месту слияния Десны и Днепра, севернее Киева. Мы обошли город с запада и окружили немецкие войска.

Потом были очень крупные бои в городе Фастов. В Фастове я был в составе 91-й танковой бригады полковника Якубовского (впоследствии Маршала Советского Союза и заместителя Министра Обороны). После этого выдвинулись в Житомир, затем Казатин, Шепетовка, Тернополь, Львов.

Наша танковая армия обошла Львов с севера и вошла в тыл немецкой группировке, которая обороняла Львов. Это была очень крупная Львовско-Сандомирская операция, и наша 3-я ТА сыграла большую роль в этой операции. После Львова мы продолжали двигаться на запад, в Перемышль, там были серьёзные бои. Город был окружён нашей армией, 40 тыс. немецких солдат было убито в Перемышле;

когда они не сдавались, их просто добивали из пушек. Впервые я увидел такое зрелище, даже на Курской дуге не было такого месива, как в Перемышле.

Дальше мы уже двинулись в Польшу. Вошли в неё к зиме. Прошли Люблин, Хелм и сделали большой рывок от Хелма к Кракову. Передвигались по южной части Польши через разные города.

Мне запомнился один город — Радомско, там наши войска захватили огромный продовольственный склад. Я впервые увидел такой большой склад. И раньше, по роду служебных обязанностей, мне приходилось видеть склады, но этот был огромный, километра четыре в длину.

Мы ехали на командирской машине, с какими-то офицерами, и тут видим: солдаты наши бегут с сумками, с ящиками какими-то. Мы спрашиваем: «Что это такое?» А они: «Да, вот, тут склад захватили, и наши тормошат его». Один из старших офицеров сказал: «Давай, сбегай, узнай что там, возьми ящик, принеси чего-нибудь». Я пошёл и набрал там ящик вина. Зашёл в подвал, а там по колено вино, спирт, водка. Можно прямо брать и пить. Так солдаты и делали, особенно у кого времени нет: котелком черпали и шли.

После Радомско мы повернули на Краков. Под Краковом у нас была остановка на три недели. Механики приводили в порядок технику, интенданты складами занимались, артиллеристы готовили снаряды. Там, в местечке Мосты Велике, был край польских повстанцев. Они воевали против нас. Один раз мы ехали по заданию получить спирт для солдат. Мне дали поручение: «Бери три машины и поезжай на спиртозавод». Ну и попали мы там в засаду, еле-еле ноги унесли.

После отдыха наша армия снова вышла на центральную ось, на запад. На границу с Германией мы вышли под Новый год (с 1944-45г.), в районе реки Пилица с польской стороны и городов Форст и Котбус с немецкой стороны (около города Дрезден). Помню курортный городок: там и врачи бегали, и источники целебные были, и раненные немецкие солдаты, и немецкие граждане, среди них мужского населения почти не было.

Мы попали в то место, откуда местное население бежало от советских войск на запад, а с запада прибывали немцы, которые бежали на восток. Два потока встретились как раз вот здесь, в районе Форста, Лейпцига, Дрездена, Бристау, Гайнау. Судьба наказала Германию. Немцы были очень подавлены. Откровенно говоря, я и не видел, чтобы они сопротивлись нам. Но сначала думал, что они могут оказать сопротивление, поэтому оружие всегда при себе носил.

Дальше наше движение было на город Дрезден. После этого мы вырвались и широким маршем по прекрасной автостраде Берлин – Вена шириной в 12 рядов двинулись на Берлин. Мы отстали от наших боевых частей на 250-300 км, они заняли район на юго-западе Берлина. Наша армия принимала участие во взятии Берлина. Под Берлином мы стояли до 3 мая и получили приказ двигаться на Прагу.

В Праге было серьёзное осложнение. Все немецкие войска, которые противостояли нам в Центральной Европе, были разделены Карпатами. Часть пошла к югу, а часть к северу.

Мы сначала преследовали тех, кто пошёл на север (к Берлину). А потом повернули на Прагу. Там как раз были те немецкие войска, которые повернули на юг.

Мы ехали днём и ночью без остановок. Перешли через Судеты (высота 1600 метров). Перевалив через Судеты, очутились в Чехословакии, километрах в 80 от Праги. Там мы встретили около 600 тыс. немецких военнопленных. Мы передвигались по дороге, а они нескончаемым потоком шли нам навстречу, буквально задевая нашу колонну локтями. Всё шли и шли. И что самое главное, отношение было такое, что они запросто могли попросить у нас закурить. Ты им дашь, да ещё потом похлопаешь так по плечу, вроде как сочувствуешь.

Две ночи мы стояли под Прагой, потому что город был переполнен нашими солдатами. Туда были направлены 1-й (наш), 2-й и 4-й Украинский фронты, 600 тыс. человек. А потом нас пустили, и мы разместились в Праге. Чехи встретили нас очень хорошо, ведь мы спасли Прагу от разрушения.

В конце июня из Праги нашу Армию перебросили в Австрию, под Вену, в городок Кремс, западнее Вены на 60 км. Цветущий город, уже поспели вишни, черешни, груши, горы, виноградники, сады. Клочка земли не было небработаного – земли-то мало, население густое..

В августе 1945-го вышел приказ Сталина о демобилизации старших возрастов, я к ним не относился. И тут, следом, приказ о демобилизации специалистов и студентов.

Полковник Земляков сразу же направил меня к генерал-майору Николаеву, начальнику тыла 3-й ГТА. Тот предложил направить меня в военное училище: «Нам как раз очень нужны специалисты по тылу армии, хозяйственники. А то у нас люди как-то неохотно идут. А ты вроде работал, знаешь что-то». Я говорю: «Да, нет, я в свой институт хочу, товарищ генерал». Велел быстрее оформлять все документы, потому что через два дня из Кремса пойдёт колонна машин прямо в Москву. Это же счастье. Война ведь, воинские эшелоны с трудом про-

бирались. Но я успел. Оформил все документы и через два дня погрузился в вагон. Взял с собой какие-то вещи: пару ботинок, крупы какой-то мне достали (в Москве тогда карточная система была). Набралось пуда два

Доехали на машинах до Харькова, а в Харькове нас погрузили на эшелон. Дней десять мы ехали. Всё хорошо, спокойно.

Приехали в Москву в первых числах сентября. Пошёл в «СТАНКИН», а там уже многие приехали, демобилизовались, в группы собирались. Декан помнил меня: «А нам сказали, что вроде ты погиб где-то». Да, нет, слава Богу, говорю я, всё хорошо обошлось, живой. Итак, я снова поступил в институт и окончил его в 1949 году по специальности «Машины и технология литейного производства». Учился я очень хорошо, мне нравилось учиться, для меня это было одно удовольствие.

После этого 3,5 года работал в Ленинграде, на чугунно-литейном заводе «ЛЕНСТАНКОЛИТ». Потом, по моей просьбе, меня перевели на работу в Москву. Сначала работал в НИИ ЛИТМАШ начальником отдела. А потом в ЦНИИТМАШе, в аспирантуре, где защитил диссертацию в 1956 году.

После диссертации в течение 15 лет работал в НИИ Трактор-СельхозМаш. Подготовил докторскую диссертацию и в 1981 году защитил её. Перешёл на работу в учебный институт, МАДИ, на должность профессора кафедры, отсюда ушел на пенсию.

У меня имеется 46 авторских свидетельств, около 200 статей. Написал 6 книг и сейчас пишу книгу по теме своей докторской диссертации, что-то вроде учебного пособия. Хочу всё подытожить.

В окопах я не воевал как солдат, поэтому награды у меня скромные: 12 медалей, орден Отечественной войны II степени и масса благодарностей (около 30) за подписью Сталина за освобождение Киева, Орла, Дрездена, взятие Берлина и других городов. Одна из них у меня сохранилась:

«Медведеву Якову Ивановичу, приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 2 мая 1945г. №359, от 8 мая 1945г. №366, от 9 мая 1945г. №368 за отличные боевые действия при овладении столицей Германии — Берлином, городом Дрезден и за освобождение столицы Чехословакии - города Прага всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, принимавшему активное участие в боях, объявлена благодарность».

Особо запомнившиеся эпизоды

Первый эпизод — это нападение на нас польских повстанцев в районе Львова (Велики Мосты). Все эти несколько дней я очень сильно переживал и за себя, и за всех. Там нас было человек 40, в этой деревушке. Ну, в общем, обошлось без потерь. А в целом население Польши принимало советских солдат хорошо.

Другой эпизод — это встреча наших солдат в Праге. Очень, очень радостно встречали в Праге. Это удивительное радушие меня потрясло. Сегодня я думаю: «В чем же нас чехи обвиняют? Мы их освобождали, а они теперь нас проклинают, называют захватчиками».

Третий эпизод — это встреча с американскими военными частями, которая состоялась в городе Торгау (на Эльбе). Встреча прошла в дружеской обстановке, хотя потом имели место случаи недружественного отношения со стороны американцев.

Отец у меня имел «бронь» как специалист текстильной промышленности, и возраст у него был критический. Но если бы его призвали, он бы пошёл воевать. Он был военным по духу, участвовал в I Мировой войне, прошел Гражданскую войну, имел звание.

Мать у меня была труженица. У неё было 8 детей, а если бы все остались живы, то было бы 15 человек. И причём она дома не сидела, 25 лет работала ткачихой и 30 лет — в колхозе. Умерла в 95 лет.

Старший брат Артём Сергеевич Медведев был танкистом, пропал без вести на второй год войны. Война его застала на Дальнем Востоке. Осенью 1940 года его перебросили в Белоруссию, в местечко Сувалки. Там он и попал в окружение. Потом шёл и где-то под Смоленском он попал то ли в плен, то ли погиб.

Конечно, многое забыто. Дневника во время войны я не вёл, да и не имел права вести.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Колотушкин Иван Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Николаев Андрей Владимирович

ЕЩЕ ВЧЕРА МЫ БЫЛИ ШКОЛЬНИКАМИ

Я родился 22 октября 1922 года в Москве по адресу: Протопоповский пер. д. 17, кв.3. По национальности — русский. Беспартийный. Образование высшее: Всесоюзный государственный институт кинематографии (1947—1953). Специальность: художник-график, иллюстратор книг художественной литературы. Сотрудничал в издательствах: «Гослитиздат», «Детгиз», «Правда», «Молодая гвардия» и др. С 1954 года кандидат, а с 1957 года — член Московского отделения Союза художников. Жена — Анна Ивановна Николаева, урожденная Мокринская.

Воинские звания:

лейтенант — Приказ № 060 от 29 января 1943 года по штабу Архангельского военного округа;

старший лейтенант — Приказ Р 0440 от 21 ноября 1944 года по штабу артиллерии 59-й армии;

капитан — Приказ Верх.ГК ВС РФ № 2 от 27 апреля 2000 года.

Последняя воинская должность — начальник разведки 534-го гв. минометного Выборгского полка 106-й гв. воздушно-десантной дивизии.

Награды:

— орден Красной Звезды № 725168 — за участие в боях на Карельском перешейке и за взятие Выборга летом 1944 года;

— орден Отечественной войны II степени № 399842 — за участие в боях на венском направлении весной 1945 года;

— орден Отечественной войны I степени № 478962 — Указом от 14 марта 1985 года;

— медаль «За взятие Вены», медаль «За Победу над Германией».

Ранения: осколочное ранение верхней трети правого бедра 12 апреля 1944 года на псковском направлении, у деревни Староселье; осколочное ранение левого предплечья 14 июня 1944 года на Приморском шоссе западнее поселка Инонкюля; осколочное ранение суставной сумки правого запястья 26 июня 1944 года в девяти километрах за Выборгом.

В июне 1941 года, ввиду того, что я окончил 10 классов 267-й московской школы перед самой войной, меня оставили до особого распоряжения с намерением направить в военное училище.

25 мая 1942 г. я получил направление в Велико-Устюгское пехотное училище, в 5-й учебный артиллерийско-минометный дивизион.

С 22 по 31 октября 1942 г. курсанты училища вели бои с диверсионной группой противника, засланной с целью диверсии на железнодорожной линии Москва-Архангельск и с целью нанесения ударов по аэродромам, расположенным на территории Карелии.

29 января 1943 г. мне присвоено звание лейтенант, и я был направлен в резерв Волховского фронта.

19 февраля 1943 г. направление в 311-ю стрелковую дивизию 54-й армии.

20 февраля 1943 г. направление в 1069-й стрелковый полк под командованием майора Репина на должность командира минометного взвода. Район боевых действий — Смердынский мешок — попытка прорыва к станции Любань Октябрьской железной дороги.

30 мая 1943 г. — вывод полка на переформирование в район ст. Жихарево.

18 июля 1943 г. — направление на курсы повышения квалификации при Ленинградской Военной Академии в город Боровичи.

15 августа 1943 г. был зачислен на отделение подготовки начальников штабов батальонов, эскадронов, дивизионов.

30 марта 1944 г. аттестован «начальником штаба минометного дивизиона».

6 апреля 1944 г. получил направление в 534-й армейский минометный полк. Командир полка майор Шаблий, нач.штаба майор Гречкин.

7 апреля 1944 г. прибыл в полк и был утвержден на должности начальника разведки полка. Полк в это время вел затяжные бои в составе 54-й армии на Псковском направлении у деревни Староселье.

23 апреля 1944 г. получен приказ на передислокацию в район Ленинграда и на переподчинение командованию 21-й армии генерала Гусева и командующего артиллерией генерала Михалкина.

10 июня 1944 г. прорыв обороны противника в районе Сестрорецк — Белоостров и выход к финскому хутору Куссеина.

11 июня 1944 г. взятие города Териоки. Разведка в районе Райволо.

12-13 июня 1944 г. — затяжной штурм опорного пункта Кутесельки.

15 июня 1944 г.— прорыв и продвижение к населенному пункту Инонкюля поддерживаем 173-й стрелковый полк.

18 июня 1944 г. — прорыв по тылам противника через Койвисто ударной группы в составе: 176-го стрелкового полка под командованием майора Семенова, 1238-го полка самоходных установок СУ-152 майора Котова и 534-го армейского минометного полка майора Шаблия, для нанесения удара с тыла по линии обороны финнов знаменитой Линии Маннергейма южнее населенного пункта Куппаниескотти

20 июня 1944 г. — взятие города Выборг.

26 июня 1944 г. — бои за Выборгом в районе высоты 41,6.

4 июля 1944 г. сильный налет тяжелой артиллерии финнов по штабу полка. Большие потери.

17 июля 1944 г. попытка финнов прорвать нашу оборону в дефиле озер Ихантала-ярви и Сало-ярви.

5 сентября 1944 г. — в 10-00 прекращение военных действий с Финляндией.

2 января 1945 г. — приказ на передислокацию в Житомир.

15 января 1945 г. прибытие в житомирские артиллерийские лагеря, где наш полк должен войти вместе с 205-м пушечным полком и 211-м гаубичным полком в 57-ю артиллерийскую бригаду, подчиненную командованию 106-й воздушно-десантной дивизии генерала Виндушева.

6 февраля 1945 г. выехали на фронт в южном направлении.

13 марта 1945 г. — планирование наступления и разведка боем в районе населенного пункта Чекберень, северо-западнее Будапешта. Наш полк в составе 57-й артбригады поддерживает 351-й стрелковый полк под командованием полковника Федотова.

17 марта 1945 г. — взятие города Мор.

20 марта 1945 г. — взятие населенных пунктов Тарлан, Надвелег. Продвижение в направлении населенного пункта Ака.

23 марта 1945 г. передислокация в р-н Дюрар. Наступление в направлении населенного пункта Баконьсинтласло.

26 марта 1945 г. — встречный бой с группой СС на БТРе.

29 марта 1945 г. форсирование канала Раба и продвижение в направлении Вамош Чалад, Чер.

30 марта 1945 г. ночной разведывательный рейд на БТРе в тыл противника у венгерской деревни с русским названием Иван. Днем напряженный бой 351-го стрелкового полка под командованием полковника Федотова и при огневой поддержке 534-го минометного полка и дивизиона 211-го гаубичного полка.

4 апреля 1945 г. взятие города Баден. Выход на Сант Елена.

5-6 апреля 1945 г. — активный бой за населенный пункт Аланд.

8 апреля 1945 г. — взятие города Кляузен-Леопольдсдорф.

9 апреля 1945 г. — продвижение в район населенного пункта Альтленгбах.

15 апреля 1945 г. стремительное наступление в районе Райт, Пира, Штатерсдорф. Бой за город Санкт-Пельтен.

18 апреля 1945 г. бой у кирпичного завода западнее Санкт-Пельтена.

25 апреля — 4 мая 1945 г. Отдых в Вене. Участие в первомайском параде.

5 мая 1945 г. — разведка в районе Айбентайль.

8 мая 1945 г. преследование отходящего противника по направлению: Айхенбрун, Шторисдорф, Хаугсдорф, Рётц, Дросендорф, Раабэ, Гардек на Тайе. По пути отдельные группы противника сдавались в плен.

9 мая 1945 г. — ночной бой с танковым заслоном противника. Потери: две автомашины, две 76-мм пушки и несколько человек убитыми. На рассвете, при подходе к городу Гардек встретили сопротивление группы фольксштурма. К вечеру прибыли в город Славоницы на территории Чехословакии. Там и отпраздновали окончание Великой Отечественной войны!..

10 мая 1945 г. — полк разместили лагерем у леса в 10 километрах от Йжинхной-Градец.

20 мая 1945 г. общий смотр подразделений 38-го стрелкового корпуса. Проводился: командиром корпуса генералом Утвенко и командующим артиллерией корпуса полковником Зубчаниновым, коман-

диром 106-й воздушно-десантной дивизии генералом Виндушевым и нач.штаба дивизии полковником Михеевым, комбригом 57-й арт. бригады полковником Игнатьевым, нач.штаба майором Груздевым, командирами стрелковых полков: 347-го подполковником Киреевым, 351-го полковником Федотовым, 355-го подполковником Фирсовым, а также командирами артиллерийских полков: 211-го гаубичного подполковником Крочневым, 202-го пушечного подполковником Гулитовым и 534-го минометного подполковником Шаблием.

4 июня 1945 г. — передислокация частей 38-го корпуса из Чехословакии.

7 июля 1945 г. — обосновались лагерем на острове Сегетсен-Миклош на Дунае, восточнее Будапешта.

20 января 1946 г. — покидаем лагеря и грузимся на ст. Будапешт-товарная.

16 февраля 1946 г. — полк прибыл в город Тейково Ивановской области.

8 июня 1946 г. — 534-й минометный гвардейский Выборгский полк передислоцируется в район Тулы, в Тесницкие лагеря.

28 июня 1946 г. я был демобилизован согласно приказу № 02953 от 25 июня 1946 года по войскам МВО.

6 июля 1946 г. поездом Москва — Сочи в 17-00 прибыл в Москву.

Из дневника лейтенанта

В первом параграфе «Боевого устава пехоты», кажется, прежде было написано так: «Война есть тягчайшее испытание физических и моральных качеств бойца»... Но еще ранее того один из мудрейших людей Древнего мира сказал: «Как золото испытывается огнем, так человек в горниле страданий». И истинность обоих этих изречений пока что еще никем не опровергнута.

Лично мне довелось пройти через ГОРНИЛО ВОЙНЫ — Войны Великой и Отечественной — совокупно со всем Народом нашим. Я не познал горечи отступления в сорок первом. И мера испытаний была определена мне Свыше по моим слабым мальчишеским силам... Но то, что я видел, прочувствовал и осознал на Войне — это не что иное, как м о и л и ч н ы е, субъективные переживания и осмысления, когда конкретные и реальные факты как бы проходят сквозь ментальный и эмоциональный фильтр души двадцатилетнего человека.

Я вернулся к ним спустя сорок лет, когда летом 1982 года на чердаке собственной дачи обнаружил объемистый сверток в плотной

бумаге. Поверху твердым почерком покойной моей матери было начертано: «ПИСЬМА МОЕГО СЫНА!»...

Да!.. Это были мои письма из училища, с фронта, оттуда, куда меня забрасывала судьба; письма, в которых описывались события, естественно, без указания места отправления и прочих деталей, недозволенных военной цензурой... Пронумерованные, разобранные по годам, связанные в пачки, лежали они там, дожидаясь своего часа. Пыль, сырость, мыши делали свое дело: многие листы подмокли, чернила расплылись, а есть и такие, что крошились под рукой... В этих письмах я описывал в подробностях, как я живу, как воюю, как отдыхаю, я сообщал даже цены на рынках и базарах по городам, через которые приходилось проезжать... И уж, конечно, я не рассчитывал на то, что стану читать все это через сорок лет...

— Отчего бы вам, — обратилась как-то ко мне одна наша знакомая, молодая девушка, родившаяся после войны и знавшая о ней лишь по литературе, — не систематизировать эти письма?..

— Для чего, — спросил я её, — кто станет их читать?..

— Как кто? — удивилась девушка, — Это же так интересно и необычно... Подумать только, молодой человек, совсем еще юноша — моложе меня, описывает изо дня в день события военной жизни, философствует...

— Может быть, она и права, — задумался я и уже совсем по-иному стал пересматривать ветхие листы, разглаженные теплым утюгом, перечитывать их с особым, целенаправленным интересом... Однако требовалась топографическая конкретика, привязанность описываемых событий к определенным городам и населенным пунктам, нужны были номера воинских частей и подразделений, фамилии командиров, а равно и некоторые данные оперативно-тактического порядка. К счастью, у меня сохранилась небольшая записная книжица, куда я регулярно заносил по числам календаря все нужные мне сведения, прибегая к самому примитивному кодированию. Я знал, что поступаю незаконно, но... продолжал свои записи, часто прятал книжицу от назойливых глаз в «тайнике» штабной машины. Так, соединением этих двух родов документов, образовалась реальная почва для того, чтобы взросло то, что я и назвал СВОИМ СУБЪЕКТИВНЫМ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ ОБ ОДНОЙ ТЫСЯЧЕ ЧЕТЫРЕХСТАХ СЕМИДЕСЯТИ ШЕСТИ ДНЯХ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ СЛУЖБЫ И РАБОТЫ... Скомпонованные в форме ДНЕВНИКА, не претендующие на литературную оригинальность, ВОСПОМИНАНИЯ эти все-таки содержат

в себе нечто основное, что я рискнул бы назвать МОМЕНТОМ ДОСТОВЕРНОСТИ...

1942 год

25 мая. Начальник 2-й части Ростокинского райвоенкомата города Москвы капитан Суранов принял нас вежливо и даже приветливо. Спокойная и деловая обстановка благоприятно отразилась на нашем душевном состоянии. Не скажу, что я радовался призыву, — война оставалась войной. И все-таки не было во мне ощущения роковой обреченности или неминучей гибели, чувств, тогда свойственных многим из мобилизованных. Всех призывников оказалось семь человек, и капитан Суранов сообщил нам о направлении всех нас в военное училище...

На сборном пункте в здании школы на Новорязанской, где размешался тогда эвакопункт запасного стрелкового полка, мы присоединились к основной команде направляемых в Велико-Устюгское военное пехотное училище...

В классах нары, сколоченные из толстых досок, и на нарах люди уже повидавшие войну. На нас они смотрят отчужденно — их можно понять. Мы всего лишь несколько часов как из дома, от «своих», с «гражданки», а они... У многих, из тех, кто лежит на нарах, семьи остались «там» — на территории, занятой врагом, погибли при бомбежках, затерялись в эвакуации. В коридорах спят прямо на полу, вповалку, подостлав шинели и положив под головы вещевые мешки. Воздух насыщен смрадом от пота, грязи, махорочного дыма и дыхания. Нам ничего не оставалось делать, как пристроиться на входной каменной лестнице. Пока что мы еще ощущаем себя лишь инородным вкраплением в этом людском монолите войны.

29 мая. Вечер — хмурый, ветряный и холодный — возникал как бы навстречу тихому движению парохода. Низкие брюхатые тучи повисли над горизонтом. Сквозь бирюзовые прорывы лучи негреющего, неласкового солнца высвечивали по берегам рваные пятна северного русского пейзажа. А там впереди, на фоне мрачной громады фиолетовых туч, горело золотым отблеском множество церковных куполов. Их было столько, сколько мне никогда не приходилось видеть... Устало чавкая по воде колесами, пароход медленно швартовался к дебаркадеру и, наконец, замер на прочных пеньковых канатах... На небольшой площади, мощенной булыжником и поросшей травою, нас ожидали представители двух военных училищ — вновь сформированного Велико-Устюгского и Пуховического, эвакуированного из Белоруссии. Общее построение, перекличка, и вот я уже курсант артиллерийско-минометного дивизиона Велико-Устюгского военного пехотного училища.

2 июня. Подбор курсантов в учебных ротах оказался не случайным. Наша — 18-я — наиболее молодежная, а кроме того, самая высокообразованная: студенты, аспиранты, научные сотрудники из Москвы и Ленинграда, преподаватели, инженеры, работники аппарата управления составили её взвода и отделения. Сержантский состав удивил нас своей малограмотностью, но, как потом выяснилось, то были опытные строевики и среди них старший сержант Максим Пеконкин, командир нашего отделения. Он представлял собою личность весьма и весьма незаурядную. Глаза черные проницательные, губы толстые, как у негра, нос широкий, с горбинкой, кисти рук сильные, могутные, а ноги широкие, разлапистые. Идя во второй шеренге в строю, я постоянно видел перед собой крутой и бритый затылок Максима. Сержант великолепно знал оружие, был вынослив, силен и ко всему относился по-хозяйски: у него был гуталин, сапожная щетка и суконка, которой он до блеска драил свои сапоги. Он не выносил крохоборства и кусочничества. Сам делил хлеб и разливал суп. Он учил нас премудростям «поведения одиночного бойца в боевой обстановке», добивался от нас четкого владения любым видом оружия, но, когда дело доходило до «подготовки данных» в артиллерийской стрельбе, где требовалась математика и знание корней и логарифмов, тут Максим превращался из командира в добротного и прилежного ученика, и все мы помогали ему от души, признавая в нем своего старшего товарища и командира, а намеки на его «необразованность» среди «своих» тут же пресекали на корню.

3 июня. На утренней поверке появилось начальство. Командир дивизиона капитан Краснобаев, полковой комиссар Матевосян, командиры учебных рот и взводов.

— Здрассстьтттварищщщкурсанттт...ЫЫЫ — услышали мы слитно-протяжное приветствие с ударением и выделением последнего Ы командира дивизиона Краснобаева — невысокого, меднолицего человека в прямо посаженной фуражке и с одной шпалой на петлицах. Пол-

ковой комиссар Матевосян (Старик Матевосян) стал вскоре «отцом» учебного дивизиона. Шепотом передавали, что в начале войны он носил четыре ромба и был начальником политотдела Армии, но попал в окружение, скитался по тылам противника и, наконец, угодив в кабинет Сталина, вышел оттуда, как он сам выражался, «с четырьмя палками на петлицах»... Порядковый номер нашего взвода первый, и командиром его стал лейтенант Синенко — добродушный и славный парень, наш сверстник. Он украинец, и мы, москвичи, долго потешались над его мягким выговором и непривычными «малороссийскими» оборотами речи. Так, вместо «может быть» он говорил «мабудь», «хвамилия» — вместо «фамилия», «спольнять» — вместо «выполнять». В начале войны он был ранен в ногу, после лечения окончил Пуховическое училище, и вот он наш взводный командир. Гимнастерка ему не по росту, кубики на петлицах вышиты белыми нитками неумелой рукой, галифе словно казачьи шаровары, кирзовые сапоги на два номера больше. Зато пилотка лихо заломлена набекрень, наружу торчит непокорный чуб русых волос. С нами у лейтенанта сразу же сложились «нормальные» отношения: он отлично понимал, с кем имеет дело — командовать людьми с университетским образованием, кандидатами наук, художниками, писателями и адвокатами — дело нелегкое. Синенко справился с этим блестяще и довел наш взвод до выпуска.

24 октября. Дивизион подняли по тревоге.. Мы четвертый день уже в Каргополе — размещаемся в деревянном здании базовой школы. Погода мерзкая, льет дождь, под ногами липкая грязь. Выдают боевые патроны, гранаты и объявляют приказ по училищу.

Немецкая разведка предприняла операцию, целью которой была высадка диверсионного десанта в районе станции Конаша и озера Лаче с целью блокировать движение по железной дороге Москва — Архангельск. Первая группа высадилась 31 августа, и наш срочный переезд из Великого Устюга в Каргополь был связан непосредственно с поставленной перед училищем задачей — выставить вооруженный заслон на важном узле дорог: Ленинград — Каргополь и Пудож — Каргополь, а также вести активную поисковую борьбу с десантом противника. Оперативный отряд численностью до роты под командованием ст. лейтенанта Рогожина форсированным маршем продвигался в район населенного пункта Рягово, где, по данным разведки, была обнаружена группа противника. Диверсанты отходили на северо-восток и у деревни Кузьмины Горы вступили в бой с отрядом

Рогожина. У нас первые потери: ранены курсанты Пивоваров и Серебряков, убит семнадцатилетний Толик Морозов. Диверсанты скрылись в болотном массиве и по перехваченной радиограмме намеревались прорваться к озеру Лаче, где их, севернее погоста Никольского, должен был ожидать гидросамолет с подкреплением, боеприпасами и продуктами питания.

Водным путем по озеру на барже к погосту Никольское был направлен отряд под командой ст.лейтенанта Харитонова, усиленный полковыми пушками. Наша батарея состояла из двух орудий — «музейной» трехдюймовой полковушки на деревянном ходу и одной сорокапятки, также где-то уже покалеченной. Иных «учебных пособий» по боевой технике в те годы училище не имело. Взвод 82-мм минометов должен был сопровождать огневой поддержкой действия пехотных поисковых групп.

В мутном и сыром предрассветном тумане наконец-то стали обозначаться силуэты строений погоста. Бросили якорь и по шатким деревянным сходням пошли снимать на берег 76-мм орудие. По мокрым скользким доскам это было делом нелегким. И только наша «старушка» встала на твердую почву, как в воздухе послышался звук приближающегося самолета. Последовала команда: «Орудия к бою!». Ворочая пушку за колеса, за хобот, мы пристально всматривались в небо. И вскоре на мутно-туманной глади озера стал заметен силуэт приводнившегося гидросамолета противника. На барже оставалась сорокапятка, и она оказалась в более выгодном положении. Лейтенант Нецветаев скомандовал: «Заряжай!». Снаряд загнали в ствол... Но!..

Затвор заклинило! — кричит заряжающий Вася Жидков.

К этому моменту наша полковушка была уже готова к бою. Секунды, и первый снаряд со свистом полетел в сторону гидросамолета. Азарт был на пределе, стучало в висках, в ушах, сжималось сердце, перехватывало дыхание. А снаряды рвались вблизи гидросамолета, вздымая фонтаны воды. С баржи били из пулеметов.

Самолет все-таки поднялся, но, качнув в воздухе, рухнул в озеро — семь человек, в том числе и команда, были взяты в плен. На поверхности озера плавали тюки с оружием, боеприпасами, продовольствием.

Так завершилась наша первая боевая операция — наше БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ!.. Через месяц должны начаться выпускные экзамены, и мы стараемся заполучить в Военторге рубиновые лейтенантские кубики, которые в большом дефиците. Стрельба из орудия боевыми снарядами по вражескому гидросамолету воспринималась нами как

подвиг общегосударственного масштаба: это мы участвовали в боевой операции, это мы обеспечили бесперебойную работу железнодорожной линии Москва — Архангельск! И мы все были горды этим.

Диверсионную группу противника в конце концов обезвредили бойцы истребительного батальона МВД. Мы при этом не присутствовали. Но ходили слухи, будто бы, когда их брали, они сидели спинами друг к другу со скрещенными руками на груди, с оружием, сложенным в трех шагах, как бы демонстрируя свое «арийское превосходство».

Так ли это было, не знаю!..

Слышали мы и о том, что диверсионная группа противника натолкнулась где-то на подразделение 909-го авиационного полка, была перестрелка, в которой погибло несколько девушек-солдат.

Прошло много лет. И не отзвуком ли на это событие стала повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие»?

1 ноября. Вернувшись с боевого задания, мы продолжали свои прерванные занятия уже в бараках бывшего «КАРГЛАГА», освобожденных для этой цели от размещавшихся в них до того «зэков».

1943 год

29 января. Приказом командующего Архангельским военным округом №060 курсантам выпускной роты 5-го минометно-артиллерийского дивизиона Велико-Устюгского пехотного училища присвоено воинское звание лейтенант... Большинство получает направление на Ленинградский фронт. Остальные, в том числе и я, получили распределение в 54-ю армию Волховского фронта.

18 февраля. В штабе 311-й СД, размещавшейся в районе станции Жарок, мы — Капустин, Липатов и я — получили направление в 1069-й стрелковый полк.

— Как туда добираться? — справляемся у представителя отдела кадров дивизии.

По дороге прямо, отвечает резко, она одна. Полем через болото. Дальше лесом и вправо. Там поляна с ручьем, мост и остатки деревни. Затем опять вправо. Доброго пути!.. И ушел...

Темная ночь. Идем по дороге — она одна. Идем полем, и чувствуем, что дорога насыпная — вокруг бездонные болота. До леса, судя

по времени, шли километров пять. Лес густой, высокий, мрачный, словно коридором сжимает дорогу. В обе стороны отходят боковые просеки и тропы, иногда попадаются указатели: «Хозяйство Цешковского», «Медсанбат-3», «Хозяйство Шевгуна»...

Вдруг — откуда они взялись, мы так и не поняли — налетели на нас с лаем собачьи упряжки с санитарными волокушами. Вожак головной упряжки матерый черно-пегий кобель с хриплым рыком пролетел мимо. В волокушах раненые, укрытые одеялами и пристегнутые ремнями. Позади этого странного каравана на значительном расстоянии бежала девчонка-санитарка в полушубке и валенках. Пока мы соображали — спросить бы дорогу, их и след простыл. Лишь, как эхо, где-то сзади слышался отдаляющийся надсадный собачий лай.

Как-то само собой вышли мы на нужную поляну, по которой, как выяснилось потом, течет речка Кородынка. Глаза привыкли к темноте, а от ракетных зарниц бывало моментами даже светло.

По дороге навстречу нам шел пожилой солдат. Шел без оружия, руки в карманах. Мы останавливаем его и спрашиваем дорогу.

— А чё надо-то? — спрашивает не вынимая рук, — штаб полка, што ли? Так прошли... Туточки недалече, шагов с полсотни... Там часовой окликнет!.. И пошел размашистой походкой, не обращая на нас никакого внимания... Вернулись назад...

— Вот, — крикнул Женя Капустин, — табличка «Хозяйство Репина»... Может, это и есть то, что нам нужно?!..

«Хозяйство Репина», действительно, оказалось штабом 1069-го стрелкового полка. Мы остановились перед добротной землянкой, даже со стеклышком в небольшом оконце. Доложили дежурному по штабу.

— До утра отдыхайте, — сказал дежурный, забрав наши документы.

19 февраля. Из штабной землянки, нам навстречу, вышел средних лет представительный человек, как и все тут в меховом жилете и ушанке. И направился прямо к нам, неся в руках какие-то бумаги.

— Здравствуйте, товарищи лейтенанты, — произнес твердым, властным баритоном и представился: — майор Репин.

— Почему вдруг Репин? — пронеслось в мозгу. — Ах, да!.. Там, на указателе, было написано «Хозяйство Репина»... Значит, Репин — командир полка!..

Лейтенант Капустин, кто?

— Я, — и Женька вышел вперед.

— Так, — говорит майор Репин, — во второй батальон... Лейтенанты Николаев, Липатов — в первый!.. Оружие и все, что положено, получите в службах тыла... Счастливо воевать!..

Пожав поочередно руки, командир полка повернулся и ушел к себе, в землянку со стеклянным оконцем.

— Пошли, что ли? — вопрос исходил от личности неопределенного звания и положения. На личности — ватные штаны, валенки, телогрейка и никаких знаков различия... Не сказав более ни слова, личность пошла по извилистой тропинке, протоптанной в снегу. Мы гуськом, молча тронулись следом. Вокруг — редкий березовый лес и мелколесье. Далеко ли мы отошли от штаба, сказать трудно, как натолкнулись на странного человека, сидевшего возле дерева. Наш провожатый прошел мимо... «Зачем в лесу, у дерева, сидит этот странный человек?» — спрашиваю я сам себя.

В черных, густых и курчавых волосах его — снег, большой и горбатый нос, в глазницах снег... Мундир серо-зеленого цвета, черные погоны с серебряным галуном, ворот расстегнут, и там тоже снег. Ноги босые, а пальцы на морозе не красные, но бледно-восковые, и между пальцами снег.

Мы остановились... Женька Капустин сумрачно спросил у провожатого: что это?!..

— Язык, — равнодушно ответил провожатый, — позавчера брали.

— Язык!? — переспросили мы, — а почему же он здесь!?..

— А куды ж его? — растерялся проводник, — допросили и в расход, в могилевскую губернию, в штаб Духонина... Пошли, что ли?..

В тылы полка пришли во второй половине дня, а в седьмом часу прибыли провожатые из батальонов. Тронулись в путь — провожатые впереди, мы гуськом сзади. У какой-то развилки малопонятных тропинок попрощались с Женькой Капустиным. Быстро темнело, и ночь, зимняя и тоскливая, окутывала мраком окружавший нас лес. По сердцу пробегал искорками тревожный холодок. По лесу шли не менее двух часов, пока не вышли на опушку, казалось бы, ничем не примечательной поляны, занесенной снегом... Проводник остановился, перевел дух...

— Поляна эта, — сказал он и словно запнулся, — «Поляной Смерти» прозывается... Мы её дней с десяток как штурмовали... Что наших ухлопали — тьма!.. И теперь еще лежат... На той стороне мы у них отрезали километра два по фронту, да два в глубину... Теперь, значит, так: поляну он прошивает с пулемета во фланг... Идти по одному, перебежками. Как ракета — к земле и не дыши... Погаснет — вперед... А там видно будет... Пошли...

Пригибаясь и подавшись корпусом вперед, проводник побежал стремительно и энергично. Мы едва поспевали следом. Вдруг резкий хлопок, раздавшийся средь мертвой тишины, буквально швырнул нас на землю, и ракета, взметнувшаяся слева, озарила пространство ярким, режущим светом. Я лежал на снегу притаившись, где-то слева, далеко-далеко, застучал немецкий «М-Г», над головой просвистели пули. Я лежал без движения, и только пальцы правой руки ощупывали что-то твердое, выпиравшее из мерзлой земли и накрепко спаянное с нею... Ботинок, — сообразил я, — человеческий ботинок... Жуть, страшная жуть холодной лентой впивалась в сердце.

— Эй, там — не спи! — услышал я сдержанный окрик. — Бегом!..

Ракета погасла, и пока нет новой, нужно успеть проскочить пространство. Во рту сухость страшная, язык, словно мертвый, колом стоит в горле — ворочать им не хватает сил... Шатаясь бредем по тропе, петляющей среди нагромождений и завалов.

— Здесь, — сказал проводник и остановился у входа в землянку. Через некоторое время нас приглашают внутрь. Землянка, освещенная лампочкой от аккумулятора, кажется вместительной — стоим во весь рост. От чугунной печки тянет теплом. Пользуясь приглашением, садимся. Стоять нет сил — дрожь в ногах не проходит. За небольшим столом сидит капитан и читает наши бумаги. Что-то кому-то говорит. Я вижу под металлическим абажуром лишь кудлатую его голову и сильные кисти рук, остальное тонет в полумраке.

— Сейчас за вами придут, — услышали мы голос капитана. Молча ждем. В дверях кто-то кричит: «Эй, лейтенанты, выходите!»... Выходим на воздух. В полосе света, на мгновение вырвавшегося из землянки, я замечаю пожилого солдата в драном полушубке.

— Пошли! — сказал солдат и направился по тропе влево. При вспышке очередной ракеты, по левую руку я рассмотрел группу каких-то сооружений, очевидно землянок, а по правую — отдельные деревья и дальше густой, высокий лес... Шли не долго... Солдат в драном полушубке свернул влево и остановился у входа в землянку. От стены отделилась фигура часового в балахоне из плащ-палатки. Повисшая в небе ракета осветила угрюмую физиономию уголовника, и я ощутил на себе взгляд, мрачный и жесткий. Но, странное дело, я почувствовал вдруг облегчение! Дрожь в ногах прошла, сухость в горле исчезла, холодную ленту из сердца как бы кто вытянул... Под-

няв полог из одеяла над входом, часовой крикнул в темноту землянки низким хрипатым голосом: «Начальник!.. Тут лейтенантов пригнали!»... «Ну и что?» — услышали мы из темноты раздраженный ответ: «Пусть спать ложатся, завтра разберемся». «Давай на верхние нары», — сказал хрипатый малый и толкнул нас внутрь землянки, опустил полог из одеяла. Мы оказались в полной тьме. Как только глаза стали привыкать к окружавшему нас мраку, я смог уже различать слева от себя красноватый силуэт остывающей чугунной печки. Протянув вперед руки, я нащупал нары из ровного кругляка. Липатов держался за меня сзади. Не снимая шинелей, карабкаемся на второй ярус. У стены, укрывшись овчинным полушубком, спит человек и есть еще место двоим или троим. Уткнувшись головой в вещмешок, тотчас засыпаю.

Проснулся я от шума, ругани и стонов. Землянка освещена трепещущим пламенем коптилки. По ее бревенчатым стенам мечутся черные тени. Справа в углу на топчане сидит пожилой человек в нижней рубахе и чешет затылок. Все свободное пространство заполнено людьми в белых балахонах... «У тебя, что, рук нету?!» — сердится человек в нижней рубахе. «Справа мотай его, справа»... Тут я замечаю, что у одного из тех, что в белом, голова в крови и на балахоне кровь. Его бинтуют.

— Всё, что ли?..

— Всё!.. Пошли!..

Давай, гаси свет...

Потухла коптилка, и наступила полная тишина, будто ничего и не было... Сосед мой под тулупом даже не проснулся... «А может быть, всё это сон, мираж?! — Под боком что-то мешает... Граната! Вот дело! Как же я чеку-то не выдернул? А ведь мог нечаянно»... Снимаю с ремня гранаты и осторожно кладу в изголовье... Только, кажется, заснул, кто-то уже трясет меня за ногу:

Тут, что ли, новые лейтенанты-то? слышу я окающую вологодскую речь, и мне чудится, что я всё еще в Устюге, в училище...

— Тут мы, — отвечаю, и не узнаю своего голоса... Вровень с нарами вижу голову, немолодую, добродушную, освещенную сбоку бликами коптилки...

Водочки-дак извольте-ка, говорит голова... Я смотрю отупело, в мозгах все спуталось: какая «водочка» вдруг среди ночи!?.. Какой-то кошмар!.. Уж не схожу ли я с ума?!.. Но у добродушной головы обнаруживается рука с металлическим стаканчиком, и в нос ударил натуральный запах спиртного.

— Пейте-дак, — говорит голова, — ваша законная!.. Вы-то теперь у нас на довольствии-дак... С приездом-дак!..

Старшина роты — догадываюсь... Приняв металлический стаканчик, пью водку. Закусывать нечем. А старшина наливает уже водку Липатову.

Человек, спавший в углу на топчане, надел гимнастерку, и я различаю на петлицах блеск самодельных латунных кубиков. Очевидно, командир роты: лицо худое и немолодое, строгое, волосы на косой пробор, волнистые бабочкой свисают на лоб. Выражение лица энергичное, властное...

Я молча слезаю с нар и выхожу на воздух. Светает. В серых сумерках хмурого утра определились предметы и детали окружающего пространства. Росло оживление: по белому снегу, словно привидения, двигались вереницы солдатских фигур с термосами и котелками, В полсотне шагов от землянки стоит мохнатая лошаденка «монголка» с розвальнями, на которых укреплена походная кухня. Пожилой солдат в грязном полушубке орудует блестящим черпаком. Вокруг кухни толкотня. Подойдя ближе, улавливаю отдельные фразы: «Че ноне шум был?» «Разведка, говорят, ходила. Языка брать решили, да сами влипли». — «Двоих, слышь, оставили, а третьему скулу разворотило. К минометчикам, вон, перевязываться заходили». Вот оно что!.. Выходит, ночью был не сон, не кошмар, а банальная фронтовая явь!?..

Наступило утро 20 февраля 1943 года утро первого дня моего пребывания на Волховском фронте, в знаменитом Смердынском мешке...

11 марта. На батарее появился новый политрук — въедливый тип с белесыми, немигающими глазами и в великолепной комсоставовской шапке серого каракуля. Кто был этот человек, которого прислали в качестве воспитателя личного состава, откуда он прибыл и где служил или воевал до того никто не знал. Новый офицер, при всех его отрицательных и неприятных качествах, не мог стать такой зловещей и мрачной фигурой, если бы не внес в среду людей атмосферы гнетущей тревоги и личного недоверия друг к другу. Зюбин тут же дал ему кличку — «гнида»...

С ходу принялся он за поиски «скрытых врагов народа», лез в душу солдатам, ловил на слове, спрашивал одно и то же по несколько раз, сверлил своим белесо-немигающим взглядом. Особый же интерес политрук проявлял персонально к Зюбину и Спиридонову. Днем в отсутствие солдат он потрошил их вещмешки, обшаривал нары. Я

видел, как мрачнел Зюбин, как наливались его глаза жестокой, нечеловеческой злобой...

Сегодня я стал невольным свидетелем того, как Зюбин сорвался... В лесу, у поваленной сосны, с топором в руках Зюбин не выдержал:

— Що ты ко мне липнешь, падла!? — хрипато ревел Зюбин, наседая на замполита. — Я ЗЭК и вор в законе... Лагерем грозишь, гнида... Дак я оттуда... А к немцам ты сам скорее меня слиняешь, сука шелудивая... На глотку берешь, лягавый!.. Я её тебе враз порву... Лучше урвись, отрава, — и Зюбин со смаком сплюнул...

Не знаю, заметили они меня или нет, но ни тот ни другой виду не показали.

1944 год

9 апреля. Проснулся я от душераздирающего женского визга. Визжали в несколько голосов, визжали истошно и страшно... Ночевал я в тыловой землянке. По соседству находился блиндаж, где жили девушки-телефонистки, и был батарейный узел связи. Я выскочил наружу... Совсем рассвело, но который час — сообразить было трудно. Вокруг узла связи стояли кучками солдаты — свои и чужие, и откровенно, во все горло хохотали, на глазах у многих были слезы... Я не в состоянии был сразу совместить ужас женского визга с наглым хохотом солдат...

Ринувшись к блиндажу, откуда неслись отчаянные женские крики, я наткнулся в дверном проеме на труп голого человека, который, зацепившись обмотанной вокруг шеи проволокой за одеяло, прикрывавшее входной проем в блиндаж, готов был вот-вот упасть внутрь землянки... Это была очередная шутка Елдашбая. Я ранее не проследил за исполнением собственного приказа захоронить труп. Это была моя оплошность. Солдаты оттащили его в канаву и там бросили. Елдашбай нашел его, приволок и поставил у входа в блиндаж батарейных девчонок. Утром одна из них стала открывать полог, и труп непременно упал бы на нее, если б не зацепился... Подойдя к солдатам, я разразился бранью, крыл их матом, сколько хватало сил и умения. Смех прекратился, но солдаты смотрели нагло и выжидающе. Я приказал немедленно оттащить труп и при мне захоронить.

— Земля мерзлая, — процедил один из них, нахально глядя мне в глаза.

— Тебя, паскуда, землю эту я зубами грызть заставлю, — сказал я вполне спокойно и твердо, — а еще раз пикнешь, так с потрохами наизнанку выверну.

Солдаты замолчали, оттащили труп в сторону рощи, где при мне и закопали в одной из воронок. Девчонки еще долго бились в истерике...

Два дня, — заявил я телефонистам, — бессменно будете дежурить по линии, пока они в чувство не придут...

Больше солдаты не смеялись, а только лишь втихую переругивались меж собой... Начальство я информировать о случившемся не стал.

2 июня. На старенькой полковой «Эмке» Шаблий, Коваленко и я выехали в Штаб артиллерии 21-й армии на совещание. Впервые в жизни присутствовал я на «Совете» такого высокого ранга и, скажу откровенно, меня уже заранее била нервная дрожь. Первый, кого я узнал, был генерал Михалкин — худощавый, большеротый, с небольшими седеющими усами и несколько усталым выражением на задумчивом лице. Рядом с Михалкиным — гладко бритый, моложавый, не без интеллигентской надменности, генерал Жданов. При виде этого «аристократа от артиллерии» я вовсе стушевался и вообще как бы потерял способность что-либо различать. Будто в старом немом кинофильме мелькали предо мною фигуры: полковника Френкеля, черноволосого полковника Гуревича с усами бабочкой, подполковника Ковалева, начальника оперативного отдела, полковника Березуцкого, пожилого и бритоголового командующего артиллерией 109-го стрелкового корпуса.

— Сегодня вас слушаем, — прошептал мне в ухо майор Кузнецов, приветливо пожимая руку. Однако смысл его слов как-то не дошел до меня... В этой небольшой и невысокой комнатке одной из дач в пригороде Ленинграда все сидящие за столом спиной к окнам генералы и офицеры виделись мне в контражурном свете и в воображении сливались в одно огромное фантастическое существо в едином охристо-зеленом кителе с множеством погон и голов. Я ничего не понимал из того, о чем они там говорили, хотя и напрягал всё свое внимание. До меня долетал какой-то общий гул голосов: кто-то бубнил басом, кто-то резко и неприятно смеялся, кто-то бросал остроумные реплики, сути которых я не улавливал... В общей картине туманных впечатлений внимание фиксировало лишь отдельные моменты, совершенно не связанные меж собой... Наконец, до меня долетело: «Начальник разведки Белоостровской группы здесь?»

Я встал... Ноги словно глиняные, тупые и тяжелые. Кто произнес эту фразу, я не понял...

— Кажется, сказано ясно, — звучит в ушах чей-то твердый и властный голос: — Здесь ли начальник разведки Белоостровской группы?..

— Я начальник разведки Белоостровской группы, лейтенант Николаев, — удается выдавить из себя слова. Воспаленным языком облизываю губы. Чувствую, что делаю что-то не так и вот-вот произойдет нечто ужасное и непоправимое. Себя я ощущал уже уничтоженным и никак не сопротивлялся этому.

— Разве на должности старших офицеров штаба в полках теперь уже назначают прямо из детского сада? — съязвил Френкель, и каждое его слово гвоздем входило в мой мозг. Кто-то беззастенчиво засмеялся...

— А в нашем полку, — услышал я спокойный и твердый голос Шаблия, — на должностях старших офицеров немало сверстников этого лейтенанта. Вон, ПНШ-1 моложе его на два месяца..

— Коротко доложите о развед-планшете вашей группы, — дружелюбно обратился ко мне майор Кузнецов.

Спокойный тон знакомого человека ободрил меня, и я подошел к столу. Сознание прояснилось, мысль стала работать четко, ясно и логично. Докладывал я обстоятельно и со знанием дела. Синклит слушал внимательно, Шаблий едва заметно улыбался. Основное внимание мое было сосредоточено на белом поле планшета и изображенных на нем символических знаках, которые я читал, как только мне одному известный текст древнего манускрипта. Но, стоило оторваться и посмотреть на сидящих за столом людей, как все они сливались у меня в нечто единое и нераздельное... Наконец, я окончил свой доклад.

— Работу вашу, товарищ лейтенант, будем основательно проверять, — услышал я твердый и, как мне показалось, суровый голос генерала Михалкина, — и учтите, по вашему планшету готовится серьезное артиллерийское наступление. Если вы тут клюквы развесистой насажали, то головой своей ответите... Туман вновь заволакивает сознание, холодный пот струится по вискам. Коля Коваленко помогает мне собирать бумаги. «Ничего, все в порядке, — слышу я его голос, — чего так разволновался. Лица на тебе нет. Генералов в первый раз увидел?»...

Майор Шаблий доволен результатами. На обратном пути он все шутил с Коваленко и шофером Володькой Колодовым. Я сидел на заднем сидении в состоянии полной прострации. Вечером поднялась температура, бил озноб. Полковой врач Орлов, пожимая плечами, констатировал грипп и прописал стрептоцид.

19 июня. Войска наступающей 21-й армии имели приказ Ставки: «Не позднее 19-20 июня 1944 года овладеть городом Выборг».

Армейское, корпусное, дивизионное начальство, естественно, торопило наступающее части, не давая им возможности снижать темп наступления. И, как всегда бывает в подобных ситуациях, порой нарушало ту грань разумного, за которой совершались уже непростительные глупости и люди за эти глупости расплачивались дорогой ценой — ценой жизни.

Выбив финнов из станционного поселка Соммы, головной батальон стал преследовать в стремительном темпе отходящего противника, намереваясь, вероятно, с ходу форсировать водную преграду.

Не дожидаясь, пока наш минометный полк сменит боевые порядки, полк Сидоренко начал штурмовать укрепления противника без предварительной артиллерийской обработки... Местность, на которой развертывалось сражение, оказалась крайне невыгодной для нас. Узкое дефиле, стиснутое между заливом слева и железной дорогой справа, за которой начиналась излучина реки и топкие болота, имело в ширину полтора километра.

Оборона финнов проходила по невысоким холмам, поросшим лесом, на противоположном берегу реки Сомма-йоки. Обилие камней и валунов делало рельеф чрезвычайно удобным для обороны. Перед передним краем противника более километра чистого пространства, насквозь простреливаемого пулеметным и минометным огнем. По существу это была самая настоящая западня, в которую по собственной ли инициативе или под давлением сверху ухитрился угодить майор Сидоренко со своим полком.

По мере того, как мы приближались к рубежу Сомма-йоки, темп пулеметной и ружейно-автоматной стрельбы становился все более интенсивным. Слышались частые выстрелы и разрывы легких батальонных минометов. Навстречу шли толпы раненных и оборванных солдат, замотанных окровавленными бинтами

— Неужели они начали наступление без нас? — как бы про себя рассуждал Шаблий. — Неужели с ходу решили брать эту речушку?!..

Вот и передний край — наскоро отрытые ячейки, и в них по двое, по трое приткнулись возбужденные, раскрасневшиеся люди. Они лежат и тяжело дышат, курят, перебрасываются репликами. Перестрелка стихла, и лишь изредка, то там, то тут, поднимается в воздух черный фонтан земли, и клубы сизого дыма обозначают место разрыва мины.

— Захлебнулись! — со злобой произнес Шаблий и, прищурившись, стал смотреть туда, вдаль, где грудами были навалены тела солдат

только что наступавшей пехоты... Наш КП обосновался среди крупных гранитных камней, покрытых серыми лишайниками.

— Постарайся, сколь возможно, выявить характер обороны той стороны, — командир полка как бы прощупывает карту, — и вот еще: выясни — есть ли у них объекты, непосильные для нашего полка! Понял?.. Где же корпусная артиллерия, черт возьми?.. — Шаблий раздражен: я не вижу даже дивизионного артполка!..

Я стою в стороне и думаю, что делать мне!?.. Нужна стереотруба, а ее нет... Разведчики потеряли ее, проспали... Я сказал им, что докладывать пока не буду, но чтобы стереотруба была!..

— Васильев, — крикнул я, — стереотруба есть?

— Так точно, товарищ лейтенант, есть, — отвечает сержант Васильев, командир отделения наблюдателей.

— Быстро ввинтить вон в то дерево, — приказываю я, и шепотом: — где взяли?..

— Сашка Логинов припер.

— Давай его сюда... — Логинов идет неторопливо, вразвалку, оскалив большие, желтые зубы...

— Где стереотрубу взяли? — спрашиваю Логинова, — у кого сперли?

— А мы не сперли, — ухмыляется Логинов, — мы свое вернули... Как артобстрел у той реки начался, где мы еще семеновских поддерживали, я с Шуркиным к пушкарям и наведался. Смотрю, наша труба в дерево ввинчена. Мы её таким манером, и драпать...

— Что ты врешь, — говорю я Логинову, — я же вижу, что труба не наша. Даже цвет другой!

— А чья же она, — обижается Логинов, — финская что ли?.. Наша она и есть, советская стереотруба... А от перемены места, товарищ лейтенант, в ей всё одно ничего не сменится. Такое всем известно...

Наступила пауза боя, и я, сколь возможно, пытаюсь изучить систему обороны противника... Идут часы, и дело близится к вечеру. Пехота приходит в себя, окапывается, углубляются ячейки, роют траншеи...

Вдруг до нас стали долетать отголоски непонятных фраз: «Генерал на передовой!», «Генерал в цепи!»... Какой такой генерал!?.. Откуда и для чего он оказался на переднем крае?! По едва наметившимся ходам сообщения, прячась за камнями и пригибаясь, пробежал полковник из особого отдела дивизии... «Всем в атаку, — кричит, — всем!.. Сам генерал поведет! Чтоб никого в траншеях не оставалось!»

Вскоре появился и сам генерал — физиономия багровая, глаза налитые, вытаращенные, в нос шибает букет запахов одеколона, табака и винного перегара...

— Кто такие? — ревет генерал, оглядывая нас.

— Командир пятьсот тридцать четвертого армейского минометного полка майор Шаблий с группой управления штаба полка!..

— К черту управление, — наседает генерал, — все в атаку! Сам поведу!.. Управление... Всем, слышите, всем!.. И, накричавшись, пошел дальше в сопровождении многочисленной свиты...

— Они что там, перепились что ли все? — возмущается Шаблий. — В какую атаку, зачем!?.. В гражданскую войну поиграть решили?..

На фоне серого сумеречного неба белой ночи взвились три красные ракеты — сигнал атаки, и я услышал стальной крик Шаблия: «Приказ есть приказ! В атаку! Вперед!»

Пехота броском преодолела метров сто. Не более. Мы следовали за ней во второй цепи. Ливнем огня остервенело отрыгнули финские пулеметы, лавина пуль прошла над головой, хлопающие разрывы мин накрыли все пространство... Атакующие уткнулись в землю — неподвижно лежали убитые, в судорогах корчились раненые, отползали назад живые. Потери были страшные. А генерала со свитой и след простыл, исчезли так же быстро и неожиданно, как и появились. И через короткое время мы уже думали: а не было ли все это наваждением?

1945 год

1 февраля. Ещё накануне вечером стало известно, что 57-ю артиллерийскую бригаду посетит инспекционная Комиссия Ставки во главе с Главным маршалом артиллерии Вороновым Николаем Николаевичем.

Затемно, в шестом часу, 534-й минометный полк вывели на окраину жилого комплекса лагерей и разместили побатарейно в боевые порядки в лощине под бугром. А на гребне бугра обосновались наблюдательные пункты батарей, дивизионов и командно-наблюдательный пункт полка.

Часам к двенадцати дня, когда все уже успели основательно промерзнуть и проголодаться, посты оповещения сообщили, что по дороге от Житомира движется колонна «виллисов»... Не доезжая до фронта боевых порядков полка, машины остановились. Впереди группы генералов и офицеров, направившейся в нашу сторону, заметно

выделялась фигура Главного маршала артиллерии. Следом двигались представители Ставки, главного артиллерийского управления, штабов артиллерии фронта и армии — генералы и полковники. Замыкал шествие командир 57-й артиллерийской бригады полковник Игнатьев. Как утверждали, Василий Александрович Игнатьев был человек крутого нрава, имеющий за плечами четыре класса церковно-приходской школы и курсы красных командиров, участник гражданской войны, ненавидящий интеллигентов-«академиков», то есть офицеров с высшим военным образованием.

— Смир... р... рна! — раздается команда подполковника Шаблия. И командир отдает рапорт Главному маршалу артиллерии.

После рапорта — команда: «Приступить к занятиям». Личный состав стал изображать момент ведения огня — наводчики наводили, заряжающие опускали в ствол деревянные болванки и кричали: «Выстрел!» Старшие офицеры подавали команды, сержанты их дублировали. Но среди всеобщего шума голосов и криков особенно четко выделялся густой баритон лейтенанта Заблоцкого. Миша Заблоцкий, с развевающейся по ветру бородой, зычным голосом и независимым видом оказался в центре внимания, и маршал Воронов направился прямо к нему на батарею. Протрубили «отбой».

— Старший офицер второй батареи 534-го минометного Выборгского полка лейтенант Заблоцкий!..

Воронов прошел вдоль фронта батареи. Возле одного орудия он остановился. Командир орудия младший сержант Алексеев, высокий, полнолицый, совсем еще молодой парень, представился Главному маршалу.

— Ну что, Алексеев, — спрашивает Воронов, — сколько же ты мин выпустил из своего миномета?..

— Три, товарищ Главный маршал артиллерии, — не задумываясь отчеканил Алексеев.

— Как же так-то, три? — недоумевает Воронов.

— Да так, три... Три мины выпустил, и финны пардону запросили. А миномет-то этот — он новый. Тот-то, что старый — он от огня устал. Вот его и заменили.

— Что ж, Алексеев, молодец. Продолжай и дальше так-то. — И, обратившись к командиру полка, сказал: — От моего имени сержанта Алексеева представить к награждению орденом Красной Звезды.

Простившись с Заблоцким, Воронов отправился на соседнюю, третью батарею. Адъютант Воронова, подполковник с усиками, усталый и небритый, задержался и как-то не по-военному спросил Заблоцкого:

— Вы, вероятно, из запаса?

— Почему из запаса? — удивился Заблоцкий. — Воевали под Ленинградом, под Псковом, на Карельском перешейке.

— Так, так. Это понятно. А до войны-то чем занимались?..

— До войны я зубрами занимался. Зубров разводил в кавказском заповеднике...

— Так, так... понятно, понятно... — как бы про себя пробормотал адъютант Воронова и пошел догонять маршала. Воронов о чем-то беседовал с наводчиком первого расчета третьей батареи. Подполковник с усиками что-то шепнул Воронову, и тот, вернувшись, громко спросил:

— Кто это тут у вас зубрами-то занимается!?..

— Это я, товарищ Главный маршал, — отвечает Заблоцкий.

— А ну-ка, ну-ка, расскажите... И Миша Заблоцкий стал рассказывать о состоянии племенной работы по сохранению этого реликтового зверя и увеличению его поголовья по заповедникам в довоенное время. Главный маршал артиллерии и простой лейтенант спокойно и непринужденно ходили вдоль фронта батареи и в течение получаса вели между собой какую-то непонятную для всех беседу.

— Да, — сказал Воронов каким-то особенным, невоенным, домашним тоном, — жалко вот, как мне сообщили, что немцы всех зубров в Беловежской Пуще уничтожили...

— Нет, товарищ Главный маршал, не всех. У вас неверные сведения, — возражает Заблоцкий, — семнадцать голов осталось, и их собрали... Немцы их выпустили в лес из питомника, а наши их собрали и снова водворили в питомник...

— Как же так? — недоумевает Воронов. — Мне доложили, что уничтожили всех...

— Это неверные сведения, — убеждает Воронова Заблоцкий, — я получил письмо от московского зоолога, профессора Гепнера, который как раз сообщил мне о том, что семнадцать голов уцелело.

Генералы, прибывшие с Вороновым, слушая беседу маршала с бородатым лейтенантом, улыбаются и вполголоса о чем-то говорят. Шаблий хранит мертвое молчание, и вдруг при паузе проскрипел еле слышный, но достаточно отчетливый голос полковника Игнатьева:

— И чего этот лейтенант с бородой с ним все спорит?... Раз доложили, что всех уничтожили, зубров или кого там, значит уничтожили, и все тут...

Воронов, словно очнувшись, покосился на Игнатьева, вздохнул и обратился к Заблоцкому:

— Так что же, все очень хорошо! Кончайте воевать с немцами — и снова к зубрам!..

— Нам бы очень хотелось скорее войну окончить, да мы вот сидим тут, в этих лагерях, и не воюем. Нам тут уж так надоело.

Ничего, смеется Воронов, — скоро поедете!.. А как окончится война — вы мне напишите, прямо на мое имя, и напомните наш сегодняшний разговор. Мы вас тотчас отзовем, и вы отправитесь к себе в питомник.

Командир бригады Игнатьев никак не ожидал подобного оборота дел: выпуклые глаза его совсем стали красными и вылезали из орбит. Он находился в состоянии, близком к шоковому: к добру ли это получасовая беседа маршала с бородатым лейтенантом о каких-то там зубрах!?.. Но главное — маршал артиллерии остался довольным, он пожал руку Игнатьеву, Шаблию и мимоходом заметил, что борода красит офицера, а Заблоцкий — так тот вообще похож на Скобелева.

Полковник Игнатьев, естественно, ничего не знал «про Скобелева»... Но борода Заблоцкого возымела магическое действие — она стала неприкосновенной. И когда кто-нибудь из высших чинов, особливо политработников, выражал неудовольствие по поводу бороды и требовал немедленно ее сбрить, полковник Игнатьев авторитетно заявлял:

— Сбривать не нужно! Его в Ставке Верховного с бородой знают

Вечером, после длительной голодовки и пребывания на чистом воздухе, мы собрались в теплой хате хутора Коротынка. Выпили первача, а разговорам не было конца. Миша Заблоцкий стал героем дня, и никто себе не мог представить, как это он так запросто болтал с самим Главным маршалом. Шуток и острот было не сосчитать, а захмелевшему Мише, наверное, уже казалось, что война окончена, а поголовье зубров достигло такого количества, что их стало больше, нежели домашнего скота.

Маршал Воронов сдержал свое слово, и 31 октября 1945 года из Москвы пришло затребование на лейтенанта М.А.Заблоцкого. Через неделю приказом по бригаде лейтенанта запаса отчислили из полка.

4 апреля. Во второй половине дня мы покидаем фешенебельные особняки Бадена и уходим на Запад, в горы, вдоль неширокой горной речки Швехат. Уходим глубоко в тыл с заданием перерезать автостраду Вена-Линц...

Пройдя не более трех-четырех километров в узком дефиле невысоких гор, на крутом подъеме шоссе, головной батальон федотовского полка натолкнулся на лесной завал. Пулеметная очередь заставила головной дозор уйти в укрытие. Завязалась бессмысленная перестрелка. Шаблий отдал приказ подручной батарее, и через короткое время четыре миномета накрыли завал пятиминутным огневым налетом. Среди разбросанных бревен лежало несколько трупов и искореженный «М-Г». Однако на расчистку завала требовалось время, а у нас его и так было в обрез — противник мог оторваться.

— Теперь «ОН» будет навязывать нам бой там, где ему выгодно и не выгодно нам, — сумрачно произнес полковник Федотов.

Нужно искать объезд, сказал подполковник Шаблий, заходить в тыл... Договорились так: Шаблий выделяет «студебеккер» для пехотного десанта и сажает на него шофером Володьку Колодова, испытанного черноморского «блатаря». Я же на трофейном БТР, с «группой захвата», пойду в авангарде на сто-сто пятьдесят метров впереди.

Километра полтора до Саттельбаха шли без происшествий. БТР мягко катился по ровной дороге, и ничего подозрительного по сторонам не наблюдалось. Сзади, как и договорились, в пределах видимости шел «студебеккер» Володьки Колодова...

Вот и развилка дорог у Саттельбаха... В прорезь лобовой брони я вижу каменный дом, выходящий на развилку дорог тремя окнами фасада. Дом обычный, как и по всей Австрии, свежевыбеленный, под красной черепицей. Борис, командир «группы захвата», стоял облокотившись о лобовую броню, смотрел вперед и курил сигарету. Миновав развилку, мы свернули вправо и поехали вдоль порядка домов с наглухо запертыми дубовыми воротами и плотно закрытыми ставнями на кованых железных засовах. Деревня казалась вымершей. Поднявшись со своего места и обернувшись назад, я видел наш «студебеккер», приближавшийся к развилке...

Это было мгновение: из окна углового дома по нашей машине резко полоснуло пулеметной очередью из немецкого «М-Г». Я видел, как вдребезги разлетелось ветровое стекло володькиного «студера», как прыгали в канаву наши ребята. Серега Жук моментально развернул турель БТРа и врезал по окнам длинной очередью. «М-Г» замолк. Борькина «группа захвата» прорвалась к дому... Было ясно: пулемет-

ная точка углового дома Саттельбаха прикрывала путь на Майерлинг в объезд через Хейлигенкрейц — и трудно было сказать, есть ли там еще такие «гнезда» или их более нет... Израилов резко развернул БТР и подошел вплотную к угловому дому — в зияющей дыре разбитого окна торчал опрокинувшийся ствол замолчавшего пулемета... Я вхожу в дом. Внутренность типичной австрийской горницы с черным крестом-распятием и литографиями на религиозные темы. Стены исковырены пулями нашего крупнокалиберного пулемета — «Собаки», как его прозвали солдаты. Десантники выволокли старика-австрийца в серой куртке с ярко-зеленым воротником. Старик крепкого сложения, хмурый взгляд из-под нависших бровей, закрученные вверх усы и сильные жилистые руки крестьянина. Борис спрашивает его по-немецки, кто стрелял, и куда скрылись пулеметчики? Совершенно очевидно, что стрелял не этот старик в альпийской куртке, но ясно и другое — он несомненно знает, где прячутся те, кто пустил очередь по колодовской машине. Старик упорно молчит, глядя на нас отсутствующим, бесстрастным взглядом.

— Нун, вохин варен дох ди машиненгевеер шютце гефлоэн?.. Взгляд Бориса наливается холодной жестокостью, руки отвинчивают карабинный шомпол: — Йетцт верде ихь мит дизем остеррейхишен эберандерс шпрехен. И, взмахнув шомполом, словно для пробы, отчего пронесся резкий затяжной свист, Борис выкрикнул: — Ди пингер ауф ден тиш!..

Ужас!.. Непередаваемый словами ужас, отобразился в поблекших глазах старика. Очевидно, он понял, что шутки тут неуместны и что этот молодой, великолепно изъясняющийся по-немецки человек, должен быть решительным, неумолимым и жестоким... Я молча стоял в стороне, наблюдая за людьми и следя за происходящим... Я понимал свое бессилие: я никоим образом не мог повлиять на ход событий... Я знал: без угрозы старик не выдаст пулеметчиков, а они где-то рядом и могут в любой момент нанести удар в спину — тогда наш «гуманизм» может стоить нам многих и многих жизней... Старик обвел взглядом всех присутствующих в комнате, но видя на лицах солдат лишь одно выражению ненависти, медленно спрятал руки за спину и тихо произнес «Кюхе... бункер»... Борис моментально бросился в кухню и, открыв люк, крикнул: «Хераyф гейен!» В ответ раздался выстрел из пистолета, и пуля продырявила пол... В погреб полетели одна за другой несколько гранат, дом сотрясся от взрывов. Старик в изнеможении сидел около стола на стуле, подперев седую голову своими

натруженными крестьянскими руками. В дом входили Шаблий, Федотов, Воронцов...

13 апреля. Жара... Летняя, душная, палящая жара надвигалась на нас точно в соответствии с движением часовой стрелки. К полудню на открытых местах находиться было просто нестерпимо. Спасаться от жары можно было лишь под густой кроной деревьев — здесь еще сохранялась утренняя прохлада. Солдаты группы управления разомлели от зноя, лица у всех красные, потные, глаза прищурены от яркого света. От солнечных бликов вокруг все подернуто рябью, и нет-нет да и поплывут радужные волны... Мы идем живой цепочкой по узкой лесной тропе. Справа неглубокая канава и поднимающийся косогор, поросший лесом, а слева отлогий спуск, неширокая поляна и дальше тоже лес. Здесь, в Австрии, лес до того ухожен, что нет ни единого сухого дерева, ни валежника, ни мусора... Мы идем, растянувшись цепочкой, утомленные жарой и мало обращаем внимание на то, что нас окружает. Шествие возглавляет капитан Воронцов, в середине оба командира полков — Федотов и Шаблий, я замыкаю, и сзади меня один только Ярцев — связной пятой батареи. Ошалевший от жары, опьяненный ароматами леса, одурманенный гомоном птиц, двигался я в каком-то полузабытьи, механически переставляя ноги... Внезапная подножка и удар в спину свалили меня на землю... «Немцы слева!» — услышал я сзади истошный крик Ярцева... Над головой хлестнуло автоматной очередью. Огонь, очевидно, был малоприцельным — мешали деревья... Лежа я осмотрелся: все в придорожной канаве, там же и оба командира, мои целы, а у пехотных, кажется, один убит — его тело безжизненно распласталось на прохожей части тропы. Скосив глазом влево, я различаю за деревьями фигуры противника... Солнце слепит глаза и вырисовывает бликующими пятнами контражура металлические контуры тевтонских шлемов и размытые очертания пятнистых маскхалатов... Наши притихли, притаились за бугром канавы. Борис из пехотной разведки на редкость спокоен — я вижу внимательно-жесткое выражение его глаз и кривую улыбку тонкого рта. Он что-то шепчет мрачному парню в зеленом комбинезоне с засученными рукавами. Противник опоясывает нас полукольцом. Сзади крутой косогор. Полукольцо постепенно сжимается. Фигуры в пятнистых маскхалатах выходят из леса и крадучись, прячась за кустами, короткими перебежками приближаются к нам. Я лежу и смотрю на них, рука сжимает ложе автомата, холодный пот струится меж лопаток и стека-

ет по крестцу... Но наша «голубая пехота» — десантники — пребывают в какой-то ленивой неподвижности, будто и не их опоясывают немецкие автоматчики... Вот, уже какие-то десять-двадцать метров отделяют нас от противника... В висках стучит, цветной туман заволакивает зрение... И вдруг, резкий свист в два пальца словно прорвал барабанную перепонку... Мгновение, и «голубая пехота» уже стоит во весь рост и хлещет очередями от живота... Первый эффект достигнут; немцы прижаты к земле... А затем лихой бросок вперед, и вот уже наши ребята орудуют ножами. Я вижу мрачного парня и его оголенную руку с массивным кулаком... Общий азарт выбросил и меня, но что было делать мне в этой свалке, я не знал. Стрелять немыслимо — попадешь в своего, ножа у меня нет, да и какой я «боец». Замешкавшись на какое-то мгновение, я растерялся, и получил удар, сваливший меня на землю... На меня навалилось что-то тяжелое, хрипящее, серо-зеленое, я задыхался от едкого запаха пота, сивухи, чего-то отвратительно гнилостного, и чувствовал, что начинаю терять сознание. Вдруг дикий нечеловеческий рык раздался над ухом и что-то весомое, обмякшее и спокойное окончательно придавило меня. Ощущение такое, точно тебя завалили многопудовыми мешками с мукой. Еще были слышны отдельные выстрелы и выкрики по-русски и по-немецки, а несколько рук стаскивали с меня обмякшее тело... «Это Ярцев, товарищ старший лейтенант, — различаю я чей-то голос, — промеж лопаток ему влепил».

Я жму руку Ярцеву, говорю «Спасибо» и смотрю на труп, лежащий у ног. Из спины торчит рукоятка трофейного кортика. Поодаль группа пленных, человек восемь. Подхожу. И пленные, и наши тяжело дышат. Видимо, боевой азарт еще не прошел, не успел выветриться. На потных лицах не гнев, не ненависть, а выражение возбужденной усталости и даже безразличия. Борис разговаривает с пленными, и я слышу фразу, обращенную к Федотову: «Штрафники «Люфтваффе» — то есть военно-воздушных сил вермахта. Они имели спецзадание ликвидировать командный пункт дивизии, а напоролись на нас»... Среди пленных выделялся сухопарый молодой парень в сизом летном комбинезоне с желтыми петлицами и в белой грязной рубахе, стоящий несколько впереди. Светлые кудри прилипли к потному лбу. Облизывая воспаленные губы, он тихо шептал: — «Нур нихт эршиссен, герр официр». Борис, с улыбкой похожей на гримасу, мягко произнес: «Комм!»... И куда-то повел их, подталкивая автоматом... «Куда он их повел?» — думаю я... Короткая, резкая автоматная очередь ударила в

ухо... Опрометью бросился я на звук... Тела пленных брошены, распростертые, на земле. Сухопарый летчик в сизом комбинезоне лежал навзничь, открытые голубые глаза мертвым взором смотрели в бескрайнюю синь неба. Подошел капитан Воронцов.

— Зачем? — спросил я его, указывая на убитых.

— Зачем? — переспросил он зло. — Ты хоть понимаешь, где мы и что такое тыл противника!?.. Хотел бы я посмотреть на тебя у них в лапах. Скажу по секрету: немцы отлично разбираются в том, какого цвета погоны носит наша пехота... Твои-то все целы, — спросил он примирительно.

— Все! — ответил я. Слева хлопнуло несколько выстрелов, им ответила автоматная очередь. Я вопросительно посмотрел на Воронцова.

Наши ребята... Федотов приказал без остатка ликвидировать штрафников. Выяснив, что дорога свободна, группа управления продолжила свой путь.

Через некоторое время ко мне подошел Ярцев и что-то сунул мне в руку. «Это с того, что вас придавил... Может сгодится на память». Я разжал ладонь и увидел карманную буссоль и орден железного креста. Теперь эти сувениры покоятся в «домашнем музее», и гости — взрослые и дети — с интересом рассматривают их, не подозревая даже о том, как и каким путем они попали ко мне.

15 апреля. 351-й гв. стрелковый полк 106-й гв. воздушно-десантной дивизии, при поддержке 534-го гв. минометного полка, получил боевое задание: с ходу овладеть тактически важным опорным пунктом противника — городом Санкт-Пельтен.

В начале шестого пехота ворвалась в город. Несмотря на легкую атаку и минимум артиллерийской обработки, воздух был насыщен пылью и гарью. На лице, на всем теле ощущался налет чего-то инородного, раздражающего, и от этого хотелось как можно скорее освободиться. Одолевала назойливая мысль о том, как бы скорее умыться...

Вот уже и улицы этого небольшого фешенебельного города. Около одного из домов, на тротуаре, лежал убитый молодой офицер в черной форме танкиста — я обратил внимание на красивые черты умного и интеллигентного лица, на крупный покатый лоб, обрамленный густыми черными волосами. Темно-карие глаза смотрели в небо спокойно и отрешенно.

— Шуркин! — сказал я. — Посмотри, нет ли документов... Я всегда это проверял по должности начальника разведки полка.

Шуркин, хитроватый и пронырливый парень, с готовностью обыскал труп и подал мне кожаный бумажник. Раскрыв его, я обнаружил несколько стокроновых купюр, офицерское удостоверение на имя гауптмана фон Шмидта и письмо, адресованное фрау Фини фон Шмидт в город Славоницы.

Удостоверение личности я отослал в разведотдел, а письмо положил к себе в планшет. Для чего? Да, я и сам не ведал. Положил, и все тут.

9 мая 1945 г. Над горизонтом вставало солнце, и шел пятый час утра... До ПОБЕДЫ оставались считанные часы...

Я ехал в головной машине разведотряда. Полк следовал в километре сзади.

Дорога идет то на подъем, то под уклон. «Студебеккер» движется медленно, и все, сидящие в кузове, напряженно всматриваются вдаль. На малейший подозрительный шорох отвечает очередь из пулемета. Иногда останавливаемся, и пешая разведка уходит прочесывать подозрительные и ненадежные места, проверяет повороты и хутора, попадающиеся на пути.

Места тут сказочно прекрасные и, если бы не обстановка, можно было бы вдосталь насладиться горными пейзажами северо-восточных отрогов Альп. Любоваться, однако, красотами этих мест нам было недосуг — я не отрывал глаз от карты, разведчики и автоматчики были само внимание...

В начале десятого мы подъезжали к повороту дороги, откуда открылась величественная панорама небольшого австрийского городка Гардек на Тайе. Белые домики в один или два этажа, крытые красной черепицей, в окружении зелени деревьев, казались словно вдавленными в котловину среди гор, покрытых густым темным лесом. В центре городка, окруженная домиками, кирха с причудливой колоколенкой стиля восточного барокко.

В нескольких сотнях метров от городка, на крутой, словно выдавленной из земли, горе возвышался средневековый замок; старинные, замшелые стены, обвитые плющом, громоздятся вверх и, точно змеи, обвивают гору. Замковый дом с крутой кровлей и узкими оконцами, высокие и прямые четырехугольные башни с зубчатыми машикулями и угловая — круглая — над обрывом, крытая черепицей... Все ЭТО надвигалось на нас оживающей легендой — все дышало тут покоем давным-давно ушедших из жизни героев эпохи рыцарских времен... Словно зачарованный, смотрел я сквозь ветровое стекло на фантастическую панораму. Машина медленно спускалась вниз по крутому откосу дороги — впереди горбатился старинной кладки каменный мост через речку Тайя, не глубокую, не широкую, но бурную и каменистую. До моста остается каких-нибудь сотня метров, настроение от созерцания окружающих красот самое благодушное и миролюбивое...

И никто не заметил шипящего свиста, вырвавшегося из-под моста. Опомнились лишь тогда, когда перед головной машиной взметнулся фонтан земли и резкий звук разрыва фаустпатрона ударил по барабанным перепонкам. Стрелок явно промахнулся — снаряд разорвался от удара в гранитную глыбу, и осколки камней дробно забили по лобовому стеклу. На крыше кабины резко застучал ручной пулемет, захлебывались автоматы. Не мешкая, я выскочил из кабины на дорогу — в направлении моста уже бежали сержант Жук, Бублейник, Лищенко, Логинов и сержант Израилов. Там, петляя сквозь кусты, продирался человек в серо-зеленой шинели и в стальном «тевтонском» шлеме. Он бежал, спотыкаясь, по направлению от моста вдоль берега Тайи. Пулеметная очередь, пущенная ему вслед, срезала его, и он, механически сделав еще два-три шага, дернувшись всем телом точно в судороге, рухнул наземь и более уже не двигался. Солдат наших трудно было утихомирить, и они еще долго били из пулемета в том направлении, разряжая вместе с магазином свое собственное нервное напряжение... Машина цела, из людей никто не пострадал. Пронесло... От моста торопливо шли возбужденные солдаты, и Сашка Логинов, здоровый и высокий малый, тащил за шиворот тщедушного пожилого человека в мятом, мешковатом мундире с погонами капитана.

— Затаился, гад, — неистовствует Серега Жук, — телепай шире, падла.

— Сажай его в кузов, — говорю я, — в городе разберемся...

До Гардека оставалось не более километра, а до окончания войны не более двух часов!..

Получив приказ остановиться на отдых, мы заняли один из крайних домов. Расположившись в горнице за столом, я велел ввести пленного. Маленькие оконца скудно освещали комнату, Израилов и Жук ввели задержанного немца.

— Вер зинд зи? — спрашиваю я. — Зи зинд хауптман Вермахт?

Я... Ихь бин хауптман, нур ден ландштурм. Немец нервно подергивал щекой и крутил пуговицу мундира подагрическими пальцами.

В этот самый момент в комнату ворвался Шуркин: — Все!.. Конец войне, товарищ старшлейтенант!.. И неугомонный Шуркин стал приплясывать, смеясь и выкрикивая: — Ми-ир... ми-ир... ми-ир!..

— Виссен зи, — обратился я к пленному, — дер криг ист енде !?... Деи дейчармее зихь ергебен! Пленный, и до того имевший плачевный вид, теперь сник окончательно. Лицо его сморщилось и выражало полную беспомощность, из глаз текли слезы...

В восьмом часу мы покидали городок Гардек и, преодолев расстояние в двадцать километров, вступали на территорию дружелюбно настроенной Чехословакии. Солнце садилось, и в воздухе ощущалась вечерняя прохлада. Белые домики городка Славоницы утопали в зелени садов и манили тишиной и покоем.

Я остановился около дома, огороженного фигурной чугунной решеткой с замысловатыми воротами и калиткой. Нажав кнопку звонка, стал дожидаться, полагая, что хозяева дома нам откроют. Однако только после настойчивого трезвона на дорожке появилась надменная дама в цветастом халате и спросила на правильном русском языке:

— Что нужно господам?

— Открывайте! — сказал я. — В доме будут размещены наши люди...

— В моем доме нет лишних комнат, — ответила дама и удалилась...

— Жук, — крикнул я, — замок вскроешь?..

— Запросто! — ответил Жук и, достав из ножен трофейный тесак, моментально отжал щеколду.

Взойдя на крыльцо, я толкнул дубовую застекленную дверь и оказался на пороге вестибюля. В дверях противоположной стороны стояла надменная дама и вопросительно смотрела на меня.

— Ночевать будете здесь со мной, — обратился я к разведчикам Жуку, Кваскову и Шуркину и двинулся вперед. Пожилая дама продолжала стоять в дверях и я, отстранив ее резким «биттэ», прошел внутрь дома... Апартаменты состояли из четырех комнат: гостиной, столовой, спальни и кабинета. Обойдя все комнаты, я заявил хозяйке дома, что буду ночевать в спальне, а солдаты займут гостиную, столовую и кабинет.

— Позвольте! — возражает дама. — А где же мне быть?!..

— Где хотите! — резко говорю я. — А будете протестовать и возмущаться, мои солдаты постелят вам в бункере и покажут, как вели себя ваши немцы в нашей стране... Глаза у пожилой дамы, что называется, лезли из орбит. Она стояла тяжело дыша — одной рукой опираясь на стол, а другой нервно перебирая бусы на шее...

— О, черт, — подумал я, — как бы эту ведьму не хватил кондрашка. И тут перехватил ее взгляд: куда она смотрит? А смотрела она явно мимо меня. Обернувшись, я увидел свое отражение в зеркале: пропыленный серо-зеленый комбинезон без каких-либо знаков различия. В расстегнутом вороте видна шелковая рубашка с отложным воротничком в полоску. Грязные и пыльные сапоги. Грязная и потная физиономия. Да! Внешность мало похожая на офицера регулярных войск... Но куда это она все смотрит?! Наконец, сообразил: дом-то ведь огромный и уходит в глубь сада, а мы осмотрели только четыре комнаты...

— Ну-ка, Кваскoв! — крикнул я. — Осмотри, что там есть еще!

— Разрешите доложить, — втиснулся вездесущий Шуркин, — я все как есть проверил, товарищ старшлейтенант, и там у их еще комнаты.

— О! — заволновалась дама. — Туда нельзя, унтер фербот!

— Варум, унтер фербот? — спросил я тихо и, обратившись к солдатам, крикнул: — А ну, ребята, вышибай двери, посмотрим, что там такое!

— Там женщина, — сказала дама, стараясь придать своему голосу как можно больше трагичности. — Ейне унглюкклихе фрау!

— Успокойтесь, мадам, — сказал я, — женщин мы не едим, тем более унглюкклихе — то есть несчастных... И, постучав в дверь, я вежливо спросил: — Эрляубен зи? (Разрешите!)

— Явооль, битте шен (Да, пожалуйста!) — услышал я из-за двери приятный, негромкий и довольно низкий женский голос. Нажав на бронзовую ручку, я толкнул дверь — она оказалась незапертой. В комнате господствовал полумрак, размытые очертания предметов создавали атмосферу тишины, покоя и уюта. В углу дивана, поджав ноги, спиной к окну сидела молодая женщина — мне была видна левая сторона ее лица, выхваченная отсветом, падающим из окна. Оно не было красивым, но довольно милым. Черные, коротко стриженые волосы, прямой нос и легкий пушок над верхней губой. Большие выразительные угольно-черные глаза смотрели на меня из-под густых ресниц скорбно и тревожно. Внешне спокойная, она вся трепетала внутренней дрожью и зябко куталась в шерстяной плед. Подойдя к ней, я произнес обычную фразу приветствия.

— Гутен абенд! Ихь бин обер-лейтенант руссише армее... Махен зи, битте, кайне умштанде, фройляйн... (Добрый вечер! Я старший лейтенант русской армии. Не беспокойтесь пожалуйста, девушка).

Ихь бин фрау, поправила меня молодая женщина, фрау фон Шмидт...

— Фрау фон Шмидт? — переспросил я и стал напряженно думать: почему эта фамилия мне знакома!? И тут я вспомнил о письме убитого под Санкт-Пельтеном капитана. Молодая женщина тревожно смотрела на меня, дрожала и куталась в своем пледе

— Ваше имя, — тихо переспросил я, — Фини фон Шмидт?

Пожилая дама, вытаращив свои и без того непомерно выпуклые глаза, вращала ими от удивления, не понимая, что тут происходит!

— Да! — отвечала молодая женщина, не менее удивленная. — Фини фон Шмидт... Глаза ее расширились, она вся подалась вперед, побледнела и готова была вот-вот упасть в обморок.

Порывшись в планшетке, я достал письмо и подал ей со словами:

— Дизер бриеф ин форас зи ферзетцен? (Это письмо вам адресовано?)

Приняв от меня письмо дрожащей рукой, она долго смотрела на него, не решаясь распечатать, бросала на меня мимолетные взгляды, и, наконец, как бы преодолев самою себя, резко рванула конверт и жадно стала читать написанное. Затем тихо спросила: — Во ист ер? (Где он?)

Я было хотел сказать: «убит»... Но язык не поворачивался — не мог я так вот сразу, в такой день, нанести удар этой несчастной милой женщине и я солгал: Он в плену.

— Нун гут, — грустно произнесла она и заплакала. — Во хабен зие ингезеен цум летцтенмаль? (Где вы его видели в последний раз?)

— В Санкт-Пельтене, ответил я и вышел из комнаты.

Через полчаса, умывшись, в чистом летнем обмундировании, я вышел к дамам, которые с Кваскавым сервировали чайный стол в гостиной. На белоснежной скатерти в хрустальной вазочке абрикосовый конфитюр и наше печенье фабрики «Рот-фронт». Шуркин крутит ручку патефона, ставит пластинки, а почтенная дама подпевает густым контральто...

Разошлись все по комнатам далеко за полночь. Мне постелили в кабинете, на удобном и мягком кожаном диване. Я долго лежал и смотрел в открытое окно на небо, на звезды, на деревья и никак не мог заснуть. События минувших суток мелькали, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе...

Так вот и кончился для нас день 9 мая 1945 года — ПЕРВЫЙ ДЕНЬ МИРА на исстрадавшейся Земле!

На следующий день командир полка подполковник Шаблий вызвал меня к себе и с улыбкой на тонких волевых губах заявил: — Что же, теперь ты в качестве «боевой единицы», очевидно, не нужен... Поэтому бери «шевролет» Никифорова, автомобильного техника Карпушина, бочку бензина и любого из разведчиков и отправляйся на поиски отставших и заблудившихся... Мы как-нибудь обойдемся тут и без тебя. Ясно?

Прихватив с собой Сашку Логинова и все прочее, мы с Карпушиным, который отказался ехать в кабине, наметили маршрут в обход центральных магистралей, по которым теперь было не протолкаться. От Славониц на Дагицу ехали густым лиственным лесом по обычной проселочной дороге — такие дороги, что у нас, что у них, одинаковы. Ехали мы ехали, и вдруг у Никифорова глохнет мотор... Чертыхаясь и матерясь, Никифоров вылез из кабины и уже собирался поднять крышку мотора, как вдруг с ним приключилось что-то непонятное: он как бы остолбенел, глаза расширились, губа отвисла, рука показывала на колеса, а рот издавал нечленораздельное — Э...э...э... Обычно красная физиономия его стала какой-то серо-бледной... Я выскочил из кабины и увидел, что машина наша передними колесами стоит на противотанковых минах — боевые взрыватели тонкими усиками торчали в полутора сантиметрах от каждого из колес. Не заглохни мотор, задними колесами мы непременно бы раздавили эти чувствительные шпеньки, и нас без сомнения разнесло бы в куски...

— Да, усмехнулся Сашка Логинов, — ко времени у тебя, брат, мотор-то глохнет...

А за нами стоит уже целый хвост машин. Гудки, ругань. Какой-то полковник с криком: «Что встали!?.. Почему пробка!?» шел нам навстречу. Подойдя ко мне вплотную, полковник заорал, как бы ни к кому не обращаясь:

— Чья машина!?..

— Моя машина, — отозвался я, — и она на противотанковых минах...

— Да...а... — многозначительно протянул полковник, вытирая пот с лысины, — дела... Не знаешь, где триппер поймаешь!..

«Студебекер», шедший за нами, подцепил тросом наш «Шевроле» сзади и осторожно стянул его с мин. Всё обошлось благополучно

— саперы обезвредили мины и проверили дорогу. Можно было продолжать свой путь.

— Во как, — заговорил Никифоров на очередном привале, — провоевать всю войну и подорваться на какой-то мине после Дня победы. Это дело!?.

— Так ты же не подорвался, — засмеялся Сашка Логинов.

Не подорвался, — огрызнулся Никифоров, а нерьвы!?.. Они что, рази железные!?.. Не, как хотите, а я сегодня напьюсь!..

А вот что, товарищ старшлейтенант, — услышал я хрипловатый голос Логинова, — почему это так, вдруг, мотор заглох!?.. Може на ком заговор есть какой?!.. Бабки вон говорят, будто заговор бывает, а то еще слыхал я: молитву какую-то там в рубаху зашивают... Правда что ли, а?!..

Не знаю Сашок, не знаю милый, а то, что сегодня мы чудом спаслись, — это, брат, и дураку ясно!..

17 мая, утром мы вернулись в полк, размещавшийся в лесу, в километре севернее населенного пункта Драхоницы.

Ладно, иди отдыхай, — сказал начальник штаба майор Коваленко, — мы тут без тебя и повоевать успели...

— Как!? — удивился я.

— А так!.. 12 мая, где-то за Йиджиховградцем полк натолкнулся на немецкий заслон, прикрывавший отход эсэсовцев и власовцев к американцам. Цель заслонов сводилась лишь к тому, чтобы заставить нас развернуться в боевой порядок. Как только это достигалось, заслоны тотчас отходили. Шаблий и Федотов применяли тактику мотострелкового преследования. Наш полк выделил «Студебекеры» для автоматчиков 351-го. И эти подвижные группы, поддерживаемые дивизионом Солопиченко, прорывались сквозь заслоны и громили огнем отходившие части противника, не желавшие сложить оружие после капитуляции. Батареи вели огонь по площади, давая по сто мин на налет...

В пятой батарее у Бовичева взяли двух пленных из заслона. Один оказался фельдшером — худой такой, высокий. Все говорил, что у него жена и двое детей, просил не расстреливать... Но «шатровцы» из первого батальона озверели — после капитуляции, говорят, никаких разговоров о жалости. И расстреляли... 14-го мы подошли к реке Отава, притоку Влтавы, в районе Драхоницы-Писек. На западном берегу стояли уже американцы. А внизу громадным табором — немцы, готовившиеся переправляться на американскую сторону. Для пленения немцев генерал Виндушев выделил 355-й полк подполковника Фирсова. Наш полк в этом не участвовал. Мы располагались в лесу, на возвышенности, неподалеку от реки. И вот, когда солдаты наши расслабились: кто купался, кто белье стирал, а кто загорал на берегу, по ним ударили сильным автоматным огнем. Противник оврагом пробирался к реке и начал уже вплавь переправу на американскую сторону. Тут-то мы их и накрыли минометным огнем дежурных батарей

ни один не доплыл до противоположного берега. У нас были и раненые, и убитые. Двух фашистов захватили в плен — держали они себя вызывающе, на вопросы не отвечали. Один из них был без глаза, сказал, что потерял его под Ленинградом. Ну, тут уже сдержать наших не было никаких сил и возможностей: полк-то наш сформирован в блокаду, большинство старожилов полка ленинградцы-блокадники... Попробуй сдержи их — они этого одноглазого готовы были разорвать на части... Так что расстрел был для пленных милостью, — закончил свой рассказ начальник штаба полка, мой близкий друг, живущий сегодня в Пскове, Николай Евсеевич Коваленко.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ковальский Михаил Сергеевич***, заместитель руководителя лаборатории Московского авиационного института

Овчинников Евгений Тихонович

Я СДЕЛАЛ ТРИ ШАГА ВПЕРЕД

Родился 5 ноября 1924 года в городе Москве.До войны, в мае 1941 года, окончил девять классов московской общеобразовательной школы № 618 на Новой Басманной улице.

Когда началась война, мне было только 16 лет. О начале войны я узнал дома, в полдень, 22 июня 1941 года, из выступления по радио В. М. Молотова. С конца июня стал посещать всевобуч. На всеобщем военном обучении изучали материальную часть вооружения — как правильно чистить, разбирать и собирать винтовку. Изучали приёмы рукопашного боя, кололи штыком чучело, стреляли из винтовок по мишеням.

22 июля немцы начали бомбить Москву. В то время я жил рядом с Казанским вокзалом и потому был свидетелем эвакуации промышленности и населения из захваченных немцами территорий страны, а позднее из самой столицы. С друзьями и родителями пережил многочисленные немецкие авианалеты на Москву и, в первую очередь, на железнодорожные вокзалы. По ночам я дежурил с товарищами на крышах домов, гасил «зажигалки». Видел, как немецкие бомбардировщики попадали в перекрестья лучей прожекторов. Гремела зенитная канонада. От самолетов отделялись горящие части, и они падали вниз.

Днём бомбить Москву фашисты не решались. ПВО зорко охраняла столицу, и прорывались в небо Москвы лишь отдельные самолёты. МПВО при участии населения организованно ликвидировала последствия налётов, которые не были уж очень серьёзными. Так, например, рядом с моим домом стояла водоразборная колонка. Однажды бомба попала в неё, ушла под землю и там взорвалась. Рядом стоящий дом дал трещину.

В трудные дни октября 1941 года у меня дома в коридоре стоял велосипед, к багажнику которого был привязан мешочек, где лежали ложка, кружка, сухари, сменное бельё. Родители сказали мне, что, если войска начнут покидать Москву, я должен буду на велосипеде покинуть город вместе с армией.

В сентябре 1941 года занятия в школе еще не начались, и я пошел работать на Московское отделение Ярославской железной дороги электромонтером контактной сети, а затем помощником дежурного электротехника. Однако долго мне работать не пришлось.

20 октября 1942 года всех бывших школьников, в числе которых был и я, собрали в школу на Грохольском переулке для призыва в Красную Армию. Вскоре всех призывников отправили на вокзал. Сопровождавший нас офицер разрешил мне забежать домой и попрощаться с родными, так как наша колонна проходила мимо моего дома, окна которого выходили на Комсомольскую площадь. Нас, будущих солдат, посадили в железнодорожные вагоны. С Ярославского вокзала нас отправили под Киров, в город Слободской. Я попал в первую роту первого учебного батальона 282-го запасного стрелкового полка 34-й запасной стрелковой бригады. Всем выдали обмундирование б/у. В первое время основным занятием была физическая подготовка: марш-броски, в том числе и на лыжах, преодоление полосы препятствий. Затем начались специальные занятия по строевой и огневой подготовке, а также другие дисциплины, необходимые для бойца стрелковой части. Периодически проводились политзанятия. Жили в суровых условиях — в полуземлянках.

Ко дню моего рождения, на восемнадцатилетие, мать прислала мне маленькую посылку. В посылку она положила печенье, две пачки папирос «Казбек» и письмо, в котором просила угостить папиросами товарищей — сам я тогда еще не курил.

Быстро пролетело время в учебном батальоне; пришла пора отправляться на фронт. Упорные и тяжелые занятия не прошли даром. Мы чувствовали себя настоящими бойцами Красной Армии, готовыми дать отпор жестокому и сильному врагу. Отправляли нас на фронт отлично обмундированными во всё новое и тёплое. Во время отъезда стоял тридцатиградусный январский мороз.

На фронт ехали в двухосном вагоне товарного поезда. По ночам было очень холодно и, поэтому к утру, несмотря на теплое обмундирование, я примерзал шинелью к стенке вагона.

Вскоре прибыли на станцию Валуйки. Остерегаясь немецкого налёта, личный состав из эшелона высадили и бегом вывели со станции. Все спрятались в укрытия. Прождали всю ночь. Налёт начался только утром. Немецкие бомбардировщики «Юнкерс-87», прозванные «лаптёжниками» из-за неубирающихся шасси, ожесточённо бомбили станцию, воинский транспорт и особенно эшелоны. Рвались бомбы, снаряды, всё кругом горело.

Мне казалось, что в этом аду ничего живого не может остаться. Я, солдат-мальчишка, первый раз встретился с реальной и жестокой фронтовой жизнью. Однако после бомбёжки оказалось, что станция жива, хотя и сильно пострадала. Я вместе с другими бойцами помогал оказывать помощь раненым, выносить убитых, растаскивал грузы и боеприпасы, тушил пожары. Дальше от станции до своей части шли пешком. По прибытии в часть всех построили. Офицер приказал сделать два шага вперёд тем, кто имеет среднее образование, и три — кто хочет служить в разведвзводе. Я сделал три шага вперёд. Я был уверен, что в разведвзводе принесу Родине больше пользы.

23 марта 1943 года меня зачислили стрелком-автоматчиком разведвзвода роты управления 88-й танковой бригады, которая к тому времени понесла серьёзные потери под Харьковом.

Считалось, что во время интенсивных наступательных операций танковая бригада была боеспособна в среднем около пяти дней. После чего бригаду выводили с фронта на доукомплектование и отдых. Во время отдыха шло интенсивное обучение личного состава бригады и, в первую очередь, его пополнение.

Однажды во время корпусных учений произошел такой случай. Командир разведвзвода с группой бойцов пошёл по засеянному полю. Вдруг, на просёлочной дороге, идущей поперёк поля, появился «Виллис», из которого вышел генерал Рыбалко, командующий 3-й гвардейской танковой армией. Сделав строгий выговор офицеру за потраву хлеба, он сказал, что не всё война спишет — даже во время войны необходимо проявлять заботу о народном достоянии.

Населению, особенно освобождённым от оккупации, солдаты помогали чем могли. В свою очередь, ярко проявлялась забота и помощь мирного населения бойцам Красной Армии. Так, например, когда наш разведвзод стоял в районе станции Алексеевка, старшина

получил паёк на все сорок человек личного состава взвода, но в наличии было только пятнадцать бойцов. «Лишней» едой солдаты поделились с жителями деревни, которые находились в бедственном положении. В ответ одна пожилая женщина выкопала картошку, спрятанную от немцев, и угостила разведчиков.

4 июля 1943 года командование направило наш разведвзвод на передовую близ города Орла. Здесь я первый раз увидел, как стреляет гвардейский миномёт «катюша». Это легендарное оружие произвело на меня сильное впечатление.

Ночью я отправился в составе группы в разведку. Мы без осложнений проползли свои позиции. После выполнения задания при возвращении к своим на нейтральной полосе мы были обнаружены противником и подверглись интенсивному обстрелу. Осколками были ранены члены разведгруппы Северин и Волков, осколком ранило в ногу и меня.

По причине тяжелого ранения я закончил боевые действия под Орлом 15 июля 1943 года. Характер ранения — слепое осколочное, степень — тяжелая.

Первую перевязку сделал сам, как учили в учебном подразделении. Затем меня отправили на станцию Чернь, в армейский госпиталь, где сделали рассечение раны и ее квалифицированную обработку. После был отправлен в грузовом вагоне до Тулы, где некоторое время провёл в эвакогоспитале. Потом была долгая дорога в военном санитарном поезде на Урал, в тыловой военный госпиталь Красноуфимска. Здесь я получил письмо от своего боевого товарища сержанта Егорова.

Боевые друзья не забывали обо мне и поддерживали переписку. Вот одно из таких писем: «Письмо пущено 19. 8. 43г. Здравствуй, Евгений Тихонович. Передаём свой горячий боевой привет. Письмо твоё получили, которое писано 28. 7. 43, за которое очень и очень благодарим. Евгений, у нас из рядов вышли товарищи Плавский, Герасимов, Пермяков, Новгородцев, Самоделкин В. и Кузнецов. Эти товарищи погибли. У нас награждены: Носков, Серебряков, Северин, Малиновский, Рогачёв, Альфиренко, Фуголь, Быков. В том числе и я. Пока. Пиши письма, не забывай. Егоров».

Но переписка вскоре оборвалась. Видимо, не осталось тех, кто знал Женьку Овчинникова: то ли погибли, то ли убыли по ранению. Недолог век солдатский.

Писали и бывшие одноклассники. Вот отрывок из письма Бориса Сизова, командира танка. Он погиб на этой войне.

«... Женька, летнее наступление начал всего лишь восьмого августа, но и за этот короткий срок успел не один десяток фашистов уничтожить плюс гореть один раз. Сейчас адрес мой изменился ...» Вот о чём писали фронтовики.

После трех месяцев госпиталей и с еще недолеченной раной («в Москве долечат!») возвратился домой солдат инвалид войны, которому не было ещё девятнадцати лет.

А потом? Несмотря на инвалидность, я всё-таки решил продолжать своё образование. В этом меня поддержали родители. Спасибо им за это. Поступил экстерном на подготовительное отделение в десятый класс, окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, а затем упорная работа, работа, работа... до 1992 года.

За участие в Великой Отечественной войне и добросовестный многолетний труд награждён тремя орденами и двумя «номерными» медалями, имею большое количество юбилейных и памятных медалей. Но особенно дорога мне медаль «За отвагу», которую можно было получить только «окопникам», видевшим врага и смерть в лицо.

Трудное и тяжёлое было время. Из семи двоюродных братьев (родных братьев у меня не было) четверо погибли и трое, в том числе я, вернулись домой после тяжёлых ранений.

Думал ли я о смерти? Нет. Было ли мне страшно на войне? Да. Я полностью согласен с Юлией Друниной, поэтом-фронтовиком, которая написала: «Я только раз видала рукопашный. Раз — наяву и тысячу — во сне. Кто говорит, что на войне не страшно, тот ничего не знает о войне».

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ручейков Андрей Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Политкин Виктор Николаевич

КООРДИНАТНАЯ ВОЙНА

Я родился 5 августа 1927 года в деревне Тимохино Московской области, Егорьевского района. Русский, православный, беспартийный.

В 1941 году закончил 7-й класс средней школы. Учился первые 4 класса в деревне Тимохино, затем 5-й и 6-й класс в деревне Фильчиково; в 7-м же классе учился в деревне Двойня.

Узнал о начале войны в родной деревне Тимохино по радио. В то время учился в школе.

С 1941 года до 1944 работал в колхозе на сенокосе и прочих сельскохозяйственных работах. В 1944 году работал токарем на станкостроительном заводе в Егорьевске (вытачивал чугунные болванки).

Когда был на побывке мой брат (Политкин Фёдор Николаевич), служивший в 6-м гвардейском отдельном разведывательном батальоне, он предложил поехать с ним на фронт, и таким образом я был добровольно мобилизован в 6-й гвардейский отдельный разведывательный батальон, но в отделение к брату не попал. 15 мая 1944 года, годный к строевой службе, в возрасте 17 лет, я был направлен в расположение части в звании рядового.

В батальоне было порядка 800 человек под командованием полковника Морозова Михаила Александровича. Батарея, в которой я служил, находилась под командованием капитана Михаила Микитась, а отделением командовал сержант Николай Сурков.

Боевой путь соответствовал постепенному отступлению вражеских войск от границ Советского Союза через территорию Румынии, Венгрии, Австрии. В Румынии в 1944 году я побывал в городе Орадя. При поддержке 6-го гвардейского отдельного разведывательного батальона были взяты города Будапешт и Вена (1945 год).

Военные боевые действия закончил в Вене в мае 1945 года. В Германии побывать не довелось.

В 1945 году батальон был расформирован, и я попал в противотанковую истребительную бригаду, в которой прослужил в городе Боброве Воронежской области до 51-го года, когда и был демобилизован.

С января 1947 до мая 1948 года служил в 14811-й военной части по военной специальности шофёр, а затем до марта 1951 года — в 03393-й ВЧ. 21 мая 1951 года на основании постановления СМ СССР от 28.01.50 уволен и направлен в запас. В то время находился в городе Брянске.

После демобилизации работал автослесарем, моими гражданскими специальностями к тому времени были шофёр и специалист колёсных машин. Затем устроился в НИИ тепловых машин, находящийся в Москве, на 4-й Лихачёвской улице.

Особенно запомнилось освобождение Вены от фашистских оккупантов, хотя для разведывательного батальона схема работы почти всегда была одной и той же.

Батарея подразделялась на отряды. Наш отряд занимался световой разведкой, т.е. развертывалось 4-5 постов и станция, где анализировались полученные данные. На каждом посту находилось 5-6 человек. Как правило, пост развёртывался в окопе. Станция представляла собой землянку, в которой одновременно находилось 6-7 человек, среди которых был и я. Между станцией и постами прокладывалась линия. Проводная линия разматывалась со специальных катушек.

Вся информация с постов поступала на станцию, где стоял аппарат, внешне похожий на прибор для электрической кардиограммы сердца. По полученным результатам его работы проводились расчёты при помощи логарифмической линейки и таблиц значений некоторых величин. Таким образом, получались точные координаты объекта — как правило, пушки — даже в темноте.

Координаты направлялись в стоявший позади артиллерийский дивизион, который производил обстрел по данным координатам. На вооружении у них были 76-мм, 85-мм, 100-мм орудия, «катюши» и прочие артиллерийские орудия; производился артиллерийский удар,

и вражеская пушка замолкала, будучи либо уничтоженной, либо поменявшей дислокацию.

Перед разведбатальоном всегда была пехота и танковые части, применяемые, как правило, только для прорывов. Были так называемые танковые прорывы, когда вперёд шли танки под прикрытием пехоты, разведывательный батальон также продвигался вперёд, впрочем, как и артиллерия, но непосредственно в боях не участвовал, так как враг никогда не прорывался сквозь пехоту. За исключением случая, когда в Австрии был дан приказ отступать, но после отступления на несколько километров, выбрав удачную позицию, отступление перешло в контрнаступление.

Весь боевой путь я прошёл пешком, только при свёртывании частей использовались механические транспортные средства, с которыми обращались очень бережно, и на линии фронта, которая располагалась в 500 метрах от разведывательного батальона перед пехотой, старались не использовать, дабы не потерять важную механическую единицу.

Предположительно все машины отгонялись в безопасные укрытия ближе к штабу. Вооружение состояло из карабинов, которые отличались от винтовок лишь более коротким стволом. На карабине был несъёмный штык, винтовки также были и даже автоматы.

В разведывательном батальоне были и отряды, выполнявшие прочие разведывательные функции, но именно отряд, в котором я служил, выполнял функцию наводки для артиллерийского дивизиона. Находясь в непосредственной близости от фронтовой линии, посты засекали стреляющие артиллерийские объекты, подсчитывали координаты и передавали в артиллерийский дивизион для уничтожения.

Линия фронта была настолько близко, что во время затишья, в случае открытой местности, можно было видеть приготовления фашистов к боевым действиям. Довольно часто случались снайперские обстрелы, снайперы были вооружены винтовками с оптическими прицелами.

Помимо наводок на цели, постоянно приходилось готовить новые землянки и окопы, так как был уже завершающий этап войны и фашисты быстро отступали. Землянки отличались от окопов тем, что яма была глубже, да сверху лежали брёвна и засыпано было землёй. Внутренним обустройством можно было заняться во время очередного затишья. Можно было использовать уже имевшийся окоп или землянку, при этом не имело значения, была ли она выкопана фашистами или своими. Главное было — развернуть станцию и посты

и давать координаты. Я занимался непосредственно расчётами в землянке.

Награждён медалью «За взятие Будапешта» непосредственно после взятия Будапешта в 1945 году, медалью «За взятие Вены» (есть справка, но медаль не дошла). Награждён орденом Отечественной войны второй степени.

Таким образом, я участвовал в освобождении Вены, Будапешта в составе 6-го гвардейского отдельного разведывательного батальона под командованием полковника Морозова.

Однажды был ранен осколком снаряда в левое плечо. Ранение не было серьёзным, три осколка пробили шинель, но плечо задели несущественно. После перевязки в медсанчасти я вернулся в землянку, где и продолжал расчёты координат.

Близкие родственники в войне не погибли. Мать, Политкина Александра Семёновна, всю войну оставалась в своей родной деревне Тимохино. Отцу, Политкину Николаю Степановичу, на тот момент было около 50 лет, он был призван, служил в Саратовской области. Брат, Политкин Фёдор Николаевич, 1921 года рождения (умер в 1988 году) прошёл всю войну. Был призван сержантом и демобилизован уже в звании лейтенанта.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кокорев Дмитрий Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Поляков Александр Арсеньевич

НА ОСТРИЕ ТАНКОВОГО КЛИНА

Я родился 8 августа 1924 года в городе Москве. В августе 1942 года окончил среднюю школу экстерном.

С 1 сентября 1942 года по май 1943 года курсант школы радиоспециалистов автобронетанковых войск РККА, где получил подготовку стрелка-радиста танка Т-34 и радиомастера танкового полка. С мая 1943 года — старший радиомастер 126-го танкового полка, вошедшего с июня 1943 года в 17-ю гвардейскую механизированную бригаду 6-го гвардейского механизированного корпуса 4-й танковой армии.

Принимал участие в боях с германским фашизмом на Западном, Брянском (1943 год) и 1-м Украинском фронтах (1944-1945 гг.).

В ходе боевых действий моя задача состояла в обеспечении бесперебойной работы радиостанций танкового полка, а также танковых переговорных устройств — ТПУ. Воинское звание — гвардии старшина.

Тяжело ранен 4 февраля 1945 года на плацдарме на западном берегу реки Одер.

Награжден орденами Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и еще 12 медалями.

В марте 1944 года на 1-м Украинском фронте три советские танковые армии — 1-я и 3-я гвардейские танковые армии и наша, 4-я ТА,

впоследствии также ставшая гвардейской, стальной метлой вышибали из пределов нашей Родины отборные части немецко-фашистских войск. По словам командующего нашей армии генерала Лелюшенко Дмитрия Даниловича, танковые сражения на правобережной Украине не уступали по размаху, масштабам и ожесточению боев битве на Курской дуге.

Бои за урочище Малинник

Урочище — сравнительно небольшой участок леса — примерно один квадратный километр в 3 километрах северо-восточнее Скалат в Западной Украине. В центре — дом лесника. Там штаб и узел связи.

Через это урочище Малинник проходила единственная дорога — стратегически очень важное шоссе Проскуров-Тернополь — по которой отходили окруженные немецко-фашистские части. Это были полки и дивизии 1-й немецкой танковой армии, которая вместе с 4-й немецкой танковой армией противостояла ударным группировкам 1-го Украинского фронта. Десятки танковых и моторизованных дивизий врага были окружены и разгромлены.

Во время весенней распутицы и крайнего бездорожья было трудно обеспечить продвижение боевой техники и транспортных средств. Но наши лучшие в мире Т-34 в труднейших условиях почти в метровой грязи неуклонно двигались вперед.

Противник предпринимал яростные атаки танками и бронетранспортерами с целью прорваться через позиции наших войск, оседлать дорогу, проходившую через урочище Малинник, чтобы выйти из окружения. Иногда предпринимались атаки сразу с двух — трех сторон. Тогда наши танки, получив тревожные сообщения по радио, мчались, порой ломая лес, на угрожающее направление и общими усилиями отбивали натиск врага. Радиосвязь в это время спасала нам жизнь и обеспечивала успех операции.

В урочище Малинник на опушке леса с каждой из четырех сторон стояло по 3-4 танка Т-34. Их радиостанции всегда были в рабочем режиме. Чтобы не допустить разрядки аккумуляторов и не лишиться радиосвязи, периодически включались двигатели танков на малых оборотах. И это несмотря на нехватку горючего.

Несколько дней подряд я ходил по опушке леса от одного танка к другому. Изредка на вершинах деревьев взрывались немецкие мины

Во время одной из атак немцев на борту подбитого нами бронетранспортера был обнаружен убитый вражеский «фотокорреспондент».

Как выяснилось, с борта бронетранспортера он снимал в инфракрасных лучах наш передний край. На проявленных снимках были видны силуэты наших танков. Они использовались для корректировки огня против нас.

Радиограмма Георгия Константиновича Жукова в урочище Малинник

Однажды, в середине марта 1944 года, мой боевой друг — радист 126-го танкового полка сержант Михаил Рябухин, работавший на узле связи в урочище Малинник, передал мне радиограмму: «Держитесь три дня. Догонять будете 150 километров. Жуков». Так и получилось, когда мой танковый полк и 17-я гвардейская механизированная бригада, вместе с другими частями 6-го гвардейского механизированного корпуса прорвался к реке Днестр.

Танковая разведка

Я был послан в танковую разведку из урочища Малинник. Это было 20 марта 1944 года. В нашем распоряжении было 4 танка Т-34 (85). По совету друзей я сел в третью машину на место стрелка-радиста, рядом с механиком-водителем. Дал очередь из танкового пулемета, чтобы убедиться, что он исправен. Нам предстояло двигаться вперед до соприкосновения с противником... Моя задача — все время быть на приеме, и если что-то произойдет, то тут же сообщить по радио радистам полка, которые обычно держат связь с танками, мотострелковыми батальонами, артдивизионом и прочими на радиостанциях «РБ», «РБМ».

Мы выехали на разведку во второй половине дня, ближе к вечеру. Было еще светло и все спокойно. Отъехав из урочища Малинник сравнительно недалеко, мы остановились. Люк танка открыт. В машине темно, только горят огоньки приборов, ровно гудит умформер. Вдруг я замечаю — перед люком появилась и завертелась поземка и довольно быстро стала увеличиваться. Вскоре высота снежного покрова уже достигла 20-30 см, спустя некоторое время — около полуметра.

Лейтенант, командир нашего небольшого отряда, явно заволновался: «Снег уже достиг башни. Если появятся немцы, мы не сумеем даже повернуть башню, и нас возьмут голыми руками...». Я же по-прежнему сидел в шлемофоне на месте радиста, был «на приеме» и был спокоен.

Прошло немало времени. Лейтенант вдруг увидел, как что-то чернеет из-под снега. Это оказался каменный кладбищенский крест. Ветер сдул с него снег, и он обнажился... Помолчав, лейтенант добавил: «Значит, близко жилье...». Вдруг он воскликнул: «Пахнуло дымом! Это в деревне затопили печи, жилье рядом! Нас откопают от снега! Мы спасены!».

Стало светлее. В крайнем доме деревни жители сказали, что немцы ушли в другом направлении. Крестьяне помогли нам быстро откопать машины, и мы вернулись к своим

Совсем недавно, когда мы с моим бывшим командиром танкового полка гвардии подполковником Небратенко Михаилом Яковлевичем вспоминали об этом буране, он сказал, что как только мы вернулись из танковой разведки, командарм Лелюшенко Дмитрий Данилович дал ему, отличному спортсмену и лыжнику, задание встать на лыжи, догнать и обогнать танковую колонну и изменить направление ее движения. Так наш полк взял курс на Днестр.

На острие танкового клина — вперед, к Днестру!

Группа танков моего 126-го танкового полка 17-й гвардейской механизированной бригады шла на острие танкового клина к реке Днестр — в головной походной заставе 4-й танковой армии. Наша колонна состояла из четырнадцати танков (у одного из них была неисправность коробки передач, и он поэтому шел на задней скорости с перевернутой пушкой).

Пройдя более 150 км, мы вышли к Днестру в районе м. Жванец, уничтожили переправу, надежно перекрыв отход немцев в Румынию. Были захвачены большие трофеи и два склада. 17-я гвардейская механизированная бригада овладела городом Хотин.

В ходе каждой из операций был для меня некий кульминационный момент, когда командир взвода связи лейтенант Хитун говорил: «Тебе приказано явиться на танк командира полка».

Быстро поднимаюсь на башню танка командира полка Героя Советского Союза Козлова Дмитрия Федоровича. (Звание ему присвоено за бои на р. Халхин-Гол 1939 г.) Он в башне стоит рядом с командиром танка и смотрит вперед в бинокль. И вдруг говорит: «Что там чернеет на дороге?... Да это автобусы нашего штаба армии! Они двигаются. На них вышли немцы». Это произошло в районе Оринино. Мы вышли вовремя и спасли штаб нашей 4-й танковой армии и штабы 6-го гвардейского механизированного и 3-го стрелкового корпусов.

С нами в этом дерзком рейде к Днестру был заместитель командующего 4-й танковой армии гв. полковник Ярков Алексей Константинович. Как заместитель командующего армией по тылу, он хорошо знал замысел и ход Проскуровско-Черновицкой операции, безопасные, удобные пути для нашего движения после длительного глубокого рейда по тылам враге. И это обеспечило успешное выполнение поставленной задачи.

Полковник Ярков А.К. в мае 1945 года принял после разгрома штаба группы армий «Центр» двух пленных немецких генерал-полковников.

Генерал-майор Алексей Константинович Ярков был первым председателем Совета ветеранов нашей прославленной 4-й гвардейской танковой армии.

Эпизод под Лодзью

В январе 1945 года 4-я танковая армия действовала на правом фланге 1-го Украинского фронта недалеко от крупного польского города Лодзь. Через Лодзь проходила разграничительная линия с соседним 1-м Белорусским фронтом.

126-й танковый полк промчался по окраине Лодзи (запомнились даже трамвайные линии в предместье) и вышел на оперативный простор.

Незадолго до этого я увидел самолет У-2, который на небольшой высоте облетал нашу танковую колонну, сделав круг над ней. Вскоре мне было приказано прибыть на танк командира танкового полка. Он стоял на опушке небольшой рощи. Я быстро поднялся на танк. На башне находилось несколько офицеров. Все смотрели в поле, где примерно в 700-800 метрах от нас наступали танки строем «в линию». Никто пока не открывал огня: ни наши, ни немцы. Хорошо был виден синевато-серый дым от работающих двигателей танков.

Вдруг с башни командирского танка я увидел открытую, без тента и кабины связную автомашину «Виллис». Рядом с шофером сидел генерал-майор и в высоко поднятой руке держал пакет. Видимо, это он летел к нам на самолете У-2. Генерал уже издали на подъезде к нам громко крикнул: «Вернуть танки из атаки!»

Командир танкового полка, получив в пакете новый приказ от вышестоящего командования, немедленно по радио дал команду наступающим танкам прекратить движение и вернуться назад...

Все стоящие на башне танка смотрели вдаль. Я заметил, что сизый дым от танковых двигателей пропал - это механики-водители,

получив команду, включили задний ход. Танки пятились назад с тем, чтобы не подставить борта машин противнику. Вдруг командир полка говорит: «Почему четыре танка продолжают идти вперед?» И строго смотрит на меня (в бою я заменял начальника связи полка, двигавшегося обычно с тылами бригады). Я ответил, что все радиостанции в порядке, недавно их проверял. Майор Буняев, помпотех полка, неожиданно для меня сказал: «Эти танки к нам прибыли из капитального ремонта, на них не было радиостанции. Я представлю документацию». Майор Буняев к этому времени уже был награжден тремя боевыми орденами Красной Звезды.

Прорыв к Одеру

Получив новый боевой приказ, 126-й танковый полк 17-й гвардейский механизированной бригады в полном составе двинулся вперед на Запад, к реке Одер в передовом отряде 6-го корпуса с десантом мотострелков и артиллеристами батареи Емельяненко Владимира Ивановича. Бригадой командовал гвардии подполковник Чурилов Леонид Дмитриевич. Он был с нами.

Примерно в 60 км от реки Одер к колонне наших танков подъехал на автомашине «Виллис» командир корпуса гвардии полковник Орлов Василий Федорович. Он возглавил наш передовой отряд и поставил задачу выйти к Одеру — последней крупной водной преграде на пути к Берлину, в районе города Кебен. Колонна состояла из двух танков ИС-2, 16-ти танков Т-34 и двух самоходных орудий. Не хватало горючего. Полковник Орлов приказал слить бензин из автомашин для заправки танков.

В это время к танкистам подошла девушка, — оказалось она украинка, угнанная в Германию, — и сказала, что недалеко у дороги в засаде стоят два немецких танка «Пантеры». Она показала также новую дорогу, ведущую к Одеру, проложенную через лес немцами и не обозначенную на наших картах. Через эту дорогу наши танки с десантом и артиллерией быстро вышли к реке. Это было в ночь на 23 января 1945 года. Всего за 10 дней в ходе непрерывного наступления в упорных маневренных боях нами было преодолено 6 мощных противотанковых линий немецких укреплений между Вислой и Одером. Враг был отброшен на 500 с лишним километров на Запад.

Вскоре подошли остальные части бригады... После небольшой подготовки мы успешно форсировали реку Одер. Был завоеван очень важный плацдарм и наведена переправа у города Кебен. Через нее

прошли на западный берег Одера главные ударные соединения 1-го Украинского фронта — наша 4-я танковая армия и 3-я гвардейская танковая армия, сыгравшие исключительно важную роль в Берлинской операции и взятии Берлина.

За форсирование Одера 26 воинов бригады были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, в том числе командир бригады гвардии подполковник Чурилов Леонид Дмитриевич и командир 6-го гвардейского механизированного корпуса полковник Орлов Василий Федорович. Этот корпус первым форсировал Одер среди войск 1-го Украинского фронта.

В дни ожесточенных боев за плацдарм у г. Кебена проходила Крымская конференция глав государств и правительств антигитлеровской коалиции.

Верховный Главнокомандующий Иосиф Виссарионович Сталин после телефонного разговора из Крыма с командармом Лелюшенко Дмитрием Даниловичем позвонил Чурилову Л.Д. и просил, а не приказывал, как подчеркивал комбриг, удержать плацдарм за Одером.

4 февраля 1945 года я был тяжело ранен на плацдарме за Одером. 7 февраля 1945 года приказом Верховного Главнокомандующего наша 49-я мех. бригада и танковый полк был преобразован в 35-ю гв. мех. бригаду и 115-й гвардейский танковый полк.

126-й танковый полк, начав свой боевой путь под Сталинградом, закончил Великую Отечественную войну как 115-й гвардейский танковый Бранденбургский орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого полк. Полк в составе бригады принял участие в овладении городами Кетцен 25 апреля 1945 года и Бранденбург, в окружении Берлина, в освобождении города Праги 8 мая 1945 года.

После войны в 1945 году я поступил в Московский Государственный Университет им. М.В.Ломоносова на экономический факультет. В 1950 году окончил его с отличием. Позже находился на лекторской и преподавательской работе в городе Пенза. В течение ряда лет вел лекционный курс и семинарские занятия по политической экономии в Пензенском педагогическом институте им. В.Г.Белинского. В 1957-1961 гг. — в аспирантуре МГУ.

Занимался обобщением и теоретической разработкой передовой практики производственных коллективов различных отраслей народного хозяйства. Проводилось экспериментальное внедрение результатов исследования. Имею ряд теоретических работ по теме. С 1968 года до 1989 года работал в Институте экономики АН СССР.

С 60-х годов параллельно вел теоретическую работу в области исследования проблем мира поиск организационных форм более эффективной мобилизации общественного мнения против угрозы мировой термоядерной войны на стыке ряда наук: системного подхода, политологии, социологии, международных отношений, управления, общественной психологии.

Ряд подготовленных материалов передан в адрес Конгресса «За разоружение и мир» (Москва 9-14 июля 1962 года), Конгресса миролюбивых сил (25-31 октября 1973 г.) и в директивные органы.

В условиях нынешнего обострения международной обстановки, когда развиваются опасные тенденции объявлять целые народы «изгоями», мобилизация общественного мнения на защиту мира поможет человечеству избежать ужасов войны. Я намерен продолжать работу в этом направлении. Разделяю и поддерживаю Обращение российских ученых «В воздухе запахло большой войной» (газета «Советская Россия» 18 января 2003 года. № 6).

Февраль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Назаров Александр Владимирович***, студент 1-го курса профессионального училища № 5

Постнова Инна Дмитриевна

И ОНА УМЕРЛА У НАС НА РУКАХ

Я родилась 7 января 1923 года в городе Армавир Краснодарского края в семье Зубковых. По национальности — русская.

В детстве ходила с бабушкой в церковь, но когда пошла в первый класс, заявила бабушке, что Бога нет и больше с ней в церковь ходить не буду. В 1938 году вступила в комсомол, в настоящее время беспартийная.

В 1940 году окончила 10 классов в городе Ростове-на-Дону и с аттестатом отличника, тогда это так называлось, поступила в Ленинградский Политехнический институт, где и проучилась первый курс. Зимой я сдала первую сессию, а когда сдавали вторую — началась война.

В июне месяце мы сдавали экзамены. Какие-то уже успели сдать, но сессия еще шла. Мы были на Литейном проспекте, видим - люди все стоят, мы тоже подбежали, слушаем. Молотов выступал. По громкоговорителю объявили, что началась война. Не верилось, как-то не вмещалось в сознании. Был ведь пакт о ненападении, а тут война. Для нас это было очень неожиданно.

После начала войны мы, студенты, были в отрядах добровольной дружины и ездили рыть окопы под Ленинградом с конца июля до начала августа, а 8 сентября начали учиться на втором курсе, хотя учебы как таковой не было. Во время первой же лекции раздалась воздушная тревога, мы выскочили на улицу — первый налет, первые разрушения.

Многие начали уезжать из Ленинграда, но мы уезжать не хотели. Мы считали Ленинград колыбелью русской революции и думали, что его никогда не сдадут, и что здесь мы можем принести какую-то пользу

Учиться нам больше уже не пришлось. Мы все были бойцами отрядов противовоздушной обороны и во время воздушных тревог должны были находиться на территории института. Общая обстановка в городе становилась все тревожнее, но нас выручала дружба и взаимовыручка.

В это же время я пошла учиться на курсы медсестер в Военно-медицинскую Академию. Одновременно мы ходили на донорский пункт, сдавали кровь. Курсы я окончила в конце ноября и попала в эвакогоспиталь при нашем же институте. Там мы работали медсестрами. Сутками не выходили из госпиталя, старались выполнить все просьбы и поручения раненых.

После эвакуации госпиталя в январе 1942 года нас отправили работать в амбулаторию при ЛПИ медсестрами. Там я проработала два месяца, а в феврале нас через Ладогу по дороге жизни эвакуировали на Большую землю. Я попала в Ярославль, в санаторий, где нас, выживших, покормили и поставили на ноги.

После санатория я поехала к сестре под Саратов, где устроилась работать в местный отдел учета НКВД. В октябре 1942 года в ответ на призыв ЦК комсомола Украины об организации партизанского движения записалась на спецкурсы отдельной диверсионной бригады особого назначения Украинского штаба партизанского движения. До февраля 1943 года проходила обучение специальному типографскому делу в Москве. С февраля 1943 года работала в г. Чугуеве (под Харьковом). Занималась восстановлением комсомольских организаций в освобожденной Харьковской области, проверкой населения, находившегося на оккупированной территории.

В марте началось наступление немцев, и мы должны были уходить с нашими частями. При штабе Юго-Западного фронта мы занимались формированием небольших партизанских отрядов для действий на оккупированной территории Харьковской области. Мы занимались военной подготовкой людей, изучением местности, а затем меня, в числе других проверенных сотрудников НКВД, направили в один из таких мобильных партизанских отрядов.

В июле нас переправили через линию фронта, которая проходила по Северскому Донцу, в район Славянска. Наша задача была — разведка укрепрайона в 50-километровой глубине у немцев. Мы ходили

днем в сохранившейся у нас гражданской одежде и очень боялись полицаев, потому что они хорошо знали жителей своих деревень. А местные простые жители относились к нам хорошо, помогали, чем могли, отвечали на наши распросы.

Через три недели мы благополучно вернулись в расположение наших войск и после короткого отдыха в августе 1943 года меня направили в распоряжение 152-й стрелковой дивизии в роту связи, в отдельный стрелковый батальон. Вначале я была в линейном взводе, мы обслуживали связь с полком дивизии, а потом я работала в штабной роте, обслуживавшей штаб дивизии.

После освобождения г. Днепропетровска дивизия стала носить имя Днепропетровской стрелковой Краснознаменной. От Днепропетровска мы дошли до города Николаева, а от него повернули на Белоруссию. В Белоруссии, в городе Догуж, было переформирование дивизии, после чего нас направили на Второй Белорусский фронт. Это был уже 1944 год. Через Литву мы шли на Восточную Пруссию. Я участвовала в боях по освобождению Вильнюса, Каунаса.

В Восточной Пруссии, уже в составе 3-го Белорусского фронта, мы участвовали в очень тяжелых боях. Там было много подземных оружейных заводов с большим боезапасом, который они старались использовать до конца. Мы с трудом продвигались по два-три километра. В Восточной Пруссии мы участвовали во взятии городов Гумбинен, Прейсим-Айлау. Через Восточную Пруссию мы вышли к Кенигсбергу, участвовали в штурме Кенигсберга и освобождении Варшавы.

Войну я закончила в предместьях Берлина в звании ефрейтора, без ранений, Бог миловал.

Я награждена орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями за боевые заслуги, медалью «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», юбилейными медалями.

После окончания войны мне дали отпуск на полтора месяца и почти месяц заняла дорога домой. А жив ли кто, я не знала.

После войны я вышла замуж. Мой муж был военным, и мы жили под Минском, в городе Гродно. Там же я поступила в педагогический институт на физико-математический факультет сразу на второй курс.

В 1949 году я окончила институт с отличным дипломом.

Из моих близких родственников никто не погиб. Погиб муж тети, он был ранен под Новороссийском и умер от ран.

Отец всю жизнь работал бухгалтером, мама была домохозяйкой. В 1942 году они из Ростова успели перебраться в станицу Николаев-

скую под Армавиром и находились там до освобождения Ростова в 1943 году.

Выход из-под обстрела

В сентябре 1943 года мы шли с боями по Украине, дороги были очень тяжелые. Чернозем, сапоги неподъемные. Лошади двуколку не везли. А на двуколке катушки с проводом, аппараты телефонные. И нам пришлось все это нести на себе. Войска шли сутками, почти без ночевок, с короткими привалами. Все были крайне измотаны.

Когда мы остановились в каком-то селе на отдых, то дозорные, видимо, проспали и немцы начали сверху, с горы, наступление. Началась стрельба. Все связисты и полковые, и дивизионные находились в одной хате. Полковые связисты все бросили и убежали. А я осталась со своим командиром линейного взвода и говорю ему: «Нам тоже нужно уходить, чего же мы ждем». А он мне отвечает: «Нельзя бросать имущество, подожди, сейчас и мы пойдем». Он был очень спокойный человек, выдержанный, Пупко была его фамилия, а ни имени, ни звания не помню.

Когда мы вышли из хаты, то на горе уже были немецкие танки, а нам нужно было по открытой местности подняться на другую гору. Командир меня успокаивал: «Не нервничай, мы не должны ничего оставлять. Бери провод и тащи». А это значит, что провод нужно было тащить на себе до того места, где он был связан со следующим куском. Под огнем наматывать провода на катушки мы не могли, вот и тащили их на себе километра 3-4.

Наконец мы дошли до какого-то бруствера, за которым замполит останавливал всех бегущих и налаживал оборону. Нас с проводами пропустили дальше, где мы наконец смогли смотать все провода в катушки. У каждого из нас было по 2-3 катушки, это примерно по полкилометра проводов. Так что все наше имущество мы из-под обстрела вынесли на себе.

Как немцы сдавались в плен

Это было под Кенигсбергом. «Катюши» дали залп, а после того, как все немного успокоилось, мы подошли к тому месту, которое обстреливали «катюши». Из подвалов и погребов вылезали немцы. Зрелище было ужасное. Все сметено, после «катюш» оставалась просто черная земля. Немцы выбирались из укрытий с поднятыми руками и спрашивали, куда идти и кому сдаваться.

Конвоиров было по 2-3 человека на 20-30 немцев. Их отводили в распоряжение штаба дивизии. Мы очень удивлялись, что они стали такие послушные. Это мне очень запомнилось.

Переправа через реку

Разведрота переправилась первой и удерживала плацдарм — крохотный кусочек земли. А мы переправлялись на пароме лодке, которая притягивалась тросом. Обстрела не было, так как немцев немного отбросили. Это был ноябрь 1943 года, вода в реке холодная. А когда трос перекидывали, он зацепился за мою винтовку, и я уронила в воду аппарат и бросилась за ним в воду. Меня поймали за ноги, отругали, сказали, что аппаратов теперь немецких много, а людей нужно беречь.

В Восточной Пруссии

Когда мы уже после Кенигсберга шли по Восточной Пруссии, то все солдаты были верхом на лошадях или на машинах. Трофеев у нас к тому времени было уже много. Передвигаться нам стало гораздо легче, дороги там были хорошие, не то, что на Украине. По Германии идти было уже не так трудно, как первое время по России.

У нас была контрольная станция, и моя работа заключалась в том, что я должна была держать связь со всеми подразделениями полков. А ночью, когда было поспокойнее, мы иногда устраивали концерты по телефону. Я соединяла всех связистов, во-первых, чтобы не заснули. А потом и послушать хорошую песню тоже хорошо. У нас был солдат, который знал много песен, а в войну было очень много хороших песен.

Отдых на войне

Однажды после ночного дежурства я легла спать, а в это время начался обстрел. Меня не могли разбудить, так крепко я спала. А когда после бомбежки у меня спрашивали: «Ты что, ничего не слышала? Ведь снаряды рвались в пятидесяти метрах от палатки.» А я говорю: «Ну что ж, значит перелет». Так мы уставали.

Трагическая случайность

Это было после Варшавы, уже на территории Германии. Одну нашу девушку, она была с Алтая, представили к ордену Славы и дали отпуск. И уже перед отъездом наш командир попросил ее принести воды из колодца, который был во дворе перед домом. Ей очень не хотелось, но она все-таки пошла. А когда выбралась из нашего подвала, то прямо перед входом разорвался какой-то шальной снаряд. У нее были осколочные ранения в живот, и она умерла у нас на руках. Ужасная, нелепая случайность.

Из партизанской жизни

В нашем отряде была девушка, преподаватель немецкого языка. На задания она ходила с мальчиком, Степой, из местных жителей. Ему было тринадцать лет, и она выдала себя за его тетю.

Однажды она разговаривала с немцами, и немецкий офицер назначил ей свидание. Она сказала, что постарается прийти. Вернувшись в расположение нашего отряда, она доложила обо всем командиру, и тот сказал, что ей надо идти на это свидание.

Это, конечно, было очень рискованно, потому что отряд у нас был маленький и рассчитывать на надежную защиту не приходилось, но нам очень нужны были различные сведения. А я всю полученную информацию должна была запоминать. Я была кем-то вроде секретаря, но подробных записей делать было нельзя, только очень краткие наброски, и мне приходилось все полученные сведения держать в голове. Подробно я все записывала только после возвращения в расположение наших войск.

Женщина на войне

В перерывах между боями я должна была заниматься гигиеной наших ребят. Мне конечно помогали, делали золу для стирки, помогали кипятить белье. Стирать на восемнадцать человек было не так-то легко. А во время отдыха мы и танцы устраивали, и песни пели. Приезжих каких-то концертов у нас не было.

Страшно на войне?

Да нет, не страшно. Даже когда через Ладогу переезжали, то не было страшно. Помню, один раз было страшно, когда мы возвращались из немецкого тыла в расположение части. Когда шли на задание, то страшно не было, потому что мы знали, что у нас все впереди. А когда возвращались домой и вдруг услышали русскую речь, то стало очень страшно потерять все, не выполнить задание. Потом мы выяснили, что это была наша разведка. А больше я и не помню, чтобы было страшно.

А вот смешно нам было, когда началась оттепель, а нам выдали валенки. Через два дня пришлось их назад сдавать обратно.

Сушеные вишни

Это было под селом Апостолово. В глиняном доме расположились и штаб полка, и штаб артиллерийского дивизиона, и минеры, и саперы. И нужно было там наладить связь. Я пошла с командиром нашего взвода, хоть он и не хотел брать меня с собой. Я даже заревела, а плачущей девушке отказать трудно. Пробирались мы туда ползком. Восстановили связь и сменили того человека, который там сутки отдежурил.

А хозяева были в том же доме и прятались на печке. У них были сушеные вишни, но нам они их не давали, хотя мы и просили.

Рация наша стояла у окна. Окна были на половину закрыты, и вдруг через верх в окно влетел снаряд, пробил дымоход и не разорвался. Хозяева посыпались с печи, как горох. Вокруг пыль, кирпичи. А мы бросились набивать карманы вишней. Нам кричат: «Уходите, снаряд может взорваться!». Но нам повезло, снаряд не взорвался, а вишни мы все-таки получили.

А вообще на южной Украине к русским местные жители относились плохо.

Март 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Коломийцев Сергей Георгиевич***, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Прилепский Владимир Алексеевич

СПАСИБО ТЕБЕ, СОЛДАТСКАЯ СМЕКАЛКА!

Я родился 11 декабря 1923 года, в городе Коканде Узбекской ССР. Национальность русский. Атеист.

С 1944 до 1993г., до того времени, как прекратила активное существование коммунистическая партия Советского Союза, состоял в ее рядах. Членом КПСС стал, пройдя пионерию, комсомол.

В ноябре 1941г. из 10 класса 12 школы г. Свердловска, по комсомольскому набору, вступил в ряды Красной Армии.

По окончании войны, в соответствии с порядком, установленным министерством просвещения, мне, как ушедшему из школы на войну, был выдан аттестат об окончании средней школы. После войны продолжил военную службу и в 1949г. поступил в Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Николая Егоровича Жуковского. В 1955г. с отличием ее закончил.

Мой отец — кадровый военный, кавалерист, командовал разными частями и соединениями. Мое детство проходило среди военных, и для меня люди в фуражках с красной звездой и шашкой на боку были постоянным окружением.

Они были моими кумирами. Но в те времена, в 30-е годы, главными любимцами всех мальчишек были Валерий Павлович Чкалов, Владимир Владимирович Коккинаки — знаменитые летчики.

В местах, где моей семье приходилось жить, часто наблюдались учебно-тренировочные полеты истребителей, стрельба по конусу, учебно-воздушный бой и т.д., и моей мечтой было также стать летчиком.

22 июня 1941 года наша семья жила в поселке Ленино, Еврейской автономной области на границе с Китаем. В этот день в дивизии, которой командовал мой отец, проходил конноспортивный праздник. Это было замечательное зрелище.

Но вдруг среди зрителей меня отыскал посыльный отца. Явившись к нему, я узнал, что началась война, и мы едем домой. Я понял, что сейчас наступила и моя очередь надеть военную форму и принять участие в защите рубежей нашей страны, но возраст еще не подошел. Для того, чтобы освободить военнослужащих для выполнения своего назначения, их семьи были эвакуированы подальше от границы в разные города

Мы с мамой уехали в Свердловск, где жила ее сестра. Там я поступил в среднюю школу №12.

Второго ноября 1941г. меня и еще трех товарищей, которые родились в 23-м году, пригласили в райком комсомола, предложили вступить в ряды Красной Армии и направиться на учебные курсы радиотелеграфистов. Но я заявил, что хочу быть летчиком, на что, как мне кажется, не очень умный молодой товарищ, регистрировавший прибывших молодых комсомольцев, заявил:

«Положи комсомольский билет на стол и можешь идти в летчики!» Мне кажется, не так надо было поступать с людьми, готовившимися идти защищать Родину, ведь я не в кусты просился, я просился на военную специальность, тоже нужную стране не менее чем радиотелеграфист. Но, видимо, это указание, этот нажим победили, и я поступил еще на одни курсы радиотелеграфистов в Свердловске.

Там я встретил свое 18-летие и в январе 1942 года, окончив эти курсы, с большой группой выпускников, был направлен в Москву на пункт формирования гвардейского минометного полка «катюш». Тогда это было новое оружие, которое успело хорошо проявить себя на фронте. И вот мы: я, мои товарищи, как и многие другие, явились молодым ядром нового 128-го гвардейского минометного полка, резерва Верховного Главнокомандующего.

В феврале 1942 года сформированный 128-й гвардейский минометный полк прибыл на Волховский фронт. Тогда линия фронта проходила в 10-12 км, от западного берега реки Волхов. Немцы сильно охотились за этим оружием, и как только им удавалось обнаружить

где-то появление «катюши», туда немедленно направлялась авиация, начинался артобстрел, и поэтому подготовка к ведению стрельбы проводилась далеко от того места, где проводилась стрельба.

Подготовившись, быстро выезжали в район огневых позиций, быстро развертывались, производили залп и, даже, не успев как следует свернуть орудие, моментально уезжали, а немецкий обстрел проходил по пустому месту. Вот такие условия ведения боевых действий накладывали какую-то специфику. Мы нигде не имели обустроенного места для отдыха и, несмотря на зиму, мороз, ночевали где придется, окопавшись в снегу, набросав веток елей, постелив плащ-палатку, накрывшись шинелью, прижавшись друг к другу по несколько человек. Несмотря на такие условия быта, как ни странно, никто не болел, даже насморка практически не было.

Началась весна 1942 года. Дороги за Волховом растаяли, и снабжение из-за Волхова на передовую, где располагались огневые позиции, проходило в очень трудных условиях. В некоторых местах были проложены гати из поваленных деревьев, на болоте по которым едва-едва могли пройти машины. Но эти гати быстро разбивались. Груз переносили на своих руках, и это был единственный способ снабжения передовой.

Поскольку уже немцы привыкли к существованию «катюш» и, кроме того, что военная промышленность произвела большое количество этого оружия, которое появилось на всех фронтах, а также, потому что дороги не позволяли по существу перемещаться, огневые позиции нашего полка в нескольких километрах от передовой были оборудованы, замаскированы, но привязаны к этому месту.

Празднование 1-го Мая 1942 года командование Волховского фронта решило отметить ударом по укреплениям немецких войск и, если удастся, прорвать оборону и продвинуться дальше, с тем чтобы расширить плацдарм на западном берегу Волхов. Но для этого нужно было подвести достаточное количество боеприпасов.

Снаряды для гвардейских минометов «катюша М13» были около 70 кг весом и для того, чтобы обеспечить несколько залпов, пришлось поднять и мобилизовать на переноску этих снарядов практически весь личный состав полка. С утра мы отправлялись к самому берегу Волхова, где были собраны снаряды.

По двое брали снаряд, подвешивали его на жердь, на плечи и так несли, ступая по болоту, по суше, по кочкам, иногда спотыкаясь и падая. До завтрака успевали отнести по одному снаряду.

Завтракали тем, что было, и отправлялись за следующим снарядом. Доставляли еще один снаряд, обедали, немного отдыхали и шли за следующим снарядом. И таким образом двое человек за один день успевали принести по три снаряда. Участвовал весь личный состав полка. Всего было доставлено снарядов на два залпа. 1 мая с рассветом были произведены два залпа по целям, указанным командованием. Но, видимо, из-за весенней распутицы серьезных результатов эти залпы не дали.

Летом 1942 года в полку были организованы курсы младших лейтенантов артиллерии. Появилось достаточное количество техники для гвардейских минометов, создавались новые части. Нужны были кадры. На курсы были отобраны из полка десять человек.

Кроме теории применения этого вида оружия, мы проходили и практику. По окончании курсов нам было присвоено звание младшего лейтенанта. Мы были направлены в распоряжение опергруппы гвардейских минометных частей (ОГГМЧ) Волховского фронта. Я рассчитывал получить назначение в огневой взвод, чтобы по-настоящему воевать наносить серьезный урон войскам противника. Но, видимо, учитывая мою прежнюю специальность, в опергруппе назначили меня начальником связи дивизиона, формирующегося и в будущем включенного в 318-й гвардейский минометный полк.

Сформированный 318-й полк был направлен в поддержку 2-й ударной армии, готовящейся прорывать блокаду Ленинграда близ Ладожского озера, местечко Липки. После успешных боев по прорыву блокады Ленинграда в районе Сенявино, полк был направлен на другой участок фронта.

И тут, когда временно остановились в районе Розино, над нами появился немецкий самолет-разведчик (корректировщик), который, видимо, обнаружив передвижение, вызвал огонь дальнобойной артиллерии. Начался обстрел. Я был ранен. Ранен не в грудь, как герой, не в спину, как трус, а просто в ногу. Сгоряча я принялся бежать, сколько-то пробежал, а потом боль свалила меня. Товарищи отнесли меня в безопасное место, а позже санитарные службы погрузили раненых в машины и на санитарном поезде отправили на лечение в госпиталь 111 фронтового эвакопункта (111ФЭП), г. Боровичи.

Излечение шло сложно: рана не заживала, хоть и уменьшалась, но оставалась открытой. Видимо, врачи при первоначальном обследовании не обратили внимания, что ранение проникающее. Пришлось

делать рентген, в результате которого обнаружили, что в глубине тканей находится инородное тело неправильной формы.

Сделали операцию, извлекли кусок металла и высказали предположение, что это оболочка пули. Я сказал, что это не может быть пуля, т.к. ранен я был далеко от линии фронта. А значит, это был осколок. Затем, внимательно посмотрели на этот кусочек металла, протерли его, увидели, что это была искривленная половинка 20-копеечной монеты. Дело в том, что я, будучи комсоргом дивизиона, собирал у солдат членские взносы, а кошелек носил в кармане. Осколок попал в кошелек и вместе с монетой остался в моей ноге. Вот так я и получил ранение. Но после операции рана не стала заживать лучше. Оказалось, что в ране еще остались другие мелкие осколки.

Наконец, после повторной операции дело пошло на поправку, и в декабре я выписался из госпиталя. Мне, в некоторой степени, повезло. А дело вот в чем. Вместо того чтобы отправить меня куда попало, я был направлен в штаб Волховского фронта, т.к. был представителем специального оружия специального рода войск. Там выяснилось, что полк передан в распоряжение Ленинградского фронта и перебазируется на Ораниенбаумский плацдарм для дальнейших боевых действий.

Прибыв в местечко Лисий нос, где проводилась переправа через Финский залив, я обнаружил, что полка там уже нет, он уже переправлен. И меня, как подозрительно шныряющего по разным местам, вроде как шпиона, задержали, посадили на ночь в темную холодную клетушку до выяснения личности.

Правду выяснить удалось довольно-таки быстро. Утром приехал представитель полка, удостоверил мою личность и забрал из заточения. Пришлось ждать оказии для переправы. Через день-два такая возможность появилась, я переправился на южный берег Финского залива, прибыл в свой полк и вступил в ранее занимаемую должность.

25-го января начались боевые действия по снятию блокады Ленинграда. Немецкие войска были отброшены, операция с огромными потерями с обеих сторон, была успешно завершена.

Как я раньше уже говорил, полк был в резерве Главнокомандования, т.е. постоянной приписки к какому-либо фронту, какой-либо армии он не имел, а входил к ним в состав поддерживающих сил. При прорыве обороны Ленинграда под Сенявиным он поддерживал 2-ю ударную армию. И вот теперь полк перебрасывался на северный берег Финского залива для развития наступления для поддержки 59-й армии.

В боевых действиях на северном берегу Финского залива запомнились курьезные случаи. Над нами пролетали два штурмовика «Ил-2», видимо, возвращаясь с задания. И вдруг за ними увязались три «Фиата». Но наши ребята на Илах не струсили. Развернулись и, после того как один «Фиат» был сбит, оставшимся, как говорится, дал бог ноги (винты).

Другой случай. Группа из двух или трех наших штурмовиков приняла расположение наших же машин за противника. Один из штурмовиков дал залп с обоих крыльев реактивными снарядами. Серьезного урона, к счастью, не принес, но осколок попал в двигатель одной из машин. Собственными силами технической части удалось починить поврежденный двигатель. Парк боевых машин был в прежнем составе.

В одной из операций от нашего полка были отозваны две боевые машины. Несколько странный вариант: не батарея, а две машины были выдвинуты вперед, практически в ряды наступающих войск, для непосредственной поддержки их огнем. Командовал этими двумя машинами командир батальона капитан Иван Хоменко.

За успешные действия по поддержанию наступления стрелковых частей огнем «катюш» Иван Хоменко был удостоен звания Героя Советского Союза. Я тоже сопровождал эти машины со своими радистами. После успешного завершения этой операции войска Ленинградского фронта 59-й армии остановились на переформирование, а наш полк был направлен в Москву для ремонта техники и пополнения личного состава.

Там, в районе станции Зеленоградская в течение 3-х месяцев полк получал новую технику, пополнялся личным составом и в марте 1945-го года был переброшен на 1-й Белорусский фронт под Минск для поддержки боевых действий 59-й армии.

Вместе с 59-й армией мы дошли до Варшавы и на восточном берегу Вислы остановились подготовиться к решающему наступлению. Вот так получается, что я, в основном, рассказываю о боевом пути одного и другого полков, в которых я служил.

Дело в том, что я лично никаких героических подвигов не совершал. Моя должность — начальник связи дивизиона, не представляла для этого особенных возможностей. В войсках всегда складывается так: если нет связи по какой-либо причине, то связисты — чуть ли не враги, а если связь есть, что чаще всего и было, то это так и должно быть.

В ходе боевых действий на Берлинском направлении мы проезжали через Варшаву. Этот город был сильно разрушен. Немцы в тупой ярости, бессильной злобе превратили Варшаву в груду развалин. С боями, вместе с 50-й армией дошли до реки Одере, остановились для подготовки к штурму немецких войск на Берлинском направлении. И опять новый поворот в боевых действиях. Полк был приписан ко 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу совместно с другими поддерживающими частями для операции по окружению Берлина. Эту операцию 2-й гвардейский корпус провел очень успешно и к концу апреля вышел к г. Ратенов, что западнее Берлина.

В этой операции в нашем полку случилось вот что. Дивизион — две батареи — восемь боевых машин заняли огневую позицию на опушке леса в стороне от дороги. В это время на ней появился немецкий танк. Он остановился и открыл стрельбу по боевым машинам, в результате чего шесть из восьми машин были уничтожены.

Но тут, как бывает только в кино, в кустах случайно оказался рояль, а именно артиллерийский расчет противотанкового орудия, который точным попаданием поджег этот танк. Только наши потери от этого меньше не стали. Дивизион остался без своей ударной мощи.

Спасибо тебе, солдатская смекалка! Артиллерийский техник старший лейтенант Александр Лобанов проявил инициативу. Он предложил со сгоревших машин снять направляющие, с которых запускаются снаряды, укоротить их, сделав своего рода обрез и с каких-либо подсобных, местных предметов производить запуски снарядов.

И вот он и его товарищ, начальник связи этого дивизиона, старший лейтенант Константин Доморовский, погрузили на трофейную легковую машину обрезанную направляющую, пару ящиков снарядов (четыре снаряда). Поехали в город, который наполовину еще оставался в руках немцев. Заходили в дома, которые выбирали с точки зрения огневой позиции, привязывали проволокой эту направляющую к чему-то (говорят, что один раз это даже был рояль), направляли на противоположный, еще удерживаемый немцами дом и запускали снаряд. Несколько пусков были очень удачными. Старший лейтенант Александр Лобанов и Константин Доморовский были награждены орденами Красного Знамени.

Известие об окончании Великой Отечественной войны настигло наш полк на пути к новому месту дислокации. Мы еще не знали, что война закончилась и воспринимали дислокацию как новую перегруппировку. Командование, видимо, подразумевало введение нашего полка в состав группы оккупационных войск.

Раньше других нас известили об окончании войны идущие по дорогам немцы, которые везли на колясках свой нехитрый скарб. Они возвращались в покинутые дома, были этому рады и, улыбаясь, говорили: «Гитлер капут!» Вот так для нас закончилась война.

Потом, когда наш полк находился в месте постоянной дислокации, мы услышали официальное сообщение по радио об окончании войны. От радости, от великого ликования вокруг началась такая стрельба, что казалось, что война не закончилась, а разгорелась с новой силой.

Стреляли, конечно, вверх из всех видов оружия: трассирующими пулями, снарядами, ракетницами: стреляло все, что могло стрелять. Из репродуктора голосом Левитана с нами говорила сама Победа.

Голос этого диктора с самых первых дней войны — от сообщения о нападении фашистской Германии на нашу страну без объявления войны — и до последнего дня — сообщения о капитуляции фашистской Германии, о полном разгроме немецких войск, о нашей Победе, такой долгожданной, такой дорогой, этот голос Левитана входил в каждый дом с рассветом, заставлял сильнее биться наши сердца, ежедневно вселял в нас веру в то, что враг будет разбит, победа будет за нами.... Этот голос был неотъемлемой частью нашей победы от начала и до конца.

В составе группы Советских оккупационных войск в Германии полк пробыл до 6 июня 1945 года. После чего получил приказ о перебазировании собственным ходом в город Каунас Литовской ССР в место постоянной дислокации.

По пути в Каунас, уже у самого въезда в город, колонна остановилась, командиры поехали к коменданту города, чтобы выяснить точный адрес расположения. Я подошел к литовскому крестьянину, работающему недалеко от дороги, и попытался с ним поговорить. Оказалось, что он неплохо говорил по-русски. Он с интересом стал расспрашивать меня о том, что будет с крестьянами, с землей.... Будут ли колхозы? Я отвечал, как сам думал, в соответствии со своим образованием, пониманием жизни. Я отвечал, что колхозы, конечно, будут, потому что это же хорошо, совместная обработка земли должна быть более успешной, полезной, более качественной. Я не был крестьянином. Мои объяснения, доводы о преимуществах коллективной обработки земли по сравнению с единоличной ему показались неубедительными. В Каунасе полк занимался хозяйственной деятельностью и боевой учебой. Здесь мы участвовали в первых демократических выборах в Верховный совет СССР.

Выборы проходили с принятием особых мер предосторожности против возможных провокаций «зеленых» или «лесников», как называли литовских националистов, которые от Советской власти ушли в леса. Выборы прошли благополучно, никаких провокаций не произошло.

В Каунасе полк пробыл недолго. В июне 1946 года ему было предписано отправиться к новому месту дислокации в Узбекистан, на Афганскую границу — в город Термез. На этот раз перебазирование проводилось воинским эшелоном.

Мы прибыли в Термез и расположились на краю города, откуда уже была видна пограничная река. Жилья практически не было, мы увидели наполовину разрушившиеся стены от когда-то одноэтажных зданий; крыш не было вообще. Но, благо что было лето, мы занялись восстановлением выделенного нам жилья, привели здания в порядок, наполнили их соответствующим оборудованием, мебелью и наконец-то «расквартировались».

В этом гарнизоне, в месте дислокации полка, организация полка была несколько преобразована: например, была создана школа сержантского состава, чего в боевом действующем полку не было, а сейчас началась мирная жизнь, нужно было готовить кадры для будущего пополнения. И вот в этой школе сержантского состава я был назначен командиром взвода связи.

В моем взводе было два отделения: радисты и телефонисты. Командирами отделений были назначены сержанты, уже прошедшие войну, имеющие опыт, а солдаты были из вновь набранного пополнения. Я вместе с сержантами передавал молодым бойцам свои знания и накопленный опыт. В начале 1947 года я был отозван в Академию им. М.В.Фрунзе и назначен командиром взвода телефонной роты в отдельный батальон связи этой академии, который располагался в г. Загорске.

Все эти годы после окончания войны меня не покидала тяга к знаниям, я хотел учиться и в августе 1948 года попытался поступить в Академию связи им. Буденного, немного не дотянул до проходного балла и вернулся в батальон связи. В 1949 году я узнал о существовании в Москве Военно-воздушной инженерной академии, в которой есть радиотехнический факультет. Я попытался поступить в эту академию, и в сентябре 1949 года я был зачислен слушателем 4-го радиотехнического факультета Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Николая Егоровича Жуковского. В 1955 году я с отличием закончил эту академию и был направлен в центральный аппарат

Военно-Воздушных сил, в заказывающее управление. Это управление занималось тем, что формировало заказы для нашей военной промышленности на разработку новых образцов авиационной техники, занималось испытанием этих образцов, принятием их на вооружение, оформлением государственного заказа для промышленного производства и поставку нового вооружения в войска.

В 1974 году я был уволен в запас по возрасту. Но и после этого продолжал трудиться в научно-исследовательских институтах радиотехнической промышленности, заниматься практически тем же самым, а именно исследованием и разработкой средств радиотехнического оборудования для вооруженных сил.

Уже будучи 19 лет пенсионером, только в 1993 году я ушел на давно заслуженный отдых, прекратил свою трудовую деятельность и вышел на пенсию.

За время службы и мирной трудовой деятельности я неоднократно награждался правительственными наградами. Указом президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. я был награжден медалью «За оборону Ленинграда». В июне 1945 года награжденом орденом Красной Звезды № 1438293. В 1946 году за пять лет безупречной службы в вооруженных силах был награжден медалью «За боевые заслуги».

А в 1951 году уже за 10 лет безупречной службы был награжден орденом Красной Звезды № 3465739. В 1973 году Указом президиума Верховного Совета СССР за участие в разработке и внедрении в войска транспортно-десантного самолета «АН-22» я был награжден третьим орденом Красной Звезды № 3650973. 11 марта 1985 года в ознаменование 40-летия со дня победы Великой Отечественной войны я среди других ветеранов был награжден орденом Отечественной войны II степени № 3131363.

Также я был награжден медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (№ Ж0345698 Указом президиума от 9.05.45 г.), «За взятие Берлина» (№ А427175 Указом президиума Верховного Совета от 9 июня 1945 г.), «В память 250-летия Ленинграда» (Исполнительный комитет Ленинградского городского совета депутатов от 9 июня 1958 года). В апреле 1970 года награжден медалью «За воинскую доблесть» в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина, а также 13 другими медалями, посвященными юбилеям Вооруженных сил и победы в Великой Отечественной войне.

Несколько эпизодов и дополнений к ранее сказанному.

Как я уже говорил, в войну я вступил солдатом-радиотелеграфистом. На вооружении в полку сначала 28-го гвардейского минометного полка, а затем 318-го гвардейского минометного полка были полевые переносные радиостанции.

Но с самого начала войны и до того момента, как мы уже подступили к самому логову фашистов — Берлину, радиостанции было применять крайне затруднительно: по правилам, действующим в армии, поддерживающая часть выдает связь поддерживаемому. Т.е. сначала я приходил с радиостанцией в ту часть, которую нужно было поддерживать, и как только начинал разворачивать радиостанцию, командиры этой части в довольно нелитературных выражениях требовали свернуться, т.к. развертывание радиостанции может спровоцировать налет вражеской авиации.

В результате этого нам, радистам, приходилось работать в качестве телефонистов, т.е. разматывать телефонный провод от командного пункта нашего дивизиона к командному пункту поддерживаемой части. Это было очень непросто: размотать телефонную катушку с телефонным кабелем и потом поддерживать связь, которая постоянно рвалась при обстреле, при попадании осколков от разрывов снарядов.

Бывало, что телефонный кабель, протянутый вдоль наезженной дороги, хотя и подвешенный на ветки ближайших деревьев, оказывался намотанным на гусеницы танков. Дело в том, что танки при необходимости отворачивали придорожные кусты, деревья, на которых висел кабель, и сматывали его. В таких случаях приходилось долго восстанавливать связь, разыскивать оборванные концы, находить кабель, которым можно было бы заменить вырванную часть кабеля.

В начале боевых действий на Волховском фронте это была очень трудная, практически невыполнимая задача. Кабеля в распоряжении подразделений части было немного, и где взять этот унесенный кабель было совершенно непонятно. Но оставить все без изменений было просто нельзя, и поэтому приходилось выходить из положения. По мере проведения наступательных операций, когда перешли на территорию, ранее занимаемую войсками противника, это положение значительно облегчилось: подбирали кабель, брошенный немецкими связистами, и использовали его.

Кстати сказать, кабель у немцев был лучше нашего, он уже в то время был в современной хлорвиниловой изоляции, тогда как наш был в резиновой матерчатой изоляции, пропитанной озокеритом, которая не выдерживала влаги и т.д.

Конечно, не мне единственному пришла в голову мысль прокладывать кобель не вдоль дорог, а напрямик по азимуту, через лес, где танки и люди не ходят: обстрелов меньше и повреждений тоже меньше. Я поделился своими соображениями с начальником связи другого дивизиона, моим однокашником по курсам в 28-м гвардейском минометном полку Володей Зотовым, и с Костей Доморовским.

Мы подняли уровень устойчивости связи в нашем дивизионе на большую высоту. Моя инициатива помогла связистам сделать связь более устойчивой, менее повреждаемой. Видимо, это сыграло свою роль в том, что по возвращении из госпиталя меня с радостью приняли обратно и без сожаления расстались с другим лейтенантом, который временно меня замещал.

В начале операции по прорыву обороны немцев на Берлинском направлении на Кюстринском плацдарме был такой случай. Когда из-за интенсивного обстрела наших позиций был порван телефонный кабель и связь прервалась, на восстановление линии отправился командир телефонного отделения сержант Матвей Сергеевич Липин. Вскоре связь была восстановлена. Позже мы нашли Матвея Сергеевича убитым. Никто не видел, чего ему стоила восстановленная связь, но мы считаем Матвея Липина героем, погибшим в этой операции.

В конце этой операции по развитию наступления на южном берегу Финского залива 2-я ударная армия и наш полк, поддерживающий ее, дошли до г. Нарвы. Здесь в феврале 1944 года я был принят в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и пробыл ее членом до 1991 года, когда она, не без помощи Горбачева и Ельцина, прекратила свою деятельность.

В 1948 году я женился на Антонине Михайловне Красуленковой. Теперь она Прилепская. Она тоже является участником войны, была стрелком-радистом на пикирующих бомбардировщиках П-2. Участвовала в обороне Сталинграда, в обороне Кавказа. Демобилизовалась в 1945 году.

Мой отец, полковник Прилепский Алексей Иванович, в начале войны был переброшен из Еврейской автономной области на Западный фронт и в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, командуя дивизией, участвовал в боевых действиях против немецко-фашистских войск. В 1943 году был отозван в Академию им. Фрунзе и работал преподавателем, передавая знания, обучая тактике ведения боевых действий молодых слушателей академии. Демобилизовался в 1958 году.

Моя мама, Прилепская Мария Афанасьевна, также участвовала в Великой Отечественной войне. Из Свердловска она вместе со своей подругой, военврачом, сформировала санитарный поезд, в котором служила на различных хозяйственных должностях.

Вот и все, пожалуй, о чем я хотел рассказать...

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кордонский Владимир Илларионович***, курсант 4-го курса Московского государственного строительного университета

Реформатский Игорь Александрович

ВЕРНЫЕ ПРИСЯГЕ

Я родился в 1923 г., в Москве, на Арбате. До войны успел окончить только школу. В 1941г. был призван в Красную Армию. На войне был пулемётчиком и писал о войне как журналист.

В дни Сталинградской битвы я был корреспондентом газеты «Красный воин» 84-й СД. Я записывал то, что видел своими глазами, слышал от солдат, командиров, комиссаров, читал в политдонесениях или в штабных журналах боевых действий. Вот несколько эпизодов, которые, думаю, не потеряли интереса и сейчас, спустя 60 лет после описываемых событий.

Два летчика

Дело происходило ранней осенью 1942 г. в степи, в междуречье Волги и Дона. 2 сентября в 10.55 над огневой позицией зенитчиков появились четыре «Ме-110» на высоте 800-900 м с дальностью 16. Открыли огонь. Корректировал ст. л-т орденоносец Избицкий. 3-й снаряд расчета сержанта Шишленко попал стервятнику в фюзеляж. Самолет сразу же загорелся и круто пошел на снижение. Из него выбросился летчик с парашютом, которого сразу же взяли в плен находившиеся поблизости бойцы. Остальные три «Ме-110», встреченные дружным огнем зенитчиков, быстро развернулись обратно.

Эти строки живо напомнили мне и короткий бой наших зенитчиков с немецкими истребителями, имевшими, помимо пяти пулеметов и двух пушек, еще и бомбовую нагрузку в 500 кг, и вид сбитого на моих глазах гитлеровского летчика. Мне повезло: я пришел, чтобы побеседовать с артиллеристами, узнать, как они воюют, а тут я не только воочию увидел результаты их нелегкого труда, но и получил возможность познакомиться с «небесным гостем».

Одетый в легкую розовую шелковую рубашку с расстегнутым воротом, светлосерые бриджи с острой стрелкой на коленке, в сапогах, начищенных до блеска, слегка запылившихся, пока его вели по степи, предстал перед батарейцами немецкий пилот. Гладко выбритый, с надменным взглядом, немец держался весьма независимо, презрительно оглядывая обступивших его зенитчиков.

Отпустите меня, — самоуверенно заявил фриц.- Смотрите, Волга рядом, буль-буль. Ваши дни сочтены. Отпустите, и я за вас похлопочу

— Во, фриц дает, — зашумели зенитчики, когда я им перевел слова сбитого немецкого летчика. — Для кого еще раньше буль-буль окажется!

— Где вы летали раньше? — задал вопрос после выяснения имени, фамилии, войсковой принадлежности немца подошедший командир дивизиона капитан Васильченко.

— Во Франции, Дании, Бельгии. В Северной Африке тоже.

Приходилось ли вам раньше пользоваться парашютом? Сколько раз?

Это первый раз. Случайность.

— А вот у нас это уже 29-й сбитый самолет. Восемь из них сбил этот расчет. Так что же, это тоже случайность?

Гитлеровец презрительно пожал плечами.

— Не хочешь ли, фриц, поглядеть, кто тебя сшиб? — предложили пленному бойцы, выталкивая вперед засмущавшегося Шишленко. На его голове криво сидела вылинявшая на солнце пилотка. Ворот гимнастерки был расстегнут. Кирзовые сапоги со стоптанными каблуками давно потеряли свой цвет. На щеках сержанта золотилась небритая щетина.

Мне ярко запомнилось выражение лица немца, когда он увидел Шишленко. Из наглого, самоуверенного, холеного арийца он постепенно превратился в потерявшегося, готового расплакаться хлюпика. За считанные минуты от лоска, надменности, чувства абсолютного превосходства не осталось и следа. То, что его, летавшего и над Европой, и над Африкой, а сейчас и над Сталинградскими степями, отстоящими от Германии на сотни километров, смог сбить какой-то русский мужичонка — это никак не укладывалось в его набриолиненной голове

— Ну, что ж, — обратился командир дивизиона к окружающим. — Представление окончено. По местам. А ты, Шишленко, проводи своего «крестника» в штаб дивизии. Пусть там с ним побеседуют.

Сгорбившийся, понуро склонивший голову немецкий ас медленно побрел по степи. За ним, сжимая в руках автомат, шел улыбающийся сержант Иван Шишленко, бывший садовод из-под Курска, выращивавший в колхозном саду яблоки и груши.

Встреча старых однополчан

Проезжая по степи, командир дивизии генерал-майор П.Фоменко заметил, как, помогая своей лошади, подталкивал плечом тяжело нагруженную повозку пожилой ездовой. Когда генеральская машина поравнялась с застрявшей повозкой, солдат на минуту обернулся и снова навалился на нее. Генерал приказал водителю остановиться и помочь пожилому бойцу.

— Как дела, солдат? — обратился комдив к ездовому. — Коню помогаешь? — Это хорошо. Конь тебя тоже всегда выручит.

Боец еще раз поднатужился, и повозка стронулась с места. Он поправил складки видавшей виды шинели под стареньким ремнем, приосанился и, вскинув руку к головному убору, повернулся к генералу.

— Разрешите обратиться, товарищ генерал?

Обращайся, обращайся. Что у тебя?

— Товарищ генерал, а вы раньше тут бывали?

— Бывал, — улыбнулся Фоменко. — А что, может, и тебе приходилось тут верхом скакать, беляков бить?

— Приходилось. В гражданскую.

— Постой, постой, — заинтересовался комдив. А у кого же ты был в полку?

У Фоменки.

— У Фоменки? — с волнением переспросил генерал. — Так что же, значит, мы с тобой второй раз вместе воюем? А как твоя фамилия?

— Крюковы мы, Крюковы. Сейчас вот служу у саперов. Мины вожу, лопаты.

— Награды у тебя есть, Крюков?

Есть. Еще с той войны Георгиевскую медаль берегу.

Генерал нахмурился:

Ну, Крюков, благодарю за службу. Комдив прикоснулся рукой к папахе и добавил — А коня береги. Береги, Крюков. Он тебя никогда не подведет.

На следующий день в саперный батальон пришел приказ командира дивизии: за отличное выполнение боевых заданий командования красноармеец Крюков награждался медалью «За боевые заслуги».

Огонь на себя

Среди артиллеристов заслуженным уважением пользовался старший лейтенант Ганий Хамитов. Незадолго до начала Великой Отечественной войны он успешно окончил физический факультет Казанского университета и, как один из наиболее талантливых студентов, был оставлен для продолжения научной работы на кафедре экспериментальной физики. Однако нападение гитлеровской Германии на нашу страну летом 1941 г. нарушило все планы молодого ученого. Отлично знавший математику, способный быстро выполнять сложные расчеты, Хамитов пошел в действующую армию, был зачислен в артиллерию и вскоре стал командиром батареи нашего артполка. Во время ожесточенных боев в районе высоты 129,6, о важности которой Г.К.Жуков докладывал Верховному Главнокомандующему, наблюдательный пункт Хамитова находился на южном скате этой высоты. В глубоких, узких ровиках вместе с комбатом были разведчики, связисты, наблюдатели — всего 11 человек.

Во второй половине дня гитлеровцы обрушили на наш передний край шквал артиллерийско-минометного огня. Вслед за короткой бомбежкой на высоту двинулись немецкие танки. К исходу дня фашистам удалось кое-где потеснить нашу пехоту. Однако артиллеристы оставались на своих местах. Но вот противник сумел зайти хамитовцам в тыл. В ход пошли гранаты. Командир молча оглядел своих товарищей.

Отступать некуда. Будем стоять насмерть, — за всех ответил сержант Белавенцев.

— В укрытие, — подал команду Хамитов. — Передайте на батарею: огонь на меня!

Связь работала нормально.

— Повторите данные, повторите данные, — чуть помедлив, попросили с огневой.

— Огонь! — схватил трубку Хамитов. — Огонь! Больше огня на меня!

Вокруг ровиков, где укрылись отважные воины, стали рваться наши снаряды. Не ожидавшие этого, фашисты залегли.

Еще огня! Еще,- хриплым голосом командовал комбат, стараясь перекричать грохот разрывов снарядов.

Лишь ночью храбрецам удалось пробиться к своим. Вокруг НП лежали трупы гитлеровцев; исковерканными железными коробками замерли разбитые танки.

Когда я потом встретился с Хамитовым, то задал ему вопрос:

— О чем ты думал, когда вызывал огонь на себя?

О чем? Понимаешь, погибать так с музыкой! А погибать лучше уж от своих снарядов, чем от фашистских. Еще хуже было бы, если они раненного меня захватили.

Тот же вопрос был задан и огневикам.

— Трудно было выполнять этот приказ командира. Но приказ есть приказ. Не выполнить его нельзя. Мы верили: командир знает, что делает. Мы верили в него. Могли ли мы не выполнить его приказ? Может быть, последний?..

Мемориальная доска на школе № 28

В конце января 1943 г. перед войсками Донского фронта, в состав которого входила и наша 84-я стрелковая дивизия, стояла задача по рассечению и уничтожению окруженной 6-й немецкой армии генерала Паулюса. Сбивая заслоны немецко-фашистских частей, наша дивизия прошла правым флангом по северной окраине поселка Городище. Из почти 700 домов там оставалось не более двух-трех десятков, остальные были разрушены, сожжены. Комдив генерал Фоменко торопил командиров полков, чтобы они скорее заканчивали уничтожение забившихся в подвалы, погреба, развалины каменных домов гитлеровцев.

Утром 2 февраля во взаимодействии со штурмовыми группами, сформированными в полках, разведчики во главе с командиром разведроты капитаном Андреевым ворвались в сильно укрепленный и строго охраняемый блиндаж. За столом, мрачно опустив голову на сцепленные руки, тяжело сидел командир 546-го немецкого пехотного полка 389-й пехотной дивизии полковник Ганс Иоахим Харнштейн.

— Старый знакомый, — докладывал потом командиру дивизии Андреев. Мы с ним еще в сентябре прошлого года под Орловкой встречались.

На следующее утро сухой, высокий полковник Ганс Харнштейн строил своих солдат на площадке около школы N 28 Тракторозаводского района Сталинграда, чтобы сдать их генералу Петру Фоменко.

На этом месте в 1985 г. на фасаде школы была торжественно открыта мемориальная доска, на которой начертаны слова:

«В районе школы N 28 в январе начале февраля 1943 года героически сражались против окруженных немецко-фашистских войск воины 84-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Фоменко П.И.»

Эта доска была единственной в честь дивизии Донского фронта. Все мемориальные доски, находящиеся в городе, посвящены исключительно частям и соединениям, сражавшимися непосредственно в Сталинграде в составе 62-й армии.

Мне в числе других воинов 84-й СД было присвоено звание почетного гражданина поселка городского типа Городище.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Косяков Илья Константинович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Рязанов Александр Николаевич

ЕДИНОБОРСТВО С «КОРОЛЕВСКИМИ ТИГРАМИ»

Я родился 1 июля 1926 года в селе Кочетовка Токаревского района. По национальности — русский, вероисповедание — православное, партийный.

В 1942 году окончил 8 классов, а в ноябре 1943 был призван в минометный полк. Позднее направлен в Саратовское танковое училище, где проходил обучение до середины октября 1944 года. После обучения отправили на омский танковый завод (ОТЗ), где меня зачислили в экипаж из пяти человек и нам вручили танк Т-34, который вошёл в четвёртую танковую армию, 127-й танковый полк 35-й механизированной бригады под командованием майора Столярова. В танке я выполнял роль наводчика.

Из Омска мы прибыли на Сандомирский плацдарм.

Боевые действия закончил в составе 127-го танкового полка 4 ТА в звании старший сержант. Командир полка — майор Столяров, командующий 4 ТА Лелюшенко Дмитрий Данилович.

Был демобилизован по инвалидности.

Награды:

— орден Красной Звезды (приказ комбрига полковника Чурилова от 15 января 1945 года, получен в мае 1947 года);

орден Отечественной войны первой степени (1985 год).

Освобождал города: Краков, Петракув, Злочев в составе 127-го ТП 35-й гвардейской механизированной бригады 6-го гвардейского механизированного корпуса.

2-3 марта 1945 года получил осколочное ранение в ногу. Пробыв 15 дней в армейском госпитале, возвратился на фронт.

25 марта был ранен в руку от осколка тяжелой мины, в результате потерял правую руку и отправлен на лечение в Азербайджан.

В первые годы войны погибли родственники: Рязанов Георгий Павлович, Рязанов Василий Павлович

Отец, Рязанов Николай Павлович, 1899 г.р., войну окончил в звании младший сержант, командир пулемётного взвода, награжден орденом Славы и орденом Отечественной войны 2-й степени.

Обо мне была опубликована статья в районной газете «Вперёд» под названием «Наш земляк»(автор Забровский Валерий Григорьевич, апрель 2000 года).

«Королевский тигр»

Наступление началось на 12 января 1945-го года. Часа в четыре ночи нас подняли по тревоге. Все экипажи заняли свои места в танках. Проехали мы километра три или четыре до фронта. Темнотища была невообразимая и очень туманно.

Собрали роту — десять танков, десять экипажей. Зачитали приказ о том, что выходим в наступление. Выдали армейские «сто грамм». Мы, конечно, эти «сто грамм» выпили.

Состояние было тревожное, потому что шли в прорыв. Я и наш взвод из четырех танков находились во втором эшелоне. В первом эшелоне пошли танки с 76-мм пушками, а танки с 85-мм пушками оставались для углубления и расширения прорыва.

Часов в 5 утра, в самом начале 6-го, началась артподготовка, которая длилась примерно час. После окончания артподготовки наш взвод еще оставался на месте. В прорыв пошли танки с 76-мм пушками, а мы ждали того момента, когда надо будет расширять и углублять плацдарм.

В начале седьмого, когда забрезжил рассвет, мы тронулись в путь. Сначала шли по тому месту, где уже прошли наши войска. Сопротивления прямого пока не было; впереди находился лес. Этот лес был так побит в результате артподготовки, что стояли только одни стволы деревьев, без крон, высотой 3-5 метров.

Когда уже совсем рассвело, мы встретились с фашистскими танками. Перед нами стоял немецкий полк тяжелых танков. Нас предупредили, чтобы в прямое лобовое единоборство наши «тридцатьчетверки» с «тиграми» не вступали, - броня «тридцатьчетверки» была 6 сантиметров, а у «тигров» броня была 12-14 сантиметров, поэтому прямое единоборство было бесполезно.

Зашли мы в лес и встретили огромнейшее сопротивление немецких танков. Пришлось задержаться, остановилось движение. Потом через несколько минут начался воздушный бой. Наши «Ил-2» вели бой с «мессерами».

Нам было приказано выйти из машин и залечь рядом с машинами. Наши Илы включали сирены, и, когда Ил пролетал над нами, мы чувствовали вой сирены всем телом, как будто эта сирена нас приподнимала, отрывала от земли. Били наши 37-миллиметровые пушки. Они издавали очень сильный резкий звук при выстреле. Этот звук нас глушил.

Бой продолжался примерно минут 10-15, не больше. Утихло все, и мы попытались идти вперед, но на пути нас встретили «тигры». Один танк из нашего взвода был подбит, и мы остановились. По какой причине мы остановились — очевидно, лучше знало начальство. Перед нами было сосредоточено огромное количество немецких танков. Это был Сандомирский плацдарм. Он был сильно укреплен, насыщен техникой, и нам туда соваться с ходу, идти напролом это значит нести огромнейшие потери в борьбе с тяжелыми танками.

Прошло какое-то время, немцы из леса отступили, и мы прошли, наверное, километров шесть-семь без сопротивления. Уже вечерело, когда мы вошли в деревню. Деревня состояла из двух рядов домов и длиной была примерно два километра. Мы прошли всю деревню, и наш танк, в котором я был наводчиком, танк командира взвода встал самым первым на краю деревни. За нами остановились еще четыре танка, потом подтянулись и остальные, всего 10 танков.

С наступлением сумерек начался обстрел. Так как немцы не могли предугадать точно места стоянки наших танков, они били по домам. Очень много домов загорелось, стало светло. Через несколько минут с противоположной стороны деревни, примерно метров за 300 от нее, по дороге пошла с большим шумом колонна немецких танков. Немцы своим минометным и артиллерийским огнем защищали эту колонну от нападения со стороны наших танков.

Немецкие снаряды ложились совсем рядом, в 20-30 метрах от танков. Не было возможности выйти и посмотреть всю обстановку. Когда колонна немецких танков прошла, минут через 30-40 наши десантники закричали: «Танки! Немецкие танки!» Шли четыре немец-

ких танка прямо в торец деревни, а с той стороны, где находился мой танк, появились два «королевских тигра». И когда они вышли из темноты на свет, была подана команда срочно начать бой.

Как только я увидел первого « королевского тигра», сразу же произвел выстрел в том направлении, откуда он шел. «Тигр» стал разворачиваться и выходить прямо нам в лоб. Промедление было смерти подобно. Немедленно делаю выстрел — снаряд угодил в ведущее колесо. Машина сразу же встала, и я произвел по ней еще семь выстрелов. Танк, конечно, не загорелся, но развернулся на 70-80 градусов и замер. Наши снаряды броню «королевского тигра» не брали. Остальные четыре «тигра», которые шли на деревню, были уничтожены танками нашей роты 127-го полка.

Ночь прошла, и, когда забрезжил рассвет, нас повели посмотреть на подбитый танк: что же это за чудище — «королевский тигр»?

Эти машины появились в 1944 году, и в начале 45-го года их было единицы. И вот, когда мы, человек, наверное, двадцать подошли посмотреть на это чудище, немцы стали нас обстреливать. Они были недалеко и начали стрелять по нам и по своему танку, чтобы он загорелся и не достался нам в таком нетронутом состоянии.

Что было дальше? Мы пошли в наступление; встречи с врагом были небольшие, локального характера, и не с танками, а с пехотой или с артиллерией противника. Поскольку наших войск было больше, то некоторые немецкие стрелковые части, видя, что сопротивление бесполезно, сдавались.

Уже 13-го января появились первые пленные; они были деморализованы нашей очень сильной артподготовкой. На одном километре фронта стояло больше двухсот орудий. Немцы в шоковом состоянии не просто отступали, а в панике разбегались; каждый спасался, как мог.

Подавляя сопротивление небольших немецких гарнизонов, мы продвигались вперед в направлении Варшавы. 16-го января командир бригады подполковник Чурилов встретил наш экипаж и привез выписки из приказа о награждении экипажа орденами Красной Звезды. За один подбитый «королевский тигр» весь экипаж был награжден орденами. Такова была значимость уничтожения этого танка.

Оборона противника строится, как правило, из трех линий укреплений и сосредоточения войск. Артподготовка заключается в том, чтобы огнем артиллерии выбить из борьбы сначала первую линию обороны, а затем перенести огонь на вторую и на третью линии, обеспечивая таким образом успех наступления на первую и следующие линии обороны противника. После прорыва первых линий обороны в бой вступают силы второго эшелона, чтобы развить наступление в глубину и ширину. Но это все тактика проведения военных операций, за которые отвечали наши командиры. Мы, простые танкисты, знали об этом столько, сколько нам говорилось, но в подробности и детали операций, конечно, не были посвящены. Наше дело — выбрать цель и уничтожить её.

Когда у немцев появились «королевские тигры», нас предупреждали о необходимости не вступать с ними в прямое столкновение. Надо от «тигра» как-то уходить в сторону и ловить его в тот момент, когда он подставляет борт. Прямая борьба «тридцатьчетвёрки» с «тигром» была не в нашу пользу. Все боевые преимущества были на его стороне. И наши танкисты стали побаиваться «тигров», появилась «танкобоязнь»: мы стали бояться встречи с этими танками вообще. «Тигры» были намного мощнее «тридцатьчетвёрок», и поэтому специально для борьбы с ними в состав наших танковых полков входили 2-3 тяжелых танка «ИС 2».

«ИС 2» — это была очень мощная машина с очень хорошим вооружением. У него была 122-миллиметровая пушка, и он «тигра» брал на расстоянии 500-800 метров, с первого выстрела ломал его броню. И вот, когда стало случаться, что танкисты «прятались» от «тигров», наше командование по инициативе члена Военного Совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Корнюкова решило провести показательные стрельбы по подбитым «тиграм», чтобы вселить в нас уверенность в том, что с «тиграми» можно успешно бороться.

Было поставлено шесть «тигров» на разных расстояниях, в разных положениях относительно линии огня: бортовой стороной, лобовой стороной и задом. Наводчикам дали по шесть снарядов для поражения этих мишений. Нашу роту из десяти танков выстроили на позицию, и мы открыли огонь.

Стрелять нужно было по разным танкам. Попадание каждого снаряда фиксировалось, и после стрельбы нас подвели к «тиграм» и показали результаты нашей работы. Я был наводчиком, и из шести выпущенных мной снарядов пять попало в цель.

После этих боевых стрельб были еще устроены ночные стрельбы по огневым мишеням: разжигались огни, и по этим огням мы били. Корнюков — молодец! Таким образом, мы поверили в возможность успешной борьбы с «тиграми». «Тридцатьчетверка» в то время была хорошим танком, её 85-мм пушка в то время отвечала всем боевым требованиям.

Победа была молниеносной

Это произошло 15-го марта 1945 года. Мы догоняли свой полк, и на пути нам повстречался штаб 4-й танковой армии. Немцы перерезали дорогу, и штаб оказался отрезан от своей армии. Поэтому было решено выделить танки и освободить дорогу от немцев. Вечером командиров машин вызвали в штаб, и командир взвода взял меня с собой. Деревня вся горела. Было страшно темно и тяжело идти. С трудом дошли до штаба. Командиры машин получили указания, как и на каком направлении действовать.

На рассвете, двигаясь в заданном направлении, мы встретились с «тигром». Стоит от нас на расстоянии 1-1,5 километра и водит стволом вверх-вниз, налево-направо. Поразить его мы были не в состоянии.

Один из наших танков всё же произвел выстрел. В цель он, конечно, попал, но толку от этого не было. Буквально через 2-3 минуты этот танк сам был подожжен. Тогда мы отошли метров на 200-300 и стали ждать, когда «тигр» сдвинется с места и подставит нам борт. Но «тигр» стал двигаться и маневрировать таким образом, чтобы все время идти на нас передом. Мы отошли и встали в такое место, где он нас видеть не мог, а мы могли его видеть и ждать, когда он повернется к нам бортом.

Целый час «тигр» совершал свои маневры, двигаясь позади домов, пока на расстоянии около 150 метров от нас не застрял в небольшом ручье. Из-за домов мы видеть его уже не могли, и он нас тоже не видел.

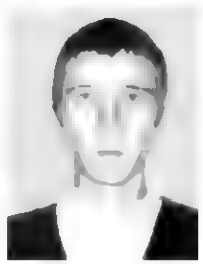
Рядом с нами, в 30-40 метрах, за домом была дорога, на которую мы задом развернули свой танк. Из танка вышли командир машины, радист и механик. Если бы наше единоборство с «тигром» окончилось неудачно, то погибли бы не пять человек, а только двое. В танке оставались наводчик и заряжающий.

Командир и два члена экипажа находились в 5-7 метрах от танка и по радиосвязи сообщали нам о движениях «тигра». Уходить от застрявшего в ручье «тигра» мы не могли, так как он мог сразу же нас обнаружить и подбить. Чтобы все-таки уничтожить этого «тигра», командование решило вызвать тяжелый танк «ИС 2».

Когда через 3-4 часа, уже к концу дня, «ИС 2» подошёл, наши наблюдатели уже выбрали ему позицию, чтобы он мог проскочить по открытому месту метров тридцать и произвести выстрел за несколько секунд. Башня танка была заранее развернута в сторону цели, чтобы сократить время наводки при остановке для выстрела. Все было заранее обдумано и подготовлено.

И вот «ИС 2» выскочил на позицию, метров 30-40 буквально пролетел за 3-4 секунды, остановился, произвел наводку и сделал выстрел. Всё это заняло не более 10 секунд. «Тигр» загорелся. Таким образом, «ИС 2» выручил нас и уничтожил «тигра». Тот просто не ожидал нападения, а если и ожидал, то не смог быстро среагировать, так как башни наших танков поворачивались быстрее. Это преимущество и было использовано, чтобы с ним расправиться. Бывали и затяжные бои с танками, а в этом случае все произошло за несколько секунд.

Ноябрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Рагозин Иван Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Семенов Виталий Петрович

ФРОНТОВЫЕ БУДНИ ГВАРДИИ СЕРЖАНТА

Я, Семенов Виталий Петрович, родился 10 февраля 1925 года в деревне Ваулово Кольчугинского района Владимирской области. Русский. Православный. Член КПСС.

После 7 классов школы в городе Орехово-Зуево я в 1939 году поступил в Ореховский торфяной техникум, который окончил досрочно в январе 1943 года.

В начале февраля 1943 года был призван в армию и направлен на учебу в Винницкое военно-пехотное училище, эвакуированное в город Суздаль. Проучившись в ВВПУ до августа 1943 года, я, вместе с третью состава курсантов, был направлен на фронт в 3-ю гвардейскую танковую армию, 6-й гвардейский танковый корпус, 272-й гвардейский минометный полк,1-й дивизион, 2-ю батарею в качестве рядового наводчика миномета. В то время армия находилась на формировке в лесу у деревни Стрельница Курской области. Командующим 3-й гвардейской танковой армией был генерал-лейтенант Рыбалко П.С., командиром 6-го гвардейского танкового корпуса генерал-майор Зенькович М.И., командиром 272-го гвардейского минометного полка — майор Иванов М.Ф., командиром 1-го дивизиона — капитан Киричков Ф.Д., командиром 2-й батареи старший лейтенант Солодянкин Т.М.

После двухнедельной формировки армия была переброшена в район Днепра, где приняла участие в его форсировании. 2 ноября 1943

года полк участвовал в прорыве обороны противника в Киевской наступательной операции. В составе 272-го гвардейского минометного полка я освобождал города: Киев (6 ноября 1943г.), Фастов(ноябрь 1943г.), Житомир (декабрь 1943г.), Проскуров (февраль 1944г.), Сандомир (июнь 1944г.), Львов (июль 1944г.), Герлиц (январь 1945г.), Опельн (февраль 1945г.), Берлин (май 1945г.), Прага (10 мая 1945г.), Мельник (май 1945г.).

Военные действия закончил в составе 272-го гвардейского минометного полка в городе Мельник (Чехословакия) на должности комсорга полка, в звании гвардии сержанта. Командиром полка был подполковник Пресняков М.М.

В октябре 1945 года демобилизовался, как имеющий 2 ранения и как дипломированный специалист техник-механик. Демобилизовался из-под города Корнейбург (Австрия). Прибыл в город Орехово-Зуево, откуда был мобилизован. Когда вставал на партийный учет, руководство райкома партии, узнав, что я был комсоргом полка (штатная должность лейтенант), рекомендовало меня секретарем райкома комсомола, где я проработал до февраля 1951 года.

Несколько эпизодов из фронтовой жизни

1. Несмотря на быстрое продвижение к Днепру армии не удалось с ходу захватить мосты через реку, а тяжелые понтоны отстали от наступающих танковых корпусов. С ходу Днепр форсировали лишь мотострелковые части и наш минометный полк. Находясь среди мотострелков, в ночь на 23 сентября наш расчет во главе с сержантом Пименовым В.М. на случайно найденной плоскодонной лодке переправился у деревни Григоровка на правый берег Днепра. Спешно оборудовав огневую позицию, переправились через реку за минами. Вернувшись к утру на правый берег, сразу стали готовиться к ведению огня по наступающему противнику, который, очухавшись, стремился сбросить советские войска в Днепр. Сдерживать рвавшихся в тот день в атаки немцев помогал огнем наш единственный миномет. К вечеру под артогнем и бомбардировками «Юнкерсов-87» наш минометный расчет вторично переправился через реку за минами. Утром 24 сентября мы огнем поддерживали мотострелков, которых непрерывно атаковали автоматчики противника. Наш полк — единственная воинская часть, которая в течение трех дней своим огнем помогла удержать григоровский плацдарм, до того как были наведены понтонные мосты для переброски танков на правый берег Днеп-

ра. За храбрость, стойкость, героизм четверо минометчиков (командир полка Иванов М.Ф., командир дивизиона Долбешкин П.Л., командир отделения разведки взвода управления полка Петренко Н.А., командир минометного расчета Пименов В.М., в котором я был наводчиком) были удостоены звания Героев Советского Союза.

2. В тяжелых боях в Житомирской операции (февраль 1944г.), будучи командиром минометного расчета, впервые в полку осуществил разведку боем (операция «Кочующий миномет»). В ходе операции, несмотря на артналеты на огневую позицию батареи, мой расчет без перерыва вел огонь по наступающему противнику, подбил машину с пехотой, неоднократно пристреливал наиболее опасные для переднего края нашей обороны позиции на случай атак немецких частей.

3. При выборе места для наблюдательного пункта дивизиона в Висло-Одерской операции отделение разведки столкнулось с осколком разбитой немецкой части. Пытались взять немцев в плен, но был упущен момент внезапности, пришлось немцев уничтожить.

4. Будучи в передовом дозоре в марте 1945 года в одном населенном пункте, отделение разведки вступило в бой с немцами, засевшими в крайних домах населенного пункта. Используя маневр и скрытность, дерзким налетом взяли в плен 11 немцев, в том числе обер-лейтенанта, двух унтер-офицеров, трех солдат и пять фольксштурмовцев.

5. Находясь на должности комсорга полка, в апреле 1945 года зашел к разведчикам, которые собирались в боевой дозор. Среди них были мои старые друзья, они позвали меня с собой. Я согласился поехать с ними, попросив дать мне автомат. Отъехав от расположения штаба полка километров 5-6, подъезжая к мосту через магистральный оросительный канал (дорога проходила по инженерным сельскохозяйственным полям), попали в засаду, пришлось вступить в бой, по машине был выпущен фаустпатрон. Машину разведчиков воздушной волной от разорвавшегося фаустпатрона подбросило, был пробит радиатор и бензобак. Отделение спрыгнуло в канал шириной метров шесть и из-за бруствера, окаймлявшего его, открыло по немецким автоматчикам огонь. Мы подверглись интенсивному обстрелу, несколько фаустпатронов разорвались, не долетев до нас. Меня, сидевшего на переднем сидении, ранило осколком, были легко ранены еще двое разведчиков. Находясь в шоковом состоянии, я сразу не почувствовал ранения; осколок пробил кожаную куртку, гимнастерку, нижнюю рубашку и застрял в мышце левой руки. Только минут через пятнадцать, пытаясь передвинуть автомат по брустверу, почувствовал слабость в руке, она не могла поддерживать оружие. Ребята перевязали индивидуальным пакетом рану, и я снова принял участие в перестрелке. В бою разведчики подбили грузовую машину с радиооборудованием, вывели из строя несколько мотоциклов. Мы определили, что это был арьергард немецкого подразделения, который через полчаса скрылся в лесу. Так, отделение разведки, вступив в бой с немцами, избавило от больших неприятностей автоколонну нашего полка. Через час полк продолжал свой путь в место сосредоточения. Ранение мое было легкое, рану обработал врач полка, вынул из раны осколок от кожуха фаустпатрона. Через несколько дней полк вступил в Берлин. Продвигаясь к центру города, в уличных боях вместе с разведчиками я принял участие в выкуривании немецких автоматчиков из домов

Награжден:

• медалями: «За Отвагу». 4 октября 1943 года приказом командира 272-го гвардейского полка от имени Президиума Верховного Совета СССР за форсирование Днепра вместе с разобранным минометом одновременно с пехотой и огневую поддержку пехоты в период попыток немцев сбросить советские войска в Днепр. Вручал награду командир 272-го гвардейского минометного полка майор Иванов М.Ф. на формировке в декабре 1943 года; «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Получил после войны;

• орденом Красной Звезды. Приказом командира 6-го гвардейского танкового корпуса №05 от 25 февраля 1944 года — за активную поддержку пехоты во время контратаки противника при массированном обстреле батареи и за проведение операции «Кочующий миномет». Вручал награду командир 272-го гвардейского минометного полка майор Иванов М.Ф. на формировке;

• орденом Славы III степени. Приказом командира 6-го гвардейского танкового корпуса №030/н от 8 марта 1945 года за взятие в плен 11 немцев. Вручал награду командир 272-го гвардейского минометного полка подполковник Пресняков М.М.;

• орденом Отечественной войны II степени. Приказом командира 6-го гвардейского танкового корпуса №073/н от 17 мая 1945 года — за разведку пути передвижения полка и бой с арьергардом противника. Вручал награду Военный Комиссар города Орехово-Зуево в декабре 1945 года.

Дважды ранен. Первое ранение получил в боях на Григоровском плацдарме 24 сентября 1943 года. Легкое ранение в височную часть головы осколком гранаты — легкая контузия. Лечился в медсанбате 6-го гвардейского танкового корпуса, находившегося в кустарнике ле-

вого берега реки Днепр. Через 7 дней вернулся в полк. Второе ранение получил во встречном бою 21 апреля 1945 года при наступлении на Берлин. Ранение осколочное от фаустпатрона, в мышцу левой руки, легкое, без повреждения кости. В медсанбат не уходил, лечили медики полка.

Брат Николай, 1917 года рождения, воевал с первых дней войны. Прошел всю войну. Вернулся в 1947 году в город Орехово-Зуево, где умер в 1963 году.

Родная сестра Анна, 1920 года рождения, принимала участие в военных действиях в качестве медсестры полевого госпиталя. Умерла в 2001 году в городе Киеве.

1999 — 2001 гг. написал мемуары под названием «Фронтовые будни минометного полка глазами сержанта». Книжка (300 страниц) вышла в ноябре 2002 года.

Во многих газетах г. Орехово-Зуево, в московских газетах были опубликованы статьи с упоминанием о моем участии в Великой Отечественной Войне.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Быховец Александр Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Семенов Иван Иванович

Я ВЫЗВАЛ АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОГОНЬ НА СЕБЯ

Я родился в 1923 году в городе Москве. По национальности русский, из старообрядцев, член ВКП(б) с 1944 года.

До войны я окончил школу №583. Узнал о начале войны, будучи студентом 1-го курса Московского авиационного института, в Москве. В июле 1941 года, после окончания экзаменов на 1-м курсе, поступил на работу на завод №213 Наркомата авиационной промышленности. Завод в начале октября срочно эвакуировался в г. Энгельс Саратовской области

Я вступил добровольцем в рабочий отряд для защиты Москвы. Остался на подпольную работу: все мои документы забрали и вместе с вещами эвакуировали в Энгельс.

Мы строили баррикады на Можайском шоссе г. Москвы. Я получил медаль за оборону Москвы. После отражения немецкого наступления, в декабре 1941-го, Московский авиационный институт стал собирать оставшихся студентов и преподавателей, и 2 февраля 1942 года начались занятия.

Студентов — в основном это были девушки — на 2-м курсе осталось 160 человек. Весной все, кто оставался на оборону Москвы, были призваны в армию.

Призыв производился через школу №150 (недалеко от метро «Аэропорт», напротив здания современного аэровокзала). От школы

до вокзала мы шли пешком, а далее — поездом до Вологды. От Вологды нас повезли на барже по реке Сухона (приток Сев. Двины) до г. Великий Устюг. Там объявили, что теперь мы курсанты Великоустюгского пехотного училища.

Наш взвод состоял, в основном, из московских студентов.После того, как мы проучились около месяца, нас отправили баржей до г. Котлас, отсюда через Вельск, товарным вагоном до ст. Няндома. От Няндомы мы пошли пешком до г. Каргополя (рядом с озером Лача и Петрозаводском), где пробыли около месяца. Потом нас отправили поездом в южном направлении, и никто не знал — куда.

На станции Рыбное Рязанской обл. ночью поезд разбомбили. Оставшихся в живых собрали и пешком отправили под г. Мичуринск (Тамбовская обл.), где формировалась 2-я Гвардейская армия. Мы были влиты в отдельный учебный батальон, жили в землянках в лесу.

Вскоре, получив обмундирование, мы отправились на Сталинградский фронт. Там началась моя настоящая фронтовая жизнь в звании курсанта ОУБ в составе 2-й Гвардейской армии. Армией командовал Р.Я. Малиновский.

Я был наводчиком ротного миномета (калибр 55 мм). Мы были направлены против армии Манштейна в район г. Котельников, пос. Васильевка, Термосин, затем в донские станицы Константиновская, Николаевская, Семикаракарская, г.Новочеркасск.

Выжить в этих боях было практически невозможно. Погибли все мои товарищи: Анненков Н.А. (МАИ, г. Тула, Коминтерна, 81), Никольский Сергей (Московский пищевой институт), Варыханов Николай (1924 г. рождения, жил в Москве на Шаболовке), Шредер Олег (Москва).

Где-то недалеко от Новочеркасска я был ранен. Нас везли на повозке вместе с Хлопиным Николаем (он был из Вологды). По дороге он умер. Я его, как мог, отволок и опустил в воронку от снаряда. Было это где-то у хутора Арпачин.

Я был помещен в эвакогоспиталь № 2138 (станция Зимовники Ростовской области), пролежал там пять с половиной месяцев. В июле 1943 г. был выписан и направлен куда-то в район Анастасиевки (тогда это был Миус-фронт).

Там политработник, прочитав мою книжку красноармейца, сказал: «Вы назначаетесь комсоргом батальона, гвардии старшиной. В атаку пойдете с 6-й ротой автоматчиков». После этого какой-то пожилой человек сказал: «Нас всех завтра заберут — кого в наркомздрав, кого — в наркомзем».

Было это поздно вечером, а рано утром, перед боем, уже на артподготовке, я нашел командира роты. Он назвался Малхозовым Магометом Алимовичем. Возле него были двое: ординарец и сигнальщик. Командир роты дал команду: «За мной! Вперед! За Родину!», и мы побежали через кукурузное поле, в атаку.

Первым был убит сигнальщик. Потом ранило ординарца, а затем в голову ранило командира роты. Я запомнил, как у него пошла розовая кровь. Это был батальон 149-го стрелкового полка 49-й гвардейской Краснознаменной дивизии, командир батальона Онопа Григорий Федорович (Молдавия, г. Дубоссары, ул. Мира, 29). Мне потом сказали, что он тоже умер. У меня ранение было легкое, в руку и в бок. После излечения в 55-м медсанбате меня направили в 100-й гвардейский артиллерийский полк этой же дивизии.

Возможно, оттого, что я был москвич, студент, учился в пехотном училище и был два раза ранен, я стал служить в основном, 2-м дивизионе (командир гвардии майор Рожков А.Л.) на наблюдательном пункте (НП), а потом и в разведгруппах.

Наблюдательный пункт — это место наблюдения за действиями противника. Артиллерийский НП создается для разведки противника, засечки целей и корректирования огня.

Мне очень нравилось служить на НП, наблюдать за немцами. Однажды расположение нашего НП было выбрано неудачно. Противник заметил нас и напал на НП. Солдаты начали отступать. Тогда мне пришлось применить личное оружие, чтобы отразить атаку. Пришлось даже стрелять в воздух, заставляя своих прекратить отступление. Я вызвал артиллерийский огонь на себя, но указал координаты немного дальше НП, ближе к немцам. Под этим огнем погибли многие, кто был на нашем НП, меня контузило, но удалось уничтожить противника.

Командиром нашего полка был Федорков (погиб в Венгрии). С этим полком я был в боях за: Гуляй-поле (родина Махно), Ново-Мунталь (10.10.43), Каховку (осень 1943), Херсон (13.03.44), Николаев (28.03.44), Одессу (10.04.44), Чобручи (18.04.44), Дубоссары (май-август 1944), Кагул (30.08.44) — переход в Румынию через реку Прут. Затем освобождали: Браилов (Румыния), Силистра (Болгария, сентябрь 1944). Далее по Дунаю, опять Румыния: Каракал, Крайова (сентябрь 1944), Белая Церква (сентябрь 1944), встреча с югославскими партизанами, тяжелые бои за г. Панчево пригород Белгорода (6.10.44), Петровград, Велика Кикинда (Югославия), переход венгерской границы. Бои в Венгрии: Сегед, Кишкун-Майша (12.10.44), Монор, Дем-

ры, Будапешт (13.02.45); в Чехословакии: Дунайска стреда (апрель 1945): Австрия: Вена (13.04.45), Корнейбург, Штокерац (апрель 1945), Кремс, Линц. Чехословакия: Яромекжице, Зноймо (8.05.45), Голлабрун (8.05.45).

8 мая 1945 года была получена последняя благодарность Сталина за боевые действия при овладении городами Штоккерац, Голлабрун, Яромекжице и Зноймо.

3 июня дивизия возвращалась на Родину через города: Братислава (Чехословакия, 17.06.45), Вац (Венгрия, 26.06.45), Бебрецен (30.06.45 — 10.07.45) — там были парад, построение и сборы. Затем — Румыния: Клуж (20.07.45), Бакэу (30.07 — 15.08.45), Хуши (11.09.45). После этого мы снова перешли реку Прут и 13 сентября 1945 г. прибыли в Кишинев.

Сразу же по прибытии мне было объявлено, что я получаю месячный отпуск. Я поехал в Москву, приехал в МАИ. На проходной сказал, что я был здесь студентом, меня пригласили к директору, Н.В. Иноземцеву.

Директор поприветствовал меня стоя (я был в военной форме), а затем пригласил своего заместителя, подполковника КГБ Райкова. Тот вручил мне пакет, сказав, что в нем документы для моей демобилизации Одесским военным округом. Это было для меня полной неожиданностью.

В тот же день я поехал обратно в Кишинев. Командир, увидев меня, сперва стал ругать за то, что не пользуюсь отпуском и не поехал домой. Но, узнав о демобилизации, собрал офицеров, и тогда перед строем зачитали приказ, а потом наградили меня фотографией на фоне боевого знамени.

Так для меня закончилась война.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ремизов Сергей Сергеевич***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Старостин Василий Тимофеевич

НА ЕГО СТЕНАХ МЫ ДЕЛАЛИ ЗАПИСИ

Я родился 4 октября 1925 года в деревне Маковские-Выселки, Михайловского района, Московской области. Русский. Православный. Беспартийный.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года, в Москве, когда готовился к сдаче экзаменов за первый курс железнодорожного техникума им. Дзержинского. На следующий день, 23 июня 1941 года, мы, студенты, обсуждали у карты мира последние сводки.

Мы были уверены, что скоро Красная Армия отбросит фашистов и будет их бить на территории врага. После сдачи экзаменов весь наш первый курс отправили на трудовой фронт в Смоленскую область под г. Ельню, на строительство оборонительных сооружений.

Во время работы над нами часто кружил немецкий самолет-разведчик FW-189 «Рама». Затем немцы высадили у нас в тылу свой десант в красноармейской форме. Нас на автомашинах привезли обратно в Москву. Во время работы на трудовом фронте мы жили и спали в колхозных сараях, не мылись и не брились. Обувь и одежда порвались.

Техникум эвакуировался в Ташкент, я остался в Москве. Устроился на работу учеником фрезеровщика на судостроительный военный завод, который был эвакуирован из Ленинграда и размещен в Москве, в районе Новых Домов (недалеко от Киевского вокзала). При

заводе я прошел всеобуч по 80-часовой программе по специальности «миномет-лопата». Во время налетов на Москву немецкой авиации дежурил во дворе дома №5 по улице Калинина, где я проживал. Когда падали зажигательные бомбы, мы с ребятами гасили их песком.

17 октября 1942 года я был приписан к призывному участку Киевского райвоенкомата г. Москвы.

Я сдал вступительные экзамены в военное училище и был зачислен курсантом 3-го батальона 8-й роты 1-го взвода. В нашем взводе оказались в основном москвичи, из 25 человек было четыре латыша, один белорус и один горьковчанин.

До нас готовили курсантов 6 месяцев, однако затем поступило указание готовить из нас офицеров связи для мирного времени, со сроком обучения два года. В том числе готовили классных радистов. По окончании первого года обучения я сдал зачет на радиста 2-го класса, и мне было присвоено звание ефрейтор. В будущей моей службе профессия радиооператора стала моей главной послевоенной специальностью. В 1944 году к нам в училище прибыло 30 Героев Советского Союза — связистов, получивших это высокое звание за форсирование реки Днепр.

3 декабря 1944 года сдал экзамены на «отлично», и мне было присвоено первое офицерское воинское звание младший лейтенант, специальность «начальник связи батальона».

Начал участвовать в боевых действиях: 3 января 1945 года прибыл в Москву в распоряжение Главного Управления Связи Красной Армии (ГУСКА), где получил назначение, по собственной просьбе, на 1-й Украинский фронт. В штабе 1-го Украинского фронта получил назначение в 3-ю гвардейскую танковую армию, которой командовал генерал П.С.Рыбалко. Из 3-й гв. ТА был направлен в 6-й гвардейский танковый корпус, которым командовал генерал В.А.Митрофанов. Здесь меня назначили начальником радиостанции РСБ-Ф в 145-м гв. отдельном батальоне связи, командир батальона майор Чалов.

Штаб 6-го гв. ТК находился на формировке после Сандомирской операции и располагался в г. Бунцлау, где похоронено сердце М.И.Кутузова. Здесь на формировании мы готовились к обеспечению связи между командиром корпуса, танковыми бригадами и тылом.

Перед Берлинской операцией танкисты давали клятву: «Клянемся тебе, наш великий народ, что мы, идя в последний решительный бой, будем драться до последнего дыхания, пока сердце бьется в груди, а глаза видят врага. Вперед, боевые товарищи, на штурм Берлина!»

16 апреля 1945 года в 5 часов утра началась артподготовка по правому берегу р. Нейсе. Мой экипаж установил радиосвязь между командиром 6-го гв. ТК с танковыми бригадами и тылом корпуса. Так началась Берлинская операция.

Во время артподготовки саперы под ответным артогнем противника наводили переправы — понтонные мосты через р. Нейсе. К вечеру 16 апреля 1945 г. в составе штабной колонны 6 гв. ТК я со своим экипажем радистов на автомашине «Додж 3/4» под непрерывным огнем немцев переправился по понтонному мосту через р. Нейсе на ее правый берег. Возле моста руководил переправой командир 6-го гв. ТК генерал В.А. Митрофанов.

На правом берегу реки были немецкие окопы, кругом лежали трупы немецких солдат. Все это я увидел впервые.

После переправы мы развернули антенну и продолжали обеспечивать радиосвязь командира 6-го гв. ТК с 51-й, 52-й и 53-й танковыми бригадами и тылом корпуса.

Преодолев первую и вторую линии обороны немцев, танкисты вышли на оперативный простор. Наши танковые бригады с большой скоростью продвигались вперед к Берлину.

В один из ключевых моментов операции была потеряна радиосвязь с 51-й танковой бригадой, которая далеко вырвалась вперед. Мне было поручено выехать со своим экипажем на сближение с бригадой и установить с ней радиосвязь, узнать ее местонахождение и оперативную обстановку. Дело было ночью, а на наших картах не было тех дорог, которые оказались на местности. Я постучал в ближайший дом, взял хозяина дома немца с собой в машину, и он указал, как проехать в нужный мне пункт.

Мой экипаж установил связь с 51-й танковой бригадой, и мы начали работать в режиме ретрансляции. Вскоре к нам подъехал штаб корпуса, и мы продолжали работать в обычном режиме.

Запомнились отличные шоссейные дороги. На перекрестках уже стояли наши регулировщики, как правило, девушки. На щитах было указано расстояние до Берлина и направление движения. Очень непривычными для нас были на перекрестках щиты с распятиями. В поселках и городах дома были опрятными, улицы чистые, но все, словно в снегу — покрыто пухом и перьями из перин и подушек. В окнах были вывешены белые простыни в знак капитуляции.

Радисты обеспечивали бесперебойную связь между командирами на ходу, чем заслужили высокую оценку. Во время коротких остано-

вок свободная смена радистов копала укрытие для машины и окопы для себя; во время артналетов и бомбежек находилась в укрытиях.

Во время движения по дорогам нас часто обстреливали немецкие самолеты, приходилось съезжать с дороги и искать укрытие в лесу или на улицах поселков, городов.

Боевой путь проходил через города: Бунцлау (15.04.1945), Форст (16.04.1945), Барут (18.04.1945), канал Мельц (22.04.1945), южная окраина города Берлин (24.04.1945), Тельтов-канал (26.04.1945), город Берлин (30.04.1945), город Прага (09.05.1945).

Военные боевые действия закончил в столице Чехословакии г. Праге 9 мая 1945 года в составе 3-й гв. ТА, 6-го гв. ТК в воинском звании младший лейтенант, под командованием майора Чалова.

Возвращался с войны через города: Пардубице — Чехословакия (15.05.1945), Корнейбург Австрия (25.05.1945), Витенберг Германия (июнь 1946), Кенигсберг (март 1948).

Демобилизовался в Москве, в феврале 1976 года. Работал в ГИУ ГКЭС заместителем начальника секретного отдела до февраля 1989 года.

* * *

24 апреля 1945г. Танкисты 6-го гв. ТК освободили из концлагерей на окраине Берлина чудом оставшихся в живых военнопленных — женщин и девушек в полосатых робах с номерами на них. Узники были заняты на тяжелых работах. В частности, сестра моей жены в 1941 году была угнана из Белоруссии в Германию и работала на мыловаренном заводе. Ей тогда было всего 17 лет. После освобождения она вскоре умерла от туберкулеза. И таких случаев было очень много.

26 апреля 1945 года под обстрелом я со своим экипажем радиостанции форсировал по понтонному мосту Тельтов-канал. Этим каналом был окружен весь г. Берлин, его ширина была 50 метров, глубина до 2 метров.

И вот мы в самом Берлине. Город сильно разрушен, от многих домов остались одни стены. Люди прятались в подвалах. Из окон уцелевших домов были выброшены белые простыни, а из некоторых торчали стволы пулеметов и фаустпатронов.

28 апреля 1945 года, при переезде на другой пункт, я увидел, как немецкий самолет начал кружиться над нами. Я остановил свою машину, а за нами встала тяжелая автомашина-тягач с пушкой. Самолет начал пикировать, я лег на асфальтовую дорожку, закрыв голову

руками. Раздался сильный взрыв, куски металла и грязи посыпались на меня. Когда я встал, то увидел, что бомба попала в тягач, и на этом месте большая воронка. Мою машину с экипажем и шофером засыпало осколками и землей. Мой экипаж и я не пострадали, радиостанция и машина тоже.

1 мая 1945 года в центре Берлина в одном из подвалов разместился радиоузел и экспедиция, где служили также девушки-радистки и экспедиторы. К девушкам приехал их знакомый старшина из разведывательного батальона. Увидев, что на праздничном первомайском столе у них нет сладостей, пообещал их привезти и уехал на автомашине «Виллис». В городе он был убит снайперской пулей. Отважный старшина прошел от Сталинграда до Берлина, имел много наград и был трижды ранен. И вот такая гибель...

Более 10 тысяч советских воинов погибли в Берлинской операции.

2 мая 1945 года немецкие солдаты бросали оружие и сдавались в плен, а жители вылезали из подвалов. Было взято в плен 860 тысяч немецких солдат и офицеров, захвачено более 1800 танков.

Вместе с офицерами штаба 6-го гв. ТК я побывал в сердце Берлина фашистском Рейхстаге. Рейхстаг выглядел черным и зловещим, на его стенах мы делали записи, проклинающие фашизм. По ступенькам мы поднялись под своды Рейхстага. И увидел огромную люстру, упавшую с потолка, среди битого стекла и другого хлама. Немец показал нам рядом со входом в Рейхстаг дверь, через которую входил один только Гитлер.

В этот же день мои радисты приняли сигнал «SOS» из Праги. Восставшие жители просили помощи от Красной Армии. Я передал сигнал в штаб 6-го гв. ТК. Нам был отдан приказ идти на помощь жителям Праги. Расстояние от Берлина до Праги в 500 км мы прошли по горно-равнинной местности. Двигались днем и ночью. Навстречу шли машины с пленными немецкими солдатами, а с правой стороны стояли с цветами мужчины, женщины и дети. Они скандировали «Виват, руда армия», забрасывали нас цветами, пожимали руки, обнимали и целовали.

9 мая 1945 года, когда мой экипаж в центре Праги стал разворачивать антенну-мачту, ко мне подошла местная жительница с двумя дочерями. Девушки принесли ведро воды, ковш и полотенце, а мать — пирог с черешней.

После угощения женщина пригласила меня в дом и показала подвал, в котором они прятались от обстрела. Сын ее был на баррикадах, и она не знала, что с ним. Вечером сын вернулся — его освобо-

дили из лагеря наши танкисты. Мать почему-то стала целовать не столько сына, сколько меня; по ее лицу катились слезы радости за нас — освободителей.

На центральной площади Праги начались торжества по случаю освобождения города. Пришла долгожданная победа! Радости не было предела. Жители Праги зазывали нас к себе, угощали, радовались нашей общей Победе.

Имею награды:

• Орден Красной Звезды, номер 1352333 — указом президиума Верховного Совета СССР. Приказ подписал секретарь ПВС СССР Горкин. Дата вручения 25.06.1945, место вручения г. Пардубице, Чехословакия. Вручил командир 145-го гв. батальона связи майор Чалов. Награжден за отличное обеспечение командования бесперебойной радиосвязью в боевых действиях при овладении столицей Германии Берлином и за освобождение столицы Чехословакии г. Праги.

• Орден Отечественной войны II степени, номер 3011000 – указом президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1985. Приказ подписал секретарь ПВС СССР. Место вручения г. Москва, ГИУ ГКЭС. Вручил начальник ГИУ ГКЭС контр-адмирал Гришин. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

• Медаль «За боевые заслуги», без номера — указом ПВС СССР, в ознаменование 30-летия победы в ВОВ 1941-45 годов.

• Медаль «За победу над Германией в ВОВ 1941-45 гг.», без номера — указом ПВС СССР от 09.05.1945. Дата вручения 17.10.1945, место вручения — Центральная группа войск, Австрия, г. Корнейбург. Вручил командир 78-го тяжелого самоходного танкового полка прорыва гв. полковник Курист.

• Медаль «За взятие Берлина», без номера — указом ПВС СССР от 09.06.1945. Дата вручения 17.10.1945, место вручения — Центральная группа войск, Австрия, г. Корнейбург. Вручил командир 78-го тяжелого самоходного танкового полка прорыва гв. полковник Курист. Награжден за участие в героическом штурме и взятии Берлина.

• Медаль «За освобождение Праги», без номера — указом ПВС СССР от 09.06.1945. Дата вручения 17.10.1945, место вручения — Центральная группа войск, Австрия, г. Корнейбург. Вручил командир 78-го тяжелого самоходного танкового полка прорыва гв. полковник Курист.

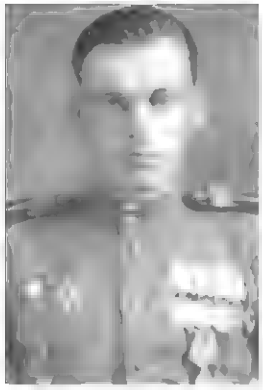
Освобождал: в составе 1-го Украинского фронта под командованием И.С.Конева, 3-й гв. танковой армии под командованием генерала П.С.Рыбалко, 6-го гв. танкового корпуса под командованием генерала В.А.Митрофанова, 145-го гв. батальона связи под командованием майора Чалова, радиороты под командованием капитана Корниец:

• 16 апреля 1945 г. — реку Нейсе;
• 16 апреля 1945 г. — г. Форст;
• 18 апреля 1945 г. — г. Барут;
• 22 апреля 1945 г. — канал Мельц;
• 24 апреля 1945 г. — южная окраина Берлина;
• 26 апреля 1945 г. — Тельтов-канал;
• 30 апреля 1945 г. — г. Берлин;
• 9 мая 1945 г. — г. Прага.

В войне погиб брат — Старостин Сергей Тимофеевич, 1900 года рождения. До войны он в 1918 году вступил в коммунистическую партию, в 1932 году окончил военно-политическую академию им. Я.М. Свердлова, а в 1938 г. — институт Красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики, работал в Госплане СССР начальником отдела.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Цветков Александр Григорьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института



Степанов Анатолий Павлович

БОИ ВЕЛИСЬ И ДНЕМ И НОЧЬЮ

Я родился 7 ноября 1917г. в городе Москва. В 1935 году закончил 7-й класс фабрично-заводского училища №24 Краснопресненского района г. Москвы и в этом же году стал работать монтером техники в спецбригаде радиотелефонной дирекции по обслуживанию спецсвязи.

В 1935 году подал заявление в районный военкомат — для поступления в Киевское училище связи. В связи с заболеванием был отчислен и продолжал работать монтером.

Узнал о начале войны по радио. Был призван в ряды Красной Армии только в августе 1942 года, направлен в формирующийся 6-й механизированный корпус, в 51-ю мехбригаду, в отдельный минометный батальон в район Горьковской области, где проходил учёбу, и назначен командиром расчёта 82-мм минометов в звании сержант. Командиром батальона был капитан Агаюнов.

В конце декабря корпус был окончательно сформирован, комиссия определила его полностью готовым к выполнению всех задач.

Надо отметить, что 6-й механизированный корпус был сформирован из моряков-добровольцев Тихоокеанского флота и пополнен морской пехотой. Часть из них уже обладала боевым опытом, приобретённым при обороне Одессы и Севастополя. Командиром 6-го мехкорпуса был назначен генерал-майор танковых войск Богданов С.И.

4 декабря 1942 года был получен приказ Народного комиссара обороны выступить на фронт в распоряжение Сталинградского фронта для использования против котельниковской группы противника в составе 24-й гвардейской ударной армии. Перед нашим корпусом ставилась задача сосредоточиться к 20:00 25 декабря в районе Аксай.

Противник оборонял заранее подготовленными силами рубеж.

И вот наступил первый бой. Каждый воин стремился выполнить свой долг в первой встрече с врагом. В 11:00 26 декабря соединения, стремительно развернувшись в боевой порядок, атаковали врага, и несмотря на сильный огонь противника, прорвали оборону и преследовали его. В первом бою, несмотря на сильное сопротивление противника, было захвачено 20 орудий, уничтожено свыше 500 солдат, 4-х офицеров взяли в плен. Надо отметить, что успеху бригады в немалой степени способствовала хорошо проведённая разведка переднего края противника.

Вот два примера действий разведчиков.

Замкомандира разведроты 55-й мехбригады лейтенант А.В.Ребцов с группой разведчиков бесшумно снял несколько постов боевого охранения врага, и разведчики внезапно ворвались в хутор Самохин.

Их действия были стремительны и неожиданны, они пленили 50 солдат, вывели из строя пять орудий и шесть пулемётов противника. Опрос пленных дал возможность узнать систему огня, места огневых средств. В бою на подступе к Жутову 2-му был ранен командир 51-й бригады полковник Михайлов. В командование вступил начальник штаба бригады подполковник В.И.Карев.

27 декабря бои разгорались с новой силой. Несмотря на то, что обстановка сильно изменилась, температура понизилась до -32 градусов, мела позёмка, дул сильный ветер, видимость была плохая, утром в 7:00 все три бригады перешли в наступление. Враг был сломлен и с большими потерями отступил.

В этих боях многие младшие командиры сержанты показали способность умело и хладнокровно руководить боевыми действиями своих подчинённых и в неожиданные моменты заменить выбывших из строя офицеров.

Так, например, командир отделения из роты противотанковых ружей 55-й бригады старший сержант К.Корольков, узнав, что командир роты ранен и выбыл в госпиталь, принял на себя командование ротой, которая за день боя подбила шесть танков. Сержант Л.Ю.Гирев после гибели лейтенанта А.В.Анучина вступил в командование ротой и повёл бойцов в атаку.

28 декабря наша 51-я механизированная бригада продолжала громить отступающего врага, бои велись и днём и ночью.

К 12 часам 29 декабря г. Котельников был освобожден. Перед корпусом была поставлена новая задача — овладеть крупными заранее подготовленными к обороне рубежами Атаманский — Столяновский — Зимовники.

Опять продолжительные тяжелые бои с превосходящими силами противника. 30-градусные морозы. 9-го января Зимовники были освобождены. Зимовниковский узел обороны гитлеровцев был полностью ликвидирован. Высоко были оценены действия 6-го мех. корпуса и проявленная отвага в боях на окраинах с немецкими захватчиками. Поступила телефонограмма: «За героизм личного состава преобразовать 6-й мех. корпус в 5-й гвардейский мех. корпус. Преобразованному корпусу вручить гвардейское знамя. Приказ передать по телефону. Народный комиссар обороны И.Сталин. Москва, Кремль. 9 января 1943 г.»

В двадцатых числах наш корпус был включен в состав механизированной группы генерала П.А.Ротмистрова, который поставил нам новую задачу — форсировать р. Маныч и закрепиться в станице Умань.

23 января корпус, подтянув резервы, сосредоточившись в лесопосадке, перешел в наступление.

Надо было пройти примерно 200 метров до станицы, открытым полем. По дороге мы были атакованы примерно 25 танками, завязался неравный бой. Нас поддержали 4 танка и из лесопосадки несколько орудий. Немцы — очевидно, это был немецкий заслон — отошли, а мы вошли в Умань. На улицах горели танки, валялись трупы немцев. Задача была, овладев станицей, удерживать её до особого распоряжения. В штаб бригады вызвали всех офицеров и начали создавать оборонный рубеж.

Наша рота 82-мм минометов в предыдущих боях была очень ослаблена, насчитывала всего три миномёта. В бою за Умань был убит последний офицер командир нашей роты, лейтенант Лесин, потери были большие, и в расчётах из трех миномётов только два — третий был негодным. Командир бригады подполковник В.И.Карев обходил все подразделения, подошел к нам, спросил: есть ли боеприпасы, какие потери, и поставил новою задачу — занять позиции. Спросил, сколько мне лет. Я ответил, что у нас нет командира, боеприпасы в лесопосадках на машине, ну, а мне 25 лет.

Подполковник говорит мне, что командиром взвода будешь, сержант, ты (приказ сегодня будет). Сейчас же вам пригонят машину, приступай к оборудованию новой позиции, разгрузите боеприпасы, а на машину — раненых. Держись, сержант, немцы нас в покое не оставят.

Всю ночь мы провели в подготовке к бою. Нам подвезли боеприпасы, продукты, легкоранеными занялись в санзводе, тяжелораненых отправили в тыл на освободившихся от боеприпасов машинах.

Всё это делалось в сложных условиях: дело в том, что в ночь на 24-е вдруг пошел дождь, а к утру 25-го ударил мороз, шинели заледенели и сковывали движения.

Часов в 9 утра видим, как от того леса, где был наш исходный рубеж, идут танки. «Ну, теперь живём»,- говорит мне сержант Валентин Дудник, наводчик в моём расчёте.

Я взял бинокль, смотрю — танки немецкие. Недалеко от нас стояли наши артиллеристы, они тоже увидели. Танки подошли к станице на полкилометра, в открытом поле. Встали полукольцом, пехоты на них нет, люки закрыты. Мы к бою были готовы, но приказано огня не открывать.

Примерно в 12:00 гитлеровцы перешли в контратаку, но те танки стояли без движения, а наступали немцы с другой стороны станицы. Шли танки, бронетранспортеры и пехота. В течение всего дня мы вели кровопролитные бои. Два раза гитлеровцы врывались в Умань, и оба раза были отброшены с большими для них потерями.

Особо яростной была третья атака — под самый вечер. Станица горела, со всех концов били пулемёты, летели снаряды, трассирующие пули, наши минометы молчали, кончались боеприпасы, но были гранаты и патроны, мы сходились с противником в рукопашном бою. Подполковник Карев и его заместитель по политчасти подполковник В.Ф.Ахмеров были на самых опасных участках боя.

И вот кризис наступил. Потеряв 7 танков, 15 автомашин и свыше 300 солдат и офицеров, гитлеровцы откатились. Стрельба стала потихоньку затихать, несколько немцев, не успевших отойти, отстреливались, но их мы быстро уничтожили, пустив в ход гранаты.

В боях при обороне Умани погибли командир 10-й гвардейской механизированной бригады подполковник В.И. Карев, полковник части В.Ф. Ахмеров, начальник штаба подполковник Николаев, командир 11-й механической бригады полковник И.В. Студеникин, начальник политотдела майор Е.Т. Дмитрик, начальник штаба Г.И Моримяков.

Все они пали смертью храбрых, показав в бою беспримерную отвагу, мужество и стойкость. 10-я мехбригада отстояла Умань.

В эти дни весь личный состав узнал волнующую новость: корпусу за доблесть, мужество и героизм в районе Зимовников приказом Народного комиссара обороны 27 января 1943г. было присвоено почётное наименование Зимовниковский, и отныне он именовался «5-й гвардейский механизированный Зимовниковский корпус»

До 6 февраля 1943г. мы вели боевые действия юго-восточнее Батайска, 7 февраля корпус был выведен в резерв фронта.

За период боевых действий с 26 декабря 1942г. по 6 февраля 1943г. корпусом были нанесены большие потери противнику, немецко-фашистские войска потеряли свыше 6900 солдат и офицеров и 1340 человек пленными. Соединениями корпуса было уничтожено 120 танков, 210 орудий, 570 автомашин, 4 тягача, 2 миллиона снарядов, 20 миллионов патронов, много складов. Было освобождено от оккупантов 400 населённых пунктов.

В конце февраля 1943г. 5-й гвардейский механизированный Зимовниковский корпус распоряжением Ставки главнокомандующего из резерва Южного фронта был передан в состав пятой гвардейской танковой армии в район населённого пункта Трёхстенки Воронежской области. Командиром пятой гвардейской танковой армии стал генерал-лейтенант П.А.Ротмистров.

Здесь предстояло провести доукомплектование личным составом, боевой техникой и вооружением и подготовиться к боевым действиям.

В ночь на 7 июля поступил приказ пятому гвардейскому корпусу сосредоточиться к утру 8 июля в районе Старого Оскола.

8 июля, пройдя 100 км, сосредоточились в районе посёлка Псел.

К этому времени противник перенёс свой главный удар на Прохоровку. 12 июля в 8 часов 30 минут началось танковое сражение под Прохоровкой.

Наш корпус вступил в бой с противником, и совместно с 42-й стрелковой дивизией встречным ударом были остановлены атаки гитлеровцев. Корпус, выполнив поставленную перед ним задачу, к исходу 13 июля был выведен в резерв командующего пятой гвардейской танковой армией и сосредоточен в 9 км юго-восточнее Прохоровки. Утром 14-го июля корпус в полном составе вёл бой, штаб корпуса имел прочную проводную связь со всеми частями.

В бою под населённым пунктом Плоты была потеряна связь с минбатальоном. Кругом всё горело, танки вели огонь, рвались снаряды, мины; бомбили, а высланный связной до батальона не пробился. В то время я находился на командном пункте в распоряжении командующего артиллерии подполковника Жильцова.

Он подозвал меня и говорит: «Ты, старший сержант, сегодня смог пройти с батальоном ко мне. Надеюсь, дорогу знаешь хорошо. Бери приказ и вперёд, учти — это очень важно».

А кругом идет ожесточённый бой, местность очень пересечённая. Не разберешь, где наши, а где немцы. Стреляли по мне, стрелял и я, но приказ через полчаса был доставлен по назначению. За выполнение задания я был награждён медалью «За отвагу».

Бои под Прохоровкой показали возросшее боевое мастерство советских воинов только за период с 12 по 16 июля противник в результате ударов пятой гвардейской танковой армии потерял 459 танков, из них 70 «тигров».

3500 солдат и офицеров, 300 автомашин и бронетранспортеров, 88 орудий, при этом 213 танков (из них 22 «тигра») были уничтожены нашим 5-м гвардейским механизированным корпусом. Корпус продолжал вести наступательные бои, и 5 августа был освобождён Белгород, 23 августа Харьков. По приказу командира 5-й гвардейской танковой армии наш корпус был выведен из боёв 1 октября и сосредоточился в районе Дергачей (12 км северо-западнее Харькова).

С 1октября 1943г. корпус приступил к дооформлению, пополнялся личным составом, получил вооружение и боеприпасы. В частях корпуса за мужество в боях с немецко-фашистскими захватчиками были награждены орденами и медалями 5506 человек, в том числе я был удостоен третьей медали «За отвагу».

10 октября корпус получил приказ выбыть на фронт и, совершив 200-километровый марш, форсировал реку Днепр, заняв исходные позиции. На правом берегу Днепра велись бои в направлении Кривого Рога. Немцы прилагали все силы, чтобы отбросить нас назад через Днепр, но были отброшены сами. А мы продолжали вести бои на Правобережной Украине.

В конце декабря мы вели бои под Кировоградом. С января корпус доукомплектовали. Вывели в резерв РГК. В начале декабре 1944 корпус вёл бои в Моравии и Верхней Силезии. В составе 4-й гвардейской танковой армии форсировали реки Одер, Нейсе и продвигались в направлении Берлина.

30 апреля мы вели бои уже в предместье Берлина.

5 мая по приказу командующего 1-го Украинского фронта нас вывели из боёв в Берлине и направили на освобождение Праги. Корпус

прошел через Рудные горы и в 4:00 вошел в Прагу. Так закончились бои 5-го гвардейского Зимовниковского механизированного корпуса.

За время боёв я был дважды контужен и ранен в голову.

Был награждён двумя орденами Отечественной войны 1 и 2 степени, орденом Красной Звезды и тремя медалями «За отвагу». Общая служба в армии — с августа 1942 по август 1960г.

Февраль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Петухов Алексей Владимирович***, студент 1-го курса профессионального училища № 5

Ступецкий Николай Трофимович

В ЕДИНОМ НАСТРОЕ И ПОРЫВЕ

Родился 22 сентября 1926 года в селе Старая Безгинка, Новооскольского района Белгородской области. Русский.

В 1953 г. окончил среднюю школу № 1 офицерского состава при ДОСА г. Харькова. В 1949 г. окончил Гвардейское Харьковское танковое училище. В 1961 г. окончил инженерный факультет Военной академии бронетанковых войск. В Советской Армии служил с 26 апреля 1943 г. по 7 декабря 1987 г.

Награжден орденами Отечественной войны I и II степени, двумя орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС» III степени, медалями: «За боевые заслуги», «Ветеран ВС СССР» и 17 юбилейными медалями.

Награжден орденом Боевой Красной Звезды Чехословакии и шестью медалями: Польши — 2 медали; Чехословакии — 2 медали; Украины — 1 медаль; Кубы — 1 медаль.

В действующей армии с апреля 1944 г. по 9 мая 1945 г. в составе 702-го САП, 7-го гв. танкового корпуса, 3-й гв. танковой армии, 1-го Украинского фронта в должности механика-водителя СУ-76, в звании младший сержант.

Прибыли мы на доукомплектование полка, которым командовал подполковник Костин Иван Дмитриевич, требовательный и знающий свое дело человек. Батареей командовал капитан Кедров, а команди-

ром СУ-76 был младший лейтенант Буряк Дмитрий Иванович. Личный состав полка занимался боевой подготовкой, хорошо организованной и целенаправленной на предстоящие боевые действия.

В конце июня и начале июля по два человека из экипажа вывозили несколько раз на передовую линию ночью для подготовки капониров для самоходок. Перед выходом полка на исходные позиции вывозили командиров и механиков-водителей для рекогносцировки маршрутов выдвижения. Учеба продолжалась до 11 июля 1944 г. В ночь на 13 июля со всеми мерами предосторожности мы заняли исходные позиции. На митинге перед боем нам сказали, что наступать будем на Львов.

Первые дни боевых действий я, да, видимо, и все такие же молодые бойцы не понимал, что делают на войне. Единственное, что помню, так это до автоматизма доведенное выполнение команд командира самоходки. Эта четкость и быстрота действия позволили нашему экипажу действовать уверенно в тяжелом бою западнее Львова, в районе Грудок, когда на наши боевые позиции двинулись танки и самоходные установки с пехотой противника.

С нами вместе действовал истребительный противотанковый артиллерийский полк, благодаря ему нам легче было отбить 7 контратак противника. С небольшими боями прошли Городок, Судовую Вишню, форсировали реку Сан в районе Перемышля. За освобождение г. Львова наш 702-й САП был выделен на усиление передового отряда 7-го гв. танкового корпуса, 55-й гв. танковой бригады полковника Драгунского Д.А. при выдвижении к рубежу форсирования. С ходу заняли небольшой городок Баранув, вышли к берегу реки Вислы и приступили к организации форсирования.

Саперы навели паром, на котором успели переправить несколько танков бригады полковника Драгунского Д.А., батальон автоматчиков, саперов, разведчиков, и они заняли оборону на плацдарме. Противник обрушил на передовой отряд лавину огня, пытаясь уничтожить переправившихся на плацдарм и саму переправу, замкнуть кольцо на нашем берегу Вислы.

Нашему полку до подхода главных сил корпуса пришлось вести огонь весь день, защищая переправу. И только после переправы на плацдарм тяжелых танков и САУ переправили и наш 702-й САП. Это было уже 1 августа 1944г.. Переправившись через р. Висла, наш полк продолжал действовать с 55-й гв. танковой бригадой. 2 августа началось наступление на г. Сташув. Противник сопротивлялся, но к исходу дня Сташув был наш. До 29 августа велись бои за расширение и

углубление плацдарма. 30 августа вся наша 3-я гв. ТА вышла на отдых и доукомплектование в леса близ Рава-Русская.

За форсирование Вислы наш экипаж был представлен к правительственным наградам. Первый орден Красной Звезды № 1169194 я получил из рук полковника А.А.Головачева. Почему именно Головачев приехал в полк и вручил награды оставшимся в живых экипажам? Это произошло вскоре после нашего выхода в район Рава Русская.

Весь сентябрь и октябрь мы находились в районе Рава-Русская. Приводили себя в порядок, получили боевые машины, занимались боевой подготовкой.

По прибытии на место дислокации один раз привлекались для борьбы с бандитами-бандеровцами.

В конце октября (25 — 28), скрытно совершая ночные марши, наша армия сосредоточилась в районе Тарнобжича. Ноябрь декабрь прошли в боевой учебе. Наш 702-й САП размещался в лесу, самоходные установки — в капонирах по опушке леса.

Однажды командир полка подполковник Костин И.Д. с группой офицеров подошел к нашей самоходке, хотел показать ее своим гостям. После рассказа о боевых возможностях СУ-76 он приказал мне показать отделение управления. В числе гостей были командир авиадивизии А.И.Покрышкин, начальник штаба дивизии и несколько офицеров-летчиков. Покрышкин А.И. на место механика-водителя не садился, для него люк оказался маленьким.

Он посмотрел все снаружи машины и в боевом отделении. Затем я завел двигатель и продемонстрировал возможности самоходки в движении. Таким образом, я познакомился с А.И. Покрышкиным. Уходя, он сказал: «Придешь к нам, я лично прокачу тебя на самолете».

Висло-Одерская операция

В ночь со 2 на 3 января 1945 г. наш полк вместе со всеми частями 7-го гв. ТК вышел на Сандомирский плацдарм. Наступлению 12 января предшествовала почти двухчасовая артиллерийская подготовка. Состояние свое в период артподготовки и ввода в прорыв описать невозможно. Я не видел ни одного человека спокойным, как бы не старался он скрыть внутреннее волнение. Прорывались к реке Одер, к границе Германии.

В этой операции 702-й САП взаимодействовал и поддерживал 23-ю гв. мотострелковую бригаду. 24 января 54-я гв. танковая бригада, 23-я гв. мотострелковая бригада, 702-й САП и другие подразделения

заняли Грошовиц и плацдарм на западном берегу Одера и удерживали его до утра.

24 января, готовясь дозаправить самоходку, я находился на улице, вдруг налетели несколько немецких самолетов и обстреляли нас. Я бросился под самоходку, так как спрятаться было негде, и в это время получил ранение в ногу. Медсестра перевязала конечность, а отправиться в медсанбат я отказался. Во-первых, ранение посчитал легким, а, во-вторых, вести самоходку некому. 26 января медсестра отвезла в медсанбат, а там, обработав раны, отправила меня в госпиталь № 3424, где я находился до 21 февраля 1945 г.

В госпитале я встретил майора Столярова — заместителя командира нашего полка. Он попросил начальника госпиталя выписать меня. Я дал подписку, что претензий не буду иметь, и майор Столяров забрал меня с собой. Поздно вечером 21 февраля мы прибыли в г. Ладбан.

За несколько дней до моего возвращения из госпиталя моя самоходка и весь экипаж погибли в дуэльной борьбе с «пантерой». Временно до конца операции меня определили в разведывательный взвод полка.

В ночь с 5 на 6 марта остатки танковых бригад и полков оставили г. Ладбан и к 12 марта были сосредоточены вначале в районе южнее Бунцлау, а затем наш 7 -й гв. ТК разместился в районе Гайнау.

Берлинская операция

В Берлинской операции наш 702-й САП действовал совместно с 23-й гв. МСБр (командир майор Горюшкин Н.И.). Боевые действия начались 16 апреля. Прорыв осуществляли общевойсковые армии, а нас вводили в прорыв. Медленное продвижение было первые три дня, пока прорывали Нейсенский оборонительный рубеж немцев. 19 апреля мы продвинулись более чем на 40 км в состоянии постоянного боя.

Особое место в моей памяти занимает форсирование канала Тельтов. Наш полк в числе первых ворвался в район Штансдорфа и вышел к каналу Тельтов. Попытка воспользоваться старым, но целым мостом и переправиться на тот берег без разведки привела к потере двух самоходок и гибели экипажей. Немцы оставили мост, но за ним устроили засаду в домах с фаустпатронами. И только после обстрела домов, особенно первых этажей и подвалов, нам удалось форсировать канал.

В этом бою был смертельно ранен осколком снаряда наш командир полка подполковник Костин И.Д. В медсанбат его привезли уже мертвым.

В уличных боях большого города бронетехнике без пехоты воевать немыслимо. 2 мая 1945 г. сопротивление противника было сломлено, а остатки сопротивления сдались в плен.

Освобождение Праги

В ночь на 4 мая 3-я гв. ТА в полном составе вышла из Берлина на помощь восставшей Праге. 9 мая около 6 часов утра мы были в 3-х км севернее Праги, а к 10 часам утра Прага была полностью освобождена.

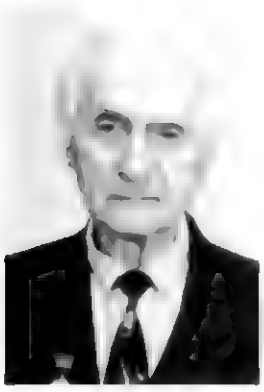
Я лично закончил боевые действия в Праге механиком-водителем СУ-76 702-го САП, командир полка подполковник Столяров. Моё звание старшина.

В июне 1945 г. я был кандидатом для участия в параде Победы в Москве, но я еще не получил два ордена, поэтому на парад не попал. Ордена Красной Звезды № 2142423 и Отечественной войны II ст. № 791713 я получил в июле — августе 1945 года.

В войне из нашей семьи участвовали мой отец Трофим Семёнович и старший брат Александр Трофимович. Оба остались живы.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Муравьев Андрей Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института



Сухарев Александр Дмитриевич

МАЕВЕЦ-ДОБРОВОЛЕЦ ГОРНЫХ ВОЙСК И АВИАЦИИ

Я родился в 1922 году в городе Москве. Русский, православного вероисповедания. Член КПСС с 1946 года.

До войны в 1939 году окончил среднюю школу № 537 с золотым аттестатом и школу активистов-радиолюбителей 2-й ступени.

В Московский авиационный институт (МАИ) поступил в 1939 году. Во время учебы на 1-м курсе был свидетелем:

- защиты дипломных проектов по оборонной тематике (лишь в отдельных случаях — по гражданской тематике);
- призыва в Красную Армию студентов младших курсов 1921-го и более ранних годов рождения на основании постановления Правительства СССР, с направлением их в основном в военные училища по подготовке младших командиров. Как впоследствии узнал из архивных данных МАИ, по приказам отчислено с направлением в военкоматы 363 студента — с 18 декабря 1939 года.

В 1942 году во время учебы в Алма-Атинском (по месту эвакуации) МАИ узнал, что в Красную Армию были призваны 308 студентов младших курсов, (с направлением их, в основном, в Академии Красной Армии).

Весной 1942 года видел справки, выдаваемые дирекцией МАИ и обмененные в 1944 году на дипломы с записью о выдаче дипломов

окончившим МАИ в 1941 году, но не выполнявшим дипломные проекты, с записью «... (место для записи фамилии, имени и отчества студента) на основании распоряжения СНК.СССР от 31 ноября 1941 года № 10040 присвоена квалификация ...».

О начале войны узнал в воскресенье 22 июня 1941 года дома, по радио. Вскоре производственная практика на заводе «Манометр» была прервана, и студенты были направлены на моторостроительный завод № 24, где всех оформили токарями-револьверщиками с 12-часовым рабочим днем. В первых числах октября 1941 года студентов по их заявлениям уволили в связи с предстоящей эвакуацией МАИ в город Алма-Ата.

Еще во время оформления на работу на завод 3 июля 1941 года участвовал в митинге в МАИ, после которого преподаватели, сотрудники и студенты (всего 350 человек) вступили в 18-ю дивизию народного ополчения Ленинградского района, преобразованную впоследствии в 11-ю гвардейскую орденов Ленина, Суворова, Красного знамени стрелковую городскую дивизию, знамя которой неоднократно выносилось потом на ритуальную площадь МАИ в праздники Победы.

В начале октября участвовал в подготовке к эвакуации в Алма-Ату радиолаборатории и имущества радиокружка, организованного под руководством преподавателя Сайбеля Анатолия Георгиевича, где старостой был автор этих воспоминаний (кружок готовил модель самолета, управляемую по радио).

15 октября по радио передавали вечернее сообщение Совинформбюро об ухудшении положения на Западном фронте и прорыве нашей обороны на одном из участков фронта. Возможно, в результате распространившихся вражеских слухов 16 октября в Москве началась паника. Было закрыто метро. В МАИ пришлось ехать «на крышах» троллейбусов, а перед проходной института толпа студентов. Институт был закрыт, какие-то сотрудники раздавали отпечатанные (с многоточием вместо фамилий) справки о том, что предъявитель вместе с двадцатью студентами следует по месту эвакуации в город Алма-Ата. Никаких данных о транспорте, времени отъезда и других сведений студенты не получали. (По этим справкам в одном из населенных пунктов давали хлеб.)

У проходной в институт я встретил приятелей по альпинизму и горнолыжному спорту Анатолия Калашникова, Владимира Цыганкова и Валентину Маликову, и 17 октября мы вместе со студентами Георгием Кацем и Сергеем Даревским втиснулись в двухместное служебное купе вагона, в котором эвакуировались сотрудники ТАСС. Поз-

же выяснилось, что в вагоне едут другие студенты МАИ, и впоследствии весь вагон стал «маевским». В пути уговорами, заменой при переформировании составов меловых записей на вагоне был обеспечен переезд через Рязань, Кинель, Бузулук, Чкалов, Актюбинск, Илецк, Арысь, Туркестан до прибытия в Алма-Ату 6 ноября 1941 года.

7 ноября участвовали в колонне маевцев на городской демонстрации, а 15 ноября начались учебные занятия на всех курсах. Количество студентов постоянно возрастало за счет не только опаздывающих в дороге маевцев, но и студентов других вузов, попадавших в Алма-Ату и обращавшихся с просьбой о приеме на старшие курсы МАИ.

Жившие вначале в вагонах, студенты постепенно расселялись в различных зданиях, передаваемых институту. Всего МАИ разместился в шестнадцати зданиях. Только в феврале 1942 года студентам выдали подъемные за переезд в размере 192 рублей. На еду студенты зарабатывали кто как мог. В частности, мы вместе с приятелями Калашниковым и Цыганковым работали в складах городского хранилища военных запасов — по 8 часов в сутки, получая по 15 рублей за день. На общественных началах мы все работали инструкторами альпинизма городской школы младших инструкторов альпинизма.

Уже в Алма-Ате узнали о том, что не уехавшие из Москвы студенты вместе с сотрудниками МАИ (всего до 500 человек) в июле-октябре 1941 года работали на строительстве оборонительных сооружений в Москве, Подмосковье, под Брянском, Смоленском, Можайском, Орлом, участвовали в дежурствах во время немецких авианалетов и др. В результате 736 маевцев, в том числе 75 студентов, были награждены медалями «За оборону Москвы».

В Алма-Ате производственные мастерские МАИ выпускали до 11000 артиллерийских снарядов в месяц, готовили сварные корпуса зажигательных бомб, стабилизаторы мин, сельскохозяйственный инвентарь для подшефного совхоза. В институте была оказана помощь сержанту Михаилу Калашникову в изготовлении первых пистолетов-пулеметов для авиаторов и танкистов. Школа Осоавиахима при МАИ и военная кафедра института готовили из числа студентов сотни снайперов, пулеметчиков, минометчиков и истребителей танков.

В 1942 году после завершения производственных практик узнали о продвижении немецких войск к Кавказу и, как инструкторы альпинизма, начали хлопотать о добровольном вступлении в Красную Армию. Длительные хлопоты завершились направлением Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта в московский пункт войск

НКВД, оформлявших альпинистов для службы на Кавказе. Этим было положено начало службы в РККА, о прохождении которой служит выписка из моего военного билета:

XI.42 — XII.42 — рядовой 1 полка НКВД.

XII.42 — II.43 — инструктор альпинизма 2-го Отдельного горно-стрелкового отряда (2-й ОГСО).

II.43 — командир взвода разведывательной роты 40-ой Отдельной мотострелковой бригады (ОМСБ).

II.43 — IV.43 — помощник начальника штаба Отдельного батальона автоматчиков 40-й ОМСБ.

IV.43 — IX.43 — старший техник по радио 718-го истребительного авиаполка.

IX.43 — I.46 — старший техник по радио 1000-го штурмового авиаполка.

Эти выписки из военного билета, записи в дневнике (к сожалению, не всегда регулярные и не за все военное время) приводят к воспоминаниям о службе в армии.

Четыре дня мы втроем — автор воспоминаний, А. Калашников и В. Цыганков — служили в 1-м полку НКВД, откуда были откомандированы в РККА, с направлением в город Тбилиси. Из-за захвата немцами участка прямой дороги пришлось ехать поездом до Арыси, потом до Ташкента и Красноводска, далее пароходом в Батуми, куда прибыли 18 декабря; 19 декабря прибыли в Тбилиси и были размещены в комнате на трибуне стадиона Динамо. В Тбилиси получили направления в горно-стрелковые отряды, куда путь лежал из Сухуми, где мы и встретили 1943 год. Как в Тбилиси, так и в Сухуми удивлялись молодым штатским, спокойно шедшим с винными бочонками — как будто и войны нет.

В Сухуми троица друзей рассталась — Калашникова направили в ОГСО в районе Военно-Сухумской дороги, Цыганкова — в ОГСО в Сванетии, а меня — во 2-й ОГСО в районе селения Псоу, за перевалом через вспомогательный хребет Доу.

Немцы в то время закрепились на ряде перевалов Главного Кавказского хребта, в частности на Эльбрусе устроили площадку легкомоторных самолетов. Но в связи с победами наших войск под Сталинградом и из опасения окружения немецкие войска с боями начали отходить с перевалов Кавказа, а 2-й ОГСО получил указание на выход в Сухуми для дальнейшего направления в район Кубани.

Перевал Доу, сравнительно легко преодоленный нами в первых числах января, в результате снегопадов был признан закрытым. Но

наличие трех инструкторов альпинизма побудило командира ОГСО взять перевал. Бойцы всех трех рот ОГСО были хотя и крепкими ребятами, но отнюдь не альпинистами. Поэтому инструкторам пришлось, заменяя друг друга, прокладывать тропу для ОГСО. С большим трудом 12-го января 1943 года перевал был преодолен. Остальной путь по горным тропам был легче, и после ночевки в снегах отряд прибыл в Сухуми.

После отдыха ОГСО отправился пешком по побережью Черного моря, а от Гагр — поездом до Лазаревки, куда прибыл 21 января. 25 января ОГСО дошел до перевала в направлении на Моздок, в то время еще занятый немцами. 27 января перевал был преодолен, и тогда узнали, что ОГСО преобразован в Отдельный батальон автоматчиков 40-й ОМСБ. 40-я Отдельная мотострелковая бригада во время отступления утратила всю технику, но «мото» в названии бригады было оставлено в предвидении дальнейшего ее укомплектования.

В течение двух недель я исполнял обязанности командира взвода разведывательной роты, в том числе участвовал во взятии «языка». Затем по просьбе командования батальона был назначен помощником начальника штаба Отдельного батальона автоматчиков. В составе батальона участвовал в освобождении станиц Старо-Корсуньская, Васюринская, Пашковская, города Краснодара и станиц Марьянская и Троицкая. Во время боев часто звучал вопрос «Где же наша авиация?» — ведь немцы безнаказанно бомбили наши войска. Как узнали впоследствии, в начале войны шла эвакуация и налаживание работы авиазаводов на Востоке страны, и переход к нашему господству в воздухе произошел позднее.

В апреле 1943 года после тяжелой контузии и лечения в медсанчасти бригады я был откомандирован в Краснодар, в штаб фронта: к тому времени стал известен приказ И. В. Сталина о передаче в авиачасти служащих летно-технического состава, временно оказавшихся в неавиационных подразделениях из-за ранений, выписки из госпиталей и др.

Из Краснодара я был переведен в Майкоп, в 718 авиаполк, где был назначен старшим техником авиаполка по радио. Этот авиаполк, обеспеченный старыми самолетами И-15 и И-15бис, вскоре был переведен в Ставрополь для переучивания на современные истребители в 6-м Отдельном учебно-тренировочном авиаполку, а затем для продолжения обучения в Сейм Горьковской области.

В Сейме личный состав 718-го авиаполка использовался в основном на работах грузчиками, на расчистке аэродрома, изучал уставы и занимался строевой подготовкой.

В начале сентября 1943 года 718-й авиаполк был переименован в 1000-й штурмовой авиаполк и отправлен в Тростянку (под Кинелью) для завершения обучения и подготовки к работе на штурмовиках Ил-2. (Как мне стало известно впоследствии, изменение номера авиаполка было проведено в связи с тем, что из-за путаницы дел оказалось два истребительных авиаполка одного номера).

Аэродром в Тростянке (полевого типа, с травяным покрытием) был забит новыми штурмовиками Ил-2, которые требовали смытия зимней окраски, приведения в порядок залежавшейся техники, проверки готовности и отправки на фронт, чем и занимался 1000-й ШАП и в Тростянке и, впоследствии, в Метровщине Пензенской области, в Воронеже, Орле.

В Воронеже, точнее в Придаче — пригороде Воронежа на другой стороне реки Ворона, авиаполк помогал готовить для сдачи военпредам самолеты Ил-4, изготовленные на Дальнем Востоке и привозимые на железнодорожных платформах в Придачу, на Воронежский авиазавод. В основном завод нуждался в помощи в подготовке радиоаппаратуры и спецоборудования самолетов, что и обеспечивалось мной с участием механиков по радио.

В январе 1946 года я был комиссован военно-врачебной комиссией и признан негодным к военной службе в мирное время, что привело впоследствии к признанию меня инвалидом Отечественной войны 2-й группы. В январе же я был демобилизован из Советской Армии.

Позже был восстановлен в МАИ и 20 апреля 1949 года защитил дипломный проект, стал радиоинженером. Впоследствии работал: начальником радиолаборатории, ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, начальником учебного отдела, проректором МАИ по вечернему обучению, заместителем начальника Главка вузов Минвуза СССР. После ухода на персональную пенсию вернулся в МАИ, где работаю на полставки доцентом.

Награжден 3 орденами и 16 медалями, в том числе:

- орденом Отечественной войны I-й степени номер 512603 — за участие в войне и в связи с 40-летием Победы. Указ Президиума Верховного совета СССР от 11.03.1985 года. Удостоверение подписано секретарем Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе;
- орденом «Знак почета» номер 1273406 — за успешную работу в Главном управлении Минвуза СССР. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.08.1976 года. Удостоверение подписано секретарем Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе;

- орденом «Знак почета» номер 1419651. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5.11.1982 года. Удостоверение подписано секретарем Президиума Верховного Совета СССР Георгадзе;
- медалью «За боевые заслуги» (без номера) — за обеспечение подготовки к боевым полетам радиоаппаратуры 1000 перегоняемых на фронт штурмовиков Ил-2. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.05.1948 года. Удостоверение к медали № 777250;
- медалью «За боевые заслуги» (без номера) — за боевое участие в ВОВ и учитывая тяжелую контузию на фронте. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.06.1950 года Удостоверение к медали № 777250;
- медалью «За доблестный труд» — за успешную работу по обеспечению учебного процесса и в связи с 40-летием МАИ. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1971 года, удостоверение № 163304;
- медалью «Ветеран труда» — за доблестный труд с 1942 по 1984 г. Решение Московского городского Совета депутатов трудящихся от 15 мая 1984 года и еще 12 медалями — памятными и юбилейными.

Награжден также Почетным знаком Всесоюзного совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, постановление от 17 мая 1995 года № 651; медалью «Почетный работник профессионального высшего образования России»; знаком «Почетный радист»; медалями С. П. Королева, Ю. А. Гагарина, М. К. Янгеля, В. П. Макеева и В. П. Глушко.

В настоящее время работаю в МАИ и являюсь членом комиссии по работе ветеранских организаций вузов Московского совета ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов и заместителем председателя Совета ветеранов МАИ.

Публикации: сборник «Строки, отлитые сердцем», изд-во Российского университета дружбы народов, Москва, 2002 г., статья «Горжусь родным институтом», страницы 515-517.

В заключение хочется подчеркнуть, что вклад МАИ в Победу заключался и в том, что за годы войны в Алма-Ате и в Москве МАИ выпустил 2262 инженера; издал более двадцати новых учебников и учебных пособий, одобренных Минвузом; выполнил 175 важнейших научных работ. Из числа выпускников, обучавшихся в МАИ в годы

войны, 10 стали академиками и членами-корреспондентами Академии наук СССР, около 50 профессорами, 10 заслуженными деятелями науки и техники, 12 — лауреатами Ленинской и 22 — лауреатами государственных премий.

За большие заслуги в деле подготовки кадров в период Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1945 года МАИ был награжден орденом Ленина.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Микрюков Владимир Николаевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Сярдина Зоя Сергеевна

НАРУШАЛА РЕЖИМ ТЕМ, ЧТО ПОМОГАЛА РАНЕНЫМ

Девичья фамилия Смирнова. Родилась в городе Галич Ярославской области 28.12.1924. Русская, православная. В прошлом комсомолка. В 1941 году окончила школу (10 классов), а в 1942 поступила в училище связи.

Узнала о войне студенткой училища, находясь в Москве.

В 1943 году нас, шесть человек добровольцев из моего училища, отправили в Самарскую область, где формировалось соединение. Там я прошла подготовку и стала телефонисткой. Вскоре отправили на фронт в составе 53718-й части.

Начала боевые действия в звании старшего сержанта, на должности санинструктора и телефонистки под командованием гв. генерала Акимова. Так всю войну и прошла в звании сержанта, которое в училище дали я круглой отличницей была, поэтому и звание дали такое.

Боевой путь: район Волосатово (июль 1943), Доброполье (1943), Львов (1943), Курск, Орел, Штейнац (03.1945), Люкенвальде (23.04.1945), Прага (май 1945).

Военные боевые действия закончила, находясь в городе Прага, в звании старшего сержанта, на той же должности под командованием гв. капитана Коваленко.

После войны я сначала переехала из Праги жить в Германию. Там училась, но не трудоустроилась. Вышла замуж за русского офицера. После свадьбы меня сразу демобилизовали. Там родилось у нас двое детей. Затем мы с мужем и детьми переправились на Дальний Восток, а потом вернулись на Родину, в Москву.

* * *

Курская дуга. Очень сильная бомбежка. Помогала раненным офицерам, переносила их в госпиталь, перевязывала. Постоянно была на передовой, телефонисткой, но нарушала режим тем, что помогала раненым: однажды во время сражения я перенесла двух офицеров с тяжелыми ранениями в укрытие. Потом мы их сразу перенесли в госпиталь. Это были два совсем молодых лейтенанта. Одному легкое повредили — он не мог дышать. А другой... Даже вспоминать страшно осколочное ранение в живот, много крови. Думали, что он уже умер, но я надеялась, что его врачи спасут. Прошло несколько месяцев, и ко мне приходят два письма. Я уже далеко от Курска была, все вспоминала этих молодых офицеров. Полевая почта доставила письма с благодарностью от них. Разыскали как-то меня и написали.

Еще один эпизод запомнился — бой на Орловском направлении. Такой же страшный, как и на Курском бомбежка, много раненых. Очень много погибло тогда из моего соединения.

Награждена:

- орденом Красной Звезды (№564556, приказ №02 от 19 апреля 1944 г. — «За образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками». Вручал гв. полковник Фролов);
- первая медаль «За отвагу» (номер приказа и медали установить не удалось, т.к. сохранилось только уведомление полевой почты);
- вторая медаль «За отвагу» (№1475083, вручил гв. полковник Кобзаль);
- третья медаль «За отвагу» (№528380, вручил гв. генерал Акимов).

Освобождала города: Каменец-Подольский (26.03.1944), Львов (27.07.1945), г. Кельце (15.01.1945), Милич (23.01.1945).

Все время находилась в составе 4-й танковой армии в 52-м батальоне связи в звании старшего сержанта на должности телефонистки и санинструктора.

13 августа 1943 в Польше была тяжело ранена. Я была на передовой — как всегда, когда бомбежка начиналась. Первая же бомба взорвалась недалеко. Многие погибли — мои друзья, подруги и однополчане. Очнулась, когда меня везли куда-то, как оказалось — в деревенский госпиталь. Было уже темно, поздний вечер. Я только увидела, что живот у меня вспорот, много крови. Это было тяжелое осколочное проникающее ранение. На лечении пробыла 2 месяца, вместе с врачами раненым по мере возможности помогала — как могла. Потом сразу на фронт вернулась — через некоторое время мне орден дали.

Погибшие родственники — двоюродные братья Смирнов Сергей Александрович и Смирнов Михаил Николаевич. Как после войны мне рассказали, они оба летчиками были. На фронт ушли раньше меня. Так ничего про них и не известно — при каких обстоятельствах и в каких званиях погибли. Известно только, что погибли...

Собственных публикаций и статей нет. В нашей части была газета — наша, местная. Там много про меня писали — фотографии были, как я раненным офицерам помогала. Я отсылала газетные вырезки на Родину, родителям.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лакин Станислав Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Титов Сергей Федорович

СВЯЗЬ С БАТАРЕЕЙ БЫЛА ВОССТАНОВЛЕНА

Родился 7 августа 1924 г. в деревне Цепнино Владимирской области Покровского района.

Участник войны с ноября 1943 по 9 мая 1945 г. Имею ранения, контузию, инвалид 2-й группы.

Участвовал в боях под Орлом, в освобождении Украины и Польши, в Берлинской и Пражской операциях.

25-й танковый корпус. 175-я танковая бригада. Мобилизованный батальон автоматчиков, минометная рота. Старший сержант, наводчик миномета, разведчик.

Имею награды:

Ордена: Отечественной войны I степени, Красной Звезды, Славы III степени.

Медали: «За оборону Москвы», «За освобождение Украины», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

Окончил Военно-политическое училище им. Фрунзе. Секретарь Совета ветеранов 25-го танкового корпуса.

К июню 1941 г., когда началась Великая Отечественная война, я работал на оборонном заводе слесарем-механиком. Когда создалась тяжелая обстановка на подступах к Москве, наш завод был эвакуирован в Свердловск. Я остался в Москве и работал на заводе, где производили боеприпасы для фронта. Работать приходилось много, иног-

да сутками не выходя с завода. Во время налетов немецкой авиации на Москву приходилось бороться с зажигалками, сбрасывать их с крыш деревянных домов.

Очень тяжелая обстановка создалась в середине октября, когда немцы вплотную подошли к столице, но были все же остановлены. 6 декабря 1941 г. наши войска перешли в наступление, разгромили немцев, отогнали от Москвы. Эта битва стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. Я внес свой посильный вклад в победу под Москвой, обеспечивая нашу армию боеприпасами, за что был награжден медалью «За оборону Москвы».

Было желание уйти на фронт, но не мог, так как имел броню. Удалось мне это сделать в ноябре 1942 г., хотя завод пытался меня вернуть из военкомата. Поехал в г. Ярославль в пулеметно-минометное училище

После четырех месяцев обучения нас отправили на фронт. Но так случилось, что, проезжая через Москву, я отстал от эшелона. Пытался его догнать в городе Калуге, но не получилось. Тогда я обратился к военному коменданту Калуги, и через военкома меня отправили на пересыльный пункт в городе Владимире. Там формировались группы солдат по военным специальностям, и я попал в группу минометчиков. Нас направили под Тулу, на Косую гору, где находился на переформировании 25-й танковый корпус. Я попал в минометную роту мотострелкового батальона автоматчиков 175-й танковой бригады.

В конце мая 1943 г. нас перебрасывают в район Михайловских лесов Мещовского района Смоленской области. Я был наводчиком миномета в первом взводе лейтенанта Эмир-Али (он был из крымских татар). Я даже запомнил номер миномета – 5197. Здесь мы проходили большую подготовку, по тревоге совершали марш-броски в противогазах. Когда бригада была полностью доукомплектована, командир бригады Петушков провел строевой смотр с выносом боевого знамени 175-й танковой бригады.

Нашему взводу выпала большая честь сопровождать боевое знамя бригады. Бригада была готова к боевым действиям. И вот получен приказ командира корпуса генерала Аникушкина. Нас перебрасывают к железнодорожной станции Сухиничи и выводят на исходные позиции. Артиллерийская подготовка извещает о начале наступления наших войск.

14 июля 1943 г. в прорыв вводится 25-й танковый корпус с целью нанести фланговый удар, выйти в тыл противника в районе станции

Хотынец, перерезать коммуникации противника Орел-Брянск. В районе деревни Вязовая завязался тяжелый бой, доходящий до рукопашной схватки, в котором участвовали два танковых батальона и мотострелки.

К утру 17 июля 1943 г. немцы, собрав силы, перекрыли дорогу нашего прорыва, отрезав танкистов и мотострелков от управления бригады. Мы двигались ночью во втором эшелоне, проходя только что освобожденные от противника горящие деревни.С рассветом наша колонна на спуске была обстреляна из противотанковых орудий.

Танки рассредоточились. Мы, минометчики, с ходу заняли огневые позиции и открыли огонь по противнику. Тут появляется самолет разведчик-корректировщик. Он вызвал самолеты, которые начали бомбить наши огневые позиции. Самолеты сделали несколько заходов. В это время танкисты и мотострелки вели тяжелый бой в тылу врага. Танки заняли круговую оборону.

Немцы в течение дня предприняли четыре атаки, но танкисты устояли, понеся большие потери в танках и личном составе. А мы, минометчики, заняли огневые позиции в овраге, выбрали наблюдательный пункт на верху оврага и по корректировке вели огонь по немцам, окружившим наших танкистов.

К вечеру автоматчики капитана Ершова перешли в контратаку и на плечах отступающих немцев ворвались в деревни Пешково и Городок. В этих боях был тяжело ранен командир роты автоматчиков Рубб А.А.

Продолжая наступление, бригада встретила на своем пути узел сопротивления противника в районе Красниково. Завязался бой, и бригада была вынуждена занять оборону. Немцы бросили против нас до 30 танков и много пехоты, но их атака захлебнулась, встретив упорное сопротивление танкистов.

Понеся большие потери, немцы отошли, но не успокоились. Бросили в бой уже 40 танков. Танкисты бригады устояли, не дав немцам овладеть деревней. После двухдневных боев, измотав противника, танкисты продолжали наступление.

В этих боях отличился танковый экипаж Юрия Сачкова. В бою он уничтожил два танка, но сам был подбит, продолжая бой и уничтожив еще самоходку «Фердинанд». Погиб он в этом бою вместе с экипажем. В живых остался только механик-водитель танка Жигунов. Экипаж танка был похоронен в деревне Красниково. Память о подвиге танкистов увековечена. Танк «Юрий Сачков», мстя за смерть

танкистов, уничтожил 15 вражеских танков и несколько сотен гитлеровцев.

Бригадой уничтожено более 30 танков, 36 самоходок, 30 орудий и до 1800 гитлеровцев. Бригада выполнила поставленную перед ней задачу, перерезала коммуникации Орел-Брянск, захватила железнодорожную станцию Хотынец и заняла оборону в районе Богородское. Понеся большие потери в танках и личном составе, бригада была выведена на укомплектование. Получив пополнение в ноябре 1943 г., мы были переброшены на Киевский плацдарм. За успешные боевые действия бригады в Орловской битве было награждено орденами и медалями 185 воинов.

Обстановка на Киевском направлении осложнилась после взятия немцами города Житомира. Создалась угроза Киеву. В бой с ходу был брошен 25-й танковый корпус, что дало возможность остановить наступление немцев. Завязались тяжелые оборонительные бои.

Благодаря работе нашей разведки, танкисты корпуса совершали марш-броски по линии фронта в ночное время, не давая противнику, в составе которого были танковые дивизии «Адольф Гитлер» и «Рейх», возможности развить наступление. Не добившись успеха на Малинском направлении, немцы перенесли главный удар на Коростеньское направление, где им удалось вклиниться в нашу оборону и захватить Стремигород, железнодорожную станцию и поселок Чоповичи.

19-26 декабря 1943 г. танкисты вели тяжелые бои с противником. 23.12.1943 г., войдя в тыл врага, танкисты 175-й танковой бригады разгромили штаб полка, захватили две автомашины со штабными документами, 8 легких танков и с ходу овладели Стремигородом.

Упорные бои продолжались за железнодорожную станцию Чоповичи, которая трижды переходила из рук в руки. Измотав силы противника, к 27 декабря танкисты корпуса завершили разгром группировки противника в районе Чоповичей.

В этих боях во время смены огневых позиций минометной батареи мы попали под сильный минометный и артиллерийский обстрел. Осколком разорвавшейся мины я был ранен в голову. Мне была оказана медицинская помощь. В медсанбат я отказался ехать. Вместо наводчика миномета мне пришлось быть телефонистом, заменяя убитого в бою Ивана Седова.

За участие в этих боях я был награжден медалью «За отвагу». В представлении к награде было указано: «В боях на Коростеньском направлении за железнодорожную станцию Чоповичи и поселок про-

явил мужество. Несмотря на сильный артиллерийский, минометный и ружейно-пулеметный огонь противника своевременно и бесперебойно обеспечивал телефонную связь батареи, в результате чего дал возможность уничтожить огневые точки и живую силу врага».

С рассветом 27 декабря 1943 г. танкисты 25-го танкового корпуса перешли в наступление. Воины 175-й танковой бригады в ночь на 28. 12. 1943 г. вброд форсировали реку Уборть, перерезали железную дорогу Коростень-Новоград-Волынский и, продолжая наступление в тылу врага, разгромили две колонны тыловых подразделений противника. В деревне Могильня уничтожили вражеские обозы, захватив большие трофеи. Разведка установила слабое место в обороне города с севера, а сосредоточение войск на юго-западе. Поэтому 175-я и 111-я танковые бригады были брошены в обход города с северо-востока на северо-запад, чтобы окружить полукольцом город с запада, отрезать пути отхода противника на запад по Шепетовскому шоссе. В ночь на 1 января 1944 г. поставленная задача была выполнена. Танкисты с другими частями завязали уличные бои в городе, захватили вокзал, военный городок и другие объекты.

Попытка немцев вырваться из окружения была остановлена танкистами, большая часть противника была уничтожена. Потеря города Новоград-Волынского, важного узла дорог и мощного опорного пункта, была для противника сильным ударом. Поэтому 3.01.1944 г. противник силою 30 танков и автоматчиков попытался со стороны Шепетовки перейти в контрнаступление на юго-западной окраине города, но, встретив организованную оборону танкистов и потеряв в бою 9 танков и много пехоты, откатился назад.

3 января Новоград-Волынский был полностью освобожден от немецко-фашистских войск. Указом Верховного Главнокомандующего нашей бригаде за освобождение города Новоград-Волынского было присвоено наименование 175-я Новоград-Волынская танковая бригада.

При освобождении Украины мне запомнились бои за город Броды. Наша бригада, преодолевая упорное сопротивление противника, перерезала шоссейную дорогу Броды – Львов и заняла оборону. Минометчики заняли огневые позиции. Командир роты старший лейтенант Эмир-Али послал меня и Олега Богданова выбрать и оборудовать наблюдательный пункт для корректировки огня батарей. Телефонист протянул проводную связь на огневые позиции. Через некоторое время связь была прервана. Командир роты послал теле-

фониста на линию связи для устранения неисправности, но связь не была восстановлена, и телефонист не вернулся. Тогда командир роты посылает меня.

Передвигаясь перебежками, а местами по-пластунски, я наткнулся на лежащего телефониста. Значит, где-то тут рядом находится немец. Осмотревшись, я определил, откуда мог стрелять противник, приподняв каску на стволе автомата. Тут же прозвучал выстрел. Тогда я переместился к кустам и подобрался как можно ближе к немцу. Он меня с этой стороны, видимо, не ожидал. Выстрелом из автомата я его снял. Подбежав к телефонисту, убедился, что он мертв. Провод связи был перерезан. Я соединил концы обрыва провода. Связь с батареей была восстановлена.

Форсируя реку Западный Буг, освободив город Каменск-Стремилово, 175-я танковая бригада продолжила наступление в глубоком тылу противника.

В районе населенного пункта Лыса-Гура встретили сопротивление немцев и заняли оборону. Минометчики заняли огневые позиции. Была организована связь с наблюдательным пунктом. Командир роты послал меня на огневые позиции. Подходя к ним, я услышал крики «ура» и автоматную стрельбу. Это оказались немцы. Они подобрались к огневым позициям минометчиков с тыла и пошли в психическую атаку на минометчиков с целью прорыва (выхода) из окружения.

Минометчики не растерялись. Автоматным огнем расстреливали фашистов. Немцы прошли через огневые позиции, и я оказался один перед противником. Укрылся за деревом на опушке леса и открыл огонь из автомата, уничтожив несколько бегущих немцев. Остатки из прорвавшихся немцев были добиты автоматчиками МБА.

В этом бою минометчики под командованием командира роты Эмир-Али уничтожили около 40 немцев и семерых взяли в плен. За участие в этом бою я был награжден орденом Красная Звезда. В наградном листе было указано: «В бою за населенный пункт Лыса-Гура при контратаке превосходящих сил противника, обладая смелостью, стойкостью и мужеством автоматным огнем рассеял группу гитлеровцев, уничтожив из них 5 немцев».

После освобождения Украины участвовал в Дуклинской операции в Карпатах, в освобождении Польши, в разгроме немецко-фашистских войск на их территории, во взятии Берлина и освобождении Чехословакии

После окончания войны меня направили в город Горький, в Военно-политическое училище, где проучился с 1945 по 1947 гг. После училища служил два года в Советской группе войск в Германии. Оттуда перевели в Прибалтийский военный округ. Служил в Калининграде и Черняховске, а в 1955 г. направлен на Сахалин в Дальневосточный Военный округ. В Москву переехал в октябре 1956 г.

Октябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Алексеев Александр Викторович,*** студент 3-го курса Московского авиационного института

Урчук Марк Авессаломович

НАГРАДА МЕНЯ И СПАСЛА

Я родился 22 марта 1919 года в городе Петрограде.

По национальности я караим. Это маленький, но очень сильный народ, в настоящее время проживающий в Крыму. Далекими предками караимов были тюркские племена.

В 1940 году окончил Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) и был отправлен на работу на Южно-Уральскую железную дорогу в Челябинск.

О вероломном нападении немецко-фашистских войск на СССР и начале войны узнал 22 июня 1941 года. В то время я работал главным механиком карьерного хозяйства. Мы с товарищами немедленно решили стать добровольцами и отправиться на фронт, но начальство не разрешило покидать нам место работы. С одной стороны, это понятно - железная дорога во время войны была жизненно важной артерией всей страны. Южно-Уральская железная дорога связывала Сибирь и Дальний Восток с Европейской частью СССР. Но с другой стороны, можно понять огромный порыв людей вступить в ряды Красной Армии и сражаться с вероломными оккупантами.

В начале февраля 1943 года партийные и комсомольские организации, руководство заводов по изготовлению САУ, танков, артиллерии и «катюш» трех уральских городов: Челябинска, Перми и Свердловска заявили И.В.Сталину о готовности создать Уральский Добровольческий танковый корпус с участием рабочих и служащих вышеперечисленных городов. Все вооружение, боеприпасы, продуктовое и вещевое довольствие планировалось поставлять сверх плана, в том числе САУ и танки. Вскоре было получено согласие Верховного Главнокомандующего.

В марте 1943 года мы с моими товарищами стали добровольцами и вступили в ряды 30-го Добровольческого танкового корпуса. В звании сержанта (в МИИТе закончил военную кафедру, но у меня не было специального образования по эксплуатации танков) я был зачислен на должность командира отделения механиков-ремонтников в 266-ю ПТРБ (передвижная танкоремонтная база). 1 мая 1943 года наш корпус принял воинскую присягу.

Выгрузились мы в Козельске. Мой боевой путь начался с Курской дуги - Орловская операция (27.07 - 29 08.1943 г.). Были освобождены города: Карачев (18 августа 1943 г.), Брянск, Скалат. Далее корпус по железной дороге был отправлен через Киев и Житомир в г. Острог. Далее была Львовско-Сандомирская операция (14.07 - 12.08.1944): деревня Фридриховка, Волочинск, Тримайлов, Мкалат, Тернополь, Золочев, Львов (21-27 июля 1944 года), Самбор (1 августа 1944 года), Санок. Тяжелейшее форсирование Вислы во время Висло-Одерской операции (12-31.01.1945 г.), Богорыя, Кельце, Коньске, Злочев, Нейсе (16 апреля 1945 г.), Заган, Котбус, Калау, Люккенвальде, взятие столицы фашистской Германии Берлина, город Носсен, Слани. Войну я закончил в Праге (9 мая 1945 года).

Во время войны находился в составе Брянского и Украинского фронтов, Центральной группы войск.

За боевые заслуги и беспримерное мужество наш корпус переименовали в 10-й гвардейский добровольческий танковый корпус. Была у нас поговорка, которой мы следовали всю войну, с ней и победили: «Там, где наступает гвардия, - враг не устоит, там, где обороняется - враг не пройдет!»

Из Праги мы отправились домой. Ехали через Вену, небольшой венгерский город Шапрон, а также через великое множество других городов и деревень, название всех просто не упомнишь. Закончилась наша дорога в Москве.

Демобилизовался 29 сентября 1945 года, устроился на работу в Главвоенстрой СССР. Затем стал главным инженером в 516 УНР. После стал работать на заводе №149. Потом занимался строительством (монтажом) цехов и домов. И сейчас, находясь на пенсии (в звании полковника), продолжаю работать.

Был награжден следующими правительственным наградами:

- орденом Красной Звезды,
- медалью «За боевые заслуги»,
- медалью «За освобождение Берлина»,
- медалью «За освобождение Праги»,
- медалью «За победу над Германией».

Имею 15 благодарностей Верховного Главнокомандующего за освобождение Тернополя, Проскурова, Львова, Праги и за взятие городов Наслау, Грюберг, Зарау, Ратибор, Бескау, Нейсе, Любен, Котбен, Берлин.

Ранений не имел. Но однажды мелкий осколок взорвавшегося неподалеку снаряда попал в орден Красной Звезды, который был у меня на груди. Награда меня и спасла.

Мои дальние родственники тоже участвовали в войне - при обороне Ленинграда погиб мой двоюродный брат.

Публикаций своих не имел, но, пользуясь возможностью, хочу представить вам написанные мною строки.

Дорогие ветераны!
Вспомним тех, кто не вернулся,
Кто заснул и не проснулся,
Кто ушел за много лет -
Всех, кого уж с нами нет.
Потому прошу Вас встать
И минуту помолчать!

Дорогой однополчанин!
В этот день я вспоминаю
Дни войны и те года,
Что в боях прошли тогда.
По полям и по дорогам
С крайней целью - на Берлин.
Каждый вспомнить может много,
Хоть дошел уж до седин.
Помню Курскую дугу.
Эту память берегу.
Брянск, Тернополь, Коломыя -
То был путь к предгорьям Стрыя.
Помню Львов и помню Броды.

Память наша - дар природы.
На Зависленском плацдарме
Все попытки вражьих армий
Нас разбить и сбросить в реку
Ни к чему не привели.
Все доступно человеку
Мы танкисты - все смогли!

Одер, Нейсе и Потсдам -
Сколько наших легло там!
Нам цветы бросали в Праге,
А в Берлине на Рейхстаге
Хоть и нет наших имен -
Покорен был нами он.

Хотя и пишут борзописцы
Безумный бред, но против истин
Нет средств - Великая война
Освободительной была!
Пройдут года и годы, годы...
И я уверен, что народы
Веками будут помнить дни,
Все дни великой той войны.
И пусть же дети, наши внуки,
Сегодня, слыша взрывов звуки,
Не знают в жизни той войны,
Что прошагали с тобой мы!

Бой и радость наступленья
Связали наше поколенье
На жизнь, на долгие года
В крепчайший узел - навсегда!
Верный друг!
Живи и здравствуй!
Верю в то, что не напрасно
Мы внесли свой ратный вклад
И что жизнь пойдет на лад!
Вас же всех я обнимаю
Всяких благ я вам желаю;

Счастья, радости, удачи
Вам на многие года!
Долгих лет Вам и в придачу
Не болеть Вам никогда!
В наши трудные года
Вам здоровья навсегда!

1990 г.
(Оглашено в ресторане «Прага»)

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Овчинников Андрей Михайлович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Фернас Генрих Карлович

И ТОГДА МЫ ПОНЯЛИ, ЧТО ПОПАЛИ НА ФРОНТ

Я родился 9 октября 1925 года в г. Усолье Молотовской (ныне Пермской) области. О войне узнал по радио дома, в г. Соликамске. В армию был призван Соликамским райвоенкоматом в марте 1943 г. и был направлен в Смоленское артиллерийское училище, которое в то время находилось в Ирбите Свердловской области. К моменту призыва окончил 10 классов.

В марте 1944 года это училище произвело очередной выпуск, в этот раз младших лейтенантов. Весь выпуск эшелоном, в теплушках, был доставлен в Москву, откуда разлетелся по фронтам Великой Отечественной войны. Одна из теплушек с 24 младшими лейтенантами благополучно, несмотря на бомбежки в пути, с попутным эшелоном прибыла в Гомель, где в то время базировался 1-й Белорусский фронт. Молодые лейтенанты, в основном не нюхавшие пороха, совсем еще недавние выпускники школы, с трепетом ожидали назначения.

Перед тем как выехать на фронт, весь наш выпуск сфотографировался, и каждый отправил домой свою фотокарточку, в новенькой офицерской форме.

По прибытии в Москву, в марте 1944, мы с другом по училищу, Полушкиным Евгением Степановичем, решили отметить его девятнадцатилетие – променяли свое теплое белье на картофельные лепешки и налакались от пуза (больше я с ним во время войны так и не встретился).

В то время Красная Армия разрезала немецкий Восточный фронт на две части, между флангами которых оставался огромный выступ в сторону Москвы, под названием «Белорусский Болкоп», где фронт проходил по линии городов Витебск-Рогачев-Жлобин. У фашистов в этом выступе находилась группа армии «Центр», в которую входило более шестидясети дивизий, и нужно было разгромить эту силу. Авиация противника наносила бомбовые удары по советским войскам, под ударами ее не раз побывал эшелон, в котором ехали мы, молодые выпускники училища. Советское командование готовилось к окружению и разгрому немецких войск. Подготовительная работа происходила в обстановке строгой секретности, даже оперативное управление фронтов прорабатывалось в тот момент двуми-тремя лицами. Та часть летней компании, которая охватывала освобождение Белоруссии, получила название «Багратион». Прибывшие в Гомель молодые командиры, конечно, об этом ничего не знали, а многие так и не узнали.

В Гомеле мы пробыли двое суток. Город был практически разрушен, и все это действовало на нас, вчерашних выпускников, очень угнетающе.

Хорошо запомнился процесс распределения по частям. Все мы были записаны в список по алфавиту, и распределение производилось по пятеркам. Мы: Тепляков Иван Александрович, Фернас Генрих Карлович, Хохряков Федор Павлович и Шмелев Александр Александрович в этом списке были последними (не набралась даже пятерка). Когда очередь дошла до нас, то услышали: «Ну, а этих в резерв Главного Командования». Как по команде, мы зароптали, чтобы нас направили в действующие части, и в ответ услышали: «А вы и приехали на фронт, а не к теще на блины». Как позже выяснилось, мы были направлены в 1071-й истребительно-противотанковый артиллерийский резерв Главного Командования. Старшим был назначен Шмелев, он еще до училища был сержантом на фронте и, кроме того, старше нас. Все мы были 1925 года рождения, а мне не было еще и 19 лет.

Не помню, какой дали нам маршрут, тем более, что его имел только Шмелев, в полк прибыли только в апреле. Из Гомеля мы выехали на попутной машине приблизительно 26 марта 1944года. В это время сильно подморозило, а так как я променял теплое белье на картофельные лепешки, то простыл. На наше счастье, погода была пасмурная и за все время нас не протаранил ни один немецкий самолет. Хотя мы много читали, смотрели в кинофильмах, да и слышали от очевидцев о разбоях немецкой авиации в первые годы войны. Нам, конечно, было невдомек, что сосредоточение всех войск велось скрытно – в ночное время, а мы искали свою часть днем, а ночью же отсыпались в населенных пунктах. На левом берегу Днепра, где мы искали свою часть, было тихо и спокойно, даже не верилось, что два месяца назад здесь велись бои. Не найдя своих на левом берегу Днепра, мы решили вернуться в Гомель, так как никто не мог нам сказать, где находится полк 1017. По дороге обратно в Гомель мы случайно от солдата узнали, что наш полк находится на быховском плацдарме (так мы познакомились с беспроволочным фронтовым телеграфом). Быстро свернув с магистрали Гомель-Могилев, мы успешно переправились в районе Ново-Быхове и, оказавшись на правом берегу Днепра, имея перед собой ориентир — город Быхов, быстро зашагали строго на север, ориентируясь на Днепр.

Так мы очутились в окрестностях деревни Комарачи. Вокруг все было тихо, безлюдно и спокойно. Пение жаворонков настраивало на благодушие, и мы совершенно позабыли о бдительности. Где-то рядом находится наш полк, и скоро закончатся все наши мытарства по прифронтовым дорогам. Мы вошли в деревню в надежде сразу найти штаб полка. Ходили, как очумелые, от дома до дома (если так можно сказать · целых домов фактически не было). И что самое удивительное – мы никак не могли никого ни о чем спросить, люди показывались и внезапно исчезали. Мы, впервые оказавшиеся на фронте, ничего не понимали. Нам совсем надоела игра в прятки, и мы решили перекусить остатками сухого пайка. Остановились около развалин какой-то хаты. Вдалеке видна была болотистая местность, правее виднелся Днепр, кустарники только еще распускались, поскольку было начало апреля, а левее стоял стеной лес. Не успели мы как следует расположиться, как к нам подбежал сержант и на повышенных тонах, не рекомендованными к употреблению в печати выражениями, предложил убраться по добру по здорову, куда-нибудь в другое место, ибо деревня хорошо просматривается противником и вообще начинается артналет. Нас не пришлось упрашивать, не успели мы отойти, как впереди что-то завыло, мы замерли и увидели, что у дома, где мы были всего несколько минут назад, поднялся столб земли. Только в тот момент мы поняли, что попали на фронт.

Этот день я запомню на всю жизнь. Около двадцати минут фашисты с особым остервенением «обрабатывали» снарядами тот район, где мы собрались перекусить. Это было так неожиданно, что минуты две-три мы, лежа на земле, только переглядывались. Первым пришел в себя Шмелев. После артналета мы пошли по лощине и поняли, что враг обстреливал то место, где мы были. Над всей деревней

во время обстрела стоял сплошной земляной столб от разрывов снарядов. Только тогда до нас дошло, что мы были на краю своей гибели и начали осознавать, какую беду навели на тех, кто находился в том районе.

Опустив головы и почти не разговаривая, добрались до штаба полка, а было это 6 апреля 1944 года. Ожидали хорошей нахлобучки от командира полка, но, на удивление, офицеры штаба встретили нас в весьма хорошем настроении. Все вроде было хорошо!

Но вдруг раздается звонок, все в землянке притихли, а говоривший по телефону все время посматривал на нас. Разговор по телефону закончился, и к нам подошел командир полка – невысокого роста, широкоплечий, и внимательно стал разглядывать нас всех по очереди. В этот момент возобновился артобстрел, мы молчали, и все в землянке опять притихли. И комполка заговорил: «Ну что, вояки! Долго же вы добирались, не очень-то торопились! Вот, полюбуйтесь на этих «гусаров»! Надо же иметь такое нахальство, чтобы на виду всего фронта перед носом фрицев устроить пикник! Да, обозлили вы их не на шутку. Давненько они нас так не обрабатывали!» Но звук снарядов стал заглушать его слова. От мощного взрыва в землянке посыпался потолок. А командир продолжил: «Ну что же, видно будет вам наука, на фронте шутки плохи. Если хочешь жить и быть полезным соблюдай маскировку!»

И вот, получив взбучку от командира полка, мы были определены командирами взводов. Я и Федор Хохряков оказались в 3-й батарее, где в это время незадолго до нас стал командиром лейтенант Габриелян Оганес Варткезович. Принял нас он хорошо. Наша батарея располагалась в 150-200 метрах от переднего края обороны, прикрываемая от противника пехотными частями. Днем высовываться из траншей желающих не было, а в ночное время самые «шустрые вояки» перебрасывались гранатами.

Как командир первого огневого взвода я стал жить в землянке со своим расчетом. В моем взводе были люди, которые уже имели орден Отечественной войны II степени и орден Славы III степени. Меня это очень радовало: быть сразу командиром столь прославленных людей – большая честь. Мой однокашник по учебе Хохряков Федор был назначен командиром второго огневого взвода.

Нам здорово повезло: во-первых, попали в семью обстрелянных фронтовиков; во-вторых, у нас на вооружении были 7-мм пушки, которые были хороши и в бою прямой наводкой, и в стрельбе с закрытых позиций (в чем мы убедились в дальнейшем неоднократно);

в-третьих, наши пушки возили американские машины, у каждого во взводе было по «доджу» и «студебеккеру». А самое главное – полк 1071-й находился на передовой.

Началась обычная фронтовая жизнь в обороне. Днем занятия с расчетами или поход в тыл, где с нами, командирами взводов, проводили учебу старшие офицеры полка. Обычно мы с Хохряковым чередовались, если он на передовой я в штаб, и наоборот. Спали на невысоких нарах, не раздеваясь, лишь ослабляя ремни, шапку под голову. Обувь и портянки снимали и сушили. Свободного времени было очень мало и старались его проводить с наибольшей пользой: играли в шахматы, читали, рассказывали всякие истории и т.д. В это время я очень много писал писем домой. Сейчас именно благодаря письмам я могу восстановить события тех дней.

Наш командир, кадровый офицер, решил сделать 3-ю батарею интернациональной. И у него это получилось. Судите сами: у нас служили белорусы, узбеки, таджики, русские, татары, украинец, армянин, турмен, латыш, мордвин, мариец и цыган. Никому и в голову не приходило хоть как-то задеть национальные чувства товарища, хотя у каждого был свой характер, свои привычки, обычаи, но в тот момент все объединились и прежде всего у всех была любовь к Родине. Не все было гладко, но даже через десятилетия мы остались единой братской семьей, готовыми придти на помощь.

В феврале 1944 года наш 1071-й артиллерийский полк РГК после доукомплектования личным составом и техникой после боев под городом Речицей был направлен на правый фланг 3-й армии, в район города Быхова, на днепровский плацдарм. Фронт в преддверии крупной операции на отдельных участках проводил разведку боем, одна из таких разведок была намечена с участием нашего артполка.

Необходимо было срочно в темноте, в непосредственной близости от переднего края противника подготовить огневые позиции. Земля твердая, грунт мерзлый, землю копали все от рядового до командира. Утром короткая артподготовка, потом удар по переднему плану. Все в дыму - и тишина. Затем поднялся и пошел в атаку стрелковый батальон. Заговорили пулеметы, автоматы. Батальон залег в 600 метрах от траншей противника. В это время из рощи, позади вражеских позиций показалось семь танков. Они прошли и встали в заранее подготовленные укрытия, так что над землей торчали одни башни.

Делать было нечего, кроме как открыть огонь на поражение по башням танков противников. Танки открыли ответный огонь, и началась дуэль. Дорогой ценой для 3-й батареи, да и для всего полка

досталась эта разведка боем. Большие потери в технике и, что самое главное, в людях очень болезненно отразились на наших бойцах. Вот почему наше прибытие не могло психологически возместить потери товарищей. Началось наступление! Началось полное изгнание врага с нашей территории, ибо больше ждать нельзя. Мы проезжаем места, где еще вчера шли бои.

В один из таких боев, 26 июня 1944 года под деревней Сычково, на батарею напали автоматчики, и я сумел на шоссе быстро развернуть взвод и открыть огонь. В итоге атака была отбита, уничтожено 140 гитлеровцев и один «Фердинанд». В том бою погибших с нашей стороны не было. За этот бой Приказом Командующего артиллерией Белорусского фронта № 0124 меня наградили медалью «За Отвагу». Но получил я эту награду не сразу, а только в апреле 1945 года, в Восточной Пруссии. Мне ее вручил командир полка 441-го ИПТАП 50-й отдельной истребительно-противотанковой бригады, где в составе 3-го Белорусского фронта под командованием маршала Василевского я после госпиталя принимал участие в штурме Кенигсберга.

4 июля 1944 г. нам с Хохряковым Ф. было присвоено очередное звание – лейтенант, а узнал я об этом после госпиталя, когда части были уже под Кенигсбергом. 19 июля 1944 года получил множественное пулевое ранение: слепое левой стопы с повреждением костей; касательное – мягких тканей правого плеча, сквозное – мягких тканей левой голени. Находился на излечении в ОМСБ 274, ППГ 755, ряд ЭГ, а с 20 октября 1944 года в ЭГ 5978, из которого выбыл 29 декабря 1944 г.

В составе 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Рокоссовского, 3-й армии генерала Горбатого, 1071-го ИПТАП – полковника Иванова освобождал: п. Шатково (28-30.06.44 под Бобруйском), Сычково, Червень, Смолевичи (под Минском). В составе КМГ генерала Плиева, 1071-го ИПТАП – п. Самохваловичи, Негорелое, Столбун, Жуховичи (5-6.07), Барановичи, Слоним (9.7.44), Ружаны, Пружаны, Шерешово, Видомля (под Брестом 17-19.07.44).

Орденом Отечественной войны I степени я был награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985г. за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. В дальнейшем по ходатайству Председателя Президиума Верховного Совета ЛССР был переведен на службу в Прибалтийский ВО, из которого уволен в запас приказом №01491 от 30.08.1946 по статье 43, пункт «А».

Вернувшись домой, узнал, что в боях под Курском в 1943 году погиб мой дядя Ильиных Виктор Максимович.

К сожалению, сейчас уже никого нет в живых из моих товарищей: ни Шмелева, ни Хохрякова, ни Иванова. Но в памяти навсегда останутся те грозовые годы, которые свели нас вместе.

Когда я смотрю документальные фильмы военного времени, надеюсь увидеть тех, кто был со мной на войне. Я с восторгом гляжу на солдат-победителей, возвращающихся из освобожденной Европы, и мне кажется, что это мои солдаты, мои товарищи по оружию, которые не щадили жизни для достижения победы над врагом. Я узнаю их, моих фронтовых друзей.

В то время мы видели много горя, но никогда не чувствовали себя несчастными. Героизм тогда был привычным явлением, потому мы не замечали и не ценили его. Казалось, так и должно быть. Зато сейчас, вспоминая о своих друзьях, о простых, незаметных людях, об истинных тружениках войны, я испытываю гордость от того, что был среди них в то тяжелое для Родины время.

Имею следующие публикации:

• Фернас Г.К. Статья «Были единой семьей». ОГУП «Полиграфический комбинат». – Орел, 2000 г. В сборнике «Не уйдет из памяти война».

• Фернас Г.К. Статья «Наш последний бой». В сборнике «Победители – потомкам». – Изд. «Звезда», 2000 г.

Обо мне написано: в сборнике «Ради жизни на земле», статья «Кавалер ордена Славы», ДОСААФ СССР, Москва, 1987г.; в газете «Даурская новь» №34 (8653) от 27 апреля 2000г. Статья «Для нас, ветеранов, война не окончена....»; в газете «Мысль» №8 (147) 1998г., Фернас Г.К., статья «Грозовая даль памяти».

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминанийоказал помощь ***Карлик Кирилл Львович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Филимонов Сергей Георгиевич

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Я родился 2 апреля 1919 года в деревне Чеглоково Троекуровского района Рязанской области (теперь Липецкая область). До войны окончил педагогический техникум № 3 в Москве. Помню, техникум находился в районе метро Аэропорт.

В сентябре 1939 года был призван служить в армию. По распределению попал рядовым солдатом в 8-ю мотобронебригаду 2-го мотострелкового батальона, который располагался в Монголии. Там, в Монголии, впервые увидел легендарного Маршала Жукова, который в то время командовал фронтом. Во время службы в Монголии, я окончил школу младшего командного состава, получил звание сержанта и вернулся во 2-й мотострелковый батальон этой бригады в должности замкомвзвода связи. В 1941 году на базе мотобронебригады была образована мотострелковая дивизия.

20 июня 1941 года эту дивизию перекинули на старозападную границу Украины, в город Проскуров. Вместе с дивизией переместился в этот город и я. Здесь узнал о начале войны.

Мы переночевали в казармах одну ночь, а на вторую ночь в 4 часа утра всех подняли по тревоге. Так началась война для меня.

Мы выехали в ближайший лес, где и получили свой первый боевой приказ: «Огонь не открывать ни при каких условиях». Такой приказ был дан в целях маскировки. Через несколько часов невдалеке

от леса показалась колонна грузовых машин. В кузовах сидели пионеры в белых рубашках с красными галстуками.

Когда грузовики проезжали мимо леса, на колонну налетели два немецких истребителя и стали обстреливать машины. Со всех сторон был слышен крик, плач. Здесь уже приказ не действовал, и солдаты открыли огонь по самолетам. В ходе перестрелки был сбит один немецкий истребитель. Санитары оказали раненым помощь. Уцелевших пионеров солдаты забрали к себе в лес. Из города Проскурова мы переместились в Белоруссию, откуда с боями продвигались к Смоленску. В то время я был под командованием полковника Мишулина. Под Смоленском в июле 1941 года впервые был подбит немецкий танк, полковнику Мишулину присваивается звание генерал-майора танковых войск и Героя Советского Союза. Под городом Красный Смоленской области я был первый раз ранен. Поврежденными оказались левая рука и лицо. Этот день у меня ассоциируется с первым налетом фашистской авиации на Москву: когда немецкие самолеты летели бомбить Москву, я, раненный, лежал в лесах Смоленщины.

Раненным, я попал в окружение. Тогда наша часть продвигались к Москве. Когда мы переходили по мосту через Днепр, противник открыл огонь из крупнокалиберного пулемета. И мы были вынуждены остаться на западной стороне Днепра и продвигаться по западному берегу.

У меня был карабин, но так как левая рука практически не действовала, справляться с ним было трудно, а оружие бросить я не мог. Пришлось повесить карабин на плечо, а в здоровую руку взять гранату. Сначала шли молча. На другом берегу виднелись окопы, каски солдат, но кто это – русские или немцы – мы не знали. Потом одному из солдат пришло в голову, что надо покричать. Когда выяснилось, что на другом берегу были наши, мы переправились на другой берег.

Здесь меня доставили в госпиталь. После госпиталя я был направлен в город Уфу (Башкирия) в запасной полк на должность заместителя политрука. В этом полку готовили маршевые роты. В основном это были новобранцы, которым показывали основные приемы ведения боя, но попадались солдаты, которые участвовали в войне.

Из Башкирии я был направлен в Мензелинск в школу среднего политсостава. Закончил ее в феврале 1942 году с отличием и получил звание политрука. Теперь на петлице у меня красовалось три кубика, и я был направлен в Москву за назначением.

В феврале 1942 года получил направление на Брянский фронт. Из Москвы меня провожал отец. Я был направлен в 60-ю стрелковую дивизию, 1285-й стрелковый полк на должность политрука роты свя-

зи. В этой должности я находился два месяца, после чего был переведен в батальон этого же полка на должность политрука роты ПТР (противотанковых ружей). И на этой должности я находился тоже недолго – 2 месяца. Следующим моим назначением стала должность зам. командира 2-го стрелкового батальона по строевой части этого же полка. В качестве зам. командира батальона я пробыл тоже два месяца. Командир батальона младший лейтенант по нескольку недель был в госпитале, потом возвращался, но скоро опять ложился в госпиталь. В конце концов, командиром батальона назначили меня, звание по-прежнему оставалось политрук.

Со временем комиссар (пожилой человек) лег в госпиталь, и мне прислали нового комиссара Зуякова в звании старшего политрука.

Осенью 1942 года в армии перешли на погоны. Мне и комиссару было присвоено звание капитана.

Брянский фронт

Близ города Мценск на одном берегу Оки располагались наши, на другом немецкие части. Под этим городом русские части строили оборону. В конце осени 1942 года полк, где я служил, и вся дивизия были выведены из обороны. Нас сменили другие части. Некоторое время мы были на отдыхе, переформировывались и готовились к наступлению. В конце января 1943 года из Тульской области маршем пешим порядком (транспорта, кроме лошадей для хозяйственных нужд, практически не было) стали продвигаться вдоль линии фронта. В результате этого продвижения мы вышли в Курскую область. В целях маскировки марш совершался только по ночам. Как правило, днем мы останавливались на отдых. Остановки совершали либо в лесу, либо в разоренных деревнях.

Однажды, когда мы отдыхали, нас бомбили немецкие бомбардировщики, и одна из бомб попала в полевую кухню. Из людей никто не пострадал. Ранеными или убитыми были только лошади, уничтоженной оказалась полевая кухня, и нечем было кормить людей. Больше половины личного состава было из Средней Азии (казахи, узбеки, туркмены), так что конина для них была привычной едой. Я приказал раненных лошадей добить и приготовить из них обед.

В Курской области

Мой батальон прибыл в город Дмитров-Льговский. В начале марта 1943 года поздно вечером я вывел своих офицеров на рекогносцировку. Было уже темно. Мы были обстреляны из крупнокалиберного пулемета. Меня и комиссара ранило. Точно не знаю, заметили нас немцы или это просто был залп из пулемета. Немцев тогда гнали из Курской области, и мы были не окопаны. Батальон мой должен был сменить эти части.

В госпитале я провел три с половиной месяца, затем был направлен в Прибалтийский военный округ для прохождения дальнейшей службы. Попал я в отдельный офицерский полк запаса, где был назначен командиром шестого батальона полка. В этом офицерском полку проходили службу офицеры, которые уже воевали, т.е. после ранений, после госпиталей и т. д.

Положение в офицерском полку было следующее: офицеров было много, все ждали, когда получат назначение на фронт, многие длительное время не были дома. Командование было просто завалено рапортами хотя бы на несколько дней отпустить домой, повидаться с родными. Однако увольнения не давали. Практически все офицеры закончили специальные учебные заведения. В запасном полку они были должны ходить на занятия, но поскольку люди уже воевали, как таковых занятий не было. По этим причинам многие офицеры уходили в самоволку. Их рано или поздно находили и отдавали под трибунал, но вместе с ними под трибунал мог попасть и я за дисциплину в батальоне. К нам в полк приехала комиссия для отбора людей на роль преподавателей для создающихся Суворовских училищ. Я по образованию был педагог, а комиссия как раз искала людей, которые имели отношение к обучению. Когда комиссией был составлен список отобранных, то командир полка (назначался Верховным Главнокомандующим) вычеркнул меня из этого списка, так как я единственный из командиров батальона прошел эту комиссию. Я попытался оспорить это решение, но ничего не получилось.

Через несколько месяцев приехала еще одна комиссия, которая отбирала людей на курсы усовершенствования офицерского состава. К тому времени сдружился с начальником штаба, и тот включил меня в эти списки. Список был отдан на подпись командиру полка. Командир полка не глядя подписал его. Далее список направляемых на курсы утвердил командующий войсками округа, я передал батальон своему заместителю. После чего вместе с заместителем пошел к командиру полка для доклада. Командир полка, не зная, в чем дело, принял нас. Поняв же, он был в гневе, но ничего поделать уже не мог.

Курсы проходили в Москве. Эти курсы я закончил в феврале 1944 года и 23 февраля был направлен на Ленинградский фронт. На Ленинградском фронте пробыл некоторое время в резерве, потом был

назначен заместителем начальника разведотдела 118-го стрелкового корпуса. Первоначально этот корпус был на Ленинградском фронте, потом был переведен на Прибалтийский фронт. В составе этого корпуса я участвовал в освобождении Пскова. После освобождения Пскова по заданию командования несколько раз был в Пскове для получения пополнения для дивизий, входящих в состав корпуса.

С июня 1944 г. находился в штабе этого корпуса. Далее воевал в Прибалтике. После боев в Прибалтике управление этого корпуса было выведено из состава Прибалтийского фронта и для формирования было направлено в Архангельск. В декабре 1944 года в составе управления корпусом я был в Польше. Когда началось наступление на Берлин, в составе корпуса воевал на этом направлении. В апреле 1945 корпус получил приказ изменить направление и начать наступательное движение на освобождение Праги.

Об окончании войны я узнал в Праге, и 10, 11 мая мой корпус добивал немецкие части, которые не желали сдаваться. После этого мы закончили все боевые действия. Некоторое время находились в Австрии. Корпус был расформирован, часть людей была демобилизована (офицеры, солдаты), так как война была закончена, а война на дальнем Востоке еще не начиналась. Из Австрии я получил направление в уже переформированные части, а точнее в 62-й танковый полк, на должность помощника начальника штаба по разведке, где я и прослужил до декабря 1946 года. В том же декабре 1946 года приехал в Москву и, когда становился на учет в райвоенкомате, мне предложили работу в органах государственной безопасности.

Во время Великой Отечественной войны я получил орден Великой Отечественной войны 2-й степени и орден Красной Звезды. Остальные награды – за службу в органах государственной безопасности.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Антипов Дмитрий Викторович***, студент 2-го курса Московского авиационного института

Фокин Виктор Никитович

ОНИ ПОДУМАЛИ, ЧТО ИХ ОКРУЖИЛ БОЛЬШОЙ ОТРЯД

Я родился 28 июля 1922 года в селе Увяз Шиловского района Рязанской области. Русский.

Окончил сельскую школу в 1937 году, других учебных заведений до войны не оканчивал. Я хорошо рисовал, поэтому собирался поступать в музыкальное или художественное училище, но помешала война.

В 1938 году мой отец по вербовке переехал в Горки Ленинские. Там он работал плотником, я помогал ему в работе.

О начале Великой Отечественной войны я узнал дома, по радио. В то время не было домашних радиоприемников, а были репродукторы на улицах. Весь совхоз слушал эти тревожные новости. В это время я призывался через райвоенкомат, уже оформлял документы, чтобы поступить в кадровые войска, но не успел оформить – началась война.

Немецкие самолеты на Москву летели как пчелы, бомбили, и Горки Ленинские разбомбили. Немцы бросали зажигалки самолетов, мы по ночам бегали и тушили их. А через некоторое время, из Царицыно, из военкомата, он тогда там находился, мне прислали повестку. Мы ночью тушили бомбы, и к утру меня в сон взяло. Сплю, и вдруг слышу – плачет мать у меня над кроватью. Я просыпаюсь: «Мам, что такое?». Она говорит, что мне прислали повестку на фронт.

В боевых действиях я начал участвовать по призыву. Меня и ещё 13 парней из Горок Ленинских 7 июля 1941 года доставили на станцию Герасимовская. Совхоз «Горки Ленинские» разводил породистых лошадей для кавалерии. Директор совхоза Чубукин организовал нам повозки, и мы с песнями отправились к месту сбора.

В совхозе был замечательный гармонист, лесник Евстигнеев. Он поехал провожать нас, и всю дорогу играл на гармонике-«хромке». Со станции Герасимовская нас поездом довезли до Расторгуева. В Расторгуево меня приехал провожать отец. Привез съестного, что-то из вещей. Мы простились с ним по-мужски.

На следующий день всех призывников садами, огородами и просёлочными дорогами повели к месту обучения, под Наро-Фоминск. В трех километрах от города, в лесу, нам приказали разбить лагерь. Мы делали шалашики из растущих вокруг берез. На следующий день всю нашу будущую армию учили ползать по-пластунски и совершать перебежки.

Стояла страшная жара, и для утоления жажды нам привозили морс. На следующий день мы отправились на стрельбы. Стрелять для меня большой проблемой не было. До войны я увлекался охотой, мне подарили двустволку, и я долго пропадал с ней в лесах. Естественно, все три выданные мне патрона попали точно в мишень, выставленную на сто метров, что вызвало удивление окружающих. Некоторые говорили: «Что за стрелок!»

На третий день обучения нам привезли шинели, обмотки, винтовки, противогазы и прочее обмундирование. Я был небольшого роста, поэтому мне долго искали шинель. Когда оснащение закончилось, перед всеми выступил политрук: « Товарищи! Мы теперь действующая армия». Приняли присягу, затем получили вещмешки с сухим пайком – различными концентратами, крупами и сухарями и строем пошли к станции. Там нас ждали вагоны-«телятники», в которых мы уехали в ночь, в неизвестном направлении.

12-13 июля 1941 года мы приехали под Смоленск, где уже шли боевые действия. Нам стали выдавать оружие. Кому-то выдали винтовки, а мне достался пулемет и «Кольт» образца гражданской войны. Пулемет мне был в новинку, но я быстро разобрался с его устройством и мог мгновенно собирать-разбирать его.

После раздачи оружия нам приказали создать ячейки на случай бомбардировок. Потом ячейки должны были быть соединены окопами, но этого не случилось. Под натиском фашистов наша оборона не устояла, и пришлось отступать. Когда был отдан приказ к отступлению, пришлось туго. «Кольт», гранаты, противогаз и прочее обмундирование были не легкими, а отступать в эту ночь пришлось примерно на сто километров.

Мы, свежеиспеченные солдаты, тогда ещё не знали даже названия своего полка, но уже на деле испытали команды «наступать» и «отступать». Командир моего взвода был татарин, солдаты его не любили, так как он заботился только о себе. Отступали мы по направлению на Медынь, Юхнов, Ельню

В бою под Ельней я получил первое ранение, и отправился в госпиталь. Из Серпуховского госпиталя меня перебросили в Кратово, в медсанбат. Там же я научился обращению с миномётами и по выздоровлении попал в 53-й гвардейский миномётный полк 18-й гвардейской дивизии. В это время как раз начинались затяжные сражения на Орловско-Курской дуге.

Орловско-Курская дуга — это было ужасно. Какой-то ад. Самолёты немецкие шли, как черные вороны, и заполоняли всё небо, бомбили всё на свете, с мирными жителями не считались, расстреливали всех, жгли деревни, села жгли. Идешь по деревне водички не найдешь напиться; колодцы, силосные ямы все забиты трупами стариков и детей. Как могло сердце терпеть такую ненависть? В письмах маме я писал: «Мама, не беспокойся обо мне. Умру за Родину. Немец будет разбит, победа будет за нами». На уголках листа это писал. Я роздал эти солдатские письма-треугольники по музеям.

Наша дивизия направлялась в самые горячие точки для обеспечения прикрытия, удержания позиций или обеспечения наступления. А переброски делались с миномётами и другим оборудованием. Миномёты были тяжелые: сам ствол сто килограмм, лафет около ста килограмм, опорная плита около сто килограмм, это уже под 300 кг. А сколько снарядов, каждая мина 19 кг, и ведь их там не одну везешь, а 20-30 штук на этой же упряжке, да другое оборудование какое-то. К тому же переброски делались не по шоссейным дорожкам, а по болотам, где кочки, рытвины, бурьяны. Спасались от артиллерии и авиации противника. Если миномёт застревал, приходилось вытаскивать ствол и по частям вытаскивать технику. Вот берешь ствол сто килограмм, и прыгаешь с ним по кочкам метров пятьдесят...

Потом в бою один миномёт разорвался в него опустили две мины сразу. Весь расчет погиб, командиру батареи оторвало ноги. Меня поставили на его должность. А в одной из переброс я получил свое второе ранение.

Пулеметчик

Немцы, отступая, оставили пулеметчика прикрывать их. Было это в поле, рожь колосилась. Так вот он так стрелял, что ни одного колоска не осталось. Человек пятьсот наших убил, вот как немцы лупили. Наш комполка, Башура, слёзы льет за каждого убитого солдата, а сам смотрит в трубу и командует: «Мина туда! Мина сюда!». Но как достанешь? Он сидит себе в окопе, мина летит – он пригнулся, мин нет – он стреляет.

Потом смолк, видимо, зацепило. Башура и все остальные побежали к его ячейке. Фашистский пулеметчик на дне корчится, что-то по-своему лопочет и руки тянет — вытащите, мол. А гильз в ячейке – хоть в грузовик грузи. Ну, мы с Башурой крепкие были, вытащили. А немец что-то лопочет и лопочет. Взял я финку трофейную, да как дам ему! Не смог стерпеть ненависть. Стрелял я их много, и бил я их много. И пусть они меня помнят.

В Орловско-Курской дуге мы просидели до прорыва обороны противника и освобождения города Орла, 5 августа 1943 года. В Орле есть обелиск героям-освободителям, и на нем моё имя. До перестройки меня часто приглашали на разные мероприятия в этот город.

Смешной случай

Помню, привезли как-то к нам в полк украинцев. И был среди них один, Удовченко его фамилия. Он за мной по пятам ходил и разные подколы делал. Я не обижался, конечно, но думал: «Ну, погоди! Попадешься ты мне, тогда я своё возьму».

А было это в лесу, под Брянском. Я от палатки отошёл и муравейник увидел. Здоровые такие муравьи, лесные. Думаю: «Попался, Удовченко!» Один раз утром не стал одеваться, вроде как умываться пошел, и Удовченко за мной идет. А я иду как раз к тому муравейнику. Когда дошли, я дёрнулся, схватил его, и как он был, без гимнастерки, посадил в эту кучу. Он завизжал, заорал, муравьи ведь щиплются, и с тех пор он от меня отстал.

Трехлинейка

И вот таких эпизодов было множество. То горечь, то радость находят в них место. Приехали как-то к нам снайперы, девчонки. Все в белых халатах, зимой это было, и винтовки в чехлах белых, с оптическим прицелом. А мы в окопах, вернее, в снегу сидим. А они – как воробьи молоденькие. Ну, я и говорю: «Вон там лес есть, дремучий, там сидят кукушки немецкие, так что вы головы свои убирайте, да ищите их».

Потом я решил их проверить, как они стреляют. Говорю солдату: «Возьми вон банку консервную, да отнеси её метров на сто». И снайперам говорю: «Ну-ка, давайте, кто в банку попадет?». Они стреляют, но всё мимо. Как же они против немецких снайперов воевать будут? Взял я из блиндажа винтовку, обычную трехлинейку, прицелился, выстрелил, и банка взметнулась вверх. «Вот, – говорю, – как надо стрелять».

Помылись

Держали мы оборону, а расстояние между окопами было чуть больше километра. В стереотрубу смотришь – всё видно, как немцы в карты играют, вшей бьют, водку пьют. Всё видно. Смотришь на них, думаешь, что сейчас бы подошел да как дал, а они в карты режутся.

А посреди обороны был пруд небольшой, кустарником поросший. И немцы во время затишья повадились туда мыться ходить. Соберутся человек двадцать-тридцать и идут. Мы прознали это и заранее подползли к кустам на нашем берегу. А они с другой стороны лезут купаться. Мы подождали, пока все залезут в пруд, и перестреляли их. Ну, а потом только держись! Немцы обстреляли наши позиции из тяжелой артиллерии.

При форсировании Западной Двины

Наши войска целую неделю хотели форсировать эту Двину, но не смогли, потому что у немцев был берег крутой, и очень мощные укрепления. У нас – пологий берег, и никаких укреплений.

Когда наше командование определило, что не в силах форсировать эту реку вплавь, а никаких подручных средств не было, оно решило организовать плавсредства. Вплавь с винтовкой не переплывёшь, река в ширину не менее 300 метров. И очень быстрое течение.

Тогда командование решило отобрать самых сильных, самых выносливых, кто умеет хорошо плавать и украсть сможет плавсредства у немцев, чтобы на них переправиться. Ну, я попал в эту команду. Я нигде не отставал.

А в июне ночи короткие, только стемнеет, и уже рассвет, а где мы себе подручные средства возьмем? Из деревни и бревна не принесешь, и лодки нигде не найдешь никакой.

И мы поплыли. Немцы догадались, открыли шквальный огонь из миномётов и осветили всю реку ракетами. Только фонтаны вздымались. Я плыл до половины реки легко, а потом меня начало гнать по течению. Я уже устал, и не справлялся с течением. Думаю, если сейчас буду сопротивляться, то вообще не доплыву. Да потом думаю – доплыву, не доплыву, всё равно пристрелят, раз такая ситуация.

Тогда я решил подражать течению. Ну а когда уже подплывал к берегу, у меня в глазах всё помутилось, и сил почти не осталось. Собрал я остатки сил, думаю: «Если сейчас под ногами берег, то выйду, а если нет, то утону». Решил плыть до конца.

Когда схватился за кусты, да так прямо и упал. Всё уже, сил нет. От назначенного места меня угнало метров на 400 по течению. Теперь смотрю - тут же недалеко от меня ещё один выплывает. Белорус, товарищ мой. Ещё до форсирования он мне говорил; «Витя, скоро придем до моей деревни, 15 км осталось, к матери моей зайдём с тобой». Вот он как раз и приплыл.

Мы с ним встали, растерлись немного и по песку побежали к подручным средствам немецким. А мы же не знали, может, там стоит охрана, часовые, а мы без оружия, без всего бежим. С оружием невозможно было переплыть.

Но хорошо, что никого там не было, они выше сидели, а наши их обстреливали, нас поддерживали. А чего поддерживать – нас двое осталось, а пустили человек 400. Взял мой товарищ две лодки, а я большой плот. Нагрузили их всякими вёслами, баграми, и поплыли. Я взял багор, встал на плот и стал отталкиваться от берега.

До течения плот шел легко, а вот когда я в него попал, тут начались трудности. Багор до дна не достает, плот сносит неизвестно куда, и ещё обстрел идет. Взял я тогда весло побольше, встал на угол плота и начал грести. Плот нехотя стал крутиться в сторону нашего берега, а когда он вышел из течения - я вновь взялся за багор. Позже на этом плоту переправилось 50 человек разом и много техники.

Ранения

Своё первое ранение я получил в бою под Ельней, в июле 1941 года, а всего у меня три ранения и контузия. Пулей перебило два пальца и локоть левой руки. Меня направили в город Серпухов, в

госпиталь. Мои пальцы держались только на коже, кости были перебиты, но несмотря на это врачи смогли их спасти.

Госпиталь был расположен в школе, недалеко от церкви. А в это время немцы были уже на другом берегу Оки. Видимо, полагая, что в церкви находится командный пункт, немецкая артиллерия вела по ней огонь. Крест пробило снарядом, и он повис.

Некоторые снаряды долетали и до школы. Начальник госпиталя кричал, чтобы все, кто может ходить, помогли тем, кто не может, покинуть здание школы Все раненые выбежали на Московскую улицу, куда торопились санитарные машины – обыкновенные грузовики-полуторки, с женщинами за баранками.

Раненых спешно распределяли. Я попал в Кратово, где располагался медсанбат. Предстояло ещё основательно долечиваться. В Кратове было хорошо. Здесь раненых не только лечили, но и учили, а когда моё состояние улучшилось, меня стали возить на полигон в пяти километрах от Кратова, для обучения стрельбе на 120-миллиметровых минометах сложной системы, требующей специальных знаний.

Здесь я узнал, что такое синус, косинус, шаг угломера. Я настолько хорошо всё выучил, что с приборами работал очень быстро и точно. Когда раны залечились, я, уже старшим сержантом, отправился на фронт, в 53-й гвардейский миномётный полк 18-й гвардейской дивизии.

Второе ранение получено во время боёв на Орловско-Курской дуге, во время очередной переброски. Ехали мы по просеке со своими минометами. Осень, погода хорошая, и вдруг как по нам огонь откроют! И русским матом кричат. Бандеровцы, наверное.

Я только автомат с повозки схватить хотел, как мне прострелили ногу. Отправили меня в Орёл, где обнаружили, что рана загноилась. Шинель, телогрейка натащили в рану заразы всякой, вот и получилось.

Отправили меня в Осташков. Утром идешь на перевязку, врачи берут пинцет, кусок бинта, намажут чем-то и сквозь рану протыкают, один конец туда, один сюда и забинтовывают. На другой день надо идти вычищать гной, таская бинт вверх-вниз. Боль адская. Вместо анестезии врачи держали меня за руки и за ноги и просили терпеть. Рану вылечили.

Когда я вышел из госпиталя, решил вернуться в свой полк, но мне это не удалось. Меня подхватила 252-я Сибирская дивизия имени Суворова, которой командовал генерал армии, Маршал Советского Союза Баграмян. Вместе с ними я прошёл Латвию, Эстонию и вышел к польской границе. Прошли Польшу, попали в Восточную Пруссию, откуда недалеко было и до логова врага.

Польшу прошли незаметно и двинулись на Кенигсберг, но до Кенигсберга я не дошёл. Нас приостановили, сформировали эшелон, и вновь мне пришлось ехать в неизвестном направлении. Куда везут – никто не знал. Узнали только тогда, когда прибыли в город Свердловск.

Это было где-то в июле 1945 года. Нас сформировали на защиту Родины в войне с Японией. Но в Свердловске эшелон загнали на железнодорожную станцию, в тупик, и мы три дня там стояли.Вдруг эшелон снова отправился в сторону Москвы. Нас доставили во Владимир, и там мы разгрузились.

В 15 километрах от Владимира был танкодром, а там городок, куда нас и поселили. Нас стали учить водить боевые машины. Это уже был август 1945 года. Появилось постановление, что тот, кто имеет три и больше ранений и контузию, те подлежат демобилизации. Я обращаюсь к своему начальству и говорю: «Я согласен демобилизоваться», и меня с удовольствием демобилизовали. Это было 25 сентября 1945 года. Так и закончилась моя военная карьера. Из войны я вышел старшим сержантом. Так как я был Героем Советского Союза, мне предлагали звание младшего лейтенанта, но я отказался.

Родственники мои в войне не участвовали. Брату сделали операцию на желудке, и он не мог по состоянию здоровья. Ещё три сестры, но какие из них солдаты... Я один защищал Родину.

Боевые награды

Указ от 22 июля 1944 года № 6124: «Фокину Виктору Никитовичу. За ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 22 июля 1944 года присваивает Вам звание Героя Советского Союза. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин. Москва – Кремль. 2 декабря 1944 г.».

Звание присвоено совместно с вручением ордена Ленина (№ 21901) и медали «Золотая Звезда»(№5109).

Награжден медалью «За Отвагу» (№ 304404, №1584182).

Награжден орденами Красной Звезды (№2751936) и Отечественной войны I степени.(№ 452794).

Награжден медалями: «В память 800-летия Москвы», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Ветеран труда», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью Жукова.

Звание Герой Советского Союза я получил в боях при форсировании Западной Двины. Об этом написано в книге «Навечно в сердце народном»: «Командир отделения сержант Фокин отличился в боях за освобождение Витебской области. При прорыве вражеской обороны в Городовском районе первым поднял в атаку своё отделение и захватил вражеские траншеи. В бою за деревню Островно Бешенковишского района 26 июня 1944 года все бойцы погибли. Сержант Фокин вёл бой до подхода подкрепления».

Сухо и коротко. Но не всё было так просто, как кажется на первый взгляд. Было это между городами Орша и Витебск. Когда наши войска полностью форсировали Западную Двину, захватили в плен около десяти тысяч немцев, но враги продолжали сопротивляться.

Между Оршей и Витебском проходил большак, и здесь скопилось много немцев. Они очень сильно сопротивлялись. Я тогда командовал 4-й ротой 253-й стрелковой дивизии у капитана Галиева. Немцы шли в наступление.

Берег у Двины был порожистый, изъеденный оврагами. Немцы рассчитывали сбросить нас в эти плотины, но им это не удалось. Когда мы пошли в наступление, мы дошли до самого большака. Немцы сначала отступали, а потом пошли в натиск.

У нас сил не было, и в бою я не заметил, как остался вдвоём с писарем нашей роты Тишкиным Иваном. Когда мы уже дошли до большака и легли в кювет, было уже некуда деваться. А видим, наши бойцы недалеко отстреливают немецкую сволочь, пленные немцы бегут к своим!

Мы решили набрать гранат, и бросать их в немцев. Фашисты остановились и стали сдаваться. Они подумали, что их окружил большой отряд, а там только я и Тишкин. И когда мы с автоматами пошли во весь рост, немцы стали бросать оружие.

Вдруг один немец подорвал себя. Мы собрали немцев , 72 человека, и повели их навстречу нашему подкреплению. На следующий день меня вызывают в штаб полка, и перед строем командир полка объявляет: «Виктор Никитович, мы представили вас к званию Героя Советского Союза».

Смекалка

Медаль «За Отвагу» я получил за проявленную смекалку. Миномётные расчеты соединялись между собой телефонными шнурами, тогда не было радиостанций. И буквально вся земля была замотана кабелем. А когда попадает снаряд, возникает обрыв. Вот и поди найди там два конца своего провода. Там и немецкие провода, и наши, не разберешь. Так я придумал вот что. Я взял красную тряпку, порвал её на лоскутки и примотал их к своему проводу. Как только у меня случался обрыв, я быстро восстанавливал связь

Мой боевой путь: Смоленск (13 июля 1941), Юхнов (июль 1941), Медынь (июль 1941), Ельня (июль 1941), Серпухов (июль 1941), Витебск (лето 1944), Орша (лето 1944), река Западная Двина (лето 1944), Шяуляй (весна 1945), Великие Луки (весна 1945),

Возвращался с войны через Свердловск (лето 1945), Владимир (лето 1945).

Полная информация об имеющейся публикации обо мне: «Навечно в сердце народном». Редакция Белорусской советской энциклопедии. К 30-летию победы над фашистской Германией, стр. 424. – Издво «Беларуская савецкая энцыклапедыя», Минск, 1975. Главный редактор П.У. Бровка.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Иванов Сергей Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Чулков Александр Зиновьевич

Я ПРОЧИТАЛ БОЙЦАМ «ПИСЬМО К МАТЕРИ»

Я родился 2-го ноября 1919 года в многодетной семье крестьянина-середняка в селе Дмитриевский Чардым Лопатинской волости Нижневолжского края (с 1939 г. Пензенская область). Русский, православного вероисповедания. В 1937-1943 гг. — член ВЛКСМ, с 1944 по 1991 член КПСС.

До войны окончил: в 1926-1930 гг. — начальную четырехклассную сельскую школу, а после переезда семьи в Запорожье , в 1931-1936 гг. — семилетку, в 1936-1940 гг. — Запорожский авиатехникум по специальности «Конструирование авиамоторов» (по диплому). Одновременно в техникуме проходил начальную военную подготовку. По распределению направлен в ОКБ Швецова (Пермь) в должности конструктора по авиамоторам. Принимал участие в разработке мощных (1700-2200 л.с.) авиамоторов для новых скоростных истребителей и бомбардировщиков. Одновременно на заочном отделении в 1940 - 1941 учебном году окончил 1-й курс Московского авиационного института (МАИ).

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года. На следующий день в ОКБ провели собрание конструкторского отдела, где клеймили позором фашистов. Военное звание у меня было рядовой.

22 ноября 1941 года добровольцем уходил на фронт. Райвоенкоматом Перми направлен в Военно-политическое училище в г. Красноуфимске (Уральский военный округ). После его окончания присво-

ено воинское звание замполитрука, которое приравнивалось по довольствию к званию старшины. В составе роты выпускников в конце января 1942 года был направлен в Москву, в распоряжение Главного Политуправления РККА. По приказу руководства вместе с подразделениями Московского гарнизона, вооруженные стрелковым оружием, мы принимали участие в патрулировании улиц города, в поимке диверсантов, шпионов, провокаторов (в то время в 150 км был фронт).

После празднования дня Красной Армии 23 февраля 1942 года нас направили на Крымский фронт. Командующий Крымского фронта генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, член военного совета фронта дивизионный комисар Ф.А. Шаманин, начальник штаба фронта генерал-майор Ф.М. Толбухин, представитель Ставки Верховного главнокомандования Л.З. Мехлис (с 20.01.42).

Штаб фронта сначала размещался в Керчи, затем около ст. Ак-Монай. Командование 51-й армии: генерал-лейтенант В.Н. Львов, член военного совета дивизионный комиссар А.С. Николаев; командование 83-й Отдельной морской бригады: полковник И.П. Леонтьев, комиссар бригады полковой комиссар В.М. Навознов; командование 2-го батальона: майор Я.Ф. Пиндик, комиссар старший политрук А.С. Карасев; командование 2-й роты: старший лейтенант Блинов, политрук Климчук. В связи с потерями командование роты менялось.

В составе нашей 83-й бригады я принимал участие в освобождении села Корпечь в районе узловой станции Владиславовка — на Керченском полуострове.

Здесь в конце марта 1942 года боевые действия свои я закончил в результате тяжелого ранения и контузии. Вывезти с поля боя не смогли, поскольку продолжались военные действия (было 8 часов утра). Командир роты лейтенант Захаров приказал санинструктору роты разыскать меня и оказать помощь. Но это было не простым делом, поскольку все окопы были одинаковыми, а на крики я не отвечал — не слышал. Связист нашего батальона оказался рядом случайно. Разорвавшейся миной перебило телефонный провод. И чтобы спастись от обстрела, он прыгнул в окоп — и прямо на меня. Я застонал и попросил его меня перевязать. С поля боя был вывезен только через 10-12 часов, после наступления темноты. Поскольку возница вывозил по бездорожью, по паханому полю, меня сильно трясло. Я стал задыхаться, попросил снять меня. Сначала он не соглашался, но потом снял с повозки и уехал. Я свалился в воронку от снаряда и заснул.

Под утро стало легче. Я побрел мимо танковой колонны. Вскоре танки были подвергнуты вражескому артобстрелу, и один из снарядов разорвался недалеко от меня. Я потерял сознание и очнулся только в медпункте, куда вместе с санитаром меня доставила медсестра Ириада Петровна Бычкова. Лечила начальник санвзвода нашего батальона врач Мария Макаровна Шармина. Меня навестил комсорг батальона Степан Безопасных, сообщил ротные новости.

При перевязке выяснилось ,что пуля попала в левое плечо ниже ключицы, прошла через легкие и вышла ниже лопатки, пробив ребро. Не двигались кисть руки и нога. Лечение продолжилось в армейском и фронтовом госпитале, а также в станице Лабинской Краснодарского края, в эвакогоспитале № 2147. Через два месяца комиссией ВКК госпиталя я был признан негодным к военной службе, установили инвалидность 2-й группы. Я уехал в Пермь, в ОКБ Швецова по маршрут Лабинская — Армавир — Сталинград (поездом) и две недели плыл пароходом «Сталинская конституция» по Волге и Каме. Встретили меня в коллективе хорошо, и я продолжил свою работу конструктором.

Согласно записи в трудовой книжке, служба в Красной Армии проходила с XI 1941 по 28.V. 1942 года, то есть семь месяцев. Отбыл я из госпиталя 28 мая, а прибыл в ОКБ Швецова 13 июня1942 года.

* * *

Боевые награды дают воинам за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм. Что это значит? Находясь на передовой и ежесекундно рискуя жизнью, солдат вместе со своим воинским подразделением выполняет боевую задачу под огнем противника; захватывает плацдарм, высоту, населенный пункт, пленных, отбивает атаки крупных сил противника при обороне. Таким образом, совершает подвиги, опасные для жизни и достойные боевых наград. Но воины думали не о наградах, а о том, как лучше выполнить задание своих командиров. В первый год войны по разным причинам по сравнению с последующим периодом награждали в 10-20 раз меньше. Это подметил наш знаменитый писатель времен войны К. Симонов. Я читал, что он от имени писателей-фронтовиков обратился к министру обороны с предложением наградить орденом всех участников войны, не имевших наград. Ведь без их участия не было бы Победы. Это предложение было принято, и нас наградили через 40 лет после окончания войны — в 1985 г. Было принято такое реше-

ние: раненных в боях и инвалидов войны наградить орденом Отечественной войны 1-й степени, остальных 2-й.

Как инвалид второй группы я подпадал под первую категорию.

В НИИ комплексных топливно-энергетических проблем при Госплане СССР, где в 1976-1985 годах я избирался председателем Совета ветеранов войны института, в 1985 году ордена вручал на торжественном собрании коллектива института представитель военкомата, полковник (фамилию забыл). В президиум собрания, которым руководил директор проф. С.Н. Ятров, пригласили меня и других активистов-ветеранов. Директор предложил сделать доску почета для ветеранов. Выделил деньги для фотоснимков, для изготовления самой доски. Мы подготовили текст специальной справки об участии каждого ветерана войны в боевых действиях и поместили под фотоснимками. Каждому участнику войны директор вручил подарки, а также медаль «Ветеран труда». Эту традицию продолжает теперешний директор — профессор В.А.Азроянц, устраивая каждый раз 8 мая торжественный обед, ведя с ветеранами задушевные беседы и оказывая им материальную помощь.

Ниже приводится перечень моих боевых и трудовых наград за участие в военных действиях и работу в тылу:

Орден Отечественной войны 1-й степени (№ 536999, указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.);

— медаль «За боевые заслуги» (без номера , от 22 мая 1948 г. Вручен в военкомате Ленинградского района г. Москвы в июле 1946 г.);

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;

— юбилейными медалями «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР», медаль Жукова, «300 лет российскому флоту»;

— медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда».

Имею большое количество собственных (более 180) научных и военно-исторических публикаций; сделано 13 изобретений, 79 закрытых отчетов на правах публикаций, создана научная школа по новым

видам топлив и подготовлено шесть кандидатов наук. Значительная часть работ выполнена коллективно, с соавторами и соисполнителями. За давностью лет все мои работы перестали быть закрытыми. Их полное перечисление составляет 18 машинописных страниц.

В настоящее время завершаю новую книгу об интересных и замечательных учителях школы и авиатехникума, профессорах Московского авиационного института, у которых учился, а также о главных и генеральных конструкторах по авиационным и ракетным двигателям, с кем приходилось работать.

По военно-исторической и общественно-политической тематике я имею следующие публикации:

Чулков А.З. «Истина превыше всего» (о главных конструкторах авиамоторов завода им. Баранова в предвоенный период). Газета «Воздушный транспорт», №№ 3,6,10,13, 1996 г. 2,7 усл.п.л.;

«Народ отстоял Отчизну». Юбилейный сборник статей, Составители И.В.Лопухов, А.З. Чулков, МОФ «Победа-1945», 1996 г. 40 усл.п.л.;

«Работа ОКБ Швецова в войну». Статья в газете «Прогресс» ОАО «Двигатель». №№ 44-45, 46, 1996 г., Пермь, 1,4 усл.п.л.;

«С авиаконструкторами и морскими пехотинцами». Опубликовано в сб. «Народ отстоял Отчизну», см. выше. 8 усл.п.л.;

«Комсомольская юность в огне». Сб. «Великая Победа». Составитель И.П. Лопухов. — М., Воениздат, 1993 г. 0,8 усл.п.л.;

«Бои за Крым». Литературная Россия. М., 21.02, 1992г.0,2, усл.п.л.

В военной Москве

Выехали мы, рота выпускников, поездом на запад. Посадили в целях маскировки в товарные вагоны. Интерьер вагонов включал дощатые нары, покрытые соломой, печку-буржуйку, которая не только обогревала — на ней еще готовили пищу.

Дорогой в поезде подселили роту латышских стрелков из заключения и человека два-три в наш вагон. В начале февраля 1942 года прибыли в Москву. Цель приезда командование держало в секрете. Потом оказалось, что мы находимся в резерве Главного Политуправления РККА. Поместили в Военно-политическую академию им. Ленина (рядом с залом Чайковского). Спали в зале клуба академии на матрацах, которые днем убирали.

В феврале стояла холодная и снежная зима. На площадях, перекрестках улиц поставили противотанковые ежи из кусков старых рель-

сов, лежали ряды мешков с песком, смонтированы были огневые точки. Это были укрепления, воздвигнутые в сентябре-ноябре 1941 года для проведения возможных оборонительных боев. Здание мавзолея Ленина было обложено мешками с землей.В Москве сначала мы дня два отдыхали. Затем нас стали загружать не совсем необычной работой.

Вместе с резервными частями войск Московского гарнизона и милицией мы посменно ходили в наряды патрулировать улицы и переулки. Подозрительных задерживали, проверяли документы, охотились за бандитами, диверсантами, провокаторами, сдавая их компетентным органам, наводили порядок. Вскоре нам разъяснили, почему привлекались политработники. Оказывается, и в милиции, и в частях гарнизона не хватало грамотных людей, все больше с 5-6-классным образованием, а в нашей роте — со средним, незаконченным высшим и высшим образованием, политически грамотные, мы могли более успешно вступать в спор и выявлять вражеские элементы. Ведь Москва тогда была по существу фронтовым городом. Многие были вооружены пистолетами и иногда пускали их в ход. Мы тоже были вооружены винтовками,

Двое из наших однажды в перестрелке были ранены, один вскоре скончался. Таким образом, это была весьма опасная работа.

Мы выступали на предприятиях перед рабочими, рассказывали о том, как куется оружие победы рабочими седого Урала. Надо было развеять упадочнические настроения, поскольку население многого не знало и слухи ходили самые невероятные.

Часто мы провожали рабочих-подростков домой, после ночной смены, так как от усталости и недоедания некоторые падали в обморок на пути к дому.

Слушали обзорные лекции фронтовых политработников об особенностях проведения военно-политической работы на передовой и в наступательных боях; по вечерам слушали и смотрели в записи выступления Руслановой, Лемешева, Козловского, оркестра Мравинского и других выдающихся деятелей исскуства.

Мы читали книги из библиотеки на военные темы, бродили по заснеженной столице и просили поскорее направить нас на фронт,так как опасались, что война окончится без нашего участия, ведь в феврале наступление наших войск кое-где продолжалось.

Мы полагали, что нас направят на ближайший Западный фронт в помощь наступающим войскам. Но вышло иначе.

Отпраздновали день Красной Армии, а утром 24 февраля после сытного завтрака нам было приказано приготовиться к выходу — и

на вокзал, но не сказали на какой. Тайну берегли до последней минуты. Но даже когда на метро мы доехали до Павелецкого вокзала и сели в вагоны, нам не сказали, куда поедем — не положено. Только на конечной станции мы определили, что ехали по маршруту: Москва Воронеж—Лихая—Ростов—Краснодар—Новороссийск. При подъезде к станции Лихая, узнали: 23 февраля, на наш праздник, фашистская авиация устроила налет и сбросила бомбы на два вагона с аммоналом, рядом с которым стоял поезд с раненными солдатами. Можно представить, что было...

В Новороссийске узнали, что уже в Краснодаре мы находились на территории Крымского фронта. В Новороссийске долго не задерживались, пароходом «Курск» в сопровождении двух катеров-охотников мы поплыли в открытое море и рано утром прибыли в порт Камыш — Бурун. До Керчи шли колонной (16 км), и сразу в столовую. Мы так устали, что в пути засыпали и видели какие-то сны. Это было необычным состоянием. На нас не произвел впечатления даже налетевший «мессершмит», который поливал размокшую дорогу пулеметным огнем — мы разошлись по сторонам и тупо смотрели на брызги от падавших пуль.

Политработники на передовой

«Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков...»
И Сталин, из речи на параде Красной Армии на Красной площади 7.11.1941

Эта речь Сталина, конечно, была обращена не только к воинам Красной Армии, но и ко всему народу страны, ко всему миру. В числе великих предков он упомянул А. Невского, К. Минина, Дм. Пожарского, Дм. Донского, А.Суворова. М. Кутузова — великих деятелей русской истории, полководцев и патриотов, прославившихся в освободительных войнах против иностранных захватчиков. И если они могли справиться со своими задачами, то мы тоже можем, если будем последовательно и преданно следовать их примеру.

Сейчас уже немного осталось ветеранов — участников Великой Отечественной войны и трудового фронта, которые были свидетелями огромного эмоционального воздействия этой речи Сталина. Для народа и армии эта речь была программной на весь период войны, как и речь от 3 июля 1941 года. На основании речи Главное Управле-

ние КА разработало методические указания по ознакомлению с ней воинов армии и флота. В газетах появились статьи о деятельности названных вождем патриотов, срочно опубликованы брошюры и книги о них. Что касается лично меня, то мне речь Сталина нравилась и тем, что она перекликалась со знаниями, которые я приобрел об этих любимых с детства деятелях из хрестоматии по истории России, написанной для начальных церковно-приходских школ.

Обращение Военного совета фронта к десантникам

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, командиры и политработники!

Могучей лавиной ринулась наша Красная Армия в контрнаступление против немецко-фашистских орд. Уже нанесены крупные удары гитлеровским людоедам под Ростовом, Ленинградом и Москвой. Развеян в прах и позорно провалился гитлеровский план захвата Москвы и Ленинграда. Нанесен сокрушительный удар планам гитлеровских бандитов пробраться через Ростов к кавказской нефти...

Настал час расплаты с фашистскими извергами за сожженные города и села, за убийства и пытки сотен тысяч патриотов нашей Родины, за слезы и кровь наших отцов и матерей, братьев и сестер, жен и детей, за наших бойцов и командиров, зверски замученных в фашистском плену.

Так пусть же кровью своей они заплатят за все свои позорные преступления! Смерть немецким оккупантам!

Товарищи, перед вами Крым!

Крым — это плацдарм для нападения на Кавказ. Пока Крым находится в руках фашистов,Кавказ не может считаться в безопасности.

Крым — это важнейшая военно-морская база Советского Союза на Черном море.

Крым — это керченская руда, необъятные пшеничные поля, богатые табачные плантации, сады и виноградники.

Крым — это здравница Советского Союза, где десятки тысяч советских тружеников находили заслуженный отдых и лечение.

Крым — наш родной, советский, обильно политый кровью русских людей в борьбе с иноземными врагами...

Так последуем же примеру героических предков и отцов наших и защитников Севастополя.

Боевой приказ Верховного Главного Командования Красной Армии — взять Крым!

Военный Совет выражает твердую уверенность в том, что наши войска совместно со славными краснофлотцами Черноморского флота и Азовской военной флотилией с честью выполнят священный долг перед Родиной

Крым был и будет советским!

Военный Совет

* * *

Хотя я прибыл на фронт после десанта, но задачи, поставленные десанту, не были выполнены. Поэтому Обращение сохранило силу, и нам давали листовки с обрашением для ознакомления по пути на передовую.

Это замечательный литературный памятник военной поры. Нам говорили, что в его написании принимал участие писатель К.Симонов, который неоднократно бывал в Крыму в различных частях и соединениях. (См. газету фронта «Боевой натиск» от 25.12.1941.)

Оперативным органом идейно-политического руководства в бригаде был политотдел, который опирался на партийные и комсомольские организации во взводах, ротах, батальонах и направлял всю их деятельность. Начальником политотдела был опытный партийный работник — батальонный комиссар П.С. Кабан, погибший в майских боях. Комиссарами нашего батальона были сначала А.С. Семенов, затем Н.А. Карасев.

Общие сведения по проведению военно-политической работы мы, замполитруки, получили в училище, о чем рассказывалось выше. Политорганы 51-й армии 83-го бмп, ее батальонов ставили перед нами, ротными политработниками, более конкретные задачи по усилению идейно-политического воспитания личного состава своих подразделений, чтобы эта работа была ближе к условиям фронта, к насущным вопросам, потребностям воинов. Поручалось проработать два важных документа с использованием речи Сталина: Обращение Военного Совета Фронта к десантникам (см. выше) и Приказ Наркома Обороны №55 от 23.02.42 по случаю 24-й годовщины КА. Главным Политическим Управлением РККА была разработана тематика бесед, лекций, докладов, которой мы, низовые политработники, руководствовались в своей практической работе в тот период:

— Красная Армия ведет не захватническую, не империалистическую войну, а освободительную, справедливую, отечественную;

— Красная Армия защищает честь, свободу и независимость нашего Отечества от немецко-фашистских захватчиков;

— условия нашей победы над немецко-фашистской армией: прочность тыла, моральный дух армии, организаторские способности начальствующего состава армии;

разгром немецко-фашистских захватчиков неминуем,

— Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие. Если враг не сдается — его уничтожают (афоризм М.Горького, приведенный в приказе);

— под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед, на разгром немецко-фашистских захватчиков!

Но с чего начать и как начать? Этот же вопрос меня тревожил еще в военном училище, и первые наброски плана работы созрели уже тогда. Вспомнил мудрые наставления Суворова: возьми себе за образец героя: наблюдай за ним, догони, сравняйся с ним, обгони, слава тебе, ты — русский! Перед моими глазами мысленно стояли образы отважных комиссаров времен гражданской войны. Но наибольшее влияние на меня как политработника оказал комиссар и писатель Д.А. Фурманов, произведениями его я зачитывался еще в школе в начале 30-х годов, до выхода на экраны кинофильма «Чапаев». Вспомнил, как Фурманов начинал свою политическую работу в дивизии, как строил свои взаимоотношения с Чапаевым и другими командирами. Он стал сначала вести беседы на общеполитические и образовательные темы, проявил себя в бою, а уж затем мог обсуждать с ними на равных военные вопросы. Я также в общих чертах составил тематику первых бесед — прежде всего о том, что хорошо знаю: о положении в тылу, как куется оружие, как готовятся боевые резервы для фронта, мог рассказать о новых видах вооружений, особенно о самолетах, о боевых примерах из отечественной военной истории, связанных с разгромом и изгнанием интервентов. О героизме и других фронтовых делах — после того, как зарекомендую себя в бою. Больше нужно расспрашивать бывалых бойцов и командиров о противнике, об опыте боев; сказать, что хочу поучиться у них. Чего еще можно было ожидать от необстрелянного тыловика?

Послушав мои теоретические познания по военным вопросам, которые не были систематическими, Климчук сказал: теоретиков Шлиффена и Клаузевица оставь до лучших времен, когда попадешь в военную академию, если, конечно, заслужишь. И уже серьезно поставил передо мной ряд неотложных задач: изучить личный состав роты, проанализировать состояние комсомольской работы в роте, временно возглавить комсомольскую организацию в роте (другой подходящей кандидатуры в тот период не было), поднять уровень всей военно-политической работы и др.

Далее мы прошли с политруком по ходам сообщения в расположение роты. Утро было пасмурным, с плохой видимостью, и противник нас особенно не беспокоил. Вместе с тем всю роту собрать было нельзя, поэтому беседы проводились по взводам и отделениям. Вся рота собиралась только в тех случаях, когда были на 1-1,5 км от передовой, а они были редки .

Бойцы с большим вниманием слушали рассказ нового человека о положении дел на Урале, в Москве, о прочности тыла, о том, как куется оружие для победы. Задавали много вопросов. Зачитал им обращение Военного Совета фронта. Вдруг один парень, лет 20, подтянутый и стройный с веселыми глазами подает голос:

Чи можна питання ?

— Можно.

— Учора взятий в плен фашист казав, що Крим — це іхня земля, що ми повинні і залишити (оставить). Що ви можете сказати про це?

Эге, подумалось, вопрос задан кажется на засыпку, надо быть осторожным,

— Ви б йому сказали, що це брехня, — отвечаю ему в тон по-украински. Крим ніколи не був під Німеттчиною.

Все рассмеялись. Далее я уже продолжал по-русски:

— Позавчера, мы, выпускники, военно-политического училища, шли колонной из порта Камыш-Бурун в Керчь. При подходе к ней увидели величественную гору. Ведший нас офицер сообщил, что это гора Митридат, названная в честь царя, правившего Боспорским царством в крымских краях. А его столица называлась не Керчь, а Пантикапея. Недавно, в 1940 г, я был в Бердянском краеведческом музее. Там видел много экспонатов по Крыму, могу рассказать, если интересуетесь.

Все изъявили согласие.

В Обращении военного Совета фронта, которое я зачитал, хорошо сказано о прекрасной крымской земле, о её значении для народного хозяйства, здравоохранения и т.д. Вот почему Крым был заселен с незапамятных времен — несколько тысяч лет тому назад различными племенами и кочевниками, которые постоянно враждовали между собой. В разные времена здесь жили сарматы, тавры, скифы, греки, армяне, болгары, татары,славяне, караимы и другие народы. В средние века сюда приходили готы — племя германского происхождения.

Долгое время Крым, а также территории, к которым он примыкал к Азовскому и Черноморскому побережью — Новороссия, были под владычеством Турции. В результате ряда блестящих побед русских войск под предводительством А.В. Суворова над турецкими войсками в 70-х годах 18 столетия Россия получила крепости Азов, Керчь, Еникале и Кинбурн. Крымские и кубанские татары получили независимость. Во второй половине 18 века Крым был присоединен к России. В эти же годы здесь, в Крыму, служил А.В. Суворов. Его деятельность была связана с обороной Крыма и Кубани от попыток Турции вернуть свое влияние в этих районах. В Крыму же в молодости одно время служил М.И. Кутузов. Находясь в составе русских войск, его батальон отличился в бою с турецким отрядом недалеко от Ялты, а сам Кутузов был тяжело ранен в голову, потеряв глаз. Крым и, в частности, Севастополь стал местом ожесточенных сражений русских войск с англо-французскими интервентами в Крымской войне.

В отдельных селах Крыма жили немцы-колонисты, предки которых были приглашены царицей Екатериной II. В годы гражданской войны Крым был оккупирован немецкими войсками. Тогда им не удалось закрепить полуостров за собой. Теперь они хотят наверстать упущенное. Таким образом, нельзя считать серьезными притязания фашистов, злейших врагов советского народа, на наши земли крымские и другие.

Украинец все не унимался, пытаясь выяснить, кто я — хохол или кацап, поскольку разговариваю по-русски и по-украински. Пришлось разъяснить.

Далее продолжались вопросы, как живется в тылу. Под конец я почувствовал, что контакт установлен, да и Климчук был настроен дружелюбно.

Вечером по его рекомендации меня избрали комсоргом роты. Затем я решил выполнить поручение Навознова — читать стихи, подчеркнул, что партия и тов. Сталин провозгласили программу защиты и пропаганды огромного культурного наследия нашего великого народа, которого фашистские варвары хотят нас лишить. На первый случай хочется прочитать отывок из поэмы Пушкина «Полтава» — описание полтавского боя со шведами, вторгшимися на Украину, и начал: «Горит восток зарею новой...»

Чтение стихов одни встретили с вниманием и интересом, другие с недоумением или иронией, дескать зачем это, ни к чему. Но затем, когда они вслушивались в звонкие, вдохновенные стихи, настроение менялось и на лицах появилось одобрение. Во многом это объяснялось тем, что события, описанные в поэме, в определенной мере напоминали события того периода: поход шведского короля Карла XII на Россию и разгром его под Полтавой — вторжение немецко-фашистских войск в СССР и разгром их под Москвой, в Крыму, под Тихвином и Ростовом. Поэтому так восторженно воспринимались бойцами (я потом читал этот отрывок много раз, так как слушатели непрерывно менялись) блестящее описание в поэме Полтавской битвы, а отдельные фразы стихов казалось относились к проходившей войне:

...Но явно: счастье боевое
Служить уж начинает нам,
Тесним мы шведов рать за ратью,
Темнеет слава их знамен...

...Но близок, близок миг победы,
Ура ! мы ломим, гнутся шведы !
О славный час, о славный вид,
Еще напор и враг бежит».

Эмоциональное воздействие этих стихов на бойцов было огромным

И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Обычно черной саранчей — убитыми и раненными захватчиками степь покрывалась после обработки позиций противника гвардейскими минометами «катюша», самолетами-штурмовиками Ил-2, проводившими бомбежку и обстрел с небольшой высоты. Хотя в тот период их было мало, но эффект они создавали большой и сильно повышали настроение наших войск.

Перед сном Климчук, хотя в целом и одобрил мое выступление, разобрал его по косточкам. Подчеркнул, что я часто сбиваюсь на лекцию, а надо стараться вести доверительную беседу, задавать вопросы бойцам, вызывать их на откровенность, спрашивать, как они поняли рассказанное. В дальнейшем, присутствуя на моих беседах, он нередко вступал в разговор и я убедился, насколько это эрудированный политработник и насколько полезны его советы.

На другой день, под вечер, в роту пришли инструктор политотдела по комсомолу лейтенант Черняк и комсорг батальона красноармеец Безопасных, он был родом из Сибири. Заявив , что в общих чертах уже знают обо мне от комиссаров Навознова и Карасева, поставили меня на комсомольский учет, но им нужны дополнительные биографические сведения, которые немедленно записали в блокноты. Попросили рассказать об Урале и Москве в таком же духе, как я докладывал начальству. Пришлось повторить. Комсорг Безопасных добавил:

— У нас в бригаде принято обмениваться пропагандистскими кадрами и опытом работы. Ведь каждый пропагандист что-то знает лучше другого. Я пришлю тебе сержанта Олега Бурова из третьей роты. Он расскажет вам о героической обороне Севастополя в прошлом веке и теперь. Замечательный парень, учитель-историк, сержант — командир отделения. В бою всегда впереди, и люди за ним бегут рысцой. Но вот тебе первое комсомольское поручение: провести беседу в третьей роте. Там много украинцев, разговаривают между собой по-украински, тоскуют по своей неньке-Украйне, которая полностью оккупирована немцами, связь с родными потеряна. Ты будешь у них как вестник с Украины. Знаю, ты сам с Урала, где много эвакуированных вместе с украинскими заводами. Наверно, видел их. Мне передавали, что ты умеешь на украинском изъясняться, и неплохо.

— Не хочу скромничать — знаю украинську мову, — сказал я, — проведу беседу, тем более, мои родители теперь тоже в оккупации в Запорожье. Я о них тоже ничего не знаю.

— Значит, договорились. С Климчуком я уже согласовал, о времени сообщу дополнительно. Я уже справлялся у комсоргов вашей роты о тебе, так что мы тебя не оставим в гордом одиночестве, учти это. Если что надо — приходи, спрашивай.

— Я тоже по этому же делу, — заявил Черняк — но поручение дам несколько позже. Я уже связался с твоим напарником Сергеем Шевцовым, а тебя вызову, когда получше узнаю. Будем тебя поддерживать и помогать

Они пожали по-товарищески руку, и мне стало легче на душе. Я решил помогать им, чем смогу. Чем больше будет друзей, тем лучше. В этом я уже убедился давно.

— Да, забыл тебе сказать, — вернувшись сказал комсорг, — ты не обижайся на Данилу Грицука, который вчера пытал тебя по-украински. Он человек с юмором, добродушный, готов поделиться с товарищем последней крохой хлеба. Не забудь только украинцам рассказать об истории заселения Крыма, о чем ты говорил в своей роте.

— Я не обижаюсь на Данилу, он мне тоже понравился, так что все в порядке.

Через два-три дня вечером вместе с комсоргом батальона мы пришли в соседнюю роту. Чтобы беседа была доверительной, сразу же перешел на украинский, передал привет с Украины и от украинцев с Урала, находящихся в эвакуации. Кратко рассказал о себе, о том, что нас объединяет. Рассказал об истории заселения Крыма и Новороссии, далее беседа протекала в форме вопросов-ответов. Подробно остановился на истории Запорожья, где прожил 10 лет. Рядом — остров Хортица, где когда-то были укрепления запорожских казаков. Но эти укрепления были слабыми, поэтому русское правительство решило построить более современную крепость — Александровскую, от которой шла укрепленная линия к реке Берда около Бердянска. Крепость, в которой был мощный гарнизон, защищала Новороссию от набегов татар и турок. Когда надобность в крепости отпала, укрепления были срыты, и бывшая крепость стала уездным городом Александровском (в 1806 году). Таким образом, в историческом плане две рядом расположенные крепости — Хортицкая и Александровская — символ дружбы и единения двух братских народов — русского и украинского. Недаром на Хортице сохранились следы укреплений и госпиталей русской армии из эпохи русско-турецких войн., способствовавших присоединению к России Крыма и территорий, ставших Новороссией. Александровск стал называться Запорожьем. Крупнейший промышленный центр, заводы и плотина Днепргэс были построены в основном полуголодными русскими и украинскими рабочими в годы первых пятилеток.

Рассказывал я о городах Одесса, Херсон, Днепрпетровск, Никополь, Бердянск, где бывал еще до войны, посетил там краеведческие музеи, в которых собраны материалы об их строительстве во времена Екатерины II. И далее развивал свою мысль в таком направлении: чтобы увидеть чарующие украинские ночи, красоту украинских садов и полей, услышать голоса соловья и смех украинских девчат, надо разгромить немецкую группировку войск в Крыму. Для нас тогда путь на Украину пролегал через Крым. Читал я бойцам по-украински стихи Тараса Шевченка, Ивана Франка, Владимира Сосюры, Павла Тычины, которые помнил, затем мы потихоньку спели украинские песни: «Повій вітре на Вкраїну», «Реве та и стогне Дніпр широкий» и другие.

Слушатели благодарили за выступление и просили приходить еще. Через несколько дней мне передавали, что бойцы этой роты просили перевести меня в их роту, но начальство не согласилось.

Храбро сражались украинские хлопцы. Многим из них так и не удалось осуществить свою мечту — вернуться на Украину, но долг свой они выполнили до конца вместе с русскими и другими братьями.

В соответствии с предварительной договоренностью однажды вечером к нам в роту пришли комсорг батальона Степан Безопасных вместе с Олегом Буровым, бывшим преподавателем истории в школе, высоким и стройным парнем лет 24-26. Поздоровались — почувствовал в руке медвежью силу.

О.Буров сначала осветил международную обстановку в Европе в середине прошлого века, рассказал о начале Крымской войны и обороне Севастополя. Рассказал так, словно был свидетелем тех далеких событий. Руководители севастопольской обороны адмиралы Нахимов, Корнилов, полковник Тотлебен, молодой Лев Толстой, хурург Пирогов, рядовые Петр Кошка, матросы — в его рассказе выступали как зримо ощутимые, живые люди. Все события он увязывал с проходившей войной, включая оборону Севастополя, с действиями войск на Керченском полуострове. Он постоянно втягивал в беседу слушателей, задавая вопросы:

— А ты как думаешь ?

— А как бы ты поступил ?

— А ты — вот тот , который храпит — что ты скажешь? — он ткнул пальцем в рядом сидящего бойца, который, разинув рот, крепко спал и храпел с присвистом,

Раздался хохот. Что делать, — парень устал за день. Его стали толкать бойцы — кто в бок, кто по каске постучал ложкой — парень очнулся, ошалело глядя по сторонам,

— А? Что ? Где стреляют ?

Хохот еще больше. Парень смущенно осмотрелся по сторонам и далее слушал внимательно, порой вставляя реплики.

С первых же слов Буров меня покорил. Я слушал его и думал: вот он истинный талант, политработник высокого класса, хотя и не имеет соответствующего звания. Такой талант надо беречь, может принести большую пользу. Жаль, если погибнет. Но на войне не всегда и не везде люди ценятся по заслугам. Жуков в своих воспоминаниях признается, что на одном из приемов Сталин, показывая на недавно выставленные портреты Суворова и Кутузова, заявил:

— Надо беречь жизнь солдат. Вот они были дворяне, а заботились о своих солдатах, а у нас порой и выходцы из крестьян и рабочих, добившись генеральского звания, забывают о своем долге перед солдатами.

Замечание, конечно, справедливое, но сам то Сталин не особенно их жаловал, иногда стрелял по своим...

После беседы я поблагодарил Бурова, поздравил с блестящим выступлением. Он застенчиво улыбнулся.

— Ну что ты, я как все.

Спустя две-три недели я слышал, что О.Бурова откомандировали учиться не то в академию, не то в училище.

На другой день мы успешно отбили контратаку противника. Думаю, в этот успех внес свой вклад и Олег Буров.

В первый же день пребывания в роте к концу дня произошло событие, которое сначала мне показалось неожиданным и странным. Но, поразмыслив, подумал: ничего тут странного нет, на войне это вполне естественно. А дело было такое. Приносит старшина деревянные медальоны и раздает новичкам:

— Напишите записку с указанием домашнего адреса, фамилии, имени, отчества родных, а также свою фамилию, имя, отчество, звание и вложите ее в медальон. (Конечно молодым людям неприятно слышать, когда им напоминают, что ты не вечен и в любое время можешь уйти в иной мир. Но что делать, такова была реальная необходимость.)

Ко мне обратилось несколько человек с просьбой дать карандаш и бумагу. Мы, замполитруки, купили еще в Москве и карандаши, и блокноты. Задают вопросы:

— Кроме адреса — что писать ?

— А это что тебе подскажет сердце, — отвечаю, — ведь придет твое последнее письмо к родным.

— Да, — протяжно начал Петя Ткачев, — только пришли на передовую, еще не нюхали пороху, не убили ни одного фашиста, а уже приходится думать о смерти, — и он зло выругался, — не буду я ничего писать, укажу только адрес матери.

— А ты что думал, едешь к теще на блины ? Надо было заранее психологически подготовиться к возможной смерти. Так я говорю, замполит? — неожиданно обратился ко мне Вася Потапенко, веснушчатый плотный парень

— Лучше о смерти не думать, — отвечаю, — надо думать о победе над противником, ради чего мы сюда и прибыли.

— Ты прав, замполит, но в такие минуты лучше воздержаться от комментариев, — заключил Ткачев, начавший первым дискуссию по этому щекотливому вопросу.

— Я вспомнил у Льва Толстого один из Севастопольских рассказов, — говорю. — Он был участником Севастопольской обороны в прошлом веке и пишет со знанием дела. Отрывок рассказа мне поручила выучить наизусть учительница русской литературы и языка Ольга Ивановна Благовещенская. Я сам выбрал место из рассказа «Севастополь в мае», в котором описываются переживания ротмистра Праскухина под артобстрелом, в том числе и о смерти. И что же? Он был убит осколком снаряда. Так что не будем, друзья, думать об этой злой мачехе — смерти. Лев Толстой не советовал, — заключил я в шутку.

Пока писали записки, лица у всех были сосредоточенными. Мне казалось, что они не захотят делиться со мной и друг с другом о текстах записок. Но я ошибался. На другой день мне уже рассказали. Один боец написал: «Погиб за Родину, за Сталина. Отомстите за меня фашистам». Другой: «Милая Галочка, прощай, желаю тебе полного счастья. Прости, если что не так делал, что обижал. Теперь жалею об этом. Люблю, как всегда.» Третий, кроме адреса, ничего не написал, только выругался. Я в записке указал адрес старшей сестры Анны в блокадном Ленинграде,поскольку родителя жили в оккупированном Запорожье. Задумался. О чем писать? Писать так, как первый боец, мне не хотелось, слишком официально, мне хотелось что-то более задушевное, не казенное, что-то сокровенное и личное. Написал первую пришедшую в голову фразу, раздумывать было некогда: «Если погибну, прошу верить, что я честно сражался за свою Родину — мать». Сообщите моей сестре по адресу:..»

В индивидуальных беседах с бойцами и командирами мне задавали вопросы.

— Почему мы, имея такого великого и мудрого вождя, отступили до Москвы, Ленинграда и Керченского пролива?

— До войны газеты писали, что если враг нападет, то будем бить его на его территории. В песне пелось: «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом». А что получилось в жизни ?

— Где же наша хваленая сталинская авиация? Когда появятся новые истребители, танки? Ведь старые танки с бензиновыми моторами горят, как сухая солома, — факелом.

На первые два вопроса отвечал так, как тогда объяснял Сталин: внезапность нападения и вероломство Гитлера, отказавшегося соблюдать договор о ненападениии. Все понимали, что это объяснение — для детей, но другого ничего нельзя было сказать, хотя мы и догадывались. На третий вопрос отвечал более уверенно, поскольку многое знал:

— Немцы даже до Волги еще не дошли, а у нас на Урале и в Сибири сосредоточена вторая угольно-металлургическая база, много оборонных заводов, они вне досягаемости фашистский авиации. Уже сейчас эшелоны с новым вооружением идут на фронт, скоро появится оно и здесь.

Вечером я доложил политруку о результатах индивидуальных бесед. Общее впечатление осталось хорошим. Задавали и вопросы об отступлении. Отвечал по сталинской версии.

Потом, получше узнав меня как политработника, стали рассказывать, как у них в селах проводилась коллективизация, как раскулачивали. Спрашивали и у меня, что было у нас в селе. Я отвечал, что у нас было примерно то же самое. Были искривления в колхозном движении, которые тов. Сталин строго осудил в своих статьях «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам». Все злоупотребления — произвол местных властей, а Сталин здесь ни при чем. По глазам видел — не все мне верили, но в полемику не вступали, даже на фронте боялись и откровенничали редко. Наша первейшая задача — разгромить врага, а порядок в своем Отечестве, более справедливый, заведем после войны.

— Ты будь осторожен в разговорах, — заметил однажды политрук, — не буду тебе разжевывать, сам соображай. У нас одному очень правоверному комсомольцу кто-то пулю в спину пустил.

Замечание политрука вынудило меня более внимательно относиться к людям, стараться заслужить у них авторитет. После боя за высоту ко мне стали относиться лучше, даже по-свойски. В беседах же я больше стал уделять внимания исторической тематике — рассказывал о великих патриотах страны, отстоявших ее в боях с интервентами, а также о героях нашей бригады и Крымского фронта. Я чувствовал, что отношение к Сталину не у всех было однозначным. Одни уклонялись от щекотливой темы, другие говорили эзоповым языком.

Тяжело переживали мы в роте гибель старшины Павлова, имевшего большой авторитет в роте. Часто его вспоминали. Невольно пришла на память горьковская легенда о юноше Данко, с ней я познакомил своих товарищей. По болотам, лесам, в темноте вел Данко свой народ. Люди падали от усталости. Данко вырвал свое сердце из груди и как факелом освещал им путь. Вот так же, как Данко, вел Павлов недавно нашу роту в бой за высоту.

Поражало поведение танкистов, управлявших новейшим танком типа КВ (Клим Ворошилов). По состоянию на июнь 1941 всего было выпущено 508 штук, и все они находились в основном на Западном фронте. Несколько единиц попало на Крымский фронт. Мощность дизельного двигателя КВ составляла 600 л.с., вес 42,5 и 52 тонны соответственно для модификаций КВ-1 и КВ-2. Толщина лобовой брони достигала 95-100 мм, боковой стороны 90 мм. На первом стояла пушка 76,2 мм и крупнокалиберный пулемет, на второй — гаубица 105-мм и крупнокалиберный пулемет. Немцы таких танков не имели и опасались с ними встречаться , так как КВ запросто таранил их танки.

В газете Крымского фронта «Боевой натиск», которую я использовал в беседах,неоднократно писалось о героическом экипаже танка лейтенанта Тимофеева, в котором находились Черков, Окишев, Горбунов, Остацин. Во время февральского наступления танк типа КВ наскочил на мину и остановился. Однако экипаж не растерялся. Используя мощную броню на танке, экипаж решил превратить машину в своеобразный ДОТ. Огнем своего мощного вооружения он подавлял огневые точки врага в глубине его обороны, уничтожал немецких снайперов, автоматчиков, обстреливал передние траншеи врага. 17 суток держался танк на передовой, его обстреливали из пушек и пулеметов. Когда сорванная гусеница была исправлена, ночью мощные тягачи отбуксировали его в село.

Был и другой аналогичный случай. В конце февраля 1942 г., преследуя румын, один из наших мощных танков попал в болотистую местность и медленно погрузился в грязь. Машина застряла. Экипаж танка под командованием коммуниста Евсюкова 8 суток находился в нем между румынскими и нашими позициями. Это тоже была мощная огневая точка, наносившая днем мощные удары по румынским укреплениям и автоматчикам, пытавшимся захватить танк. Но экипаж его отважно защищали. Ночью два танкиста поочередно уходили в село, в свою часть, за боеприпасами и продуктами. Через 8 суток к танку подошел тягач, который вывел его в тыл для ремонта. К сожалению, я не знаю дальнейшую судьбу этих танков. Возможно, они были захвачены немцами во время майских боев, когда почти все тяжелое вооружение не удалось переправить на Таманский полуостров. Не известна также судьба 508 танков типа КВ, сосредоточенных перед войной на Западном фронте. При их толковом использовании можно было бы нанести крупные удары по танковым силам врага. Информация о действиях танков КВ поднимала настроение бойцов, так как они видели, что такое оружие появится у нас в достаточном количестве в недалеком будущем. Значит, мы умеем делать превосходное оружие! Да и действия экипажей танков вызывали восхищение.

Приятно было рассказывать также о наших славных командирах, которые умело руководят своими соединениями: о полковниках Волкове (77-я дивизия), Петунине (12-я стрелковая бригада), Леонтьеве (83-й бмп). Нам и в голову не приходило, что командование фронтом нуждается в замене, что они свои войска до добра не доведут.

А мы, низовые работники, продолжали заниматься своим делом и, в частности, пополнением своих комсомольских рядов. В комсомол принимались лучшие рядовые и руководящие воины по их личному заявлению, на комсомольском собрании. Затем податель заявления вызывался на бюро ВЛКСМ батальона, где я давал ему нужную характеристику. После обсуждения и ответа на вопросы воин принимался в комсомол.

Были случаи, когда прием откладывали, если члены бюро видели, что парень еще не готов для приема. Членские билеты выдавались сразу или же через несколько дней после приема. В боевой обстановке не всегда можно было соблюсти все полагающиеся формальности. Да это и ни к чему. На передовой человек был виден как на ладони. Были случаи, когда я предлагал отличившимся бойцам вступить в комсомол, но чаще они сами обращались с такой просьбой, обычно после проведения беседы. Естественно, и с теми, и с другими первоначально проводилась беседа о целях и задачах комсомола, о текущем моменте. Как на собрании, так и на бюро выступления были краткими: бойцы давали слово сражаться с ненавистным врагом не жалея крови и самой жизни. А это было главное.

Неизбежно каждый день в роте не затихали разговоры о перспективах войны, сколько она еще продлится. Сталин в одном из своих выступлений заявил: пройдет несколько месяцев, полгода, год, и Германия рухнет под тяжестью своих преступлений. Прогноз не оправдался, и впоследствии его изъяли из текста, который печатался в сборнике об Отечественной войне. Но мы верили и надеялись, что победа будет не за горами. Высказывались мнение, что хорошо бы заиметь таких полководцев, каких назвал Сталин в речи на ноябрьском параде. Другие высказывали твердое убеждение, что такие полноводцы непременно появятся. Чем плохи Жуков и Рокоссовский ? Они уже тогда были знаменитыми. Попросили меня рассказать об Александре Невском. Я ответил, что все мы видели фильм о нем. Но мало известно, что он отличался выдающимися качествами воина-бойца. Однажды со своей дружиной он вступил в бой на Неве с войсками шведско-

го правителя Биргера и в сражении копьем нанес ему страшный удар в лоб, сделав большую отметину — рубец. Шведы оказалась в замешательстве, боевой пыл их угас, и они потерпели поражение. А. Невский был также неплохим дипломатом, особенно при переговорах с татарскими ханами. Его очень высоко ценил Петр I, перенес даже его останки из Переяславля в Петербург. Русская православная церковь причислила А.Невского к лику святых за то, что он преданно служил своему Отечеству. В его войсках служила такая же, как мы, молодежь, вот только оружие у них было послабее. У него служил предок Пушкина, помните его стихотворение «Моя родословная»: «Мой предок Рача мышцей бранной святому Невскому служил».

Я пожалел, что рядом не было сержанта Бурова. Уж он рассказал бы о Невском более подробно.

Слушавший рядом Климчук заметил:

— А вы хорошо сделали, что рассказали, как А.Невский покалечил короля шведов. Все командиры отделений и взводов должны быть образцовыми солдатами, а иначе как же они будут показывать пример.

Как-то мы снова вернулись к теме о полководцах. Посыпались вопросы:

— А остальные, которых назвал тов. Сталин, тоже были образцовыми воинам, и как А. Невский?

— Козьма Минин не был военным, он был купцом. Этот патриот поднимал народ на борьбу против интервентов — поляков. Был ли он ранее солдатом, неизвестно, но Димитрий Пожарский был военачальник, полководец и, как Минин, не жалел сил и жизни, чтобы отстоять страну. Что касается Суворова, то в молодости у него было хилое здоровье. Но благодаря систематическим физическим упражнениям он закалил свой дух и волю. Он был сравнительно невысокого роста, тщедушный, но обладал глубоким, проницательным умом, имел блестящие способности к языкам, знал не только европейские языки, но и турецкий, персидский. Я уже не говорю о военной истории — ее он знал назубок, отлично знал военное дело, мог выполнять все солдатские обязанности. И ко всему — поэт, военный писатель, причем своеобразный, мудрый. О том свидетельствует его литературное наследие и прежде всего его знаменитая «Наука побеждать». Он воспитал замечательного полководца — М. Кутузова. О штурме крепости Измаил говорил: Кутузов был у меня на левом фланге, но был моей правой рукой. И Суворов, и Кутузов внесли выдающийся вклад

в защиту нашего Отечества, их полководческая деятельность способствовала присоединению Крыма и Новороссии к России.

И так каждый день вопросы-ответы — то в пути, то при перебежках, то на привале. Мне еще Климчук не раз говорил: бойцов нельзя оставлять со своими мыслями, со своими думами. А какими они могут быть — известно. Сейчас ты жив, а через несколько секунд тебя могут убить. Знаю, тяжело ротному политработнику. Ты и солдат, ты и другтоварищ солдата, и воспитатель, а когда надо, то и командир. Знаю, нелегко, но куда деваться ? Кто-то должен и здесь быть.

Как-то иду по расположению роты, и вдруг в лоб вопрос:

— Зачем столько народу погубили при коллективизации ?

— А кто их считал, загубленных,

— Ну, вообще, издевались много,

Тех, кто издевался, наказали. У нас в селе, например, одного такого колхозного активиста за издевательство посадили на 10 лет. Вы же знаете, тов. Сталин дал указание виновных предавать суду.

Бывали вопросы и с подначкой. Этим занимался любитель литературы с 10-классным образованием Вася Ильин:

Тов. замполит, как настоящее имя девушки, которая любила Мазепу?

— Матрена.

Верно. Оказывается, знаете.

— А как начинается поэма «Полтава»?

— Богат и знатен Кочубей...

Тоже верно, ну вы даете ...

— Слушай, Вася, — говорю, — давай выступи перед ротой или взводом, расскажи всю поэму,

Не могу, замполит, не знаю — только начало и описание Марии. Описание боев мне не нравилось никогда,

— А почему вы про войну всё учили?

Хотел быть военным.

— Хорошо, давай доложи, что знаешь.

Затем он выступал с лирикой, и у него неплохо получалось. Особенно он любил Есенина. Да и другие были к нему не равнодушны.

Были и такие вопросы.

— А почему вы не рассказываете ничего про Маяковского?

Маяковский мне нравится, но все же не так как классики. Нас учила в школе учитель Раиса Захаровна Петрова, которая была знакома с Маяковским еще до революции, когда они оба были молодые, а художник Бурлюк, друг Маяковского, написал маслом ее портрет.

Она рассказывала о своем знакомстве с поэтом на вечере, в клубе писателей в Москве, дома. Возможно, этим она хотела привлечь внимание к поэзии Маяковского нас, учеников, которым после классики трудно было привыкнуть к новому стилю в поэзии.

— Замполит, почему наши танки горят как спички, а немецкие — нет.

— Секрет простой. Наши работают на бензине, а немецкие на дизельном топливе. Бензин — смесь легких углеводородов, а дизтопливо — тяжелых. Пределы выкипания первого 70-60 градусов, второго 180-320. Температура вспышки у первого 30-40 градусов, у второго 110-120. Но на танках Т-34 и КВ у нас тоже стоят дизели. Так что недалеко время, когда весь танковый парк у нас будет дизельным.

— А почему же на самолетах не ставят дизели ?

— При равной мощности дизель почти в два раза тяжелее бензинового мотора. Поэтому на легкие самолеты, например истребители , его ставить невыгодно, ухудшаются боевые характеристики, а на некоторые более тяжелые самолеты-бомбрдировщики ставят. Ведь дизель на 1 лошадиную силу потребляет на 30-35 процентов меньше топлива. Поэтому дальность полета самолетов с дизелем больше тоже на 30-35 процентов. На немецких бомбардировщиках Ю-87, Ю-88 стоят дизели. У нас тоже есть самолеты с дизельными двигателями, на таких летали бомбить Берлин. Но нам надо больше иметь хороших истребителей, а то ведь иногда бывает, как вы знаете, безнаказанное настоящее убийство наших войск — нет хороших истребителей, которые бы их защитили.

— А чем отличаются бензиновые моторы от дизельных ?

— Некоторыми конструктивными особенностями и системой зажигания топлива: у бензиновых — от искры, у дизельных — за счет самовоспламенения при повышенном давлении воздуха в камере сгорания.

Вот и на такие вопросы приходилось отвечать. Что делать, молодежь у нас была любознательная, хотела побольше знать. Например, спрашивали о конструктивных особенностях наших и немецких истребителей, почему у нас их мало и др.

Одни больше увлекались техническими вопросами, другие хотели знать, были ли в нашей бригаде герои. Пришлось сходить к комиссару батальона Карасеву и попросить его дать почитать бойцам старые фронтовые газеты, в которых писалось о подвигах Героя Советского Союза Тесленко, комиссара Навознова, рядовых бойцов, прославившихся уничтожением немецкой военной техники. Комсорг 3-го взвода Рябокобыла резонно заметил:

— Старшина Павлов вместе с другими вел роту на высоту под адским обстрелом — разве он не герой ? А комиссар Навознов и комиссар Карасев вели наш батальон в атаку — разве они не герои , идя вместе с нами по колено в грязи под вой мин и снарядов? А политрук Климчук разве не был для нас примером мужества и бесстрашия, когда шел на танк с гранатой ? А помните, как в район Семисотки сам комбриг поднял в атаку свою бригаду? А вы сами разве не герои, вся наша партийно-комсомольская организация, ведь у нас в роте не было случая отставания, все самоотверженно выполняли поставленные задачи. Другое дело, что можно воевать лучше. Есть у нас недостатки, упущения. Ведь, чего греха таить, не все у нас вовремя смазывают винтовки. А к чему это приводит ? Враг наседает, а винтовка отказала, и рядом нет никакого оружия. Вот и получается: либо смерть, либо плен. Почему мы много потеряли в февральском наступлении? Потому что люди берегли свои шинели, хотели в них быть чистенькими, как на параде, и не падали при обстреле, не переползали, не выполняли простейшее правило перебежек — по ломаной линии, зигзагом. Есть и такие, которые вдруг оказались без лопаток. А ведь их каждому своевременно старшина вручал. Надо заботиться не только о своем соседе, но и о себе самом. Есть и такой грех — не все умеют обращаться с трофейным оружием — и незаметно для себя сообразил после, что повторяю внушение, которое мне делали начальники при прибытии в бригаду. Что делать, ошибки у людей постоянно повторяются, значит, постоянно, не стесняясь надо делать людям замечания, но делать это надо тактично, не ущемляя достоинство человека, низшего по званию — заключил я.

Иногда вопросы возникали совсем неожиданные, о которых раньше не задумывался.

— Походатайствуйте, товарищ замполит, перед ротным, чтобы меня отпустили из роты в хозчасть. Я очень болен, у меня язва желудка, есть справка, и я в опасной ситуации могу вас подвести, — заявил один боец лет сорока с бледным, худым лицом.

Я доложил ротному. Тот сначала был против, но потом мне все-таки удалось его уговорить. Отправили к врачу, и больше он не возвращался.

После этого случая посыпались просьбы отпустить, уже по другим мотивам. Доложил опять ротному. Тот рассердился на меня:

— Вот видишь, как оборачвается дело, говорил же — нельзя отпускать. Всех распустим — с кем воевать будем? Хочешь быть добреньким? Не получится.

После этого разговора я стал строже. Шофера проэкзаменовал по мотору, который изучал в авиатехникуме. Оказывается, он профан в этом деле.

Какой же ты шофер, если не знаешь устройство мотора. Загубишь машину, которая и так на строгом счету.

У языковеда проверил знание немецкого. Оказалось — в объеме не выше семилетки. Дал ему сборник стихов Гейне, имевшийся у меня в рюкзаке. Оказалось, читает медленно, чуть ли не по складам, понимает лишь отдельные слова, а смысла прочитанного уловить не мог. После этих случаев разговоры обо мне приняли другой оборот, и больше ко мне по этому вопросу не обращались. Меня поддержала комсомольская организация роты, а комсорг Рябокобыла конфиденциально заявил, что чуть ли не половина роты хотела воспользоваться моим благодушием. Пришлось на эту тему провести беседу, еще раз рассказать, почему мы находимся на фронте, чего от нас ждут наши товарищи, провожавшие нас на фронт. Ребята поняли. И я был рад, что больше не беспокоили.

Вообще должен сказать, что комсомольцы роты были наиболее сознательные бойцы. Без их поддержки мне было бы очень тяжело. Ведь за всеми не уследишь, всех проблем не вскроешь. А они мне нередко подсказывали, порой предостерегали от опрометчивого шага. Да и без поддержки сверху комиссара Карасева и комсорга батальона было бы не легко. Командиры и политработники, партийная и комсомольская организации бригады представляла единый живой организм с вертикальными и горизонтальными связями. Приходилось быть и завхозом. Бойцы давно не были в бане. Белье грязное, замучили вши: они ползали даже по рукавам шинели. Добрался до комиссара бригады Навозного, но все-таки добился своего.

Сейчас в адрес бывших политработников можно слышать всякие замечания: вы на фронте призывали сражаться за Родину, за Сталина. Выходит, вы призывали сражаться за палача. Отвечу на эти полуиздевательские замечания. Прежде всего политработники выполняли свой долг, и в целом выполняли его не плохо. Много их полегло на поле брани, много пришлось испытать фронтового лиха, много пережить: за судьбу страны, за своих солдат, которых призывали идти в бой; сами шли рядом или впереди. В основном это были думающие люди, нередко чувствовавшие фальшь в официальной пропаганде и стремившиеся порой ее видоизменить применительно к складывающейся обстановке. Конечно, были и исключения. По поводу упоминания в призывах имени Сталина могу сказать следующее. В 30-х годах

я прочитал ряд книг о Первой мировой войне, в которых критиковался призыв сражаться за веру, царя и отечество. Отмечалось, что бессмысленно и безнравственно отдавать молодые жизни за «помазанника божия» за царя. И вдруг в газетах с сообщениями о боях на советско-финляндском фронте в 1939-1940 гг. читаю: «За Родину, за Сталина». Причем тут Сталин, когда речь идет о самом святом — безопасности Родины. Я не был сторонником безудержного восхваления Сталина в газетах, хотя в предвоенные годы в целом относился к нему положительно. Как и у многих других, вера в него покачнулась в первый год войны в связи с крупными поражениями на фронте. Последовавшие затем победы подняли авторитет Сталина, возродились восхваления в печати, лишенные здравого смысла.

Нередко приходилось слышать от политработников второго периода войны, что они получали инструктаж от начальства призывать солдат в бой за Родину, за Сталина. Другие отрицали это. Да, я на передовой слышал и сам такие призывы в полку наших соседей. В своей бригаде о таком инструктаже я не слышал. У нас в роте люди, которым поручалось вести роту в бой, на общем собрании роты, накануне, обычно провозглашали:

— Вперед ! За мной ! За Родину ! Бей гадов! Полундра ! Ура! Ура! и т.д.

Скажу откровенно, что хотя я и не призывал свою роту идти в бой за Сталина, но если бы потребовалось для пользы дела, я бы призвал и за Сталина. Нельзя забывать, что Сталин олицетворял новый общественный строй, а мы, молодежь, практически все (за редким исключением) были за него. Призывные возгласы зависели иногда от тех, кто ведет в бой роту, от их вкуса и настроения. Приходилось слышать, что по обязанности роту должны вести командир роты, политрук и командир 1-го взвода. Я не знал о таких обязанностях. У нас было иначе: по рекомендации командира роты на открытом партийно-комсомольским собрании утверждались воины общеротного масштаба: командир роты, политрук, замполитрука, иногда старшина — по два, реже по три человека. Старшина и замполитрука имели равное количество отличительных знаков (треугольников) в петлицах — по четыре, одинаковым было и денежное довольствие (60 руб. в тылу, на фронте не знаю, не успел получить выбыл по ранению). Но у старшины были другие — хозяйственные — обязанности. Поэтому он в ведущие не всегда назначался. Но наш старшина Павлов нередко просил ротного включить его в ведущие. Он был прекрасным бойцом и командиром.

В число ведущих могли включить коммунистов — политбойцов, как их тогда называли. Если рекомендация ротного на собрании получала одобрение, никто из рекомендованных не имел права отказываться. Двух-трех ведущих назначали для большей гарантии успеха. Я почти всегда включался в число ведущих,поскольку длительное время политрук в роте отсутствовал и по распоряжению комиссара батальона Карасева выполнял его обязанности. Но даже когда был политрук, мне приходилось быть в числе ведущих. Нас, замполитруков, предупреждали и в военно-политическом училище, и на приеме у командования бригады о том, что замполитрука должен быть первым в бою и последним при отступлении, прикрывать отход.

Иногда на собрании командиру роты давался отвод, поскольку сохранению его жизни отдавалось предпочтение в интересах роты. Но должен откровенно сказать, это мало помогало спасению жизни ротного: при высокой плотности огня противника в полосе движения роты гибли как авангард, так и арьергард. Но зато ведущему идти почетнее, это придавало дополнительный авторитет. Должен сказать, ведущими бойцов средней руки или отстающих не назначали. Впереди должны идти выдержанные и авторитетные люди. Ротный по своему усмотрению мог отойти в тыл. Он выбирал себе место там, где был всего нужнее для успеха боя. Мне тоже с согласия ротного иногда приходилось заходить в тыл роты в полосе движения. Такая необходимость возникала в двух случаях: проверить, нет ли отстающих или какого-либо ЧП; передать важное сообщение, которое могло поднять настроение людей — успехи в нашей или соседней роте, батальоне, в других частях или на других фронтах. Потом возвращался к ротному и докладывал о положении дел.

Тяжело приходилось людям в бою. Я это сам видел и сам испытывал. Поэтому при разборе проведенного боя не жалел слов, чтобы похвалить старательных бойцов, приободрить их.

Февральско-мартовские бои

27 февраля 1942 года начались бои. Накануне в ночь погода изменилась с мороза на оттепель, полил сильный дождь, и к утру все вспаханные поля, грунтовые дороги раскисли. Поднялись ручьи, образовались болота, лужи. Грязь непролазная. Но отменять приказ о наступлении было уже поздно. Так считали командующий Козлов и представитель Ставки Мехлис. Если доложить Сталину о невозможности наступления, могут последовать неприятности, которых они

больше всего боялись. Пусть уж лучше пострадают войска. За это ничего не будет. Такая логика мышления была у некоторых из приближенных Сталина (см., например, статью адмирала Н.Г. Кузнецова «Крутые повороты», ВИЖ, 1997, 7, стр. 47-54). А ведь так и получилось. За бездарно проведенное наступление никто из командования не пострадал.

Другим фактором, затруднявшим наше наступление, были укрепления. На участке 51-й армии каждый населенный пункт в прифронтовой полосе был превращен противником в мощный узел обороны с серией каменных и деревянно-земляных укреплений, оснащенных крупными огневыми средствами. Да и артподготовка была кратковременной (около 25 минут), что не нанесло существенного вреда укреплениям. Несмотря на отмеченные трудности, наибольший успех обозначился на участке нашей армии. Дивизия Волкова захватила село Джантор, бригада Петунина — Тулумчак. Наша бригада начала движение от позиции севернее Ак-Монай. Обойдя стороной Тулумчак, она продолжала наступление в сторону села Корпечь и высоты 26,2. По ходу движения бригады часть застрявших танков, и особенно танкеток, немцы подожгли: по наступающим били артиллерия, 6-ствольные минометы, пикирующие бомбардировщики (для наших самолетов была нелетная погода). Везде огонь и дым. Временами из-за дыма ничего нельзя было разглядеть. Только наши танки с установленными на них бензиновыми моторами горели в виде факелов, они далеко просматривались. Густые и плотные цепи наступающей пехоты были причиной больших потерь: кругом в различных позах лежали убитые, много стонущих раненых, некоторые ползли по липкой грязи в надежде поскорее получить первую помощь.

В боях активную помощь оказывали дивизион «катюш», армейская и бригадная артиллерия. Их представители шли с первым эшелоном и на ходу корректировали огонь по узлам обороны врага. Вслед за пехотой двигались орудия. Это повышало настроение, вселяло уверенность в успех боя.

Когда стало темнеть, военные действия прекратились с обеих сторон. Войска остановились, но люди продолжали нервничать. Вдруг откуда ни возьмись к командиру роты, раненному в ногу и опиравшемуся на винтовку, подбегает начальник особого отдела, вертит наганом перед его носом и яростно кричит:

— Как же вы ... мать вашу ... планы разрабатывали, чего смотрели, сколько людей погубили! Этим надо заняться! Наверняка здесь действовали враги народа!

— Пошел прочь, не мешай, — заревел командир роты, — убери свою дурацкую пушку, ты думаешь, мне не жалко? Спрашивай вон с тех, — и он неопределенно указал в сторону тыла.

Во время движения отдельные подразделения и бойцы перемешивались. То и дело слышны были голоса людей, разыскивающих свои части. Немцы и румыны попадали в плен к нам, а наши — к немцам. В темноте трудно было разобраться при наличии у нас отдельных национальных частей (грузинские, армянские, азербайджанские). Часам к десяти вечера наконец разобрались. Учтены в наличии люди, выявлены потери. Пришло пополнение, с которым надо было провести работу, распределить по взводам и отделениям, ввести в курс дела. Приехали кухни (повозка с котлами), которые покормили остатки рот. Ели за себя и за «того парня». Ночевали кто в окопчике, кто в танковом следе, а кто и прямо в грязи — люди валились с ног от усталости.

На другой день после артподготовки — снова наступление. Солдаты и командиры, промокшие до основания, на сотни метров лежали прямо в воде на открытой местности. Но по команде они вставали, с трудом вытаскивали сапоги из вязкой грязи, упрямо шли вперед, воодушевляемые командирами и политработниками . Лошади и даже тягачи не могли вытащить пушки, застревали грузовики, танки. В нашей роте настроение поднялось, когда ворвались в селение Корпечь. Команда: проверить доты и дзоты. Натиск моряков был настолько стремительным, что противник не успел эвакуировать штаб разгромленной дивизии. Около дома стоял застрявший грузовик со штабными документами. В доме — тоже кипы всяких документов в папках. Офицеры отбирали все ценное и переправляли в штаб 51-й армии. Брошены продукты: консервы, шоколад, хлеб, бутылки с вином и коньяком для господ офицеров. В дотах и дзотах тоже кое-где продукты, азовская сельдь, кровати с постелями — все было награблено у населения.

Новый приказ: оставить Корпечь и сосредоточиться в районе станции Семисотка для последующего наступления на Владиславовку.

Но силы стали иссякать, движение армии, прошедшей местами от 2-х до 8 км, затормозилось из-за наступавшей распутицы. Кое-где продолжались бои местного значения: забирались отдельные высоты, в других местах уступали противнику позиции.

Вместе с одной из соседних частей в первых числах марта наш батальон участвовал во взятии высоты. Движение началось после артподготовки. По ходу наступления в бой включались ротные и батальонные минометы, которые подавляли пулеметные гнезда. Когда обозначился успех, на фланги были выдвинуты пулеметы. Они буквально косили отступающие цепи противника, которые пытались пройти болотистую местность. Много их тогда полегло. Спастись удалось лишь отдельным солдатам.

Я подумал: противника тоже можно бить, и бить с успехом. Эти размышления подтверждались поведением старшины роты Павлова, опытнейшего и храбрейшего воина. Он — и меткий стрелок, владевший как отечественным, так и немецким стрелковым оружием, он и мастер бросать гранату. Глядя на него, я подумал: вот он, настоящий командир, выросший на Керченском полуострове. В бою не теряется, все его слушают и не подозревают, что это настоящий герой.

Посоветовавшись с политруком, я написал представление о награждении Павлова медалью «За отвагу». Увы, получить награду он не успел — спустя несколько дней был убит случайным снарядом, направляясь в тыл по хозяйственным делам. Мы все тяжело переживали его гибель. В этом бою мне тоже пришлось бросать гранату в сторону автоматчиков, огонь которых мешал продвижению нашей роты. Почти полностью разрядил и диск автомата.

На другой день писал письма родным погибших. Трудно это было, но что делать — надо. Были и приятные обязанности, например: раздача подарков бойцам, присланных трудящимися Кавказа по случаю 24-й годовщины Красной Армии. Их было так много, что раздача проводилась и в марте месяце. Пришлось сочинять письма и тем, кто прислал подарки.

По сообщению штаба Крымского фронта, опубликованного во фронтовой газете, за два дня боев наши войска разгромили 18-ю румынскую дивизию. Ее остатки в панике разбежались. Взяты большие трофеи. В плен попало несколько сот немецких и румынских солдат.

В нашей армии потери были огромными. В 83-м бмп они составляли 55% и столько же примерно в каждой роте. Выбыли по ранению командир 1-го батальона А.И. Капран, 3-го батальона А.П. Панов, во 2-м батальоне — командир нашей роты Блинов, храбрейший и авторитетнейший человек.

Адмирал флота Л.В. Мизин, бывший командир роты 3-го батальона, вспоминает: погибли самые храбрые, самые достойные среди нас командиры рот — лейтенанты Г.Е. Лошкарев и И.Г. Степанов.

Убит был командир дивизиона лейтенант Мельников. В 1-м батальоне, будучи раненными, остались руководить боем мл. лейтенанты Г.П. Бондарь и Н.А Куюмчан. Выбыли по ранению начальник связи лейтенант А.П. Казимирчук, старшина Догатов и др. В нашей

роте отличились в бою командир взвода Захаров, впоследствии возглавивший роту, бойцы Рябокобыла, Воинов, в соседней роте политрук Рыжов, замполитрука Власов, краснофлотцы Крылов, Коптев, в 3-м батальоне лейтенант Копылов, краснофлотец Дудкин и др.

Наступление наших войск было проигрышным не только в смысле больших потерь. В результате последовавших контратак противник вернул почти все утраченные позиции. Снова в подразделения стало приходить пополнение.

В начале марта 1942 года бригада получила существенное пополнение в виде боевого отряда сопровождения (БОС) численностью 700 человек. Он был сформирован на основе отряда А.Ф. Айдинова, штурмовавшего причалы Феодосийского порта 29 декабря 1941 года. Командиром отряда был назначен капитан 2-го ранга А. Мельников, бывший одно время комендантом Феодосии после ее взятия. Его заместителем стал А.Ф. Айдинов, а комиссаром — полковой комиссар В.А. Алексеев. Фактически этот отряд влился в бригаду в качестве дополнительного, 4-го батальона. В этом были свои плюсы и минусы. Прежде всего личный состав отряда был против расформирования по частям. Бригаде был выделен определенный лимит на пополнение. В результате другие батальоны остались недоукомплектованными, что снижало их боевую мощь. Например, наша рота никогда не была полностью укомплектована — лишь на 70-80%.

13 марта при пасмурной погоде Крымский фронт перешел в наступление. Согласно планам командования 51-й армии, ее задачей являлось прежде всего активное взаимодействие с 44-й и 47-й армиями, поскольку она занимала срединное положение, и нанесение основного удара в направлении Кой-Асан — Владиславовка. В боях основное участие принимала 138-я дивизия(командир П.М. Ягунов), 77-я горнострелковая дивизия (командир полковник М.В. Волков), 40-я танковая бригада (командир подполковник К.В. Скоряков) и 83-й бмп (командир полковник И.П. Леонтьев). После артподготовки и бомбежки позиций противника самолетами Ил-2 в бой пошел отряд БОС 83-й бригады. Первые же часы наступления показали, что силы противника от нашей артподготовки существенных потерь не понесли. Атакующих встречали ураганным огнем. Хотя атаку возглавило командование БОС: командир капитан 2-го ранга А. Мельников, коммисар В.А. Алексеев, заместитель командира А.Ф. Айдинов, далеко продвинуться они не смогли, пришлось отступить. В этих боях вышло из строя по существу все командование БОС: убиты комиссар Алексееев и зам. командира Айдинов, тяжело ранен командир БОС Мельников. Всего

потери БОС составили 600 человек, или 80% от первоначального состава, из них 372 убитых и 228 раненых, причем численность убитых превышала численность раненых в 1, 63 раза (Справка о боевом пути 83-го бмп, Севастополь, 1991). По этим данным можно судить об ожесточенности боев и слабой артподготовке с нашей стороны, которая не превышала 20-30 минут (в конце войны — час и более).

Из указанных выше соединений большие силы были брошены в район села Корпечь, которое было взято на третий день. В газете «Боевой натиск» отмечалось, что в бою за высоту 28,5 был разгромлен немецкий пехотный полк, захвачены пленные, а 15 и 16 марта в боях за Корпечь убито 1095 чел., уничтожено 26 дзотов, 3 танка. А сколько погибло наших не сообщалось.

Оценка боев немецкого командования была довольно скупой. Так, в своем дневнике гитлеровский генерал Гальдер отмечает, что 13 марта на Керченском полуострове возобновились атаки, причем на северном фланге наблюдаются тактические успехи русских. О наших успехах он отмечает и 15 марта. 18 марта записал, что противник использует в большом количестве танки, по преимуществу устаревших конструкций. Что делать, в тот период наша танковая промышленность еще не обрела полную силу. Многие танковые заводы были эвакурованы на Восток и только начинали расширять свое производство.

До 18 марта часть сил 83-го бмп, в том числе и наша рота, находились на правом фланге, недалеко от Арабатской стрелки. Была видна сама стрелка и небольшие рыбачьи домики на ней. Мы продолжали получать пополнение, активно изучали тактику врага, вовсю велась боевая подготовка.

Ввиду очевидных успехов наших войск и возможности прорыва ими обороны, немецкое командование к району Сент-Асана и Владиславовки подвело новые силы 73-ю и 170-ю пехотные дивизии и 22-ю танковую дивизию, которая прибыла с запада (поговаривали тогда из Франции). В этот период (19 20 марта) 51-я армия перешла к обороне. Следовало закрепиться на достигнутых рубежах, пополнить запасы боеприпасов, эвакуировать раненых и вести подготовку к отражению вероятного удара противника.

20 марта первой пошла в бой 22-я танковая дивизия в направлении Владиславовка Корпечь с целью прорвать оборону передовых частей 51-й армии и открыть путь к Керчи. Во фронтовой газете «Боевой натиск» от 28 марта говорилось очень образно: 22-я танковая дивизия ехала на фронт как на свадьбу. Впереди шли бронемобили-разведчики, за ними средние и легкие танки. А вслед за ними десятки

автомашин с пехотой. По-видимому, такую картину зафиксировали наши воздушные разведчики. Мы, пехотинцы, зарывшись в землю, видели только свой передний край обороны. Сражение приняло ожесточенный характер. Две первые атаки, начатые в 7 утра и в 13 часов, успеха не имели. В 15-30 противник предпринял третью атаку силами 4-х полков 22-й танковой дивизии и частей 170-й дивизии — в стык 390-й стрелковой дивизии и ее правого соседа 83-го БМП. Когда наступательный порыв немцев стал выдыхаться, командующий 51-й армией генерал Львов к концу дня организовал контратаку, включив дополнительно 143-ю стрелковую бригаду и 40-ю и 55-ю танковые бригады, усилив их двумя дивизионами реактивных минометов и 456-м артиллерийским полком. Под напором этих сил противник не выдержал и стал отступать. Бои 20 марта закончились разгромом 22-й танковой дивизии и крушением ее планов прорваться к Керченскому проливу. Конечно, успехи могли быть более впечатляющими, без подкрепления из Франции. Но наши союзники в тот момент не спешили открывать второй фронт в Европе, чем помогали Гитлеру маневрировать резервами.

Расскажу, как готовились мы к отражению атак. За день два до наступления наша рота получила пополнение в количестве 30-35 человек. Как я уже писал, когда наш политрук Климчук был ранен, меня, комсомольца, назначили на его место только временно, поскольку я не был членом партии. А быстро оформить членство обстоятельства не позволяли. Поэтому из армейского резерва прислали члена партии Саркисяна, примерно моих лет, учителя по профессии, выходца с Кавказа. Накануне наступления вечером проведено партийно-комсомольское собрание роты, на котором присутствовал и выступал комиссар батальона Н.А. Карасев. Его поддержали в своих кратких выступлениях новые коммунисты и комсомольцы, политрук, комсорги взводов, командир роты и я. По поручению Н.А. Карасева я подробно рассказывал новому политруку роты об обстановке, о составе роты и комсомольской организации, об особенностях проведения военно-политической работы. Помню, он много задавал вопросов. У него возникли трудности при контакте с людьми, так как не достаточно владел русским языком. Мне не удалось Саркисяна хорошо узнать, так как вскоре он выбыл из бригады по ранению.

По выступлениям на собрании, по разговорам с бойцами чувствовалось, что за короткое время был создан боевой коллектив с едиными взглядами, целями, что основная масса бойцов подготовлена хорошо как в морально-политическом, так и в боевом отношении.

Вечером нас сытно накормила приехавшая кухня. Раздали сухой паек (колбаса, сухари) на 3 дня для непредвиденных обстоятельств. Привезли чистое белье, которого я не мог добиться три недели. Хотя помыться было негде, но в чистом белье приятнее ходить. Настроение бойцов резко улучшилось. Розданы были полагающиеся по норме гранаты и патроны. Пришли связные от танкистов, рассказали, как надо взаимодействовать с танками в намечаемом наступлении. Сообщались номера танков, которые будет написаны мелом на их башнях и за которыми надлежит идти нашим взводам и отделениям. Это для лучшей ориентировки.

Пришедший из штаба батальона командир роты поставил боевую задачу и обозначил направление движения роты. Еще раз договорились об условных сигналах. Приказ — разойтись по местам и спать. Утром началась артподготовка к наступлению длительностью 25-30 минут. Дал несколько залпов дивизион «катюш», появились самолеты-штурмовики Ил-2 и с небольшой высоты сбросили бомбы на позиции врага, обстреляв их из пулеметов. Вражеские позиции, хорошо просматривавшиеся при ясной погоде, были окутаны дымом от взрывов.

По неизвестным причинам утром танки к нашей роте не подошли и когда поступил приказ вперед, мы наступали без танков. В других подразделениях танки были, но их было мало. Наша рота была построена так, как было утверждено накануне на партийно-комсомольском собрании. Справа от командира роты политрук, слева замполитрука, интервал между нами — 2-3 метра. Сзади нас следовали взводы, впереди шли командиры взводов вместе с комсоргами. Порядок построения роты потом менялся в зависимости от складывающейся обстановки. Большую гибкость в управлении ротой обеспечивали тройки в отделениях и выделение старшего в тройке. Так, например, обеспечивалась успешная эвакуация раненого. Но чаще за этим следили санинструкторы, их в нашей роте было двое. Иногда командир роты посылал меня проверить состояние последних рядов роты, нет ли каких-либо ЧП. Обо всех нарушениях надо было немедленно доложить ротному. Приходилось замещать командира взвода или отделения, если они выбывали. Стажировку в качестве командира взвода или отделения мне приходилось проходить не раз в боевой обстановке это совершенно необходимо.

Сначала пехота шла в полный рост по ровному полю. При солнечном освещении зрелище было впечатляющим. Оглядываясь назад, вправо, влево, я невольно задавал себе вопрос: что за сила заставляет

этих людей идти в условиях смертельной опасности? Конечно, воинская, партийная и комсомольская дисциплина, долг, честь, любовь к Родине. Я что еще? Думаю, в большом коллективе идти не так страшно. Недаром говорят, на миру и смерть красна.

Прошли 200-300 метров. Наткнулись на плотный пулеметный огонь, о чем свидетельствовали столбики пыли от пуль, падавших на сухую землю (в феврале, в дожливую погоду были заметны столбики грязи). Этот частокол от пуль с шагом 10-15 см преодолеть было — нельзя, обойти стороной — нельзя, там другие идут. Поэтому поступил приказ — залечь и окопаться. Через некоторое время пулеметы были подавлены огнем наших минометов и орудий. Снова пошли вперед. Противник не выдержал, стал отступать. На ходу мы открыли огонь из всего стрелкового оружия. Затем из-за соседней высоты начался сильный минометный обстрел наших наступающих цепей. Мины падали спереди, сбоку, сзади. Цепи шли густо, и каждая мина без затруднений находила свою цель. Появились раненые, стоны их трудно забыть. Возникла паника в рядах соседних частей, откуда в страхе бежали обезумевшие люди, нарушая наши боевые порядки. Невольно пришло в голову описание Л. Толстым Бородинского сражения и бегущего по полю Пьера Безухова; поведение под обстрелом людей в его Севастопольских рассказах. Вот летит мина из шестиствольного миномета, летит прямо на нас. Где она упадет? Мгновенно начал окапываться, опередив приказ, который последовал немедленно. Где-то сбоку разорвалось. Повернул голову налево. Рядом лежит боец Перепелкин, с перебитым осколком мины черепом. Еще недавно солдат браво рапортовал комбригу Леонтьеву о готовности расправиться с немцами и их прихвостнями румынами... Прошло несколько мгновений, и я не заметил, как сам оказался зарытым в сухую землю. Работал всем: животом, ногами, своей незаменимой помощницей саперной лопатой. Но вот новый приказ: вперед! Жалко было бросать такой уютный окопчик, а надо. Часть бойцов вместе с командиром и со мной, успев добежать до занимаемых ранее немцами окопов, спрятались в этих окопах; другие стали окапываться на прежнем рубеже, а вечером соединились с нашими. С ними был наш новый политрук. Мне по-человечески было жаль его, попавшего сразу в такую баню. Но ничего — держался он спокойно и невозмутимо.

20 и 21 марта противник предпринял атаки на позиции 390-й пехотной дивизии и нашей бригады, причем в первый день он атаковал трижды: в 7-00, 13-00, 15-30. Последовал приказ: ни шагу назад, отразить атаку! Приготовиться к уничтожению танков! Не пускать их целыми в наше расположение! В каждой роте были сформированы группы по уничтожению танков из 2-3 человека с бутылками, наполненными горючей смесью, и со связками гранат. В ходе вражеских атак основная часть танков была уничтожена армейскими артиллеристами с расстояния 400-800 м от переднего края. Отличились и артиллеристы бригады: сержант Кучеренко своим минометом уничтожил роту атоматчиков, миномет и походную кухню. При этом он научил снайперской стрельбе моряков Андреева, Гамарина и Клименко. Орудийный расчет И. Курчанского разрушил командный пункт противника и подбил два танка — неплохая помощь для армейских артиллеристов. Но он этим не ограничился, подготовил себе замену: научил меткой стрельбе наводчиков Черникова, Савельева и Филоненко. Прорвавшиеся вражеские танки были подбиты в расположении нашего и соседних батальонов. Один из них подбил прибежавший из соседнего полка и оставшийся в нашей роте боец Николай Селезнев. Следовавшие за танками автоматчики были уничтожены нашим ружейно-пулеметным и автоматным огнем, остальные позорно отступили. Меткий стрелок нашей роты комсомолец Рябокобыла открыл огонь по смотровым щелям приближавшегося танка. Танк на некоторое время остановился и стал добычей нашей артиллерии.

Молодой, но ставший в боях опытным С.П. Воронов и другие бойцы из отделений противотанковых ружей успешно подбивали бронеавтомобили врага. Немецкая атака захлебнулась.

В успехах нашей роты большую роль сыграло квалифицированное руководство командира роты Захарова, смелое поведение в бою нового политрука Саркисяна, командира взвода младшего лейтенанта Морозова, комсоргов взводов Рябокобылы, Гегучадзе, комсомольцев Воинова, Дуденкова, Перепелкина, Алиева, Иванова, Ткачука и других.

Большие потери понесли наши танкисты, особенно те, которые воевали на устаревших танках. Много я видел их, горевших, как факел. Танкисты старались покинуть охваченные пламенем танки через верхний люк, но были добычей немецких снайперов. Проходя мимо, мы видели обгоревшие лица, руки, запрокинутые навзничь тела наших почти мальчишек. Рвались снаряды внутри танков, гибли славные танкисты. А кому было легко на передовой? Пехоте тоже доставалось...

Когда стемнело, перестрелка прекратилась с обеих сторон. Командир роты приказал мне уточнить цифры потерь по взводам. Оказалось, что за три дня боев рота потеряла почти половину своего соста-

ва. Командира вызвали в штаб батальона, откуда он вернулся с расстроенным лицом. Наутро приказано снова наступать, поскольку противник потерпел сокрушительное поражение, было очень важно сбить его с занимаемых позиций. Бригаде и другим участвующим частям будет оказана дополнительная помощь артиллерией и танками. Для успеха дела надо провести реорганизацию роты. На должности командиров взводов выдвинуты младшие командиры, а командиров отделений - рядовые бойцы, комсомольцы, проявившие себя в последних боях.

Поужинали, и я решил обойти все подразделения роты, избрать комсоргов вместо выбывших, провести беседы, ответить на вопросы. Во время беседы на нас наткнулись комбриг Леонтьев и комиссар Навознов. Не перебивая, они выслушали меня, затем комбриг сказал, что необходимыми резервами для дальнейшего наступления мы располагаем, и завтра мы увидим дополнительную поддержку. Далее он добавил: Вот видишь, Чулков, я же говорил, что твои языковые познания пригодятся, уже пригодились. Как и обещал, теперь мы тебя включим в специальную группу разведки, подробнее об этом после. Мы не забываем старания наших воинов, — добавил он загадочно. А затем и в партию примем. Мне рассказывал Карасев о твоей просьбе, я согласен, пиши заявление и передай Карасеву, мы обсудим. Да, вот еще что! Что ж ты, замполит, победные пушкинские стихи не читаешь, память отшибло в последние дни? Завтра сильно ослабевший противник не устоит перед вами, покатится.

Нет, товарищ комиссар, память в полном порядке, и я сразу же начал читать для обновленного состава роты «Горит восток зарею новой» из пушкинской «Полтавы».

Прослушав минуту, комбриг и комиссар удалились в другие подразделения. Не долго они с нами поговорили, а настроение поднялось, душевных сил прибавилось.

Ребята попросили меня прочитать что-нибудь задушевное, лирическое. Прочитал им «Письмо к матери» и «Русь» Есенина, «Родина», «Кинжал» (символ твердости и верности) Лермонтова. Слушали меня внимательно и с одобрением, чему я был безмерно рад. Не думал я тогда, что мое выступление будет последним в роте.

Перед сном решил пройти к начальству доложить о проделанной работе. Сначала мне хотелось встретиться и поговорить с политруком, но он уже спал. Я подошел к окопу командира роты Захарова. Окоп был просторный, и ротный предложил мне вместе с ним переночевать. Рассказал, что приходил к нему комбриг Леонтьев, комиссар Навознов и командир батальона Пиндик. Интересовались положением дел, настроением людей. Я сообщил, что они проходили мимо меня с группой бойцов, подбадривали, обещали поддержку.

Ночь была тревожной. Недалеко от нас слышны были тихие голоса, кто-то курил. Я заснул, но потом несколько раз просыпался. Когда рассвело, началась наша артподготовка, которая по продолжительности была на 5—7 минут больше предыдущей. Прилетели штурмовики Ил-2, но их было мало.

Утром, получив новые данные от командира батальона о направлении движения, ротный передал приказ командирам взводов: одному лично, а другим через связных. Один из связных при выполнении задания был убит пулей. Я посмотрел на ротного Захарова, ротный на меня — мы поняли друг друга, и я попросил разрешения сходить в расположение взвода Якушева, выполнить приказ ротного, похвалить комсорга взвода Сазонова за проведенную накануне беседу у себя во взводе и заодно выяснить состояние здоровья Якушева накануне он жаловался на боль в животе. Ротный согласился, но рекомендовал быть осторожным. Я то перебежками, то ползком добрался до Якушева и передал приказ.

Он поднялся, вылез из окопа и пошел в расположение своего взвода. Я последовал за ним, похвалил комсорга за хорошее проведение беседы о долге перед Родиной в бою и отправился к командиру роты опять перебежками и ползком. На левом фланге соседней части услышал призыв: «За Родину, за Сталина!» Командиры подразделений поднимали бойцов в атаку, но ураганный огонь прижимал людей к земле. Да и в расположении нашей роты довольно часто жужжали пули: метрах в 100-200 (а кто мерил?) был противник.

Пока передвигался, несколько раз слышал этот призыв за спиной. Я твердо решил для себя: главное — отдать свои силы, а потребуется — и жизнь ради освобождения Родины. Для достижения этой цели готов был призывать за кого угодно, лишь бы был успех, лишь бы была победа. Сталин стал Верховным Главнокомандующим, а согласно боевому уставу политработник обязан был поддерживать авторитет своих командиров, независимо от их ранга. Кстати, в нашей бригаде я не слышал такого призыва. Обычно в атаках боевым кличем было: «Полундра! Бей гадов! За Родину! Ура!» В первые месяцы войны в газетах прекратили славословия и восхваление Сталина как великого полководца. Возможно, он сам запретил, наверняка понимая, что при невольном отступлении нашей армии это неуместно. Характерно, что в обращениях Верховного Совета фронта к десантникам, которое я привел выше, имя Сталина совсем не упоминалось...

...Размышления прервал резкий удар в левое плечо со стороны груди. Из-под лопатки потекла кровь по спине, потом кровь изо рта. Понял — ранен пулей, прошедшей через легкие (при переползании находился в полулежачем положении, позже было установлено, что пуля ниже лопатки сломала ребро). Свалился в просторный двухместный румынский окоп (уширение книзу), оказавшийся рядом.

Рота ушла вперед, я остался один. Стало тихо. Вдруг слышу: где-то рядом голоса. Какое-то начальство уверенно и резко отдает команды на наступление. Ага, подумал, значит, где-то близко находится командный пункт батальона бригады, двигавшийся вслед за ротами. Часа через 1,5-2 рядом начали рваться мины. Кто-то прыгнул на меня в окоп. Я застонал. Прыгнувший извинился и спросил, что со мной. Я объяснил и попросил перевязать меня, сказав, где искать индивидуальный пакет. Оказался связист, исправивший перебитый миной телефонный кабель. Я попросил посмотреть, где наши, но быть осторожным, сначала поднять каску.

— Немцы далеко драпанули, теперь безопасно, — весело добавил связист, — от реактивных снарядов падшими вся степь покрылась. А ведь я вас узнал, вы замполит нашего батальона.

Спросил связиста, как его фамилия, имя, отчество, где живет — ведь он спас мне жизнь. Он ответил, приободрил, обещал сказать, чтобы за мной пришли санитары или приехал ездовой. Находясь в госпитале, я записал его координаты, но запись потом была утеряна, запомнил только, что он из Москвы.

Телефонист ушел. Времени было достаточно, чтобы подумать обо всем и обо всех: о родителях, родных, о товарищах из ОКБ А.Д. Швецова, которые работают над более мощными авиационными моторами, о любимых учителях. О девушке из медтехникума, за которой собирался ухаживать (ее отправили на фронт).

Снова начался артиллерийский и минометный обстрел наших позиций. Мины с ревом рвались где-то рядом у окопа. Меня угнетала беспомощность положения. Команд из штаба батальона уже не слышно было, но зато со стороны передовой все явственней стали доноситься голоса наших. Наконец услышал топот сапог где-то совсем рядом. Неужели отступают и меня ожидает плен? Стал кричать, но слышал ли кто мой голос? Попробовал подняться — не получилось. Тело стало тяжелым, неповоротливым. Тошнило, кружилась голова. Вытащил из кармана трофейный пистолет, подумал: первого же фрица, появившегося над окопом, уложу на месте, буду отстреливаться до последнего патрона.

Но нет, я ошибся, наши бойцы держались стойко, не отступили, это были какие-то случайные голоса и топот. Мысленно я благодарил своих боевых товарищей за стойкость. Спустя некоторое время заговорила наша артиллерия, проурчали где-то рядом «катюши», послышался треск пулеметов. Стали доходить крики :

— Ура! За Родину! Бей гадов! Полундра!

Эти слова были для меня настоящим лекарством. Наша пехота пошла вперед, и через некоторое время не слышно стало ни топота сапог, ни голосов. Перестали свистеть пули, рваться мины. Только над окопом, далеко в небе, иногда промелькнет наш или вражеский истребитель. Наступил вечер, все стихло, стало темно. Где-то недалеко услышал скрип повозки, голос ездового: «Есть тут кто раненный?». Я откликнулся. Вспомнил добрым словом телефониста, который не забыл сказать медслужбе обо мне.

Вытащил меня из окопа возница, положил в повозку и поехали. Дорога неровная — пахота, сильно трясло, я стал задыхаться:

— Сними меня, мне тяжело, я не выдержу такой езды.

— Не могу, я обязан доставить тебя в санчасть, уж потерпи, браток, Сильно трясет, мучает одышка, я отдам концы на твоей повозке. Прошу тебя, сними,

— Ну ладно, — согласился, наконец, ездовой, только не поминай лихом.

Снял он меня и уехал. Я прошел несколько шагов, упал. Полежал, поднялся, пошел снова, в первую попавшуюся воронку от снаряда свалился и потерял сознание. На рассвете очнулся, поднялся, пошел в тыл. Направление безошибочно можно было определить по полету трассирующих пуль автоматных очередей немцев. Вдали показались наши танки, без пехоты. Не те ли это танки, что к нам должны были прийти? подумал. Может быть, они, а может быть и нет...

Ко мне подошел танкист, осматривавший свой танк. Поскольку вид у меня был далеко не боевой, он все понял и спросил:

— Ну как там, служивый, жарко на передовой?

— Без танков нам жарко, а когда вы будете на передовой, будет жарко немцам,

— Да мы-то что, мы хоть сейчас, нужен приказ,

А где же царица полей — пехота?

— Должно быть, где-то застряла.

А не обогнала ли она вас и на передовой поджидает? Там танков очень мало осталось — побиты фрицами.

— Все может быть. Начальство разберется, ему виднее.

В небе показался самолет-разведчик.

Это за вами, — говорю танкисту, — ждите гостей или подарков.

При подходе к лощине появились первые подарки — начался артобстрел. Били по нашим танкам, но они уже двинулись к передовой. Значит, стреляли с большого расстояния и координаты расположения танков были явно устаревшими. Рядом разорвался снаряд, меня взрывной волной подбросило, я о что-то ударился и потерял сознание. Очнулся в медсанчасти.

Как себя чувствуете? — спросила врач Мария Макаровна. — Вас нашла на дороге Ира, тащила 100 метров с санитаром.

— Не на дороге, а метрах в пяти от дороги — уточняет Ира (как потом выяснилось — Ираида Петровна Бычкова, в девичестве — Хураничева). Тут о вас справлялся комсорг батальона Степан Безопасных, мы ему сказали, что ничего, выздоровеет. Смотрите, не подведите нас.

Я обещал не подвести. Вскоре С. Безопасных снова навестил меня, и мы с ним беседовали. Через несколько дней меня вывезли в армейский госпиталь, находившийся в каменоломнях около Азовского моря у селения Ак-Монай. Дорогой я наблюдал подвоз новых резервов: пехота, танки, артиллерия, боеприпасы. Значит, скоро снова бои, уж теперь-то немцы не устоят, побегут, как миленькие...

...В результате понесенных потерь (до 70 разбитых боевых машин, много убитых и раненых) остатки 22-й танковой дивизии были отведены в Старый Крым для переформирования и получения пополнения. Были основательно также потрепаны 18, 28, 170-я и другии дивизии врага. Любопытно, что при обстреле танков 22-й дивизии «катюшами» 8 экипажей не выдержали (нервы подвели) ураганного огня, выскочили из своих танков и дали деру.Я видел снимки этих танков в армейской газете «Сын Отечества». Проведенные танковые сражения ожесточенностью напоминали бои под Прохоровкой на Курской Дуге, только масштабом меньше, а относительных потерь (в процентном отношении) больше. Что делать, здесь были танки устаревших конструкций, слабовооруженные и с бензиновыми моторами. Нашей промышленности только еще предстояло наладить выпуск новых машин.

В наших войсках потери были до половины состава и больше, особенно в 390-й дивизии и нашей бригаде. Потери нашего героического комсомольского отряда БОС составили 86%. Хочется низко поклониться их памяти.

В первом батальоне были тяжело ранены командир взвода разведки Н.А. Куюмчан, помкомвзвода и и.о. командира роты Н.Л. Семенов, командир отделения противотанковых ружей С.А. Воронов, командир взвода мл. лейтенант Морозов, бойцы Воинов, Рябокобыла, Дуденков, пулеметчик Я.М. Горобец, связист Г.А. Бойченко и др. Раненых и контуженых вывозил с поля боя, порой под обстрелом врага, ездовой Я.У. Кусенко и др

Из госпиталя возле села Ак-Монай меня перевезли во фронтовой, оттуда в Новороссийск и поездом до станции Лабинская Краснодарского края, где был эвакогоспиталь №2147. После двухмесячного лечения комиссия определила меня инвалидом 2-й группы, и я уехал в Пермь на свою прежнюю работу в ОКБ Швецова. Два года проработал там конструктором, весной 1944 г. навестил своих родителей в Запорожье, сестру Клавдию и 16-летнего брата Николая. Город производил жуткое впечатление. Все заводы и крупные кирпичные дома были разрушены. То же враг сделал с Харьковом, который я видел переходя с Московского вокзала на Балашевский.

В августе на свой запрос я получил вызов из МАИ, где стал учиться на моторном факультете на втором курсе (первый курс закончил на заочном отделении МАИ перед войной в 1941 году). Почти ежедневно гремели залпы орудий по случаю взятия очередных городов. А последний залп был в честь Победы 9 мая 1945 года. Тогда в два часа ночи, нас, студентов общежития, разбудили, мы ликующими толпами вышли на улицу. Люди торжествовали, смеялись, радовались, плакали, угощали военных вином. Повсюду возгласы «Ура! Победа!», «Слава Красной Армии!», «Да здравствует товарищ Сталин!» и другие.

Подошли к американскому посольству. На подоконнике стояла молодая американка и пела «Широка страна моя родная» по-русски. Мы подхватили. Затем она крикнула: «Да здравствуют советские союзники!». Мы отвечали: «Да здравствуют американские союзники!» На подоконник второго этажа сел молодой американец, свесив ноги на улицу. Все ликовали — конец войне!

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шоль Иван Евгеньевич***, студент 4-го курса Московского авиационного института

Шабанов Виктор Григорьевич

ПОВЕЗЛО ТЕБЕ, СЕРЖАНТ!

Я, Шабанов Виктор Григорьевич, родился 22 сентября 1926 г. в Москве. Русский. Православный.

До войны закончил 6 классов средней школы. Собирался идти на репетицию парада физкультурников на Красной площади, и тут узнал о начале войны.

Участвовать в боевых действиях начал по призыву. Прошел с боями через Западную Украину, Польшу, Германию, Чехословакию.

Закончил боевые действия в Чехословакии в 229-м танковом полку, 70-й бригаде, 9-м механизированном корпусе 3-й Гвардейской танковой армии в звании сержанта.

Возвращался с войны в 1946 г. через Германию.

Демобилизовался в 1950 г. по возрасту.

Награды:

— орден Славы III степени № 296857;

— орден Красной Звезды № 2145244. удост. № 956010;

— орден Отечественной войны I степени № 1420291Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1985 г.;

— 20 медалей.

В ходе боевых действий получил два ранения: в феврале 1945 г. и в апреле 1945г.

В конце апреля 1945 г. я участвовал в уличных боях в Берлине. Две улицы, на одной из которых расположились наши войска, были разделены бетонными плитами. С другой улицы все время доносились звуки автомашин, которых не было видно из-за забора.

И вот дали команду разрушить ограждение. Команда была выполнена, тогда немцы стали пускать только по две-три машины. Но наши этот проем все время держали под прицелом. За уничтожение экипажем Т-34 под моим командованием нескольких автомашин, в том числе и машин с боеприпасами, я был награжден орденом Красной Звезды.

О боях в начале 45-го хочу рассказать подробнее.

Я попал на 1-й Украинский фронт. Танковый полк вел общие бои подо Львовом. Был приказ: провести разведку боем. А я, честно говоря, не представлял себе, что это такое. Все оказалось очень просто. Рота танков вышла на открытую местность и начала обстреливать немецкие позиции. Этим самым танкисты вызывали огонь на себя, а наши наблюдатели-корректировщики в это время тщательно следили за ответным огнем врага, засекая расположение его артиллерии.

После взятия Львова в танковом полку осталось меньше половины боевых машин. Так что пришлось встать на пополнение.

Начало 1945 года выдалось снежным. Немецкие войска отступали. По одному из шоссе непрерывно двигался поток техники и живой силы на запад. Его нужно было прервать, но мешали вражеские батареи, которые были расположены на высотах слева. А ниже, вдоль шоссе, стояли аккуратные домики, брошенные хозяевами.

И только танковая рота , в составе которой был и наш экипаж Т-34, прорвала вражеский поток, как из-за угла одного из домиков показалась немецкая самоходка «пантера». У нее поворот пушки ограничен, поэтому она медленно выдвигалась вперед, и ее ствол все быстрее поворачивался в сторону нашего танка. Тут уж кто быстрее успеет выстрелить! Поймав в прицел врага, мы дали залп. После прямого попадания «пантера» остановилась, загорелась, и из нее выскочили трое офицеров.

Одеты они были в черную форму, которая на белом снегу была отличной мишенью. Несколько пулеметных очередей — и с захватчиками было покончено. За уничтожение самоходки я получил орден Славы III степени.

Но это — потом. А пока наш танк стал сдавать назад. Неожиданно заглох двигатель. И тут же по замершему танку с высотки ударили немцы. Первый снаряд разорвался впереди, метрах в пяти. Водитель

танка выскочил на шоссе через нижний люк, а я — через верхний и замер у гусеницы. Второй снаряд взметнул землю вверх метрах в десяти. Водитель, как подкошенный, опустился на шоссе.

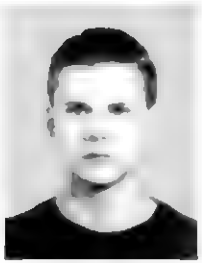
Я подполз к нему солдату осколком разворотило всю грудь. Мгновенная смерть, без мучений, — только и подумал я, ползком пробираясь к домику. А там меня уже ждал радист из танка. Он сорвал с окна штору и начал забинтовывать мне голову: я даже не заметил, что сам ранен и вся моя белая безрукавка залита кровью.

Тогда я еще не знал, что впереди у нашей «тридцатьчетверки» — столица поверженного рейха, уличные бои — о чем хранит память фотография с надписью: «Берлин, 30 апреля 1945 г.»; что потом наша третья гвардейская армия будет освобождать Прагу, а затем советских солдат цветами и улыбками встретят в соседней Австрии.

И, конечно, невозможно было предвидеть свою жизнь после Победы. А этапы ее такие: учащийся автомеханического техникума; студент Московского института машиностроения; главный механик завода «Элион» в Зеленограде.

Сегодня я на пенсии, но до сих пор помню слова фронтового хирурга: «Этот чертов осколок попал в затылок по касательной. А если бы под другим углом... В общем, тебе еще повезло, сержант!»

Декабрь 2002 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Денискин Александр Викторович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Шапиро Иосиф Львович

ИЗ ГЕТТО — ДОБРОВОЛЬЦЕМ НА ФРОНТ

Родился 2 сентября 1926 г. в Румынии - село Несвоя Новоселицкого р-на Черновицкой области.

До войны окончил школу. О войне узнал 22 июня 1941 г. в городе Хотин Черновицкой области.

Начинал участвовать в боевых действиях добровольцем 29 марта 1944 г. Сборный пункт в Каменец-Подольском. 21 апреля 1944 г. прибыл на передовую: звание — рядовой, 870-й стрелковый полк 287-й стрелковой дивизии 13-я армия 1-го Украинского фронта. Командир батальона — майор Антонов В.Д..

22 июня был в с. Несвоя, в гостях у маминой сестры, сидел на балконе, когда над моей головой пронесся самолет с немецкой свастикой. Рассказал родственникам об этом, но мне не поверили.

Почувствовав что-то неладное, я направился в город. В это время город бомбили, по дороге мне встречались советские войска: военнослужащие, направляющиеся в сторону границы, а также шедшие от границы творилась неразбериха.

Через три недели город заняли немцы. Эвакуироваться моя семья не смогла, у бывших жителей Румынии не было пропусков через Днестр (вообще, мы не смогли бы эвакуироваться в любом случае, т.к. немцы окружили эту область страны).

Еще через несколько недель всех выгнали из домов и пешком направили в местечко Секуряны (Молдавия). Затем снова пешком до

села Поповцы (Украина). В этом селе немцы создали гетто, где содержалось 1000 человек.

Это гетто охраняли не немецкие, а румынские солдаты, что, в свою очередь, несколько смягчало надзор охраны за заключенными. В гетто заключенных не кормили, а еду приходилось находить в Поповцах, перебираясь через не сильно укрепленные заграждения гетто и выполняя различную работу по хозяйству для местных жителей.

Я освоил профессию пастуха, за это меня исправно кормили и давали кое-что для семьи. В гетто моей семье было тяжело вдвойне, т.к. моя мать была беременна, а уже 20 февраля 1944 г. родила девочку. В гетто в Поповцах мы жили до марта 1944 г., когда нас освободили советские войска. Как узнал я потом, из архивных данных, в гетто села Поповцы из 1000 человек погибло от голода и побоев 790 и, к счастью, ни одного человека из моей семьи.

Спустя неделю после освобождения население с освобожденной территории начали призывать в Советскую Армию. Моего отца призвали, а я мог убавить себе один год, и меня бы не взяли, но я хотел пойти на войну вместе с отцом.

Капитан, которому требовались солдаты, взял меня — это произошло 29 марта 1944 г. Я попал в часть, где только что начал службу мой отец. Сборный пункт нашей части находился под Каменец-Подольским.

Уже 21 апреля 1944 г. нас отправили на передовую, мой отец оказался в 8-й роте, а я в 9-й. Наша часть участвовала в наступлениях, и мы шли в сторону границы; обыкновенным солдатам не говорили название местностей, населенных пунктов, поэтому географию продвижения части восстановить тяжело.

14 июля 1944 г. в ходе минометного обстрела был ранен мой отец, ранение пришлось в грудь и горло. Отца погрузили на носилки и унесли. Я решил не писать семье о ранении отца, и когда нашу часть вывели во второй эшелон, отпросился в санроту узнать, где мой отец. Там мне не смогли помочь — отца там не оказалось.

В медсанбате отца также не нашли, я начал было думать, что отец умер, когда мне подсказали, что отца могли отправить в госпиталь. Но, как стало известно позже, отец оказался в Сочи (санаторий им. Фрунзе) — его туда взял хирург, который приехал в госпиталь за раненным генералом и взял отца потому, что у него было ранение, как и у генерала.

Часть моя дошла до города Перемышль (Польша). Город пересекает река Сан; до войны восточный берег принадлежал СССР, а западный берег — Германии. Ночью переправили войска на западный берег, и войска окружили город. Началась очистка города от немецких войск. Группа из нескольких солдат, в которой был я, шла по улице, когда взорвалась немецкая граната, выброшенная из ближайшего дома. Граната ранила одного бойца. Окружив дом, мы после непродолжительного боя захватили в плен 12 немецких солдат. За этот эпизод меня наградили медалью «За отвагу».

Форсировав Вислу, наша часть стояла до начала 1945 г. на Вислинском плацдарме, за исключением октября-ноября 1944 г., когда нашу дивизию отправили в Карпаты, в состав 38-й армии, где мы потеряли убитыми и ранеными значительную часть личного состава. В декабре мы получили пополнение. В это время Сталин пообещал союзникам ускорить наступление, и уже 10-12 января 1945 г. началось наступление.

На рассвете взяли деревню, к вечеру подошли к другой деревне, которая вся была сожжена. Переходя через речушку, промочили ноги, и чтобы обсушиться, комбат Антонов приказал искать топливо, разжечь костры. Привезли ужин и водку.

Я был комвзвода и от комроты получил приказ обеспечить боевым охранением мой сектор деревни. Одного солдата я взял как связного с комроты, два пулемета поставил в охранение за остовы печей, оставшихся от сгоревших домов.

Спать я отправился в подпол одной сгоревшей избы. Не знаю, сколько я проспал, но меня разбудил связной и сказал, что меня вызывает комроты. Я побежал к комроты, тот наорал на меня за то, что все спят и что немец может взять нас голыми руками

Перекинув автомат через шею, я пошел проверять пулеметные расчеты. Не дошел до печки, где находился расчет, буквально 10 метров, как почувствовал удар в грудь и услышал выстрел. Я упал и пополз к печке. Расстегнули одежду, увидели, что я не был ранен, тогда мы решили, что стрелявший снайпер попал в печь и осколок кирпича попал мне в грудь.

На следующее утро заданием 9-й роте было перерезать дорогу, по которой, наверное, должны были отступать немцы. У опушки леса мы увидели пушку с часовым — теперь мы знали, где находятся немцы. Наша рота перекрыла дорогу, а 7-я и 8-я роты пошли в атаку на деревню.

Я снял автомат, поставил его на очередь и выстрелил по немцам, но раздался только один выстрел. Я перезарядил нерабочий диск на другой, и уже ближе к обеду бой кончился. Я решил проверить нера-

ботающий диск автомата, в нем оказалась пуля, выпущенная снайпером мне в грудь накануне. 13 января 1945 можно считать днем моего второго рождения — автомат спас мне жизнь.

Мы шли по лесу, когда комбат вызвал меня и приказал узнать, есть ли в деревне, к которой мы скоро подойдем, немцы. Я попросил у одного из офицеров бинокль, взял с собой двух солдат, один из которых хорошо стрелял и у него было снайперская винтовка.

Мы дошли до опушки леса, а до деревни было еще метров 600 чистого поля, покрытого снегом. Мы понимали, что, если в деревне есть немцы, то мы будем отличной мишенью для них, но все же потихоньку начали двигаться к деревне. Через некоторое время я заметил, что с другой стороны появилась группа людей из 7-8 человек, мы не смогли точно определить их принадлежность, поэтому мы пошли быстрей. На окраине деревни местный житель сказал, что немцы, возможно, еще есть в центре деревни; дошли до центра деревни, там немцев не было. Хозяйка одного из домов пригласила нас перекусить, затем мы дали зеленую ракету — знак того, что немцев в деревне нет.

15 января мы наступали у города Кельце, со стороны ж.-д. Наступали цепью, а немцы стреляли по нам из танковых пушек осколочными снарядами. Один снаряд перелетел через меня и взорвался в метрах 20 сзади, я был контужен (потерял сознание и упал). Когда очнулся, понял, что с моей ногой что-то не так, чуть ниже колена я обнаружил небольшую «царапину», кровь на которой уже запеклась. Я не придал этому особого значения.

Мы дошли до окраины города и заночевали в каком-то доме. Ночью нас разбудили строиться, и я почувствовал в левой ноге страшную боль, к тому же нога не разгибалась в колене — оказывается, в ране остался осколок. Ночью мы должны были сменить участок, мне помогали передвигаться солдаты. Мы прошли несколько километров, и подошли к деревне, в деревне все дома были целы, но жителей не было.

Остановились в одном из домов, солдаты на чердаке нашли полмешка муки, через некоторое время были приготовлены лепешки.

Когда начало рассветать, командир батальона приказал строиться, меня оставили в хате одного. Я закрыл дверь, так как опасался, что могут прийти немцы. Лег спать. Не знаю, сколько проспал, но меня разбудил стук в дверь. Перекинув через шею автомат, я с осторожностью пошел к двери, но, к счастью, это был сменивший нас на этом участке батальон.

На следующее утро мне нашли палку, я смог идти сам и пошел в госпиталь. Увидев указатель с красным крестом, легко определил дорогу, по которой надо было направляться. По дороге встретилась машина какого-то генерала, которому было по пути со мной, и он подвез меня в санроту. Там мне не согласились делать операцию, и сказали, что отправят в госпиталь.

В госпитале меня покормила какая-то медсестра — принесла консервы и водки. Через несколько минут меня позвали на операцию. Врач не спросил, пил ли я сегодня, и сразу дал мне хлороформ. Спустя некоторое время после операции я оказался в санпоезде, который направлялся во Львов. В поезде я смог хоть как-то отдохнуть и выспаться.

Во Львове я попал в отличный госпиталь: меня разместили в двухместной палате, хорошо кормили и так же хорошо лечили. Но через два дня перевели в другой госпиталь (оказывается, меня по ошибке поместили в госпиталь для офицерского состава). ГЛР (госпиталь для легкораненых) находился в помещении, которое с трудом напоминало госпиталь, больные располагались на нарах в три этажа, меня поместили на второй этаж.

Лечение представляло собой достаточно жестокий процесс, основанный на физических упражнениях. Для того чтобы нога разгибалась, назначили несколько процедур: я должен был ходить по небольшому пространству, заполненному жидкой глиной, держась за поручень; стационарный велосипед; вытачивать шашки на токарном станке с ножным приводом. Эти процедуры были очень болезненны, но отказываться от них было нельзя, я четко выполнял все указания врачей. Вообще, за больными, проходившими процедуры, следили сотрудники НКВД.

Кормили очень плохо, буханка хлеба на 10 человек, на завтрак ложка каши, на обед суп из мерзлой картошки, снова ложка каши и т.п. За едой на кухню мы ходили сами, и однажды туда послали меня; повар, увидев меня, спросил, почему я такой худой, я ответил — что так кормите, а когда он узнал, что мы земляки, сказал, чтобы я приходил к нему под вечер.

Пришел к нему вечером, и он мне дал котелок, в котором была наложена пшенная каша с маргарином.Я поделился едой у себя в палате, оказалось, что под слоем каши лежала тушенка, в то время большая редкость. До самой выписки повар дядя Вася подкармливал меня.

Настал день, когда я перестал хромать. Сняли повязку. Из таких, как я, собрали «маршевую» роту и направили в запасной полк. Туда регулярно приходили офицеры и набирали к себе солдат. Я попал в разведбат 10-го гвардейского танкового корпуса. Сначала меня назначили наводчиком танка, затем направили в первую мотоциклетную роту на должность командира отделения. Я научился водить мотоцикл и до конца войны служил там.

На Берлин шли с юга Германии, и к маю наша часть приблизилась к цели, но нас остановили, не дав начать наступление, и отправили на юг, без остановок, на Прагу. Там нам объявили, что война кончилась.

Награды:

— орден Отечественной войны 1-й степени. Награжден 11 марта 1985 г. №2273064;

— медаль «За отвагу». Награжден 1 октября 1944 г. на фронте. Вручил комполка, подполковник Садыков М.С. №1701903;

— медаль «За отвагу». Награжден 1 апреля 1945 г. Вручена в 1965 г.;

медали «За победу над Германией», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»

и 11 юбилейных медалей.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Губин Владислав Викторович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Якушев Анатолий Григорьевич

СЫН ПОЛКА

Я родился в 1931 году в Тульской области, село Литвиново.

Побыв с 1943 года на фронте мальчишкой, после войны пошёл учиться в третий класс. Трудно было. В восемнадцать лет закончил семь классов. А затем снова в армию призвали.

О том, что больше трех сроков прослужил, на фронте был, имею воинское звание младший сержант и боевой орден есть, в военкомате я не сказал — постеснялся. Отслужил, как положено, три года. Потом на слесаря выучился. Работал на заводе.

И до сих пор вспоминаю Великую Отечественную войну.

1941 год. Стоял жаркий июльский день. Меня отправили окучивать картошку. Семья была большая, картошки сажали много, а в это лето осталось только трое : мать, я и брат Николай, на два года старше меня.

Отец и ещё два старших брата ушли на фронт. Сестра Наташа ещё раньше уехала в Москву. Позднее выяснилось, что Иван был лётчиком и имел звание майора, а Николай — связным. Брат Михаил погиб на границе в районе Гомеля при неизвестных обстоятельствах.

Зачем троим столько картошки, думал я, но в огород пошёл. Прорыл глубокую борозду и залёг в прохладу, под ботву, засыпал ноги мягкой землёй и блаженствовал, смотрел в небо. Оттуда послышался слабый ноющий гул, и появилась блестящая точка.

С того дня самолёты летали каждый день, и все на Москву. Стреляли зенитки. Потом мимо села прошли отступающие наши войска. Боя за село не было. Два дня было тихо, потом гитлеровцы вкатились на мотоциклах. В это время умерла от тифа мать.

Почти всю зиму в Литвиново была вторая линия обороны. И вот однажды загудело всё вокруг, под ногами задрожала земля. Это ударила дальнобойная артиллерия, началось наше наступление.

Когда наши уходили из села, ушли и мы, я и брат Николай, с солдатами второго эшелона. Нас учили разговаривать с полицаями, сводили с хитроватым старичком и с противным немцем, конечно, не с настоящим: разведчик переодевался в немецкую форму. Задавали самые разные вопросы, старались запутать, застать врасплох неожиданным вопросом.

Переодели в гражданскую одежду. В тыл сопровождал меня сам начальник разведки. Неделю бродил я по деревням. На окраине деревни заметил двух маленьких мальчишек. Подошёл к ним и увидел странный предмет — колотушку с длинной ручкой. Граната! Едва успел выхватить из рук мальчика гранату.

В условном месте ждал разведчик. О том, что вернулся, доложили по рации. Командир сказал, что мы принесли ценные сведения и за это полагается награда.

Наградили меня иначе — направили учиться в суворовское училище города Курска. Училище мне не понравилось: старая школа с выбитыми стёклами. Старшина, принимавший документы, успокаивал, говорил, что со временем всё наладится.

Я не хотел долго сидеть за партой и сбежал в Москву. Всех беспризорных, у кого нет своего дома, всех потерявшихся как будто инстинкт толкает на вокзалы. Пришёл туда и я. Там друг за другом стояли эшелоны. Хотелось на фронт, и я попросил солдат взять меня с собой.

По прибытии солдат построили, и мы двинулись к лесу. Туда, где после боёв на Курской дуге находился на переформировании Уральский добровольческий танковый корпус.

Идея создания крупного танкового соединения добровольцев возникла в заводских коллективах уральских танкостроителей и подхвачена была всем рабочим классом Урала в дни, когда наша страна находилась под впечатлением победоносно завершившегося Сталинградского сражения.

В мае 1943 года на площади в Челябинске прозвучало напутствие танкистам: «Родные наши! Вас называют Особым добровольческим

танковым корпусом. Не зря такое особо почётное имя вам дано. Особые дела будут доверены вам».

Добровольцы представляли лучшую часть коллектива трудящихся, среди них было много квалифицированных рабочих, специалистов, командиров производства, активных коммунистов. Всех добровольцев отпустить на фронт было невозможно, так как это нанесло бы ущерб производству, выполнению заказов фронта.

244-я Челябинская танковая бригада, весь Уральский корпус вошли в состав 4-й танковой армии, и первый бой приняли на Курской дуге. За полтора месяца боёв челябинцы освободили сотни населённых пунктов. Все четыре бригады корпуса, три танковых и одна мотострелковая, заслужили звание «гвардейских». Каждый доброволец получил гвардейский значок. Вот в какую бригаду я попал.

Сразу после построения командир бригады Михаил Георгиевич Фомичёв сказал, чтобы я к нему зашёл. Оказалось, что мы с подполковником земляки. А земляки на фронте - это как родственники. Направили меня сначала в медсанвзвод. Справлялся с порученным мне делом быстро и хорошо, делал перевязки и охранял раненых. Через некоторое время довелось снова побывать в разведке. Ходил в дозор. Много событий произошло. Бригаде присвоили другой номер, она стала называться 63-я гвардейская.

Весной 1944 году вместе с пехотой прорывали вражескую оборону, говоря языком военных, на всю тактическую глубину: оставив позади пехоту, выйти на оперативный простор в тыл врага и перерезать коммуникации, захватить стратегические узлы, окружить, громить вражеские группировки..

Челябинская бригада получила танки, машины. Комбриг Фомичёв за техникой послал заместителя командира первого танкового батальона капитана Чиркова. В Дорогоще капитан с платформ получил двенадцать танков, привёл под Ямполь, доложил комбригу. На этих танках и надо было идти в передовом отряде. Задача в районе Подволчийска перерезать железную дорогу Тернополь — Проскуров.

На востоке чуть засветлелось, а наши вышли на линию обороны. Её уже занимали пехота. Танки развернулись в боевой порядок и, стреляя с коротких остановок и с хода, проскочили вторую линию противника без потерь. Фашисты ещё не опомнились от артналёта. Часа через два наши были в тылу врага и сразу взяли направление на реку Жердь. Мелкие группы гитлеровцев разбегались без сопротивления. А стремительный марш, как требовал Фомичёв, танки не выдерживали, не могли развить скорость — зарывались в грязь. Когда

шли по полю, впечатление было такое, что танки плывут. Впереди было село Скорики. В нём засели штрафники и смертники, наказанные гитлеровским командованием. Оправдаться они могли, только удержав село.

В бою за Скорики отличились миномётчики мотострелкового батальона. В то время, как мы продвигались дальше, произошла неприятная история. Танк, на котором мы ехали, напоролся на мину. Отключилось сознание, очнулся я в трясине. С брони всех разметало, а я улетел дальше всех, получив пару царапин. Днище танка было разворочено. Погибли механик-водитель и радист.

В марте Советская Армия продолжала развивать наступление. Бои шли за дороги и переправы, крупные стратегические узлы. Боевые задачи решали в основном танковые части. Мы рвались вперёд, оставляя у себя в тылу небольшие гарнизоны и скопления немцев, которых уничтожали, разоружали или пленили.

Челябинская танковая бригада получила приказ идти на Каменец-Подольский, перерезать пути отступления окружённой крупной группировке гитлеровцев, освободить город и держать его до подхода основных сил. В городе у фашистов были «тигры», «пантеры». Подошли вместе с пермскими танковой и мотострелковыми бригадами и сразу завязали бой, ворвались в город, двинулись, выходили к железнодорожному вокзалу, по которому фашисты могли подбросить подкрепление по железной дороге, к мосту через реку Збруч.

Я был с автоматчиком роты Ермакова. Вместе с командиром, прижимаясь к домам и заборам, перебежками продвигались к высокому кирпичному дому. Оттуда строчил пулемёт, держа под обстрелом сразу две улицы. Вместе мы обезвредили фашиста, но пулемётная очередь чуть-чуть меня не достала.

Летом 1944 года Уральский гвардейский добровольческий танковый корпус принял участие в наступательной операции 1-го Украинского фронта на Львовском направлении. Корпус должен был войти в прорыв и, наступая в направлении Перемышляны — Бобрка, обходя с юга и запада, не допустить отхода противника от Львова на запад и юго-запад.

Навсегда вошёл в историю подвиг экипажа танка Т-34 «Гвардия» 63-й танковой бригады. Командование поставило экипажу задачу прорваться к центру города и водрузить красный флаг на львовской ратуше. 27 июля Москва салютовала войскам за освобождение Львова. Наш корпус стал Уральско-Львовским.

12 января 1945 года ранним утром всех разбудил громовой гул: залпы «катюш», тяжёлой артиллерии. Три фронта: 1-й Белорусский, 4-й Украинский и 1-й Украинский, в составе которого был Уральский танковый корпус, начали наступление. Батальоны Челябинской бригады заняли исходные позиции. Ждали, когда артиллерия, бомбардировщики, тяжёлые танки и пехота прорвут первую линию обороны, чтобы войти в прорыв, смять вторую линию и, оказавшись в тылу врага, развивать наступление дальше. Форсировать реку Чарна Нида, захватить город Хенцины.

Под утро вышли к городу, у фашистов были «тигры», «пантеры», самоходные орудия, на улицах баррикады, каждый угловой дом — опорный пункт. Освободили город только на третий день боёв. После мы проверяли, не укрылись ли где в тёмных переулках отдельные группировки. За 9 дней боёв челябинские танкисты вместе с другими частями прорвали несколько оборонительных рубежей врага, освободили более ста населённых пунктов.

Вышли к первому немецкому городу Шильдбергу. Сопротивление оказано не было. Я впервые вошёл в немецкий дом. Недоверие жителей к солдатам явилось результатом издевательств со стороны фашистов. Но отношение солдат к немцам было куда более благосклонным. Когда переправились через Одер, войска посетил генерал Лелюшенко. Во время обсуждения очередного задания, на котором присутствовал и генерал Белов, из-за угла выбежал фашист и открыл огонь. Если бы у меня в этот момент в руках не было автомата, фашист наверняка убил бы командующего танковой армией Лелюшенко. Мне присвоили звание младший сержант и представили к ордену Красной Звезды.

Пришла весна. Готовились к наступлению на Берлин. Меня опять направили в разведчики, относил разведданные в штаб. Части наступали лесами, болотами, шли день и ночь, беря город за городом. За восемь дней корпус прошёл с боями более 300 километров, форсировав Нейсе, Шпрее. Успешно выполняя боевые задачи, Уральский корпус нанёс в Берлинском сражении огромные потери немцам.

За участие в Берлинской операции корпус был награждён орденами Суворова II степени и Кутузова II степени. Берлин капитулировал, а гитлеровские дивизии не сдавались. Население Праги восстало, но силы были неравные, повстанцы терпели поражение. В 3 часа утра 9 мая танки врываются в Прагу. Тысячи чехов выходят к дорогам, на перекрёстки. Отовсюду слышны приветствия. Слёзы радости, объятия.

За отличные боевые действия, героизм, мужество и отвагу уральских добровольцев Москва салютовала им 27 раз. Наградили медалью за освобождение Праги и Берлина. На площади города поставили советский танк, пронесший славу нашего оружия, памятник дружбы русского и чехословацкого народов.

Февраль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Власов Сергей Валентинович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Янова Владлена Ивановна

ВОЕННАЯ ЮНОСТЬ МОЯ

Я родилась 12 июня 1925 года в городе Москве. Вступила в комсомол в 1940 году.

До войны окончила в 1941 году 9 классов школы.В воскресение, 22 июня, группа спортсменов, в том числе и я, собрались у школы, чтобы ехать на соревнования по легкой атлетике в Сокольники. Но в 12 часов по радио объявили о начале войны.

В ноябре 1941 года была добровольно зачислена санитаркой во фронтовой сортировочный эвакогоспиталь №1857 в Москве (комиссар госпиталя Блинов). 6 ноября 1942 года было присвоено звание медицинской сестры.

Боевой путь: Москва (ноябрь 1941 — февраль 1943); Чебоксары (июль 1943); Калинин (лето 1943); Львов (26 июля 1944); восточный берег реки Вислы, переправа на Сандомирский плацдарм (8 января 1945); Прага (9 мая 1945).

Военные боевые действия закончила летом 1945 в городе Праге в составе дорожно-эксплуатационного батальона №114 на должности помощника командира взвода в звании младший сержант, под командованием майора Васильева.

Возвращалась с войны через города: Бреслау (лето 1945); Краков (лето 1945).

Демобилизовалась в связи с окончанием войны в городе Бреслау (июнь 1945). Место прибытия: город Мытищи (июль 1945). После демобилизации поступила в Московский лесотехнический институт.

Награды:

— орден Отечественной войны II степени;

— медаль «За освобождение Праги»;

— медаль «За освобождение Москвы».

Освобождала:

— город Сандомир (Висло-Одерская операция.12 января 1945) в составе дорожно-эксплуатационного батальона №114 под командованием майора Васильева;

— город Дрезден (май 1945) в составе дорожно-эксплуатационного батальона №114 под командованием майора Васильева;

— город Прага (9 мая 1945) в составе дорожно-эксплуатационного батальона №114 под командованием майора Васильева, в составе 3-й гвардейской танковой армии под командованием маршала бронетанковых войск П.С. Рыбалко.

В первые дни войны при авианалёте на аэродром погиб двоюродный брат Борис Теплицкий.

Остались живы родственники (после войны): мать Роза Марковна Янова, брат Борис Львович Янов.

Собственные неопубликованные произведения ветерана: воспоминания о войне « Юность комсомольская моя и вся оставшаяся жизнь». Публиковать не намерена.

* * *

12 июня 1941 года мне исполнилось 16 лет. Позади девять классов средней школы. Впереди — 10-й класс, институт и вся жизнь.

Через 10 дней в нашу жизнь ворвалась война.

На другой же день комсомольцы организовали дежурства по школе. Во время воздушных тревог мы дежурили на крыше школы, охраняя здание от зажигательных снарядов.

16 октября я направилась под Подольск на строительство оборонительных укреплений.

Когда я вернулась с оборонительных сооружений, в ноябре 1941, устроилась на работу санитаркой во фронтовой сортировочный эвакогоспиталь №1857. Летом 1942 года у нас в госпитале для санитарок открылись курсы для медсестер. 6 ноября 1942 года мне было присвоено звание медицинской сестры.

В феврале1943 года наш госпиталь, эвакуировав всех раненых и больных, в том числе и меня, свернулся и двинулся вслед за наступающими войсками. Так как я в это время была больна, меня направили на излечение в эвакогоспиталь на ст. Зеленоградская.

5 июля, по моей просьбе, военкомат направил меня в Чебоксары в учебный полк связи. В полку нас учили работать на телеграфных аппаратах и всему остальному, чему учат солдат.

Из учебного полка связи меня направили на I-й Украинский фронт. Несколько дней я пробыла в запасном полку, где распределяли по частям. У меня уже были две военные специальности: медсестра и связист. Но там срочно требовались регулировщики, и меня направили в дорожно-эксплуатационный батальон №114. Я стала регулировщицей, дежурной КПП.

26 июля 1944 года войсками I-го Украинского фронта был освобожден город Львов. Вскоре мы перешли границу Польши. В течение августа на территории Польши шли ожесточенные бои. К сентябрю положение стабилизировалось. Меня назначили начальником регулировочного поста на военных дорогах, направляющих войска в нужном направлении.

В декабре 1944 года наш пост стоял на восточном берегу Вислы, охраняя 30-тонную переправу, ведущую на Сандомирский плацдарм. Скрытно на плацдарм переправлялся весь I-й Украинский фронт. Переправа работала только ночью.

В начале января 1945 года наш батальон прикомандировали к 3-й гвардейской танковой армии (командующий Павел Семенович Рыбалко). 8 января через нашу переправу прошли последние части. Мы получили приказ перейти на западный берег Вислы.

12 января 1945 года, в 5 часов утра, по фронту длиной 40 км началась 15-минутная артподготовка. Вторая артподготовка началась в 10 часов и продолжалась 1 час 47 минут. Такого грохота я за всю войну не слышала.

Каждой регулировщице выдали схему дорог с указанием развилки, где нужно будет встать на пост. Я забралась на решетку за башней танка, там же находился пехотный десант. Взревели моторы, и лавина танков ринулась вперед. Так началась знаменитая Висло-Одерская операция.

Третья гвардейская танковая армия прошла от Вислы до Одера за 23 дня. Спать было совершенно некогда. Только остановимся, пропустим войска, и опять вперед, на запад.

В марте 1945 года наступление на I-м Украинском фронте приостановилось. Наступила так называемая пауза.

Однажды, в солнечный апрельский день, я объезжала свои посты на велосипеде. На одном из постов я оставила свой автомат, чтобы забрать его на обратном пути. До чего он мне надоел! Все бока отбил. Такая тишина стояла кругом. Зачем нужен автомат?

На трассе меня остановил какой-то офицер. Как я потом поняла, это был переодетый власовец (их было много на нашем участке). Видимо, ему нужно было средство передвижения, и он потребовал у меня велосипед. Естественно, я ему отказала. Ведь это ротное имущество! Тогда он вытащил пистолет и направил на меня, а я без оружия. Он выстрелил. Я отшатнулась, пуля пролетела мимо, только порох попал в глаза, как будто в них бросили горсть песка. Он второй раз поднял пистолет и прицелился. «Ну, вот и все, — подумала я. — Немного осталось до конца войны, а мне не дожить до этого времени. Обидно. Под столькими обстрелами и бомбежками побывала — и ни одной царапины. А тут — пуля, персонально для меня». Но мне повезло! На трассе остановилась машина, из нее выскочил офицер, вынимая на ходу наган. Власовец побежал так, что догнать его было невозможно. Офицер оставил эту попытку. Видно, он очень торопился. Сел в свою машину и уехал. Все произошло очень быстро, я даже не успела ни спасибо сказать, ни спросить его имени. А он мне жизнь спас!

Я села на велосипед и поехала в роту, почти не видя дороги. В роте наш фельдшер, Маруся Мымрина, никакой помощи мне оказать не смогла и решила отвезти меня в госпиталь, где есть глазной врач. В госпитале порох из глаз мне вынули и быстро отпустили.

2 мая 1945 года, после упорного сопротивления противника, наши войска взяли город Берлин. Большую роль во взятии Берлина сыграла 3-я гвардейская танковая армия. Это была большая победа, но война еще не кончилась.

После взятия Берлина 3-я гвардейская танковая армия перегруппировалась в районе Берлина и двинулась на Прагу в обход Дрездена. Дрезден еще не был взят.

Утром 6 мая началась последняя операция Великой Отечественной войны — Пражская. Танки, а за ними вся остальная техника, устремились на юг. Регулировщики провожали грозные машины желтыми флажками.

Часть войск оставили для взятия Дрездена. Он был взят 8 мая 1945 года. Утром 8 мая со всех сторон поднялась пальба. Мы ничего не

поняли, но вскоре приехал посыльный из батальона и сообщил: «Кончилась война!»

Мы тоже от радости начали палить в небо.

Все наши ротные офицеры уехали в батальон. Я в этот день дежурила по роте.

Вдруг я увидела падающий самолет, наш истребитель. Он упал вертикально и воткнулся в землю. Я взяла первый попавшийся мотоцикл, посадила на заднее сиденье солдата из дорожного взвода, и мы поехали к самолету. Я крикнула в кабину: «Есть кто в живых?» Летчик был жив и даже невредим. Я помогла ему выбраться из кабины на землю. Нужно было действовать скорее, пока самолет не взорвался. Но летчик меня успокоил, сказал, что все горючее он успел слить. Я оставила солдата охранять самолет и предложила летчику сесть на заднее сиденье мотоцикла. Но он пассажиром ехать не захотел и сел за руль. Я села на заднее сиденье, и мы выехали на шоссе. На трассе не было ни одной машины — все будто бы вымерло. Поехали по шоссе в надежде встретить хоть какую-нибудь попутную машину, чтобы ему добраться до аэродрома.

Я не очень примечала дорогу. В такой день я думала о возвращении домой, о маме, о дальнейшей учебе. Мы проехали город Гёрлиц и, наконец-то, за этим городом увидели машину. Она была из летной части. Летчик махнул рукой, машина остановилась, и он быстро забрался в кузов. Кто-то из сидевших в кузове забеспокоился: «А как же девушка?» Он ответил: «Она умеет, сама доедет». Я развернула мотоцикл и поехала обратно. Вот когда я пожалела, что не примечала дорогу. Въехав в Гёрлиц, я поехала наугад. Уже стемнело. Стояла тишина, нарушаемая только треском моего мотоцикла. Я никак не могла выехать на свою дорогу. Совсем было потеряв надежду выбраться из этого города, я наконец-то попала на правильную дорогу.

Когда я доехала до роты и остановилась, в баке не было ни одной капли бензина. Зато бушевал лейтенант Клюквин: «Мотоцикл угнали». Когда я ему объяснила, в чем дело и вернула мотоцикл, он не успокоился, заорал: «Под арест!» Но командир роты Митягин отменил этот приказ — ведь Победа!

Но рано мы обрадовались. Война еще не кончилась. Поздно вечером 8 мая мы получили приказ двигаться на юг, к Праге. В Чехословакии осталась не сдавшаяся, не признавшая капитуляции группировка фашистов.

Мы проехали через только что взятый город Дрезден, двинулись через Татры. По всей дороге в кюветах валялись вражеские машины

и орудия. Пересекли границу Чехословакии. Танкисты армий Рыбалко и Лелюшенко вошли в Прагу в 3 часа ночи. К 9 часам утра город был освобожден. А как нас встречали в Чехословакии! Было такое чувство, будто бы мы вернулись домой, к родным и близким людям. Особое ликование было 9 мая в Праге. За все свои почти 20 лет жизни до этого момента я такого праздника не помню.

После окончания войны наш батальон занял трассу Дрезден — Прага, а наша рота заняла участок Прага — Теплице — Шанов.

Отношение населения к нам было исключительно теплым. Например, идешь по дороге, и пройти-то нужно совсем немного. Останавливается чешская машина, водитель спрашивает: «Куда идешь?» Объясняешь, что совсем недалеко. Все равно уговорит сесть в машину и подвезет. Наперебой приглашали в гости на воскресный обед.

12 июня 1945 года по приказу командира батальона наша рота покинула братскую Чехословакию. В этот день мне исполнилось 20 лет.

Весь наш батальон собрался в одном месте — в Дрездене. Вот когда можно было, как следует, разглядеть этот город. Удивительные разрушения были там. По краям дороги аккуратно разрушены жилые дома, причем ни одна бомба не упала на мостовую.

Оказывается, это сделала американская авиация за несколько дней до окончания войны. Зачем было разрушать жилые дома в небогатых районах? Совершенно бессмысленная жестокость...

Из Дрездена наш батальон переехал в Бреслау. Там мы жили обычной военной жизнью. Ходили в наряды, мечтали о демобилизации. Очень хотелось вернуться домой к началу или, еще лучше, до начала учебного года, чтобы продолжить прерванную войной учебу.

Наконец долгожданная демобилизация! В первую очередь отпускали рядовой и сержантский состав: женщин всех возрастов, мужчин — от сорока лет и старше.

Из Бреслау пошли эшелоны с демобилизованными. Провожали нас с оркестром.

Вот и крупный последний польский город Краков. С балконов нам машут цветами. Вот и наша Государственная граница. Эшелон остановился. Мы почти что дома!

Солдаты высыпали из вагонов. Целовали землю, пограничный столб с надписью «СССР».

Мы возвращались с войны домой. Ехали по нашей измученной земле, мимо разрушенных сел и городов, видели голодные глаза детей, появлявшихся около эшелона на каждой остановке. Мы отдавали им все, что было, из продуктов.

Война кончилась! Впереди — мирная жизнь, светлая и солнечная.

Но была не только радость. Было горе от великих потерь, ценой которых нам досталась нам Победа.

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Юдин Михаил Вячеславович***, студент 1-го курса Московского авиационного института

Оргкомитет Московского отделения Академии военно-исторических наук по изданию воспоминаний о войне «От солдата до генерала» в составе:

руководителя Оргкомитета Шоля Евгения Ивановича

и членов Оргкомитета — Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

— преподавателям факультета военного обучения Московского авиционного института (государственного технического университета) — полковникам Пустовалову Геннадию Ивановичу и Четину Александру Ивановичу, подполковникам Араеву Сергею Ивановичу, Гладилину Николаю Александровичу, Дроботу Юрию Николаевичу, Корневу Олегу Ивановичу, Лопаню Александру Викторовичу, Нектарьеву Андрею Степановичу, Почуеву Сергею Анатольевичу, Шевченко Юрию Анатольевичу и Шкуратову Андрею Анатольевичу;

— преподавателям Профессионального училища № 5 г. Москвы — Миловой Ольге Владимировне и Чекалеву Владимиру Евгеньевичу.

ББК 13.5.1
О 080

О 080 **От солдата до генерала: Воспоминания о войне.** Том 2. —М.: Изд-во МАИ, 2003. — 424 с.: ил.
ISBN 5-7035-1369-3

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2003 году в рамках целевой программы Академии исторических наук.

В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 650 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню: 50 — ветеранам — авторам статей, 50 — их помощникам-студентам, 50 — преподавателям. По 4 экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России (по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации). Кроме этого, предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек президентов стран и зарубежных университетов.

Все тома размещаются на Web-странице Академии исторических наук, доступной пользователям бесплатно по сети Интернет по адресу **www.kontragent.ru/~ain** в любой точке земного шара (в том числе в любой школе, университете, войсковой части) для копирования.

Спонсор издания тома:
Гнездилов Владимир Алексеевич, генеральный директор конструкторского бюро «Мир», заслуженный конструктор Российской Федерации (www.pax.ru)

Мемуары

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 2

ИБ № 508

Подписано в печать 18.12.2003 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,64. Тираж 750 экз. Зак. 2637/1700. С.126.

Издательство МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993
Типография Издательства МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993

ISBN 5-7035-1369-3

© Академия исторических наук, 2003